

ТЕМА НОМЕРА

**Обязанность
защищать и право
быть защищенным
(в честь Года защитника
Отечества)**

АКТУАЛЬНЫЕ ПРОБЛЕМЫ РОССИЙСКОГО ПРАВА

- ✓ Свидетельство о регистрации СМИ — ПИ № ФС77-25128 от 7 мая 2014 г., ISSN 1994-1471 (Print), ISSN 2782-1862 (Online);
- ✓ издается с 2004 г., с 2013 г. — ежемесячно;
- ✓ входит в перечень ВАК России;
- ✓ включен в Российский индекс научного цитирования (РИНЦ) и Ulrich's Periodicals Directory;
- ✓ каждой статье присваивается индивидуальный международный индекс DOI;
- ✓ отдельные материалы размещаются в СПС «КонсультантПлюс» и «ГАРАНТ», электронной библиотеке «КиберЛенинка».

«Актуальные проблемы российского права» — это научно-практический юридический журнал, посвященный актуальным проблемам теории права, практике его применения, совершенствованию законодательства, а также проблемам юридического образования. Рубрики

журнала охватывают все основные отрасли права, учитывают весь спектр юридической проблематики, в том числе теории и истории государства и права, государственно-правовой, гражданско-правовой, уголовно-правовой, международно-правовой направленности. На страницах журнала размещаются экспертные заключения по знаковым судебным процессам, материалы конференций, рецензии на юридические новинки.

В журнале активно публикуются не только известные ученые и практики, но и молодые, начинающие ученые, студенты юридических вузов. Конечно, размещается большое количество материалов ведущих специалистов Университета имени О.Е. Кутафина (МГЮА), в том числе выполненных в рамках НИРов, грантов, активно публикуются победители различных конкурсов.

ВЕСТНИК УНИВЕРСИТЕТА ИМЕНИ О.Е. КУТАФИНА (МГЮА)

- ✓ Свидетельство о регистрации СМИ — ПИ № ФС77-67361 от 5 октября 2016 г., ISSN 2311-5998 (Print), ISSN 2782-6163 (Online);
- ✓ издается с 2014 г. — ежемесячно;
- ✓ входит в перечень ВАК России;
- ✓ включен в Российский индекс цитирования (РИНЦ) и Ulrich's Periodicals Directory;
- ✓ каждой статье присваивается индивидуальный международный индекс DOI;
- ✓ отдельные материалы размещаются в СПС «ГАРАНТ» и в электронной библиотеке «КиберЛенинка».

Отличие «Вестника» от журналов, издаваемых Университетом (Lex russica, «Актуальные проблемы российского права»), и от других российских периодических изданий в том, что каждый его выпуск посвящен отдельной отрасли правовых знаний, например трудовому праву и праву социального обеспечения, международному, финансовому праву и т.д.

Журнал знакомит:

- ✓ с основными направлениями развития юридической науки;
- ✓ с актуальными проблемами теории и истории права и государства;
- ✓ конкретных отраслей права; сравнительного правоведения;
- ✓ методики преподавания правовых и общегуманитарных дисциплин, а также иностранных языков в юридическом вузе;
- ✓ с правоприменительной практикой;
- ✓ с путями совершенствования российского законодательства;
- ✓ с известными российскими и зарубежными учеными, их теоретическим наследием;
- ✓ с материалами конференций и круглых столов, проведенных в Университете или с участием профессорско-преподавательского состава Университета в других российских и зарубежных научных центрах;
- ✓ с новой юридической литературой.

Журнал *Lex russica* — научный юридический журнал, посвященный фундаментальным проблемам теории права, эффективности правоприменения и совершенствованию законодательства. Миссия журнала состоит в создании открытой дискуссионной площадки для обмена актуальной научной информацией, оригинальными результатами фундаментальных и прикладных юридических исследований, подготовленных ведущими российскими и иностранными учеными, специалистами академического и экспертно-аналитического профиля.

ПРЕДСЕДАТЕЛЬ РЕДАКЦИОННОГО СОВЕТА

БЛАЖЕЕВ Виктор Владимирович — ректор Московского государственного юридического университета имени О.Е. Кутафина (МГЮА), профессор, заслуженный юрист РФ, почетный работник высшего профессионального образования РФ, почетный работник науки и техники РФ, г. Москва, Россия

ЗАМЕСТИТЕЛЬ ПРЕДСЕДАТЕЛЯ РЕДАКЦИОННОГО СОВЕТА

СИНЮКОВ Владимир Николаевич — доктор юридических наук, профессор, проректор по научно-исследовательской деятельности Московского государственного юридического университета имени О.Е. Кутафина (МГЮА), заслуженный деятель науки РФ, почетный сотрудник МВД России, г. Москва, Россия

ГЛАВНЫЙ РЕДАКТОР

ВАВИЛИН Евгений Валерьевич — доктор юридических наук, профессор, заведующий кафедрой гражданского права Московского государственного юридического университета имени О.Е. Кутафина (МГЮА), г. Москва, Россия

ЗАМЕСТИТЕЛЬ ГЛАВНОГО РЕДАКТОРА

ОСМАНОВА Диана Османовна — кандидат юридических наук, доцент кафедры гражданского права Московского государственного юридического университета имени О.Е. Кутафина (МГЮА), г. Москва, Россия

ОТВЕТСТВЕННЫЙ СЕКРЕТАРЬ

СЕВРЮГИНА Ольга Александровна — начальник отдела научно-издательской политики Научно-исследовательского института Московского государственного юридического университета имени О.Е. Кутафина (МГЮА), г. Москва, Россия

РЕДАКЦИОННЫЙ СОВЕТ

АМАТУЧЧИ Карло — доктор юридических наук, профессор коммерческого права Неаполитанского университета имени Федерико II, г. Неаполь, Италия

БЛАНДИНИ Антонио — профессор предпринимательского права Университета Федерико II, г. Неаполь, Италия, и Свободного международного университета социальных наук Гвидо Карли, г. Рим, Италия

БОНДАРЬ Николай Семенович — доктор юридических наук, профессор, судья Конституционного Суда Российской Федерации, г. Санкт-Петербург, Россия

БРИНЧУК Михаил Михайлович — доктор юридических наук, профессор, главный научный сотрудник сектора экологического, земельного и аграрного права Института государства и права Российской академии наук, г. Москва, Россия

ВААС Бернд — профессор кафедры трудового и гражданского права в рамках европейского и международного трудового права Института гражданского и коммерческого права факультета права Университета Гёте, г. Франкфурт-на-Майне, Германия

ВАН ЧЖИХУА — доктор юридических наук, профессор Китайского политико-юридического университета, заместитель председателя Научно-исследовательского института российского права при Китайском политико-юридическом университете, заместитель председателя и генеральный секретарь Ассоциации сравнительного правоведения Китая, г. Пекин, КНР

ГРАЧЕВА Елена Юрьевна — доктор юридических наук, профессор, заведующий кафедрой финансового права Московского государственного юридического университета имени О.Е. Кутафина (МГЮА), г. Москва, Россия

ДЕ ЗВААН Яап Виллем — почетный профессор права Европейского Союза Университета Эразмус, г. Роттердам, Нидерланды

ЕРШОВА Инна Владимировна — доктор юридических наук, профессор, первый проректор, заведующий кафедрой предпринимательского и корпоративного права Московского государственного юридического университета имени О.Е. Кутафина (МГЮА), г. Москва, Россия

ЖАВОРОНКОВА Наталья Григорьевна — доктор юридических наук, профессор, г. Москва, Россия

ЗОЙЛЬ Отмар — доктор права, почетный доктор права, почетный профессор Университета Paris Nanterre, г. Нантер, Франция

Журнал рекомендован Высшей аттестационной комиссией Министерства науки и высшего образования РФ для публикации основных результатов диссертаций на соискание ученой степени доктора и кандидата наук.

Журнал включен в базы данных: RSCI, Ulrich's, РГБ, Cyberleninka, Library of Congress, IPRbooks.

Материалы журнала включены в систему Российского индекса научного цитирования.

КАШКИН Сергей Юрьевич — доктор юридических наук, профессор, заведующий кафедрой интеграционного и европейского права Московского государственного юридического университета имени О.Е. Кутафина (МГЮА), г. Москва, Россия

КОЛЮШИН Евгений Иванович — доктор юридических наук, профессор, член Центральной избирательной комиссии Российской Федерации, г. Москва, Россия

КОМОРИДА Акио — профессор Университета Канагава, г. Иокогама, Япония

МАЛИНОВСКИЙ Владимир Владимирович — кандидат юридических наук, заместитель Генерального прокурора РФ, государственный советник юстиции 1 класса, г. Москва, Россия

МАНТРОВ Вадим Евгеньевич — доктор юридических наук, доцент, директор Института юридических наук юридического факультета Латвийского университета, г. Рига, Латвия

НОГО Срето — профессор Университета Джона Нейсбита, доктор юридических наук, президент Сербской королевской академии, генеральный секретарь Ассоциации международного уголовного права, вице-президент Всемирного форума по борьбе с организованной преступностью в эпоху глобализации (штаб-квартира в Пекине), г. Белград, Сербия

ПАН ДУНМЭЙ — доктор юридических наук, профессор Хэнаньского университета, почетный ученый «Хуанхэ», г. Кайфэн, КНР

ПЕТРОВА Татьяна Владиславовна — доктор юридических наук, профессор кафедры экологического и земельного права юридического факультета Московского государственного университета имени М.В.Ломоносова, г. Москва, Россия

РАРОГ Алексей Иванович — доктор юридических наук, профессор, профессор кафедры уголовного права Московского государственного юридического университета имени О.Е. Кутафина (МГЮА), г. Москва, Россия

РАССОЛОВ Илья Михайлович — доктор юридических наук, доцент, профессор кафедры информационного пра-

ва и цифровых технологий Московского государственного юридического университета имени О.Е. Кутафина (МГЮА), г. Москва, Россия

СПИРИДОНОВ Андрей Алексеевич — доктор юридических наук, академик РАН, доцент, заместитель директора департамента обеспечения регуляторной политики Правительства Российской Федерации, почетный работник Аппарата Правительства Российской Федерации, действительный государственный советник Российской Федерации 2 класса, г. Москва, Россия

СТАРОСТИН Сергей Алексеевич — доктор юридических наук, профессор, профессор кафедры административного права и процесса Московского государственного юридического университета имени О.Е. Кутафина (МГЮА), г. Москва, Россия

тер ХААР Берил — профессор и директор Центра изучения международного и европейского трудового права (CIELLS), Варшавский университет; именной профессор Европейского и сравнительного права, Гронингский университет

ТУМАНОВА Лидия Владимировна — доктор юридических наук, профессор, заведующий кафедрой судебной власти и правоохранительной деятельности юридического факультета Тверского государственного университета, г. Тверь, Россия

ХЕЛЛЬМАНН Уве — хабилитированный доктор права, профессор, заведующий кафедрой уголовного и экономического уголовного права юридического факультета Потсдамского университета, г. Потсдам, Германия

ШЕВЕЛЁВА Наталья Александровна — доктор юридических наук, профессор, и. о. заведующего кафедрой административного и финансового права юридического факультета Санкт-Петербургского государственного университета, г. Санкт-Петербург, Россия

Издается
с 1948 года

LEX RUSSICA

Научный юридический журнал

Том 78
№ 12 (229)
декабрь 2025

В журнале публикуются статьи по научным специальностям группы 5.1 «Право» (юридические науки)

5.1.1. Теоретико-исторические правовые науки.
5.1.2. Публично-правовые (государственно-правовые) науки.
5.1.3. Частно-правовые (цивилистические) науки.
5.1.4. Уголовно-правовые науки.
5.1.5. Международно-правовые науки.

РЕГИСТРАЦИЯ СМИ

Журнал зарегистрирован Федеральной службой по надзору в сфере связи, информационных технологий и массовых коммуникаций (Роскомнадзор) ПИ № ФС77-58927 от 5 августа 2014 г.

ISSN

1729-5920 (Print), 2686-7869 (Online)

ПЕРИОДИЧНОСТЬ

12 раз в год

УЧРЕДИТЕЛЬ И ИЗДАТЕЛЬ

Федеральное государственное автономное образовательное учреждение высшего образования «Московский государственный юридический университет имени О.Е. Кутафина (МГЮА)»
Садовая-Кудринская ул., д. 9, стр. 1, вн. тер. г. муниципальный округ Пресненский, г. Москва, Россия, 123242

АДРЕС РЕДАКЦИИ

Садовая-Кудринская ул., д. 9, стр. 2, г. Москва, Россия, 125993
Тел.: 8 (499) 244-88-88 (доб. 687). E-mail: lex-russica@yandex.ru

САЙТ

<https://lexrussica.msal.ru>

ПОДПИСКА И РАСПРОСТРАНЕНИЕ

Свободная цена
Журнал распространяется через объединенный каталог «Пресса России» и интернет-каталог агентства «Книга-Сервис»
Подписной индекс 11198
Подписка на журнал возможна с любого месяца

ТИПОГРАФИЯ

Отпечатано в Издательском центре
Университета имени О.Е. Кутафина (МГЮА)
Садовая-Кудринская ул., д. 9, стр. 2, г. Москва, Россия, 125993

ВЫПУСКНЫЕ ДАННЫЕ

Дата выхода в свет: 29.12.2025
Объем 20,11 усл. печ. л. (16,30 а. л.), формат 60×84/8
Тираж 150 экз. Печать цифровая. Бумага офсетная

Переводчики

Н. М. Головина, А. Н. Митрущенкова

Редакторы

Е. В. Осикина, А. В. Савкина

Корректор

В. А. Целищева

Компьютерная верстка

Д. А. Беляков

При использовании опубликованных материалов журнала ссылка на *Lex russica* обязательна.
Полная или частичная перепечатка материалов допускается только по письменному разрешению авторов статей или редакции.
Точка зрения редакции не всегда совпадает с точкой зрения авторов публикаций.

Журнал рекомендован Высшей аттестационной комиссией Министерства науки и высшего образования РФ для публикации основных результатов диссертаций на соискание ученой степени доктора и кандидата наук.
Журнал включен в базы данных: RSCI, Ulrich's, РГБ, Cyberleninka, Library of Congress, IPRbooks.
Материалы журнала включены в систему Российского индекса научного цитирования.

Lex russica Journal is a scientific legal journal devoted to fundamental problems of the theory of law, the efficiency of law enforcement, and improvement of legislation.

The mission of the Journal is to establish an open discussion platform for the exchange of relevant scientific information, true results of fundamental and applied legal research carried out by leading Russian and foreign scientists, academicians, researchers, and experts.

CHAIRPERSON OF THE COUNCIL OF EDITORS

Victor V. BLAZHEEV — Rector of Kutafin Moscow State Law University (MSAL), Professor, Merited Lawyer of the Russian Federation, Merited Worker of Higher Professional Education of the Russian Federation, Merited Worker of Science and Technology of the Russian Federation, Moscow, Russia

VICE-CHAIRPERSON OF THE COUNCIL OF EDITORS

Vladimir N. SINYUKOV — Dr. Sci. (Law), Professor, Vice-Rector for Research of Kutafin Moscow State Law University (MSAL), Merited Scholar of the Russian Federation, Merited Employee of the Internal Affairs Bodies of the Russian Federation, Moscow, Russia

CHIEF EDITOR

Evgeniy V. VAVILIN — Dr. Sci. (Law), Professor, Head of the Department of Civil Law of Kutafin Moscow State Law University (MSAL), Moscow, Russia

DEPUTY CHIEF EDITOR

Diana O. OSMANOVA — Cand. Sci. (Law), Associate Professor of the Department of Civil Law of Kutafin Moscow State Law University (MSAL), Moscow, Russia

EXECUTIVE SECRETARY

Olga A. SEVRYUGINA — Head of the Research and Publishing Policy Department of the Research Institute of Kutafin Moscow State Law University (MSAL), Moscow, Russia

COUNCIL OF EDITORS

Carlo AMATUCCI — Doctor of Law, Professor of Commercial Law of the University of Naples Federico II, Naples, Italy

Antonio BLANDINI — Professor of Corporate Law, University of Naples Federico II, Naples, Italy, and Free International University of Social Studies Guido Carli, Rome, Italy

Nikolay S. BONDAR — Dr. Sci. (Law), Professor, Judge of the Constitutional Courts of the Russian Federation, St. Petersburg, Russia

Mikhail M. BRINCHUK — Dr. Sci. (Law), Professor, Senior Fellow, Sector of Environmental, Land and Agricultural Law

of the Institute of State and Law of the Russian Academy of Sciences, Moscow, Russia

Bernd WAAS — Professor of the Chair of Labour Law and Civil Law under consideration of European and International Labour Law, Institute of Civil and Commercial Law of the Faculty of Law, Goethe University, Frankfurt am Main, Germany

WANG ZHIHUA — Doctor of Law, Professor of China University of Political Science and Law, Deputy Chairman of the Research Institute of Russian Law, China University of Political Science and Law, Vice President and Secretary General of the Association of Comparative Law of China, Beijing, China

Elena Yu. GRACHEVA — Dr. Sci. (Law), Professor, Head of the Department of Financial Law of Kutafin Moscow State Law University (MSAL), Moscow, Russia

Jaap Willem DE ZWAAN — Emeritus Professor of the Law of the European Union at Erasmus University, Rotterdam, The Netherlands

Inna V. ERSHOVA — Dr. Sci. (Law), Professor, First Vice-Rector, Head of the Department of Business and Corporate Law of Kutafin Moscow State Law University (MSAL), Moscow, Russia

Natalia G. ZHAVORONKOVA — Dr. Sci. (Law), Professor, Moscow, Russia

Otmар SEUL — Doctor of Law, Merited Doctor of Law, Emeritus Professor of the University Paris Nanterre, Nanterre, France

Sergey Yu. KASHKIN — Dr. Sci. (Law), Professor, Head of the Department of Integration and European Law of Kutafin Moscow State Law University (MSAL), Moscow, Russia

Evgeniy I. KOLYUSHIN — Dr. Sci. (Law), Professor, Member of the Central Election Committee of the Russian Federation, Moscow, Russia

Akio KOMORIDA — Professor of Kanagawa University, Yokohama, Japan

Vladimir V. MALINOVSKIY — Cand. Sci. (Law), Vice Prosecutor-General of the Russian Federation, Class 1 State Councilor of Justice, Moscow, Russia

Vadim E. MANTROV — Doctor of Law, Associate Professor, Director of the Institute of Legal Sciences at the Faculty of Law of the University of Latvia, Riga, Latvia

Sreto NOGO — Doctor of Law, Professor of John Naisbitt University, President of The Serbian Royal Academy, Secretary General of Association of International Criminal Law, Vice-President of the World Forum on fighting with organized crime in the Global Era (Headquarters in Beijing), Belgrade, Serbia

PAN DUNMEY — Doctor of Law, Professor of Henan Daxue University, «Huang He» Merited Scholar, Kaifeng, China

Tatiana V. PETROVA — Dr. Sci. (Law), Professor of the Department of Environmental and Land Law of the Law Faculty of Lomonosov Moscow State University, Moscow, Russia

Aleksey I. RAROG — Dr. Sci. (Law), Professor, Professor of the Department of Criminal Law of Kutafin Moscow State Law University (MSAL), Honorary Lawyer of the city of Moscow, Moscow, Russia

Ilya M. RASSOLOV — Dr. Sci. (Law), Associate Professor, Professor of the Department of Information Law and Digital Technologies of Kutafin Moscow State Law University (MSAL), Moscow, Russia

Andrey A. SPIRIDONOV — Dr. Sci. (Law), Academician of the Russian Academy of Natural Sciences (RANS), Associate Professor; Deputy Director, Department of Regulatory Policy

Support of the Government of the Russian Federation; Honored Worker of the Executive Office of the Government of the Russian Federation; 2nd class Actual State Councillor of the Russian Federation, Moscow, Russia

Sergey A. STAROSTIN — Dr. Sci. (Law), Professor, Professor of the Department of Administrative Law and Procedure of Kutafin Moscow State Law University (MSAL), Moscow, Russia

Beryl ter HAAR — Professor and Head of the Centre for International and European Labour Law Studies (CIELLS), University of Warsaw, and Endowed Professor European and Comparative Labour Law, University of Groningens

Lidia V. TUMANOVA — Dr. Sci. (Law), Professor, Head of the Department of the Judiciary and Law Enforcement of the Faculty of Law of the Tver State University, Tver, Russia

Uwe HELLMANN — Dr. iur. habil., Professor, Holder of the Chair of Criminal Law and Commercial Criminal Law of the Faculty of Law, University of Potsdam, Potsdam, Germany

Natalia A. SHEVELEVA — Dr. Sci. (Law), Professor, Acting Head of the Department of Administrative and Financial Law of the Law Faculty of the St. Petersburg State University, St. Petersburg, Russia

Published
in 1948

LEX RUSSICA
Scientific Journal of Law

Vol. 78
№ 12 (229)
December 2025

**The Journal publishes research papers
written on scientific specialties
of Group 5.1 «Law»
(Legal Sciences)**

5.1.1. Theory and History of Law.
5.1.2. Public Law and State Law.
5.1.3. Private Law (Civil Law).
5.1.4. Criminal Law.
5.1.5. International Law.

**THE CERTIFICATE
OF MASS MEDIA REGISTRATION**

The journal was registered by the Federal Service for Supervision of Communications, Information Technology and Mass Media (Roskomnadzor) on 5 August 2014. The Certificate of Mass Media Registration: PI No. FS77-58927

ISSN

1729-5920 (Print), 2686-7869 (Online)

PUBLICATION FREQUENCY

12 issues per year

FOUNDER AND PUBLISHER

Federal State Autonomous Educational Institution of Higher Education
“Kutafin Moscow State Law University (MSAL)”
Sadovaya-Kudrinskaya ul., d. 9, str. 1,
Presnensky intra-urb.ter. municipal district, Moscow, Russia, 123242

EDITORIAL OFFICE. POSTAL ADDRESS

Sadovaya-Kudrinskaya ul., d. 9, str. 2, Moscow, Russia, 125993
Tel.: +7 (499) 244-88-88 (ext. 687). E-mail: lex-russica@yandex.ru

WEB-SITE

<https://lexrussica.msal.ru>

SUBSCRIPTION AND DISTRIBUTION

Free price
The journal is distributed through “Press of Russia” joint catalogue
and the Internet catalogue of “Kniga-Servis” Agency
Subscription index: 11198
Journal subscription is possible from any month

PRINTING HOUSE

Printed in Publishing Center of Kutafin Moscow State Law University
(MSAL)
Sadovaya-Kudrinskaya ul., d. 9, str. 2, Moscow, Russia, 125993

SIGNED FOR PRINTING

29.12.2025
Volume: 20,11 conventional printer's sheets (16,30 author's sheets),
format: 60×84/8
An edition of 150 copies. Digital printing. Offset paper

Translators

N. M. Golovina, A. N. Mitrushchenkova

Editors

E. V. Osikina, A. V. Savkina

Proof-reader

V. A. Tselishcheva

Computer layout

D. A. Belyakov

When using published materials of the journal, reference to *Lex russica* is obligatory.
Full or partial use of materials is allowed only with the written permission of the authors or editors.
The point of view of the Editorial Board may not coincide with the point of view of the authors
of publications.

Recommended by the Higher Attestation Commission of the Ministry of Science and Higher Education
of the Russian Federation for publication of results of doctoral theses.
The Journal is included in RSCI, Ulrich's, RSL, Cyberleninka, Library of Congress, IPRbooks databases.
Materials included in the journal Russian Science Citation Index.

СОДЕРЖАНИЕ

ПРИВЕТСТВЕННОЕ СЛОВО

Приветственное слово главного редактора Е. В. Вавилина	9
--	---

ТЕМА НОМЕРА

Кабышев С. В. Диалектика права и силы в контексте современных вызовов и российского социокультурного опыта	10
Каримов Р. Р., Шагимуратова З. А., Каримова Г. Ю. Функционирование системы социального обеспечения сотрудников органов внутренних дел в России	18
Воронов А. А., Кулакова Н. Г. Организационно-правовые аспекты повышения эффективности взаимодействия судебной системы с правоохранительными и правозащитными институтами в условиях цифровой трансформации	29
Зайкова С. Н., Стародубов А. А. Административно-правовой статус инспекторов комиссий по делам несовершеннолетних и защите их прав (по материалам обобщения региональной практики)	40
Белова Д. А. Правовые проблемы интеграции предметов материального мира и физического лица в механизме реализации правосубъектности	54
Титов П. М. Подсудность и порядок рассмотрения судами материалов, связанных с проведением оперативно-розыскных мероприятий	64
Бирюкова О. В. Деятельность военных трибуналов войск НКВД в годы Великой Отечественной войны (1941–1945 гг.) (на примере Кемеровской области)	77

ЧАСТНОЕ ПРАВО / JUS PRIVATUM

Мартыанова Г. В., Хакимов Р. М., Черкашина Н. В. Правовое регулирование содействия занятости и трудоустройства инвалидов и практика их реализации в свете изменений законодательства Российской Федерации	86
Чеховская С. А. Способы реализации правосубъектности в цифровой предпринимательской среде	102

ПУБЛИЧНОЕ ПРАВО / JUS PUBLICUM

Шмалый О. В., Пресняков М. В., Чаннов С. Е. Отстранение от должности как обеспечительная мера по делам о привлечении к ответственности служащих за коррупционные правонарушения	118
--	-----

СРАВНИТЕЛЬНО-ПРАВОВЫЕ ИССЛЕДОВАНИЯ / COMPARATIVE STUDIES

Колобов Р. Ю. Взаимодействие национальных и международных природоохранных мер на порайонной основе (на примере объектов всемирного природного наследия)	128
--	-----

МЕЖДУНАРОДНОЕ ПРАВО / JUS GENTIUM

Ануфриева Л. П. Российская судебная доктрина применения принципов и норм международного права	148
--	-----

ТЕОРИЯ ПРАВА / THEORIA LEX

Малюгин С. В. Юридическая идея в истории учений о государстве и праве: понятие, место и значение	163
---	-----

CONTENTS

WELCOME EDITORIAL

Evgeniy V. Vavilin: Welcome Editorial from the Editor-in-Chief	9
--	---

ISSUE THEME

Kabyshev S. V. Dialectics of Law and Coercion in the Context of Contemporary Challenges and the Russian Socio-Cultural Experience	10
Karimov R. R., Shagimuratova Z. A., Karimova G. Yu. Functioning of the Social Security System for Russian Internal Affairs Employees	18
Voronov A. A., Kulakova N. G. Organizational and Legal Mechanisms for Enhancing the Efficiency of Interaction between the Judicial System, Law Enforcement, and Human Rights Institutions in the Context of Digital Transformation	29
Zaikova S. N., Starodubov A. A. An Administrative Law Status of Inspectors for Juvenile Affairs Commissions and Protection of Their Rights (Based on Regional Practice Analysis)	40
Belova D. A. Legal Challenges in the Integration of Material Objects and Individuals within the Mechanism of Legal Personality	54
Titov P. M. Jurisdictional and Procedural Aspects of Judicial Consideration of Materials Related to Operational-Search (Investigative) Measures	64
Biryukova O. V. Activities of the NKVD Military Tribunals during the Great Patriotic War (1941–1945): A Case Study of the Kemerovo Region	77

PRIVATE LAW / JUS PRIVATUM

Martyanova G. V., Khakimov R. M., Cherkashina N. V. Legal Regulation of Employment Promotion and Employment of Persons with Disabilities and the Practice of Implementation in the Light of Changes in the Legislation of the Russian Federation	86
Chekhovskaya S. A. Methods of Exercising Legal Personality in the Digital Entrepreneurial Environment	102

PUBLIC LAW / JUS PUBLICUM

Shmaliy O. V., Presnyakov M. V., Channov S. E. Suspension from Office as an Interim Measure in Cases Involving the Prosecution of Employees for Corruption Offenses	118
--	-----

COMPARATIVE LEGAL STUDIES / COMPARATIVE STUDIES

Kolobov R. Yu. Interaction of National and International Environmental Protection Policies on a District-by-District Basis (As in the Case of World Natural Heritage Sites)	128
--	-----

INTERNATIONAL LAW / JUS GENTIUM

Anufrieva L. P. The Russian Judicial Doctrine on the Application of the Principles and Rules of International Law	148
--	-----

THEORY OF LAW / THEORIA LEX

Malyugin S. V. The Legal Idea in the History of the Teachings of the State and Law: Concept, Place and Meaning	163
---	-----

ПРИВЕТСТВЕННОЕ СЛОВО

Дорогие читатели журнала *Lex russica*!

Подходит к концу очередной календарный год, а значит, пора подводить итоги работы нашего журнала.

В этом году было опубликовано множество прекрасных работ, затронуто и исследовано безмерное количество актуальных, насущных правовых проблем и предложено не меньше оригинальных и новаторских решений.

К числу интереснейших научных исследований, которые были опубликованы на страницах нашего журнала, в частности, можно отнести статьи: А. В. Корнева, В. В. Лазарева «Телеологические и теологические смыслы развития российского права», Л. Ю. Василевской «Цифровизация объектов гражданского оборота: от трансформации к новым правовым режимам», С. В. Кабышева «Биологические (биоресурсные) коллекции в конституционном измерении», И. В. Ершовой, Е. В. Трофимова «Дифференциация и трансфер специального правового режима малого и среднего предпринимательства как способ обеспечения структурных изменений российской экономики», А. И. Абдуллина, М. Ю. Воронина, А. В. Габова, Е. Ю. Грачевой, А. В. Корнева, Б. В. Россинского «Актуальные проблемы формирования номенклатуры научных специальностей по праву», Е. К. Нечаевой «Развитие правового регулирования синтетической биологии: интеграционно-правовой аспект», Д. В. Ломакина «Влияние внешнего политического фактора на развитие правоприменительной практики», И. В. Чечель-

ницкого «Институт уполномоченных по правам человека: пути повышения эффективности функционирования в современных условиях», И. С. Шиткиной «Значение судебной практики в российском правовом порядке: критический анализ судебных актов по корпоративным спорам», О. А. Беляевой «Государственный оборонный заказ: аспекты совершенствования правовой регламентации сопровождаемых сделок».

Завершающий номер нашего журнала по недавно сложившейся традиции посвящен тематике соответствующего года, а 2025 год объявлен Годом защитника Отечества.

Лица, которые стоят на страже правопорядка, неукоснительно и бессленно заняты охраной и защитой прав и свобод каждого человека на территории нашей обширной и прекрасной страны, не меньше остальных нуждаются в правовой защите их собственных интересов.

Мы намеренно собрали в текущем номере работы, посвященные правовой защите всех субъектов, чья профессиональная и трудовая деятельность сосредоточена на обеспечении законности, соблюдении прав и основных свобод всех, кто в этом нуждается, а потому любое лицо, которое трудится на данном поприще, является защитником Отечества.

Надеемся, уважаемые читатели, что текущий номер не только принесет Вам удовольствие от прочтения, но и позволит вновь поблагодарить всех тех, кто каждый день занят столь важным и сложным делом.

*С уважением,
главный редактор журнала
Евгений Валерьевич Вавилин*

ТЕМА НОМЕРА

DOI: 10.17803/1729-5920.2025.229.12.010-017

С. В. Кабышев

Государственная Дума Федерального Собрания Российской Федерации
г. Москва, Российская Федерация

Диалектика права и силы в контексте современных вызовов и российского социокультурного опыта

Резюме. В статье исследуется центральная проблема современности — диалектическое соотношение права и силы. Автор критикует либеральную парадигму, которая редуцирует данное соотношение к оппозиции (антагонизму), сводя (в конечном счете) право к инструменту защиты индивидуальной свободы, а силу — к угрозе. Такой подход, по мнению автора, ведет к кризису правопонимания, разрыву между формальным законом и глубинными правовыми устоями, а также утрате государством субъектности и коллективных целей. В противовес этому предлагается рассмотреть право и силу как взаимозависимые начала: право нуждается в силе для обеспечения своей исполнимости, а сила — в праве для своей легитимации. Ключ к их гармоничному синтезу автор видит в учете национального социокультурного контекста. На примере российской традиции демонстрируется модель правового овладения силой, где право призвано не просто ограничивать власть, но и одухотворять ее, подчиняя высшим идеалам правды, справедливости и общего блага, укорененным в коллективном историческом опыте. Основной вывод заключается в том, что сила российского права зависит от его укорененности в национальной идентичности и традиционных ценностях, что требует соответствующей трансформации юридического образования и правовой доктрины.

Ключевые слова: право; сила; социокультурная идентичность; традиционные духовно-нравственные ценности

Для цитирования: Кабышев С. В. Диалектика права и силы в контексте современных вызовов и российского социокультурного опыта. *Lex russica*. 2025. Т. 78. № 12. С. 10–17. DOI: 10.17803/1729-5920.2025.229.12.010-017

Dialectics of Law and Coercion in the Context of Contemporary Challenges and the Russian Socio-Cultural Experience

Sergey V. Kabyshev

State Duma of the Federal Assembly of the Russian Federation
Moscow, Russian Federation

Abstract. The paper examines a central issue of contemporary discourse — the dialectical relationship between law and coercion. The author criticizes the liberal paradigm that reduces this relationship to a binary opposition (antagonism), ultimately describing law as an instrument for safeguarding individual liberty and coercion as a threat. In the author's view, such an approach leads to a crisis in legal understanding, a disjunction between formal legislation and the deeper foundations of law, as well as a loss of state subjectivity and collective purpose. Conversely, the author advances the view that law and coercion constitute interdependent principles: law necessitates coercion to secure its enforceability, whereas coercion necessitates law to confer legitimacy upon its application. The key to their harmonious synthesis, according to the author, lies in taking into account the national socio-cultural context. Using the Russian tradition as an example, the author elucidates the model of «law mastery over coercion», in which law is intended not merely to limit coercion, but to imbue it with higher

© Кабышев С. В., 2025

ideals of truth, justice, and the common good, rooted in the collective historical experience. The main conclusion is that the strength of Russian law depends on its rootedness in national identity and traditional values, which necessitates a corresponding transformation of legal education and legal doctrine.

Keywords: law, coercion, socio-cultural identity, traditional право; сила; социокультурная идентичность; traditional spiritual and moral values

Cite as: Kabyshev SV. Dialectics of Law and Coercion in the Context of Contemporary Challenges and the Russian Socio-Cultural Experience. *Lex russica*. 2025;78(12):10-17. (In Russ.). DOI: 10.17803/1729-5920.2025.229.12.010-017

Право и сила: центральная проблема современной политико-правовой жизни

Соотношение права и силы представляет собой центральную и всё более усложняющуюся проблему современной политико-правовой жизни, которой определяются подходы к пониманию и легитимности власти, целям и границам свободы и самой природе социального порядка. Происходящие в глобальном масштабе стремительные изменения ведут к отставанию права, не успевающего ухватить тенденции современности в своем категориальном аппарате и испытывающего серьезные сложности в сфере прогнозирования, что порождает обширные ареалы правового дефицита, заполняемые неправовыми (произвольно-силовыми) регуляторами. Охарактеризовав более 10 лет назад эту ситуацию как «концептуальный шок» перед лицом «турбулентно-хаотической реальности», В. Д. Зорькин обратил внимание на возрастающую потребность в системном переосмыслении национальных и международных правовых систем с позиции философии права в его актуальном, динамическом соотношении с силой¹. Однако и сегодня, в куда более решительно требующих этого условиях, данный рубеж остается не взятым современной отечественной юриспруденцией, которая в целом всё еще находится на дальних подступах к нему. Обостряемая сжатием исторического времени и умножением глобальной неопределенности, данная проблематика проявляется не только в геостратегическом измерении права. Она обнажает разноплановые процессы ценностно-мировоззренческой дезориентации, свойственные не одной лишь российской правовой доктрине в условиях краха универсалистской парадигмы «конца истории» и глубинных структурных противоречий, присутствующих доминировавшей долгое время либеральной концепции.

Идея о конечной победе либеральной демократии как единственной легитимной модели, требующей лишь технического распространения институтов, оказалась иллюзией, прикрывающей политико-идеологический и экономический экспансионизм. Последующие попытки Ф. Фукуямы выйти из положения за счет технократической интерпретации категории сильного государства² не сняли, а усугубили эту тенденцию. Предложенный им подход, в соответствии с которым государство следует квалифицировать как сильное в аспекте качества его институтов, обеспечивающих эффективное и легитимное исполнение законов, тогда как расширение сферы его влияния становится оправданным по мере их роста и укрепления, может показаться нейтральным с точки зрения самого состава реализуемых государством задач.

В действительности соответствующее видение сильного государства практически неотделимо от набора институтов, выросших из западного опыта. За этим скрываются всё тот же нормативный универсализм и европоцентризм, и фактическое увязывание сильной государственности (с признанием именно за ней обоснованной широты охвата сфер влияния) с «успешными» западными демократиями явно ориентирует на иерархию государств, где находящиеся «внизу» так называемые неудавшиеся или слабые государства могут претендовать на нечто большее, только если сообразуются с соответствующей морально-политической идентичностью. Логика «ваши институты слабы, мы поможем вам построить сильные (читай: наши)» отражает цели легитимации неокolonialного вмешательства, игнорирует суверенное равенство и подразумевает насаждение чуждых моделей.

Понимаемое таким образом «сильное государство» оказывается, по существу, карликом в стратегическом отношении, менеджером ин-

¹ Зорькин В. Д. Право силы и сила права // Судья. 2015. № 8. С. 49–59.

² Фукуяма Ф. Сильное государство: Управление и мировой порядок в XXI веке. М.: АСТ, 2006.

дивидуальных интересов, неспособным (и не стремящимся) выступать как полноправный цивилизационный субъект, утверждающий содержательные коллективные цели, что ведет к кризису его субъектности. Произвольно возводя индивидуальную автономию в абсолютный и первичный принцип и систематически подчиняя ему ценности солидарности, традиции и общего блага, такое государство, с одной стороны, отказывается от роли выразителя коллективной исторической воли и нравственного ориентира, но, с другой стороны, неизбежно воплощает и реализует тот возрастающий объем морально индифферентной силы (различных форм контроля и принуждения), который необходим для утверждения переменчивых форм личной идентичности и насаждения толерантности к ним.

С этим связан кризис правовой формы: разрыв между формальной, позитивной законностью (легальностью), основанной на процедурно корректно принятых нормах, и подлинными правовыми устоями (правом в его культурно-онтологическом смысле), укорененными в историческом опыте, этических императивах, социально-коллективной идентичности народа. Право, редуцированное до закона как инструмента для защиты индивидуального выбора и интересов, теряет связь с фундаментальными представлениями о справедливости, долге и истине, разделяемыми обществом, становится внешним регламентом, а не внутренним императивом жизни людей, что ведет к его отчуждению, падению авторитета и, как следствие, росту силы как единственного в конечном счете аргумента в ситуациях, где закон, по сути, перестает быть выражением общей воли.

Образуемый в условиях рационально-индивидуалистической западной парадигмы ценностный вакуум и отрицание присущей государству коллективной субъектности на национальном уровне проецируются на глобальную сферу, где обретает новую актуальность отмеченное С. Хантингтоном «столкновение цивилизаций». Дефицит общего нормативного языка и взаимного доверия между государствами, представляющими собой крупные социокультурные целостности, приводит к тому, что сила лишается единого для всех легитимирующего основания, применяется в одностороннем порядке. Однако ошибочно видеть в

этом конфликте лишь столкновение традиции и современности. Речь идет о конфликте различных проектов современности, каждый из которых предлагает свое видение соотношения права, силы, общего блага. Данное противоречие находит концентрированное выражение в концепции миропорядка, основанного на правилах, которая стала ключевой доктриной западной внешней политики и несет в себе фундаментальный конфликтный потенциал³.

Порядок, основанный на правилах, не только не когерентен международному праву, но и выступает по отношению к нему как антитеза. Если международное право является согласованным выражением воли равноправных суверенных государств, то указанный порядок зиждется на нормах и стандартах, формируемых и интерпретируемых ограниченной группой государств, считающих себя хранителями этих правил в силу своего превосходства, проистекающего из уникального цивилизационного или политического статуса. Таким образом, допустимость применения силы определяется не тем, соответствует ли оно общепризнанному праву, а соответствием партикулярным правилам, толкование которых становится инструментом доминирования. Эта система институционализирует неравенство, возводя произвольное право сильнейшего в ранг юридической и моральной легитимности.

Как видим, диалектика права и силы проходит через период острых коллизий, выражающихся в системном кризисе правопонимания, сложившегося под воздействием идеологической и фактической экспансии либеральной модели, включая такие его измерения, как антропологический и ценностный кризис (абсолютизация индивидуальной свободы, подрывающая основы коллективной субъектности государства), цивилизационный кризис легитимации (отрицание ценности нелиберальных политико-правовых моделей), внутренний правовой кризис (разрыв между формальным законом и глубинными правовыми устоями на национальном уровне, который лишает право его духовно-интегрирующей функции). Данные коллизии выходят далеко за пределы того, что можно было бы свести к дилемме между правом и произвольно-насильственным принуждением, притом что и сам характер силы, насилия сегодня подвергается значительным качествен-

³ Нефедов Б. И. Когда и почему возникла доктрина «Международный порядок, основанный на правилах» // Московский журнал международного права. 2024. № 3. С. 6–16.

ным изменениям, приобретает новые, нефизические и гибридные, формы.

При небывалой разветвленности, детализации, всепроникающем характере и формальной развитости современного права существует парадоксальная двойственность, когда точки напряжения возникают и множатся на уровне осознания ценности и преимуществ самой по себе правовой силы. Хотя ценность права никак не отрицается напрямую, оно находится сегодня в условиях умножающихся неопределенностей и разноуровневых конфликтов, под серьезной угрозой вытеснения или подмены неправовыми интерпретациями и практиками.

Требуют глубокого осмысления вопросы, связанные с пониманием современных источников формирования, выражения и обеспечения силы права: и сквозь призму соотношения правопорядков — международного, регионального, национального; и в аспекте взаимосвязей и коллизий между силой права и моральной, религиозной, экономической, корпоративной и иной силой; и в плане преодоления существующих различий в понимании того, из чего исходит сила права, характерных для разных отраслей российского права, в укрупненном виде — для отраслевых сегментов публичного и частного права. Стремительное развитие технологий (искусственный интеллект, киберпространство, биотехнологии) порождает новые формы силы, которые часто претендуют на автономию от традиционных правовых систем и создают вызовы в области суверенитета, приватности и человеческой идентичности.

Существует также масса других вопросов, в том числе относящихся к форме права, которые играют значительную роль в определении силы или, напротив, бессилия права, например вопросы о структурной целостности и лингвистической доступности права, технизации (технично-технологической детерминации) права под воздействием потребностей научно-технологического прогресса, распространении специальных (экспериментальных) правовых режимов и т.п.

Оставив в стороне многочисленные детали, особое внимание нужно уделить выяснению влияния на силу права методологического релятивизма, получившего широкое распространение в отечественной юриспруденции. В самом деле, можем ли мы рассчитывать на то, что право удержит свои регулятивные позиции, если встаем на путь экономического анализа права и, по сути, подменяем стремление к поиску

добра и справедливости расчетом прибыли и убытков? Есть ли шанс сохранить социально-гуманистическое ядро правопонимания и социальную ценность права, если поддадимся искушению его технизации, ведущей в конечном итоге к трансгуманизму?

От антагонизма к диалектике:

право и сила как взаимозависимые начала

Либеральная парадигма, восходящая к Гоббсу, Локку и Веберу, склонна рассматривать силу как изначальную угрозу, которую право призвано ограничить и обуздать, дабы обеспечить безопасность и автономию индивида. В этой логике право выступает сторожем, устанавливающим процедурные рамки для применения легитимного насилия со стороны государства. Однако такой подход рискует редуцировать сложность взаимоотношений этих двух начал до неплодотворной оппозиции.

Прежде всего, в качестве отправного пункта рассуждений важно зафиксировать достаточно очевидное. Право как таковое объективно нуждается в силе, а если говорить точнее, то в публично-властной силе, которая придает ему необходимо-всеобщую форму и исполнимость, обеспечивает за счет принудительного подкрепления реализацию правового регулирования. Неоправданное ослабление или тем более исчезновение силового публично-властного фактора может привести к деградации формального равенства и породить такие одинаково опасные угрозы, как, с одной стороны, декларативность, несбыточность, неосуществимость свободы, а с другой — оголтелость свободы, ее самодовлеющий и разрушительный характер.

Следствием дефицита силового публично-властного фактора являются не только дефекты в механизме действия права, но и риски эрозии самой его сущности. Потому что право объективно требует не просто признания, а соблюдения определенной, равной для всех меры свободы и применения связанных с этим мер выравнивания, чтобы обеспечить справедливые и равные условия пользования правами и свободами. Право же, лишенное публично-властного подкрепления, может превратиться либо в пустышку, либо в произвол, в право партикулярной, кулачной силы. Право мертво, отмечает Г. М. Вельяминов, если исполнение его не обеспечивается принудительно, а сво-

бода вне права — не свобода, но беспредел, анархия, несправедливость; правовые нормы — только те, которые в той или иной форме «освящены» государственной властью и таким образом и обеспечивают, и ограничивают свободу в рамках права⁴. Вместе с тем абсолютизация фактора силы при неизбежно существующих тенденциях к росту власти сама по себе создает угрозы для права. Под воздействием доминирования силы право может приобретать черты сугубо инструментального характера, т.е. превращаться в придаток и средство реализации любой политической воли и целесообразности. В этом плане требует глубокого осмысления тезис о том, что суть правового государства состоит в таком соединении силы с правом, которое обеспечивает власть права на всем пространстве действия Конституции⁵.

Разрешение коллизий, возникающих в диалектике права и силы, не может быть достигнуто за счет механического подавления одного начала другим. Представление о сущностном антагонизме права и силы — контрпродуктивная абстракция. В действительности такая ситуация есть социальная утопия или, напротив, описание тоталитарного хаоса. Произвольное нивелирование силы ведет к беспомощности права перед лицом новых угроз, тогда как отрицание права в пользу «эффективной» силы возвращает к архаике насилия. Принципиально важно и то, что сама сила в своем стремлении к устойчивости и легитимности остро нуждается в праве, требует нормативного оправдания, оформления в формы закона, которые трансформируют силу в обоснованное и признаваемое принуждение. Необходим продуктивный синтез, учитывающий и усложняющий понимание самой силы, которая сегодня всё реже сводится к вульгарному физическому насилию, проявляясь скорее как технологическое, экономическое, информационное могущество.

Вопросы диалектики права и силы должны решаться не в абстрактно-отвлеченном виде, а на конкретно-национальной основе, с учетом специфики социокультурной среды. Более того, есть все основания полагать, что учет или игнорирование национальных социокультурных традиций — это ключевой фактор, который

либо усугубляет дилемму между силой права и правом силы, либо служит механизмом ее смягчения и нахождения баланса. Иными словами, социокультурный аспект образует, по существу, центральную ось, вокруг которой вращается весь конфликт. Если право (особенно в его универсалистской, либеральной трактовке) так или иначе навязывается извне, оно воспринимается как чуждая (или даже колониальная) сила, которая не обладает социальной легитимностью, порождает сопротивление и нигилизм, своего рода дуальную нормативность, когда при формальном соблюдении закона фактическое регулятивное и юрисдикционное воздействие осуществляется через неформальные, неофициальные институты.

Следует согласиться с тем, что в современных геополитических реалиях, трансформация которых идет по пути формирования конкурирующих в глобальном пространстве крупных цивилизационных образований, свои претензии на самостоятельное место в этом пространстве смогут подтвердить лишь те мировые игроки, которые сумеют возродить сакральные основы своей цивилизационной идентичности и продемонстрировать их конструктивный потенциал⁶. Напротив, во многом именно резкое ослабление, игнорирование социокультурного фактора и национальных традиций в правовом понимании, подрывающее представления о справедливости позитивного права, ведет, как мы могли наблюдать в конце прошлого века, к росту сепаратизма и претензиям на конкурирующую роль квазигосударственных (либо антиправовых) институтов.

Российский социокультурный опыт: правовое овладение силой на основе традиционных ценностей

В поиске ответов на современные вызовы российской интеллектуальная и политико-правовая традиция предлагает уникальный опыт решения задачи сопряжения права и силы. Примечателен факт такого сопряжения уже в самом языке: власть — «право, сила и воля над чем-либо, свобода действий и распоряжений; начальствова-

⁴ Вельяминов Г. М. Международное право: опыты. М. : Статут, 2015. С. 168.

⁵ Зорькин В. Д. Лекции о праве и государстве. СПб. : Конституционный Суд РФ, 2024. С. 74.

⁶ Лапаева В. В. Перспективы становления российского государства-цивилизации в фокусе философско-правового подхода // Государство и право. 2025. № 12. С. 9.

ние, управление»⁷; право — «данная кем-либо или признанная обычаем власть, сила, воля, свобода действия; власть и воля в условных пределах»⁸.

В отличие от западной модели, где акцент сделан прежде всего на ограничении, отечественная мысль исторически развивала идею **правового овладения силой**. Суть этого подхода заключается в том, что право призвано не просто сдерживать государственную мощь, но и одухотворять ее, превращая в инструмент достижения высших коллективных целей, будь то воплощение социальной справедливости, защита цивилизационной идентичности или нравственное преобразование общества. Эта парадигма предполагает неразрывную связь силы с содержательным идеалом правды и справедливости. Сила легитимна не ввиду одной лишь формальной легальности, а постольку, поскольку служит этому идеалу. Представляет интерес предложенная В. В. Лазаревым национально-контекстная трактовка конституционализма, для которого связывание (ограничение) власти — не единственная и не самая главная цель, но который призван также дать возможности для свободного и творческого осуществления власти, чтобы обеспечивалось комфортное, свободное и безопасное осуществление жизненно важных функций человека и общества⁹. Право в таком понимании не просто включает в себя силу и придает ей легитимность, но и дисциплинирует ее в духовно-нравственном качестве.

Так, И. А. Ильин, первоначально разграничив в методологическом плане право и силу как принадлежащие к индифферентным категориальным рядам (идеально должного и социологически сущего)¹⁰, в дальнейшем философски синтезировал их в работах «О сущности правосознания»¹¹ и «О сопротивлении злу силой»¹², связав сущность права прежде всего с духом правоты, справедливости, постижение которого делает право творческой жизненной силой, оформленной в объективной норме, а силу, соответственно, представив как необходимое

«тело», без которого право как живой социальный институт существовать не может.

Стоит подчеркнуть, что в советской юридической доктрине зрелого периода само по себе право раскрывалось как преобразующая сила, направляемая научно познанными историческими закономерностями и призванная возвысить нового человека в прогрессивном обществе. Это уникальная задача, обозначающая радикальный разрыв с либеральной трактовкой, но в то же время корреспондирующая с традицией, когда право должно было нравственно облагородить общество, наполнить свободу позитивным смыслом. Если отбросить в сторону политико-идеологические аспекты, не будет большим преувеличением сказать, что советское право как таковое (а в не отдельных отраслевых компонентах) служило правом научно-исторического прогресса.

В этом плане ключевой вызов, стоящий перед современной российской юриспруденцией, сводится к достижению того, чтобы в доктринальном, регулятивном и собственно прикладном плане российское право в полной мере обрело свои культурные корни и тем самым окрепло и усилилось на национальных основаниях. Учет традиций — не уступка архаике, а стратегия укоренения права в национальной почве, что является, по существу, единственно прочным фундаментом для его силы. Это требует концентрации всей юриспруденции как на общетеоретическом и конституционно-правовом уровне, так и в межотраслевом разрезе.

Говоря иначе, вопрос силы российского права — это вопрос идентичности национальной правовой системы, которая находится в преемственном развитии. Поэтому было бы ошибкой решать его путем разделения традиционных и модернистских ценностей и категорий российского права с последующим поиском между ними приемлемого равновесия, компромисса. Например, вряд ли конструктивно противопоставлять в указанном контексте ценность индивидуальной автономии человека и ценность единения российской государственности на

⁷ Даль В. И. Толковый словарь живого великорусского языка. М. : Тип. А. Семена, 1863. Ч. 1. С. 188.

⁸ Даль В. И. Указ. соч. С. 343.

⁹ Лазарев В. В. Об интегративном понимании конституционализма // Журнал российского права. 2023. № 6. С. 39–53.

¹⁰ Ильин И. А. Понятие права и силы (опыт методологического анализа). М. : Типо-лит. т-ва «И. Н. Кушнерев и К», 1910.

¹¹ Ильин И. А. О сущности правосознания. М. : Рарогъ, 1993.

¹² Ильин И. А. О сопротивлении злу силой. М. : Русская книга, 1996.

основе традиционных духовно-нравственных идеалов. Традиционные духовно-нравственные ценности не могут рассматриваться как изолированный фактор публично-социальных отношений, не присутствующий в правовой жизни человека, действующего в приватной сфере. Ведь речь идет об установках правосознания, о ценностно-мировоззренческих категориях, которые пронизывают всю правовую жизнь, все ее составляющие.

Другое дело — как, в каком виде мы воспринимаем соответствующие традиции сегодня. И разумеется, речь не может идти о пассивном следовании их интерпретации, сложившейся на том или ином историческом этапе в прошлом. Традиция представляет собой живое явление и потому подразумевает разумную адаптацию через конституционный диалог с прошлым. Необходимо не копирование того, что было, а восприятие существа нормативного подхода, служащего целям социальной гармонии и согласия, укреплению российской государственности с учетом существующих стратегических приоритетов.

Таким образом, российский опыт демонстрирует, что плодотворный синтез права и силы возможен не через их противопоставление, а через подчинение силы высшему нормативному содержанию, укорененному в национальной культурной традиции и коллективном историческом выборе. Данный путь служит альтернативой как чистому правовому идеализму, так и силовому прагматизму, предлагая модель, в которой право выступает смыслом, а сила — его ответственной и легитимной реализацией.

Особое значение имеет последовательная интеграция цивилизационного подхода в содержание юридического образования, призванная раскрыть уникальность и органичность российского исторического пути, культурного кода и системы ценностей и на этой основе показать, что российское право не является калькой каких-либо зарубежных моделей, а имеет собственные естественные предпосылки и основания.

Требуется существенного усиления как по объему, так и по качеству комплекс фундаментальных юридических дисциплин, включающих философию, теорию и историю права и государства, а также отечественное конституционное право. В рамках этого блока, определяющего и закладывающего суть профессионального правопонимания и национального юридического мировоззрения, должны осуществляться в единой связи апологическая функция в части обоснования собственных ценностей российской правовой системы, базирующейся на идеях правды и справедливости, и одновременно критическая функция, в особенности по отношению к рационально-индивидуалистическим типам правопонимания. Очевидно, необходимо уделить внимание критике концепции так называемого естественного права как якобы универсальной. Между тем для отечественного правопонимания всегда была характерна взаимосвязь понимания права с долгом, служением и общей правдой, что не ставит под сомнение важность индивидуального начала, но определяет его позитивно-смысловую и социальную направленность.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

- Вельяминов Г. М. Международное право: опыты. М. : Статут, 2015. 1006 с.
- Зорькин В. Д. Лекции о праве и государстве. СПб. : Конституционный Суд РФ, 2024. 352 с.
- Зорькин В. Д. Право силы и сила права // Судья. 2015. № 8. С. 49–59.
- Ильин И. А. О сопротивлении злу силой. М. : Русская книга, 1996. 608 с.
- Ильин И. А. О сущности правосознания. М. : Рарогъ, 1993. 235 с.
- Ильин И. А. Понятие права и силы (опыт методологического анализа). М. : Типо-лит. т-ва «И. Н. Кушнерев и К», 1910. 38 с.
- Лазарев В. В. Об интегративном понимании конституционализма // Журнал российского права. 2023. № 6. С. 39–53.
- Лапаева В. В. Перспективы становления российского государства-цивилизации в фокусе философско-правового подхода // Государство и право. 2025. № 12. С. 7–15.
- Нефедов Б. И. Когда и почему возникла доктрина «Международный порядок, основанный на правилах» // Московский журнал международного права. 2024. № 3. С. 6–16.
- Фукуяма Ф. Сильное государство: Управление и мировой порядок в XXI веке. М. : АСТ, 2006. 220 с.

REFERENCES

- Fukuyama F. State Building. Governance and World Order in the Twenty-First Century. Moscow: AST Publ.; 2006. (In Russ.).
- Ilyin IA. Resistance to evil by force. Moscow: Russlaya kniga (Publ.), 1996. (In Russ.).
- Ilyin IA. About the essence of legal awareness. Moscow: Rarog Publ.; 1993. (In Russ.).
- Ilyin IA. The concept of law and force (attempted methodological analysis). Moscow: Tipo-lit. t-va I.N. Kushnerev i K. Publ.; 1910. (In Russ.).
- Lapaeva VV. Prospects for the Formation of a Russian State-Civilization in the Focus of a Philosophical-Law Approach. *The State and Law*. 2025;1:7-15. (In Russ.). DOI: 10.7868/S3034543X25120018.
- Lazarev VV. On the Integrative Understanding of Constitutionalism. *Journal of Russian Law*. 2023;6:39-53. (In Russ.). DOI: 10.12737/jrp.2023.050.
- Nefedov BI. When And Why the Doctrine of A «Rules-Based International Order» Emerged. *Moscow Journal of International Law*. 2024;3:6-16. (In Russ.).
- Velyaminov GM. International law: experiments. Moscow: Statut Publ.; 2015. (In Russ.).
- Zorkin VD. Law of Force and the Force of Law. *The Judge*. 2015;8:49-59. (In Russ.).
- Zorkin VD. Lectures on law and the state. St. Petersburg: Constitutional Court of the Russian Federation; 2024. (In Russ.).

ИНФОРМАЦИЯ ОБ АВТОРЕ

Кабышев Сергей Владимирович, кандидат юридических наук, доцент, заслуженный юрист Российской Федерации, председатель Комитета Государственной Думы Федерального Собрания Российской Федерации по науке и высшему образованию, профессор кафедры конституционного и муниципального права Московского государственного юридического университета имени О.Е. Кутафина (МГЮА) д. 9, Садовая-Кудринская ул., г. Москва 125993, Российская Федерация

INFORMATION ABOUT THE AUTHOR

Sergey V. Kabyshev, Cand. Sci. (Law), Associate Professor, Professor, Department of Constitutional and Municipal Law, Kutafin Moscow State Law University (MSAL), Honored Lawyer of the Russian Federation, Chairman of the State Duma Committee on Science and Higher Education of the Federal Assembly of the Russian Federation, Moscow, Russian Federation

*Материал поступил в редакцию 25 ноября 2024 г.
Статья получена после рецензирования 13 ноября 2025 г.
Принята к печати 15 ноября 2025 г.*

*Received 25.11.2024.
Revised 13.11.2025.
Accepted 15.11.2025.*

DOI: 10.17803/1729-5920.2025.229.12.018-028

Р. Р. Каримов
З. А. Шагимуратова
Г. Ю. Каримова

Уфимский университет науки и технологий
г. Уфа, Российская Федерация

Функционирование системы социального обеспечения сотрудников органов внутренних дел в России

Резюме. Статья посвящена вопросам функционирования системы социального обеспечения сотрудников органов внутренних дел. Анализируются различные аспекты этой системы, включая пенсионное обеспечение, медицинское страхование и компенсации в случае утраты трудоспособности в связи с исполнением служебных обязанностей. Рассматриваются законодательные акты и нормы, регулирующие социальное обеспечение полицейских, предоставляемые им льготы и пособия. Особое внимание уделяется организации медицинского обслуживания сотрудников органов внутренних дел, а также возможностям получения квалифицированной медицинской помощи, включая реабилитацию после профессиональных травм. Медицинское страхование играет не менее значимую роль в системе социальной защиты полицейских. Благодаря программам страхования сотрудники полиции и их семьи имеют доступ к качественным медицинским услугам. В особенности это актуально при длительном лечении или реабилитации после профессиональных травм. Отмечается, что в ряде регионов страны существуют специализированные санаторно-курортные медицинские учреждения, ориентированные на работу именно с сотрудниками правоохранительных органов, что позволяет получать высококвалифицированную помощь. В статье выделены также проблемы в системе органов внутренних дел и намечены пути их решения.

Ключевые слова: органы внутренних дел; социальные гарантии; полиция; правоохранительная система; пенсионное обеспечение; медицинское обслуживание; отпуск; единовременная социальная выплата; социальная защита; служебная нагрузка

Для цитирования: Каримов Р. Р., Шагимуратова З. А., Каримова Г. Ю. Функционирование системы социального обеспечения сотрудников органов внутренних дел в России. *Lex russica*. 2025. Т. 78. № 12. С. 18–28. DOI: 10.17803/1729-5920.2025.229.12.018-028

Functioning of the Social Security System for Russian Internal Affairs Employees

Rim R. Karimov

Zalia A. Shagimuratova

Guzel Yu. Karimova

Ufa University of Science and Technology

Ufa, Russian Federation

Abstract. The paper is devoted to the analysis of the operation of the social security system for employees of the internal affairs bodies. The study examines various aspects of this system, including pensions, health insurance, and compensation for disabilities arising from the performance of official duties. The paper elucidates the legislative acts and norms governing the social security of police officers, the benefits and allowances provided to them. Particular attention is paid to the organization and provision of medical care for employees of the internal affairs bodies, as well as the possibilities of obtaining qualified medical care, including rehabilitation after professional injuries. Health insurance plays an equally significant role in the social protection system for

© Каримов Р. Р., Шагимуратова З. А., Каримова Г. Ю., 2025

police officers. Through insurance programs, police officers and their families obtain access to quality health services, especially for prolonged treatment and rehabilitation after occupational injuries. In a number of regions, specialized sanatorium-resort medical institutions focused on law enforcement personnel enable the provision of highly qualified care. The paper examines problems in the system of internal affairs and proposes potential remedies to address them.

Keywords: internal affairs bodies; social guarantees; police; law enforcement system; pension provision; medical care; vacation; one-time social payment; social protection; service load

Cite as: Karimov RR, Shagimuratova ZA, Karimova GYu. Functioning of the Social Security System for Russian Internal Affairs Employees. *Lex russica*. 2025;78(12):18-28. (In Russ.). DOI: 10.17803/1729-5920.2025.229.12.018-028

Введение

Сегодня система социального обеспечения включает в себя множество составляющих, таких как социальное страхование, пенсионное обеспечение, программы поддержки безработных, медицинское обслуживание, поддержка семей с детьми и других уязвимых групп населения. Каждый из этих элементов направлен на повышение качества жизни граждан и обеспечение справедливости в распределении общественных ресурсов. Важной функцией социальной системы является ее способность адаптироваться к изменениям в демографических и экономических условиях, что позволяет своевременно реагировать на вызовы общества.

Система социального обеспечения также играет ключевую роль в смягчении социального неравенства и разрыва в уровне доходов граждан. Она функционирует как механизм перераспределения богатства, который помогает поддерживать определенную социальную стабильность. С помощью системы налогообложения и социальных льгот удается уменьшать разрыв между различными слоями населения, что, в свою очередь, способствует более сбалансированному развитию общества. Благодаря таким мерам система служит не только инструментом социальной поддержки, но и важным элементом экономической политики государства.

Впрочем, для эффективности системы социальных гарантий требуются непрерывная модернизация и адаптация к постоянно меняющимся реалиям. В условиях глобализации и технологических перемен общественные потребности постоянно меняются, что требует от социальных институтов гибкости и инноваци-

онного подхода. Создание устойчивых моделей социального обеспечения, которые позволят удовлетворять потребности различных групп населения и учитывать специфические особенности каждой страны, остается одной из важнейших задач современного общества. Таким образом, будущее системы социального обеспечения зависит от способности государств и международного сообщества сотрудничать в поиске и внедрении передовых решений, ориентированных на благополучие всех граждан.

Современная система социального обеспечения — это государственная политика, основанная на кейнсианской теории государственного вмешательства. Государство административными средствами концентрирует часть национального дохода в государственном бюджете, решает социальные проблемы (безработица, бедность, болезни) путем трансфертных выплат или установления социального обеспечения в виде налогов на единицы работников, единообразно использует средства для оказания помощи нуждающимся.

Государство играет ключевую роль в обеспечении социальной защиты своих граждан, создавая и поддерживая эффективно функционирующую систему социального обеспечения. Поэтому право на социальное обеспечение закреплено в Конституции РФ. Как отмечают в этой связи И. Г. Пирожкова и А. М. Попов, «базовое наполнение перечня права на социальную защиту дополняется традиционным для конституционной доктрины и практики пакетом социальных прав, содержащимся во второй главе Конституции РФ»¹.

Система социальных гарантий не просто абстрактная концепция, а жизненно важный механизм, призванный обеспечить минималь-

¹ Пирожкова И. Г., Попов А. М. Правовая природа конституционного права на социальное обеспечение в комплексе смежных понятий // Вестник Санкт-Петербургского университета МВД России. 2024. № 1 (101). С. 64.

ный уровень благосостояния и чувство безопасности каждому члену общества, независимо от его социального статуса, профессии или уровня дохода. Ответственность государства в данном контексте многогранна и выходит далеко за рамки простого декларирования принципов социальной справедливости.

Система социального обеспечения призвана защитить граждан от широкого спектра социальных рисков, включая болезни (как временную нетрудоспособность, так и инвалидность), несчастные случаи на производстве, профессиональные заболевания, безработицу, старость, материнство, а также инвалидность с детства.

Современные вызовы, такие как старение населения, рост безработицы, изменение рынка труда и распространение хронических заболеваний, требуют постоянного совершенствования системы социального обеспечения. Государство должно регулярно анализировать эффективность действующих программ, вводить новые механизмы защиты и адаптировать систему к изменяющимся условиям. В этом контексте важную роль играют актуальные расчеты и прогнозирование демографических и экономических тенденций. Эффективное функционирование механизма социального обеспечения является залогом социальной стабильности и экономического роста, в результате чего население получает не только материальную поддержку, но и уверенность в будущем. Поэтому постоянное совершенствование и адаптация системы к современным реалиям являются неотъемлемой частью ответственности государства.

В этой связи социальные гарантии сотрудникам органов внутренних дел Российской Федерации представляют собой важный аспект государственной политики, направленной на обеспечение социальной защищенности и стабильности данной категории граждан. В условиях современного общества, где безопасность и правопорядок становятся всё более актуальными, роль сотрудников МВД России не может быть переоценена. Они ежедневно сталкиваются с различными вызовами и рисками, что делает необходимым эффективное функционирование механизма социальных гарантий, способствующих поддержанию не только их

профессиональной деятельности, но и достойного уровня жизни для них и их семей.

Система социального обеспечения органов внутренних дел в России играет важную роль в поддержании благополучия и стабильности правоохранительных органов.

Основная часть

Правоохранительная деятельность всегда сопряжена с высоким уровнем риска для лиц, ее осуществляющих. Выполняя возложенные на них обязанности по борьбе с преступностью, сотрудники органов внутренних дел зачастую оказываются в ситуации, когда им самим требуется защита². В этой связи большое значение приобретает социальная защита сотрудников органов внутренних дел.

Прежде чем перейти к рассмотрению современных реалий изучаемой темы, хотелось бы уделить некоторое внимание историческим аспектам социальной поддержки сотрудников МВД. Первые попытки улучшения социального положения полицейских чинов были предприняты еще в Российской империи.

В начале XX в., в предреволюционной атмосфере, остро встал вопрос о реформировании полицейской системы. В 1911 г. особая межведомственная комиссия под руководством сенатора А. А. Макарова, бывшего товарища министра внутренних дел, разработала масштабный законопроект «О преобразовании полиции в Империи». Этот законопроект, включавший в себя «Учреждение полиции» и «Устав полицейский», представлял собой попытку решения глубоко укоренившихся проблем, тормозивших эффективную работу правоохранительных органов. К концу 1913 г. законопроект был передан на обсуждение в специально созданную комиссию, что свидетельствует о серьезности намерений властей и масштабе планируемых изменений.

Законопроект четко обозначил критические недостатки существовавшей полицейской системы. Документ прямо указывал на отсутствие централизации и единообразия в полицейском устройстве. Разнообразие полицейских структур, существовавших на тот момент (городская,

² Дешин М. А. Проблемы социальной защищенности сотрудников полиции и пути их разрешения // Теория и практика эффективности государственного и муниципального управления : сборник научных статей 6-й Всероссийской научно-практической конференции с международным участием, Курск, 23 мая 2024 г. Курск : Университетская книга, 2024. С. 118.

уездная, жандармская, охранная и др.), приводило к многоначалию и неэффективному использованию ресурсов. Отсутствие четкого распределения обязанностей между полицейскими чиновниками приводило к хаосу и неразберихе, а недостаток квалифицированных кадров — к некачественному исполнению служебных функций. Ситуация осложнялась отсутствием единого служебного ценза и нестабильностью служебного положения полицейских, что подрывало авторитет и эффективность всей системы.

Нехватка полицейского состава, не соответствовавшего численности и плотности населения в различных регионах империи, являлась еще одной серьезной проблемой, которая приводила к перегрузкам, снижению качества работы и увеличению уровня преступности. Ситуацию усугубляло плохое материальное обеспечение полицейских, что часто заставляло их искать дополнительные источники дохода. Наконец, отсутствие единого полицейского устава, способного упорядочить многочисленные и разнородные обязанности полицейских, делало систему крайне неповоротливой и неэффективной.

Предлагаемые преобразования охватывали несколько ключевых направлений. Во-первых, планировалась радикальная реорганизация полицейской структуры. Это включало в себя изменение условий полицейской службы, совершенствование порядка назначения, перемещения и увольнения полицейских чинов.

Во-вторых, законопроект стремился точно определить права и обязанности полицейских чинов, четко регламентируя их служебную деятельность в различных сферах государственной и общественной жизни.

В целом реформа полиции задумывалась как комплексное мероприятие, направленное не только на улучшение функционирования полицейских органов, но и на повышение доверия населения к правоохранительным структурам. Однако, как известно, реализация этих амбициозных планов была прервана произошедшей революцией 1917 г. Законопроект, так

и не принятый в полном объеме, остался важным документом, отражающим проблемы и направления реформирования полицейской системы в дореволюционной России. Его анализ позволяет понять сложности и противоречия того времени и ценность попыток модернизации государственного аппарата в предреволюционной России.

Вместе с тем были сделаны определенные шаги для улучшения благосостояния чинов полиции. Так, во время Первой мировой войны МВД осознало необходимость улучшения материального состояния сотрудников уездной полицейской стражи. Для этого министерство через Совет министров запросило выделение средств в размере 74 309 руб. на предоставление пособий этим служащим за первые полгода 1916 г. Офицерам стражи полагалось до 30 % от основного дохода (включая жалование и продовольственные деньги), а нижним чинам, таким как урядники и стражники, — до 40 %, без учета квартирных, фуражных и других дополнительных выплат. При этом процентное отношение пособий к зарплате было одинаковым для всех нижних чинов стражи³.

Активное становление социальной политики в отношении сотрудников правоохранительных органов началось после событий первой русской революции и особенно усилилось после Октябрьской революции 1917 г. Так, уже во второй половине 1918 г. правовые нормы, касающиеся социального страхования от болезней, несчастных случаев, старости и инвалидности, были распространены на работников милиции. На тот момент уже действовали «Положение о страховании на случай безработицы» от 11 (24) декабря 1917 г. и «Положение о страховании на случай болезни» от 22 декабря 1917 г. (4 января 1918 г.). В соответствии с приказом начальника Главмилиции от 12.10.1921 в структурах губернских управлений милиции были организованы приемные покои, сотрудники которых должны были предоставлять медицинскую помощь милиционерам⁴.

Более четко гарантии сотрудникам милиции оформились с принятием Положения о рабоче-

³ Каримова Г. Ю., Асеев И. А., Каримов Р. Р. Некоторые аспекты реформы полиции Российской империи в начале XX века // Правовое государство: теория и практика. 2020. № 4-2 (62). С. 77–97.

⁴ Токарева С. Н. Социальная политика в отношении служащих милиции в 1920–1930-е гг. // Вестник Кемеровского государственного университета. Серия «Гуманитарные и общественные науки». 2018. № 2. С. 109–110.

⁵ Постановление СНК СССР от 26.05.1931 № 390 «Положение о рабоче-крестьянской милиции» // URL: <https://docs.historyrussia.org/ru/nodes/395674> (дата обращения: 20.01.2025).

крестьянской милиции от 26.05.1931⁵. В соответствии с данным Положением для работников милиции и членов их семей было введено обеспечение наравне с составом Рабоче-крестьянской Красной армии. Также в документе закреплялись и другие социальные гарантии:

— сотрудники, занимающиеся оперативными задачами в милиции, подлежали обязательному страхованию в Госстрахе, независимо от их социального страхования. Это страхование предусматривало выплату единовременного страхового возмещения Госстрахом в случае гибели или получения увечья во время выполнения служебных обязанностей;

— все привилегии в сфере народного образования, землевладения, сельского хозяйства, налогообложения и жилищного обеспечения, предусмотренные законодательством для военнослужащих Рабоче-крестьянской Красной армии и их семей, распространялись также на сотрудников оперативно-строевого и административно-хозяйственного состава милиции, а также на их близких;

— сотрудники, задействованные в оперативно-строевой и административно-хозяйственной деятельности милиции, имели право на получение скидок на плату за жилье в домах;

— в рамках обеспечения семейных милиционеров и руководящего состава милиции необходимым жилым пространством местные исполнительные комитеты и городские советы обязывались выделять для этой цели не менее 5 % от жилого фонда, который находился в их распоряжении.

В настоящее время в Российской Федерации социальное обеспечение сотрудников органов внутренних дел строится на принципе гарантирования конституционного права на социальную защиту и достойной жизни. Оно охватывает различные аспекты, такие как медицинское обслуживание, пенсионные выплаты, льготы по жилью и образованию, вознаграждения за служебные достижения и другие социальные гарантии.

В целях обеспечения государственных гарантий в сфере социальной поддержки данной категории граждан законодатель утвердил

специальное направление государственной политики. Оно включает в себя материальное обеспечение и выплаты компенсаций в случае нанесения вреда здоровью во время службы, а в случае гибели осуществляется выплата членам семей сотрудника⁶.

Одной из важных составляющих системы социального обеспечения сотрудников полиции является медицинское обслуживание. Сотрудники органов внутренних дел имеют право на бесплатное медицинское обслуживание, включая профилактическую помощь и санаторно-курортное лечение. Для этого созданы медицинские учреждения, предоставляющие медицинское обслуживание сотрудникам органов внутренних дел и членам их семей. Однако следует отметить, что если медико-санитарные части есть практически в каждом субъекте России, то санаторно-курортные учреждения имеются только в некоторых регионах нашей страны.

Пенсионное обеспечение также является важным аспектом системы социальных гарантий сотрудникам полиции. Они имеют право на пенсию по особым условиям, которая рассчитывается на основе специального трудового стажа и доходов. Это позволяет обеспечить стабильное материальное положение выходящих на пенсию сотрудников полиции.

В рамках программы обеспечения жильем предоставляются выплаты на приобретение жилья и другие меры поддержки в получении жилья.

В настоящее время для сотрудников органов внутренних дел в сфере улучшения жилищных условий законодательно предусмотрены следующие гарантии:

— предоставление единовременной социальной выплаты;

— предоставление жилого помещения в собственность;

— предоставление жилого помещения по договору социального найма⁷.

Образование также не остается без внимания. Сотрудники и их дети могут рассчитывать на льготы при поступлении в учебные заведения, а также на возможность получения допол-

⁶ Малахова Н. В. О некоторых вопросах социальной защиты сотрудников полиции // Вестник экономической безопасности. 2016. № 3. С. 92.

⁷ Андреева С. Н. Проблемы реализации социальных гарантий сотрудниками органов внутренних дел в области жилищного обеспечения // Осуществление и защита гражданских прав и интересов полиции России: вопросы теории и практики : материалы Всероссийской научно-практической конференции, Санкт-Петербург, 22 октября 2021 г. СПб. : Санкт-Петербургский университет МВД России, 2021. С. 90.

нительного образования и повышения квалификации за счет государственных средств.

Система премирования за служебные достижения также является одним из стимулов для профессионального развития полицейских. Сотрудникам полиции предоставляются дополнительные поощрения и премии за высокие показатели в работе, участие в успешно расследованных уголовных делах или предотвращение иных правонарушений. Это способствует мотивации и стимулирует полицейских к активной и эффективной деятельности.

Вместе с тем справедливо отмечается тот факт, что социальные гарантии должны предоставляться сотруднику органов внутренних дел не за добросовестное исполнение возложенных на него обязанностей, что является само собой разумеющимся, а за предусмотренные режимы несения службы⁸.

Построение действующей системы социального обеспечения полиции в России началось в 2011 г. с принятия Федерального закона от 07.02.2011 № 3-ФЗ «О полиции» в контексте реформы Министерства внутренних дел РФ⁹. Данный Закон отразился и на других нормативных правовых актах, совершенствуя таким образом всю правовую систему.

Во-первых, в нем была предусмотрена отдельная глава 8 «Гарантии социальной защиты сотрудника полиции», чтобы показать, что Закон придает большое значение этому вопросу.

Во-вторых, глава 8 содержит пять отдельных правовых положений, включая оплату труда сотрудника полиции, страховую защиту и возмещение ущерба, причиненного при исполнении служебных обязанностей, жилищное обеспечение, право на медицинскую помощь для сотрудников полиции и членов их семей, а также безопасность сотрудников полиции при исполнении ими служебных обязанностей.

В-третьих, добавлен ряд новых положений, в частности о компенсации за травмы, полученные сотрудниками полиции при исполнении служебных обязанностей, и о праве сотрудников полиции и членов их семей на медицин-

скую помощь. Подчеркивая важность защиты самих полицейских, подобные нормы также уделяют особое внимание защите членов их семей, чтобы облегчить (или смягчить) беспокойство сотрудников полиции за себя и членов своей семьи¹⁰.

Отражая изменения концепции социального обеспечения, Федеральный закон «О полиции» рассматривает гарантии материального обеспечения деятельности полиции как обязанность Правительства РФ и вносит изменения в систему финансирования, четко предусматривая, что обеспечение деятельности полиции (в том числе финансовое и материально-техническое) осуществляется за счет средств федерального бюджета.

В последующий период Министерство внутренних дел РФ последовательно издало ряд нормативных актов, дополнительно конкретизировав и стандартизировав некоторые положения Федерального закона от 19.07.2011 № 247-ФЗ «О социальных гарантиях сотрудникам органов внутренних дел Российской Федерации и внесении изменений в отдельные законодательные акты Российской Федерации»¹¹.

Федеральные законы «О полиции» и «О социальных гарантиях сотрудникам органов внутренних дел Российской Федерации и внесении изменений в отдельные законодательные акты Российской Федерации» с момента вступления в силу претерпели ряд поправок. Например, в ст. 11 Федерального закона «О социальных гарантиях сотрудникам органов внутренних дел Российской Федерации и внесении изменений в отдельные законодательные акты Российской Федерации» речь идет о медицинском обеспечении и лечении сотрудников полиции, а в ст. 12 — о социальной помощи членам семей сотрудников полиции, погибших (умерших) при исполнении служебных обязанностей.

Отметим, что 12 февраля 2015 г. был принят Федеральный закон № 15-ФЗ, вносящий изменения в ст. 43 Федерального закона «О полиции», в соответствии с которым граждане, уволившиеся из органов внутренних дел, могут

⁸ Денисенко В. В., Прут Е. В. О принципе соразмерности социальных гарантий сотрудников органов внутренних дел установленным ограничениям, обязанностям, запретам, ответственности и условиям прохождения службы в органах внутренних дел // Вестник Краснодарского университета МВД России. 2016. № 3 (33). С. 134.

⁹ URL: https://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_110165/ (дата обращения: 09.11.2024).

¹⁰ Чернышова Л. В. Социально-правовая защита сотрудников полиции и членов их семей: (организационный аспект). Уфа: Уфимский юридический институт МВД РФ, 2018. С. 56.

¹¹ URL: https://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_116988/ (дата обращения: 09.11.2024).

получить соответствующую государственную компенсацию, если им причинен физический вред в результате исполнения служебных обязанностей.

Следует отметить также постановление Правительства РФ от 22.09.2023 № 1548, которое утвердило Правила организации проведения и рассмотрения результатов ежегодного мониторинга социально-экономического и правового положения сотрудников¹². Теперь в соответствии с данным документом МВД России ежегодно до 30 июня должно представлять доклад о результатах мониторинга.

Несмотря на то что в России сформирована целостная система законов и нормативных правовых актов, реализация социальных гарантий для сотрудников органов внутренних дел РФ сталкивается с рядом сложностей и проблем, которые негативно сказываются на социальной защищенности данной категории работников. Основная задача социальных гарантий заключается не только в обеспечении материального благосостояния сотрудников, но и в создании комфортных условий для их профессиональной деятельности и поддержании социальной стабильности в системе внутренних дел.

Ярким свидетельством проблем в социальном обеспечении сотрудников органов внутренних дел является катастрофический некомплект личного состава. Так, министр внутренних дел В. А. Колокольцев в мае 2024 г. в ходе пленарного заседания Совета Федерации сообщил, что в МВД России недостает 152 тыс.

сотрудников и каждый из них вынужден выполнять обязанности за четверых¹³.

Определенная часть проблем связана и с недостатком четкого регулирования. Например, при использовании механизма дополнительного отпуска за ненормированный служебный день встречаются сложности с его документальным оформлением¹⁴.

Проблемы со служебной нагрузкой отмечает в своей работе и С. А. Тимко. Так, она приводит некоторые цифры: «...86 % опрошенных уверены, что их служебная нагрузка не соответствует нормам. 96 % опрошенных из числа сотрудников, профессиональная деятельность которых не носит суточный характер, указали, что рабочий день длится более 8 часов: у 22 % обычно до 10 часов включительно, у 36 % — до 12 часов включительно, у 38 % — более 12 часов. Каждый третий сотрудник указывает, что приходится часто выходить на работу в период отпуска»¹⁵.

Кроме того, существенной проблемой является обеспечение нуждающихся сотрудников собственным жильем. Основным элементом в этой сфере — единовременная социальная выплата для приобретения или строительства жилого помещения, которая назначается при наличии соответствующего финансирования. Как отметил аудитор Счетной палаты РФ О. Г. Савельев, «на 1 июля 2019 года Министерством внутренних дел зарегистрировано примерно 94 тыс. нуждающихся. В 2020 году на решение этой проблемы выделено 6,5 млрд рублей, что позволит решить жилищные проблемы примерно

¹² Постановление Правительства РФ от 22.09.2023 № 1548 «О Правилах организации проведения и рассмотрения результатов ежегодного мониторинга социально-экономического и правового положения сотрудников, имеющих специальные звания и проходящих службу в органах внутренних дел Российской Федерации, в войсках национальной гвардии Российской Федерации, в учреждениях и органах уголовно-исполнительной системы, в органах принудительного исполнения Российской Федерации, в федеральной противопожарной службе Государственной противопожарной службы, в таможенных органах Российской Федерации и в Следственном комитете Российской Федерации, граждан, уволенных со службы в органах внутренних дел Российской Федерации, в войсках национальной гвардии Российской Федерации, в учреждениях и органах уголовно-исполнительной системы, в органах принудительного исполнения Российской Федерации, в федеральной противопожарной службе Государственной противопожарной службы, в таможенных органах Российской Федерации и в Следственном комитете Российской Федерации, членов их семей и лиц, находящихся (находившихся) на их иждивении» // Официальный интернет-портал правовой информации. URL: <http://publication.pravo.gov.ru/document/0001202309220038?ysclid=m4zim4miag76416156&index=3> (дата обращения: 20.12.2024).

¹³ Колокольцев описал некомплект сотрудников МВД фразой «один работает за четверых» // Российская газета. URL: <https://rg.ru/2024/05/14/kolokolcev-opisal-nekomplekt-sotrudnikov-mvd-frazoj-odin-rabotaet-za-chetveryh.html> (дата обращения: 19.12.2024).

¹⁴ *Непомнящих И. Ф., Агапова Т. Н.* Проблемные вопросы обеспечения социальных гарантий сотрудников органов внутренних дел // Вестник Московского университета МВД России. 2023. № 4. С. 223–226.

¹⁵ *Тимко С. А.* Результаты реформы полиции: взгляд «изнутри» // Lex russica. 2023. Т. 76. № 2 (195). С. 149.

1 100 сотрудников. В проекте бюджета на 2021 и плановый период до 2023 года эти расходы сокращены до 4,66 млрд рублей в год, что приводит к тому, что существующая сейчас проблема потребует на ее решение более 100 лет»¹⁶. Конечно, работа в данном направлении ведется; так, по данным Департамента по материально-техническому и медицинскому обеспечению МВД России, по состоянию на 1 июля 2024 г. единовременная социальная выплата предоставлена 696 очередникам. Исходя из этой цифры, предоставление выплаты на приобретение жилья происходит крайне медленно.

Помимо этого, в качестве одной из проблем можно отметить недостаточную информированность сотрудников о своих социальных правах и предоставляемых гарантиях. Некоторые из них не знают о существующих механизмах социальной защиты, что делает их уязвимыми для эксплуатации и нарушения их трудовых прав. Это может проявляться как в недостаточной ясности условий оказания социальной помощи, так и в недостаточном контроле со стороны руководства.

Требуется совершенствование и медицинское обслуживание сотрудников. Так, О. Н. Карпунина приводит результаты опросов сотрудников относительно санаторно-курортного лечения и оздоровительного отдыха. Помимо оценки совокупного воздействия оздоровительных программ, значительная часть работников (67 %) выразила недовольство качеством оказанных им медицинских услуг. Среди основных причин недовольства были низкое качество медицинского оборудования, использование морально устаревшего оборудования¹⁷. Это явно свидетельствует о потребности в дальнейшем развитии всего медицинского обеспечения в системе МВД России.

Для совершенствования системы социальных гарантий сотрудников органов внутренних дел РФ важно внедрить ряд мер. Эти меры должны быть направлены на решение существующих проблем и обеспечивать значительную поддержку как действующим сотрудникам, так и находящимся на пенсии.

В этом направлении в качестве основной рекомендации можно обозначить необходимость расширения системы социальных гарантий. Важно установить дополнительные меры социальной поддержки, которые будут действовать как в период активной службы, так и после выхода на пенсию. Среди них можно выделить следующие:

— выплата пенсий работающим сотрудникам, которые достигли выслуги лет, дающей право на ее получение (данная мера позволит сохранить опытных, высококвалифицированных сотрудников, чей трудовой стаж составляет 20 лет и более);

— выплата пенсий сотрудникам, проработавшим 32 года и более в органах внутренних дел, в размере 100 % от суммы заработанной платы по последней занимаемой должности;

— введение специальной ипотеки для сотрудников органов внутренних дел, в рамках которой сотруднику будет предоставляться жилье, а государство будет погашать сумму ипотеки в период прохождения им службы (например, в течение 30 лет; после выхода сотрудника на пенсию такое жилье переходило бы в его собственность);

— внедрение программ переобучения и трудоустройства для уволенных сотрудников с целью интеграции их в гражданскую жизнь.

В качестве дополнительной рекомендации необходимо отметить улучшение условий труда. Это может включать предоставление современного оборудования и создание комфортных условий для работы.

Важную роль в процессе улучшения системы социальных гарантий играет внедрение механизмов мониторинга и обратной связи. Создание системы, в которой сотрудники могут делиться своими предложениями и замечаниями относительно существующих социальных гарантий, позволит оперативно реагировать на их нужды и проблемы. Это обеспечит вовлеченность сотрудников и будет способствовать повышению эффективности действующих социальных программ.

¹⁶ Счетная палата проверит обеспечение жильем сотрудников МВД // URL: <https://ach.gov.ru/news/schetnaya-palata-proverit-obespechenie-zhilem-sotrudnikov-mvd> (дата обращения: 19.12.2024).

¹⁷ Карпунина О. Н. Проблемные вопросы организации санаторно-курортного лечения и оздоровительного отдыха сотрудников органов внутренних дел Российской Федерации // *The Newman in Foreign Policy*. 2021. Vol. 3. No. 60 (104).

Заключение

Подводя итог, можно сказать, что система социального обеспечения полиции в России имеет множество аспектов: медицинское обслуживание, пенсионное обеспечение, льготы на жилье, а также премирования за служебные достижения — все эти меры играют ключевую роль в обеспечении благополучия и профессионального роста полицейских.

Впрочем, несмотря на наличие законодательно закрепленных социальных гарантий, проблема их реализации остается актуальной. Важно находить пути для упрощения доступа к социальным гарантиям и повышения уровня информированности сотрудников о своих правах, что может способствовать улучшению общего состояния социальной защищенности в системе органов внутренних дел.

Кроме того, необходимо обратить внимание на улучшение условий предоставления медицинского обслуживания и жилья для сотрудников. Это может быть достигнуто путем увеличения финансирования соответствующих программ, а также путем создания более прозрачных и доступных процедур получения этих услуг.

Социологические исследования и мониторинг показателей удовлетворенности сотрудников также могут служить основой для даль-

нейшего совершенствования этих механизмов и адаптации законодательства к реальным потребностям сотрудников органов внутренних дел.

Таким образом, можно с уверенностью утверждать, что социальные гарантии сотрудников органов внутренних дел Российской Федерации играют ключевую роль в обеспечении их социальной защищенности. Эти гарантии имеют различные аспекты, такие как пенсионное обеспечение, медицинское обслуживание, льготы на жилье, которые направлены на улучшение качества жизни сотрудников и их семей. Однако для того, чтобы эти гарантии действовали и приносили ощутимую пользу, необходимо провести комплексную работу по их совершенствованию. Это требует не только законодательных изменений, но и практических шагов на уровне руководства МВД России. Важно, чтобы изменения касались не только формального обеспечения прав, но и практики их реализации. Только в этом случае можно будет говорить о реальной поддержке тех, кто стоит на страже правопорядка и безопасности в нашей стране. Эффективная система социальных гарантий не только улучшит качество жизни сотрудников, но и повысит их лояльность по отношению к службе, что в конечном итоге отразится на уровне безопасности общества.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

Андреева С. Н. Проблемы реализации социальных гарантий сотрудниками органов внутренних дел в области жилищного обеспечения // Осуществление и защита гражданских прав и интересов полиции России: вопросы теории и практики : материалы Всероссийской научно-практической конференции, Санкт-Петербург, 22 октября 2021 г. СПб. : Санкт-Петербургский университет МВД России, 2021. С. 89–93.

Денисенко В. В., Прут Е. В. О принципе соразмерности социальных гарантий сотрудников органов внутренних дел установленным ограничениям, обязанностям, запретам, ответственности и условиям прохождения службы в органах внутренних дел // Вестник Краснодарского университета МВД России. 2016. № 3 (33). С. 132–136.

Дешин М. А. Проблемы социальной защищенности сотрудников полиции и пути их разрешения // Теория и практика эффективности государственного и муниципального управления : сборник научных статей 6-й Всероссийской научно-практической конференции с международным участием, Курск, 23 мая 2024 г. Курск : Университетская книга, 2024. С. 118–122.

Каримова Г. Ю., Асеев И. А., Каримов Р. Р. Некоторые аспекты реформы полиции Российской империи в начале XX века // Правовое государство: теория и практика. 2020. № 4-2 (62). С. 77–97.

Карпунина О. Н. Проблемные вопросы организации санаторно-курортного лечения и оздоровительного отдыха сотрудников органов внутренних дел Российской Федерации // The Newman in Foreign Policy. 2021. Vol. 3. No. 60 (104).

Малахова Н. В. О некоторых вопросах социальной защиты сотрудников полиции // Вестник экономической безопасности. 2016. № 3. С. 91–96.

Непомнящих И. Ф., Агапова Т. Н. Проблемные вопросы обеспечения социальных гарантий сотрудников органов внутренних дел // Вестник Московского университета МВД России. 2023. № 4. С. 223–226.

Пирожкова И. Г., Попов А. М. Правовая природа конституционного права на социальное обеспечение в комплексе смежных понятий // Вестник Санкт-Петербургского университета МВД России. 2024. № 1 (101). С. 62–68.

Тимко С. А. Результаты реформы полиции: взгляд «изнутри» // Lex russica. 2023. Т. 76. № 2 (195). С. 145–157.

Токарева С. Н. Социальная политика в отношении служащих милиции в 1920–1930-е гг. // Вестник Кемеровского государственного университета. Серия «Гуманитарные и общественные науки». 2018. № 2. С. 109–116.

Чернышова Л. В. Социально-правовая защита сотрудников полиции и членов их семей: (организационный аспект). Уфа : Уфимский юридический институт МВД России, 2018. 137 с.

REFERENCES

Andreeva SN. Problems of implementation of social guarantees by employees of the internal affairs bodies in the field of housing. In: *Implementation and protection of civil rights and interest of the Russian police: questions of theory and practice: Proceedings of the All-Russian scientific and practical conference, St. Petersburg, 22 October 2021*. St. Petersburg: St. Petersburg University of the Ministry of Internal Affairs of the Russian Federation Publ.; 2021. (In Russ.).

Chernyshova LV. Social and legal protection of police officers and their families: (organizational aspect). Ufa: Ufa Law Institute of the Ministry of Internal Affairs of the Russian Federation Publ.; 2018. (In Russ.).

Denisenko VV, Prut EV. About the Principle of Harmony of Social Guarantees of Staff of Law-Enforcement Bodies to the Set Restrictions, Duties, Prohibitions, Responsibility and Conditions of Service in Law-Enforcement Bodies. *Vestnik Krasnodarskogo universiteta MVD Rossii*. 2016;3(33):132-136. (In Russ.).

Deshin MA. Problems of social security of police officers and ways to resolve them. In: *Theory and practice of the effectiveness of state and municipal administration: a collection of scientific articles of the 6th All-Russian Scientific and Practical Conference with international participation, Kursk, 23 May 2024*. Kursk: Universitetskaya kniga Publ.; 2024. (In Russ.).

Karimova GYu, Aseev IA, Karimov RR. Some Aspects of the Police Reform in the Russian Empire at the Beginning of the 20th Century. *The Rule of Law State: Theory and Practice*. 2020;4-2(62):77-97. (In Russ.).

Karpunina ON. Problemal Issues of the Organization of Health and Spa Treatment and Recreation of the Employees of the Internal Affairs of the Russian Federation. *The Newman In Foreign Policy*. 2021;60(104)(3). (In Russ.).

Malakhova NV. About some issues of social protection of police officers. *Bulletin of the Kazan Law Institute of Mia of Russia*. 2016;3:91-96. (In Russ.).

Nepomnyashchikh IF, Agapova TN. Problematic issues of ensuring social guarantees for employees of internal affairs bodies. *Vestnik of Moscow University of the Ministry of Internal Affairs of Russia*. 2023;4:223-226. (In Russ.).

Pirozhkova IG, Popov AM. Legal status of the constitutional right to social security in the complex of related concepts. *Bulletin of St. Petersburg University of the Ministry of Internal Affairs of Russia*. 2024;1(101):2-68.

Timko SA. The Results of the Police Reform: An «Inside View». *Lex russica*. 2023;76(2):145-157. (In Russ.). DOI: 10.17803/1729-5920.2023.195.2.145-157.

Tokareva SN. Social Policy towards Militia Personnel in 1920–1930s. *Bulletin of Kemerovo State University. Series: humanities and social sciences*. 2018;2:109-116. (In Russ.).

ИНФОРМАЦИЯ ОБ АВТОРАХ

Каримов Рим Римович, кандидат юридических наук, доцент, доцент кафедры теории государства и права Института права Уфимского университета науки и технологий
д. 32, Заки Валили ул., г. Уфа 450076, Российская Федерация
karimov_rim@mail.ru

Шагимуратова Залия Альбертовна, кандидат юридических наук, доцент кафедры экологического и трудового права Института права Уфимского университета науки и технологий
д. 32, Заки Валили ул., г. Уфа 450076, Российская Федерация
zaliya2008@mail.ru

Каримова Гузель Юрисовна, кандидат юридических наук, доцент кафедры теории государства и права Института права Уфимского университета науки и технологий
д. 32, Заки Валили ул., г. Уфа 450076, Российская Федерация
guzel-karimova-80@mail.ru

INFORMATION ABOUT THE AUTHORS

Rim R. Karimov, Cand. Sci. (Law), Associate Professor, Department of Theory of the State and Law, Institute of Law, Ufa University of Science and Technology, Ufa, Russian Federation
karimov_rim@mail.ru

Zalia A. Shagimuratova, Cand. Sci. (Law), Associate Professor, Department of Environmental and Labor Law, Institute of Law, Ufa University of Science and Technology, Ufa, Russian Federation
zaliya2008@mail.ru

Guzel Yu. Karimova, Cand. Sci. (Law), Associate Professor, Department of Theory of the State and Law, Institute of Law, Ufa University of Science and Technology, Ufa, Russian Federation
guzel-karimova-80@mail.ru

*Материал поступил в редакцию 21 января 2025 г.
Статья получена после рецензирования 2 февраля 2025 г.
Принята к печати 15 ноября 2025 г.*

*Received 21.01.2025.
Revised 02.02.2025.
Accepted 15.11.2025.*

DOI: 10.17803/1729-5920.2025.229.12.029-039

А. А. Воронов

Воронежский институт ФСИН России
г. Воронеж, Российская Федерация

Н. Г. Кулакова

Российский государственный университет правосудия
имени В.М. Лебедева
г. Воронеж, Российская Федерация

Организационно-правовые аспекты повышения эффективности взаимодействия судебной системы с правоохранительными и правозащитными институтами в условиях цифровой трансформации

Резюме. В настоящее время во всех сферах организации общества и деятельности Российского государства наблюдается существенный рост инновационных разработок и применения цифровых технологий, автоматизированной обработки данных, кибернетики, искусственного интеллекта, обеспечивающих скоростной информационный обмен, приводящий к необходимости максимально быстро и эффективно использовать инструменты цифровой трансформации не только в организации функционирования, но и во взаимодействии основных элементов правовой системы. основополагающие концепции цифрового развития судебной и правоохранительной систем, принятые на ближайшую перспективу, в качестве ориентиров предусматривают необходимость взаимодействия с институтами гражданского общества, в первую очередь правозащитными, для надлежащей защиты прав и свобод граждан, интересов хозяйствующих субъектов. В условиях трансформирующихся общественных отношений, изменения законодательства в сфере инновационных и цифровых технологий тенденции развития современной судебной, а также правоохранительной и правозащитной систем в области комплексного взаимодействия напрямую будут связаны с их использованием для взаимного обмена опытом, повышения квалификации и обеспечения межсистемного взаимодействия в процессе реализации предусмотренных законодательством целевых функций и выполнения поставленных государством и обществом задач.

Ключевые слова: судебная система; правоохранительные и правозащитные институты; цифровая трансформация; нормативное регулирование; судебная и административная реформа; взаимодействие с государственными органами

Для цитирования: Воронов А. А., Кулакова Н. Г. Организационно-правовые аспекты повышения эффективности взаимодействия судебной системы с правоохранительными и правозащитными институтами в условиях цифровой трансформации. *Lex russica*. 2025. Т. 78. № 12. С. 29–39. DOI: 10.17803/1729-5920.2025.229.12.029-039

Organizational and Legal Mechanisms for Enhancing the Efficiency of Interaction between the Judicial System, Law Enforcement, and Human Rights Institutions in the Context of Digital Transformation

Alexander A. Voronov

Voronezh Institute of the Federal Penitentiary Service of Russia
Voronezh, Russian Federation

Nadezhda G. Kulakova

The Lebedev Russian State University of Justice (RGUP)
Voronezh, Russian Federation

Abstract. Currently, across all areas of societal organization and state activity in Russia, the rapid spread of innovative developments and digital technologies — automated data processing, cybernetics, and artificial intelligence — enabling high-speed information exchange makes it imperative to adopt digital transformation tools quickly and efficiently, not only for organizational functioning but also to support interaction among the main elements of the legal system. The fundamental concepts for the digital development of the judicial and law-enforcement systems, to be adopted in the near future, envisage interaction with civil society institutions — primarily human-rights organizations — to ensure the protection of citizens' rights and freedoms and the interests of business entities. In the context of changing public relations, changes in legislation in the field of innovative and digital technologies, the trends in the development of modern judicial, as well as law enforcement and human rights systems in the field of integrated interaction will be directly related to their use for mutual exchange of experience, advanced training and ensuring intersystem interaction in the process of implementing the target functions provided for by legislation and fulfilling the tasks set by the state and society.

Keywords: judicial system; law enforcement and human rights institutions; digital transformation; regulatory regulation; judicial and administrative reform; interaction with state authorities

Cite as: Voronov AA, Kulakova NG. Organizational and Legal Mechanisms for Enhancing the Efficiency of Interaction between the Judicial System, Law Enforcement, and Human Rights Institutions in the Context of Digital Transformation. *Lex russica*. 2025;78(12):29-39. (In Russ.). DOI: 10.17803/1729-5920.2025.229.12.029-039

Введение

Вопросы необходимости межсистемного взаимодействия находят отражение не только в потребностях общества, но и в деятельности государства, в формировании его политики и нормативном обеспечении. В этом контексте реализация конституционных гарантий и защита прав являются безусловным приоритетом Российского государства, причем выполнение указанных обязательств лежит вне поля разделения граждан на различные статусы по происхождению, социальному положению и другим критериям, за исключением ряда ограничений, строго предусмотренных федеральным законодательством. Граждане и субъекты хозяйственной деятельности должны находиться в полной уверенности, что в случае наступления неблагоприятных последствий они получают достойную и справедливую защиту своих прав и интересов со стороны государства.

Система обеспечения и защиты прав граждан в Российской Федерации имеет особую

структуру, в которой вопросы поддержания законности и правопорядка находятся в сфере профессиональной деятельности правоохранительных органов различной целевой и функциональной направленности. С другой стороны, для поддержания баланса интересов общества и государства и обеспечения надлежащего выполнения им функциональных обязанностей активно реализуется деятельность субъектов правозащитной системы, в первую очередь институтов гражданского общества, не только в сфере оказания квалифицированной юридической помощи, выполнения различных правозащитных мероприятий, но и путем осуществления функций общественного контроля.

Наконец, определяющим элементом комплексной системы обеспечения всех конституционных гарантий выступает исключительно эффективная судебная система. Согласно ст. 46 Конституции РФ граждане имеют право на судебную защиту прав и свобод (ст. 46), в том числе, как мы считаем, в целях обеспечения надлежащего выполнения функциональных

обязанностей иными ветвями государственной власти.

Следует отметить, что добиться конечного результата по обеспечению эффективной защиты прав и интересов можно только путем скоординированного взаимодействия анализируемых систем, без какого-либо вмешательства в сферу выполнения непосредственно их целевых функций.

Всё это достаточно обоснованно определяет актуальность поставленной задачи и настоящей работы.

Основной целью работы является изучение нормативных и организационно-функциональных аспектов комплексного взаимодействия судебной системы с правоохранительными и правозащитными институтами, обеспечивающего эффективную защиту прав и свобод граждан, интересов хозяйствующих субъектов в условиях цифровой трансформации. Соответственно, в итоге мы должны получить обоснованные выводы о самых актуальных направлениях указанного взаимодействия, а также о возможных проблемах и способах их решения.

Необходимость организации межсистемного взаимодействия обусловлена стремлением обеспечить не только надлежащий уровень законности, но и баланс интересов общества и государства. Именно привлечение субъектов гражданского общества к реализации конституционных гарантий и будет своего рода инструментом формирования такого баланса.

Обратим внимание на то, что любое серьезное исследование всегда базируется не только на выборе актуальной темы, постановке задачи, подготовке теоретической базы и экспериментальной основы, но и на наиболее универсальной и применимой к объекту и предмету исследования методологии. Отметим, что в рассматриваемой ситуации целесообразнее всего использовать системный, а если быть более точным, достаточно перспективный для анализа правовых институтов метасистемный, подход (применение идеи метасистемного взаимовлияния), позволяющий представить взаимодействующие системы как некую единую систему, в которую интегрированы анализируемые объекты, у которой есть некая общая цель, субъект и объект управления, средства и планируемый результат¹. Соответственно, еди-

ная анализируемая система взаимодействующих элементов со свойственными ей принципами существования и будет выступать в качестве объекта исследования.

Предметом исследования являются нормативные и организационно-функциональные аспекты межсистемного взаимодействия в условиях цифровой трансформации, обеспечивающего эффективное функционирование судебной, правозащитной и правоохранительной систем.

Основная часть

Системное применение высоких технологий в организации и функционировании субъектов правовой сферы началось относительно недавно, около 10 лет назад, причем их внедрение проходило изначально достаточно медленно, начиная со сферы обработки информации, формирования баз данных и корпоративных информационных систем и заканчивая разработкой механизмов дистанционного взаимодействия, причем своего рода толчком к интенсификации использования механизмов цифровизации явился период пандемии коронавируса. Именно данный временной интервал ознаменовался интенсивными научными исследованиями, формированием необходимой нормативно-правовой основы, но в то же время были выявлены многочисленные проблемы с самой возможностью организации информационного взаимодействия. В настоящее время цифровые технологии развиваются скачкообразно: не только механизмы автоматизированной обработки данных, кибернетики, но и инструменты искусственного интеллекта стали реальностью, которую необходимо не только принять как данное, но и постараться максимально эффективно использовать в организации деятельности и управлении правовой системой, включая анализируемые элементы. Особенно важны указанные средства для обеспечения межсистемного, межведомственного взаимодействия, поскольку они не только дают возможность мгновенно обрабатывать информацию, но и позволяют использовать результаты ее анализа в целевой деятельности, предусмотренной профильным российским законодательством.

¹ См.: Звягин Л. С. Метасистемный подход в экономике и управлении // Вопросы экономики и управления. 2016. № 4 (6). С. 6–11 ; Зырянов А. В. Системный подход в современных юридических исследованиях // Правовое государство: теория и практика. 2018. № 4 (54). С. 47–53.

Как отмечает профессор Е. В. Бурдина, «с вступлением судов в цифровую и постковидную эпоху появляются новые способы судебного управления, связанные с внедрением в судебную деятельность цифровых инструментов, что потребует необходимость новых правил использования технологий и совершенствования нормативного регулирования, учитывая качество, сложность и скорость вводимых инноваций»².

Нельзя не отметить тот факт, что использование цифровых технологий намного облегчает гражданам (и юридическим лицам) подачу заявлений, различных документов, а также общение в онлайн-формате. Особенно эффективно этот способ стал применяться в последнее время в судах в уголовном процессе. Помимо всего, как отмечают исследователи, «кроме перечисленных выгод для деятельности судов существует еще множество, сводящее всё к главной — безопасности и доступности правосудия для всех заинтересованных субъектов, приближении его к гражданам и удешевлению многих процедур, связанных с участием в судебном процессе и деятельности судебной системы и аппарата»³.

Кроме того, цифровые технологии играют важную роль в обработке информации, которая используется в деятельности судов и правоохранительных органов (в частности, уже ведутся эксперименты с применением искусственного интеллекта в процессе изготовления судебных стенограмм и протоколов заседаний), помогают в организации разрешения продления сроков меры пресечения или жалоб, обеспечивают ускоренную и эффективную процедуру архивирования документации, хранения, позволяют участникам судебных процессов использовать материалы при рассмотрении дел в электронной форме и т.д. Несмотря на то что внедрение цифровых технологий привело к развитию автоматизации правосудия⁴, следует акцентировать внимание и на наличии

противоположных точек зрения относительно преимуществ традиционного правосудия по сравнению с цифровым⁵.

Если обратиться к терминологии применительно к области реализации информационных процессов, то цифровая трансформация — это не фактическое использование высоких технологий в организации деятельности системы, а глобальная перестройка процессов и системы управления с использованием результатов цифровизации. При этом в числе характеризующих данных существенное снижение издержек на обработку информации, изменение организационной структуры и функций системы, активное использование сквозной кросс-аналитики для принятия решений, наличие цифровых каналов связи с заинтересованными субъектами⁶.

В свете анализируемых вопросов следует обратить внимание на то обстоятельство, что в современный период рассмотрение любых перспектив взаимодействия всегда должно опираться на функционал и целеполагание взаимодействующих систем. При этом эффективность взаимодействия будет зависеть от сходства структурирования и алгоритмизации хранения и передачи информации. Именно данные критерии являются определяющими в обеспечении эффективного и оптимального уровня межведомственного и межсистемного взаимодействия.

Отметим, что судебная и правоохранительная системы реализуют механизм цифровой трансформации согласно сформированным самостоятельно внутрисистемным концепциям. Одним из таких успешных примеров следует считать деятельность прокуратуры Российской Федерации по разработке комплексной Концепции цифровой трансформации⁷, в результате чего, по утверждению старшего научного сотрудника Университета прокуратуры Российской Федерации Е. В. Ступаченко, «использование информационных технологий, внедряемых

² Бурдина Е. В. Российская модель организационного обеспечения деятельности судов // Российское правосудие. 2023. № 3. С. 9–20. URL: <https://doi.org/10.37399/issn2072-909X.2023.3.9-20>.

³ Ермаков А. В. Цифровизация правосудия и искусственный интеллект // Закон и право. 2024. № 4. С. 26–30.

⁴ Лунгу Е. В. Конституционные права и свободы человека в свете цифровизации общественных отношений // Lex russica. 2025. Т. 78. № 3. С. 86–97. DOI: 10.17803/1729-5920.2025.220.3.086-097.

⁵ Кулаков В. В., Арямов А. А. Цифровое правосудие: возможности и пределы // Российское правосудие. 2024. № 5. С. 18–25. URL: <https://doi.org/10.37399/issn2072-909X.2024.5.18-25>.

⁶ Удалов Д. В. Цифровая трансформация социально-экономического пространства // Вестник Саратовского государственного социально-экономического университета. 2020. № 3 (82). С. 33–36.

⁷ Приказ Генпрокуратуры России от 14.09.2017 № 627 (ред. от 27.05.2024) «Об утверждении Концепции цифровой трансформации органов и организаций прокуратуры до 2025 года» (вместе с Концепцией

на основе указанной Концепции, существенно расширяет функциональные возможности органов прокуратуры в условиях развития информационного общества и способствует повышению эффективности прокурорской деятельности на различных ее участках»⁸.

В Концепции развития судебной системы России на 2013–2024 гг. в числе главных приоритетов выступали ее информатизация и внедрение современных информационных технологий⁹. При этом в число важнейших направлений развития судебной системы входит формирование необходимых условий для обеспечения электронного взаимодействия с информационными системами основных правоохранительных институтов, включая прокуратуру РФ, Следственный комитет РФ, ФССП России, МВД России, ФСИН России и др.

В связи с завершением сроков реализации Концепции в 2024 г. и отсутствием на настоящий момент новых документов планирования можно с уверенностью говорить об успешной цифровизации судебной системы.

Следует обратить внимание на то, что в Концепции отсутствуют строго определенные предложения, направленные на необходимость обеспечения взаимодействия судебной системы с институтами гражданского общества, иными правозащитными институтами, но предпосылки этого можно найти в экономическом разделе, где предусматриваются создание среды для инновационного социально ориентированного типа развития, развитие политико-правовых институтов, нацеленных на обеспечение гражданских и политических прав граждан и исполнение законодательства Российской Федерации, а также на защиту базовых прав, включая неприкосновенность личности и собственности. Указанные направления, с нашей точки зрения, невозможно реализовать без формирования эффективного механизма межсистемного взаи-

модействия, а его не получится максимально быстро осуществить без отлаженной цифровой основы, позволяющей реализовывать быстрый информационный обмен. Также в пользу данного утверждения говорит информационная политика судебной системы, отраженная в профильной Концепции и включающая в ходе проводимой судебной реформы осуществление комплекса мероприятий нормативно-правового, организационного, научно-исследовательского, издательского и иного характера, направленных в том числе на гармонизацию отношений судебной власти и общества¹⁰.

Что касается целей развития непосредственно правоохранительной системы, ее институтов, то здесь также основные направления функционирования находят отражение в аналогичных концептуальных документах планирования, имеющих сходные принципиальные установки и предложения по их совершенствованию. В частности, согласно Концепции развития уголовно-исполнительной системы Российской Федерации до 2030 г.¹¹ современное развитие уголовно-исполнительной системы невозможно без повышения уровня взаимодействия с институтами гражданского общества, что, в свою очередь, предполагает обеспечение защищенности прав, свобод и законных интересов человека и гражданина. С другой стороны, поставленные законодателем задачи по реализации межсистемного взаимодействия также возникли не на пустом месте, а обусловлены в определенной степени недостаточным состоянием уровня законности, в том числе в исправительных учреждениях. Соответственно, вопросы управления в сфере взаимодействия правоохранительных органов, судов и институтов гражданского общества, его согласованности зависят напрямую от степени соблюдения законности при выполнении целевых функций, закрепленных в профильном законодательстве.

цифровой трансформации органов и организаций прокуратуры Российской Федерации до 2025 года) // Законность. 2017. № 12.

⁸ Ступаченко Е. В. Цифровизация организации прокурорской деятельности как необходимое условие функционирования органов прокуратуры в условиях развития информационного общества // Административное право и процесс. 2024. № 9. С. 81–84.

⁹ Постановление Правительства РФ от 27.12.2012 № 1406 (ред. от 15.07.2024) «О федеральной целевой программе “Развитие судебной системы России на 2013–2024 годы”» // СЗ РФ. 2013. № 1. Ст. 13.

¹⁰ Концепция информационной политики судебной системы на 2020–2030 годы (одобрена Советом судей РФ 05.12.2019) // URL: <http://www.ssrif.ru> (дата обращения: 09.02.2025).

¹¹ Распоряжение Правительства РФ от 29.04.2021 № 1138-р (ред. от 27.05.2023) «О Концепции развития уголовно-исполнительной системы Российской Федерации на период до 2030 года» // СЗ РФ. 2021. № 20. Ст. 3397.

Рассматривая вопросы взаимодействия в условиях развития высоких технологий правоохранительных и судебных органов, выступающих в качестве субъектов ветвей государственной власти (исполнительной и судебной), следует согласиться с мнением профессора С. М. Зубарева о том, что цифровизацию государственного управления можно представить как административную реформу, причем одной из целей выступает повышение открытости и прозрачности работы органов власти, а также расширение возможностей граждан контролировать их деятельность¹². При этом, как отмечает профессор Ю. В. Степаненко, «преобразования в исполнительной власти современной России могут быть структурными и функциональными, эволюционными и функциональными»¹³. Как представляется, взаимодействие анализируемых систем должно осуществляться комплексно, в рамках развития технологий и необходимости реализации функциональных задач и целей, предусмотренных профильным законодательством для судебной системы, правоохранительных органов и правозащитных институтов соответственно. Кстати, профессор С. А. Старостин в одной из своих монографических работ также отмечает важность использования технологий в обеспечении управления и развития органов исполнительной власти в рамках административной реформы¹⁴.

Согласованное межсистемное, межведомственное взаимодействие, нацеленное на общий результат по обеспечению верховенства права, конституционных гарантий и укреплению законности, необходимо, однако к вопросам его организации нужно подходить комплексно. С одной стороны, использование высоких технологий в любой системе позволяет намного улучшить качество ее работы, а также сократить функциональные издержки. С другой — необходимо учитывать и человеческий фактор, обмен информацией и ее анализ при реальном общении физических лиц, что особенно важно в судебной деятельности.

Следует отметить, что организация данного взаимодействия не является простой задачей по причине наличия в пределах закона

профессионального противодействия правоохранительных и правозащитных институтов (например, в лице адвокатуры), властной функциональности (органы государственной власти и правоохранительные органы), наконец, особого статуса судебной системы, которая характеризуется независимостью. При этом речь не ведется о каком-либо вмешательстве в целевую деятельность соответствующей системы: основное направление взаимодействия должно состоять в нахождении точек соприкосновения, позволяющих более качественно и результативно выполнять целевые задачи в рамках обеспечения конституционных гарантий гражданам, защиты их прав и свобод.

Сама необходимость организации межсистемного взаимодействия обусловлена не только позицией высших органов власти, но и течением времени, потребностью общества, принесением в нашу жизнь принципов информационной деятельности всех органов власти. Указанные факторы связаны с потребностью в повышении уровня доверия к власти, ее органам, государству и — главное — в усилении гарантированности обеспечения прав и свобод.

Как уже отмечалось, нормативную основу организации межсистемного взаимодействия составляют Конституция России, профильные законы, регулирующие отношения в сфере организации и функционирования судебной системы, правоохранительных институтов (органов), институтов гражданского общества (в первую очередь адвокатуры, нотариата, российских правозащитных организаций), федеральные законы, регламентирующие информационные, технологические и организационные вопросы взаимодействия различных субъектов, а также ведомственные подзаконные нормативные акты (концепции, правила, стандарты и т.д.).

Важную роль в повышении эффективности работы всей правовой системы Российской Федерации играет слаженное, тесное взаимодействие между ведомствами, между органами, между службами и между институтами. При этом определяющим фактором в налаживании взаимодействия являются постоянный

¹² Зубарев С. М. Правовые риски цифровизации государственного управления // Актуальные проблемы российского права. 2020. Т. 15. № 6. С. 23–32. DOI: 10.17803/1994-1471.2020.115.6.023-032.

¹³ Степаненко Ю. В. Логика преобразований в исполнительной власти // Вестник Университета имени О.Е. Кутафина (МГЮА). 2019. № 6. С. 73–80.

¹⁴ См.: Старостин С. А. Актуальные проблемы административного права и административного процесса : монография. М. : Проспект, 2022. С. 4.

обмен необходимой служебной информацией, опытом, совместная координация проводимых мероприятий.

Выделим основные задачи в сфере развития и модернизации цифровой и информационной инфраструктуры судебной, правоохранительной и правозащитной систем:

- централизация системы управления ИТ-инфраструктуры;
- разработка платформы обеспечения дистанционного взаимодействия;
- повышение уровня кибербезопасности, в том числе информационной;
- оптимизация и модернизация системы хранения данных;
- использование искусственного интеллекта и алгоритмов обработки данных с учетом разрешений, предусмотренных законодательством;
- расширение системы электронного документооборота;
- обновление серверного оборудования;
- разработка (модернизация) системы личных кабинетов для пользователей (судей, сотрудников судов, сотрудников правоохранительных органов, адвокатов, нотариусов и т.д.).

Преимущественным направлением применения цифровых технологий является использование корпоративных информационных систем, таких как ГАС «Правосудие» (судебная система), корпоративные информационные системы адвокатуры, МВД России и т.д., применение которых возможно только при наличии разработанной нормативной базы и комплексной организационно-технологической подсистемы, позволяющих в целом обеспечивать согласованное и эффективное взаимодействие анализируемых субъектов.

Цифровизация и цифровая трансформация сегодня являются не только наиболее важными инструментами, обеспечивающими эффективное функционирование практически любой системы, без привязки к направлению деятельно-

сти, но также базовой составляющей цифрового управления, включающего не только высокотехнологическое оснащение управленческих процедур, но и существенное преобразование в автоматизации, обеспечении информационно-коммуникационного взаимодействия, системе документооборота¹⁵.

Как отмечается исследователями, и правоохранительные органы, и правозащитные институты в целом, по сути, выполняют одни и те же функции, в частности обеспечения законности и защиты прав и интересов граждан, оказавшихся по одну из сторон закона¹⁶. Впрочем, с данным утверждением сложно согласиться в полной мере, поскольку указанные системы и их субъекты, хотя в определенной степени и работают в одном правовом поле, вместе с тем выполняют различные функции и задачи, предусмотренные профильным законодательством. Отдельным субъектом в данной структуре является судебная система, принимающая окончательные решения, направленные на защиту прав граждан и законных интересов граждан и организаций.

Повышение уровня взаимодействия между анализируемыми системами, нацеленного на общий результат, в конечном итоге приведет к минимизации возможных потерь и рисков, допускаемых субъектами правоприменения при осуществлении профессиональной деятельности, поскольку позволит своевременно и комплексно анализировать необходимую информацию, а также выработать единые подходы к устранению возникающих проблем.

Обратим внимание на то, что вопросы межведомственного информационного взаимодействия в большинстве своем решаются путем заключения соглашений и протоколов об информационном и технологическом взаимодействии¹⁷ и информационной безопасности, издания межведомственных нормативных правовых и иных актов¹⁸. При этом в качестве субъектов организации и обеспечения меж-

¹⁵ Каталкина М. Ю., Кузьмина Е. Ю., Савченко А. В. Проблемы развития цифрового управления // E-Management. 2022. Т. 5. № 1. С. 52–58.

¹⁶ Нечипорук Д. О. Проблемы взаимодействия органов внутренних дел и адвокатуры // Горизонты гуманитарного знания. 2022. № 2. С. 18–25.

¹⁷ Соглашение об информационном взаимодействии между Палатой адвокатов Нижегородской области и Нижегородским областным судом // URL: https://apno.ru/images/04.Files/2023/Soglashenie_APNO_NRC_05092023.pdf?ysclid=m99bm1gavk232934265 (дата обращения: 05.03.2025).

¹⁸ Наумов Д. М., Кутузова А. С. Организация межведомственного информационного взаимодействия между территориальными органами ФСИН России и подразделениями других правоохранительных структур // Ведомости уголовно-исполнительной системы. 2017. № 9. С. 55–60.

системного взаимодействия в общем порядке выступают, как правило, председатели судов, руководители управления судебного департамента на федеральном и региональных уровнях соответственно (от судебной системы), руководители правоохранительных органов и должностные лица, ответственные за ведение правовой, социальной, кадровой работы (от правоохранительной системы), единоличные и коллегиальные органы управления (от правозащитной системы). В этой связи целесообразно сформулировать основные задачи, стоящие перед субъектами управления при организации межсистемного взаимодействия:

— правовое сопровождение организации взаимодействия судебной системы с правоохранительными органами и институтами гражданского общества;

— реализация функций, связанных с совершенствованием законодательства Российской Федерации применительно к межсистемному взаимодействию, регулированием вопросов, входящих в компетенцию судебной, правоохранительной и правозащитной систем России, а также повышением качества подготовки проектов нормативных правовых актов;

— правовое сопровождение нормотворческого процесса в части принятия (публикации) нормативных правовых актов Российской Федерации, затрагивающих интересы субъектов судебной системы России в совместной деятельности (сотрудничестве) с правоохранительными органами и институтами гражданского общества Российской Федерации.

Определим наиболее важные направления комплексного взаимодействия судебной системы с правоохранительными и правозащитными институтами, позволяющие повысить эффективность их функционирования и реализации целей по защите прав и свобод граждан, интересов хозяйствующих субъектов.

1. Формирование электронного межсистемного взаимодействия (в установленных законодательством пределах) на основе ведомственных информационных корпоративных систем (взаимный обмен информацией об изменении законодательства и о практике его применения).

2. Заключение и реализация межсистемных соглашений в части взаимного повышения квалификации сотрудников (лекции, семинары, групповые консультации).

3. Повышение уровня материально-технического обеспечения системы взаимодействия (помещения, электронные ресурсы).

4. Привлечение практиков (судей, прокуроров, следователей, адвокатов, нотариусов и др.) к образовательному процессу ведомственных образовательных организаций высшего, среднего профессионального и дополнительного профессионального (повышение квалификации, профессиональная переподготовка) образования.

5. Организация межсистемного научного взаимодействия в части выработки предложений по повышению эффективности реализации нормативных установок и укреплению взаимодействия.

Развивая мысль о необходимости более широкого межсистемного взаимодействия в образовательной и научной сферах, отметим, что именно указанный блок организации взаимных отношений является наиболее развитым и успешным в плане обмена опытом, привлечения работников (сотрудников) к взаимной образовательной и научной деятельности, организации конференций, выполнения совместных научно-исследовательских работ и т.д. В качестве примеров можно выделить заключение договоров о совместной деятельности между ведущими профильными вузами России, представляющими различные субъекты исследования, такими как Российский государственный университет правосудия имени В.М. Лебедева, Университет прокуратуры Российской Федерации, Московская академия Следственного комитета имени А.Я. Сухарева, Московский университет МВД России имени В.Я. Кикотя, Академия права и управления ФСИН России, Российская академия адвокатуры и нотариата имени Г.Б. Мирзоева и др. Вполне очевидно, что указанные образовательные организации и учреждения имеют достаточно структурированную профессиональную направленность при подготовке специалистов с необходимыми компетенциями, но в целях реализации комплексного подхода к повышению уровня образовательного процесса целесообразно и оправданно привлечение специалистов и использование методик других образовательных организаций. Это поможет предметно рассмотреть имеющиеся проблемы как со стороны судебной системы, так и со стороны других анализируемых институтов.

Заключение

Подводя итог, отметим, что взаимодействие между судебной, правоохранительной системой и обществом в лице его институтов должно строиться на основе взаимного профессионального уважения и соблюдения принципов справедливости и законности, а также с учетом реализации норм и требований профессиональной этики. Указанные принципы взаимодействия, несомненно, влияют на повышение уровня доверия общества к деятельности субъектов анализируемых систем, а с другой стороны, формируют у них внутреннюю потребность достигать поставленные цели с уважением к правам и свободам каждого российского гражданина. Особенно это важно в уголовном судопроизводстве, где законом предусматривается возможность ограничения прав граждан вплоть до лишения свободы.

Как и в случае с функционированием судебной системы, в работе правоохранительных органов и правозащитных организаций в разумных пределах должна обеспечиваться открытость, в том числе путем взаимодействия со средствами массовой информации, размещения информации о конкретных функциональных направлениях и делах на страницах ведомственных ресурсов, интервью журналистам на телевидении, радио и др.

Отдельное внимание в функционировании судебной и правоохранительной систем и их субъектов следует уделить взаимодействию с правозащитной системой и ее институтами,

иными субъектами, такими как правозащитные организации, институты уполномоченных по правам человека, гражданина, ребенка, предпринимателей и т.д., институты адвокатуры, нотариата. Наличие межсистемных связей через информационные каналы не только повысит степень взаимодействия анализируемых субъектов, представляющих судебные и правоохранительные органы и негосударственные институты гражданского общества, но и позволит обеспечить результативность функционирования при выполнении целевых профессиональных задач.

С учетом сказанного считаем, что тенденции развития современной правовой системы в целом напрямую будут связаны с использованием современных инновационных цифровых технологий для взаимного обмена опытом, повышения квалификации и обеспечения межсистемного взаимодействия. При этом следует отметить, что перспективы взаимодействия судебной, правоохранительной и правозащитной систем, степень эффективности защиты и обеспечения прав и свобод человека и гражданина, укрепления законности страны зависят от характера взаимоотношений между гражданским обществом и государством. Основным критерием эффективного сотрудничества выступает межсистемное взаимодействие, базирующееся на принципах приоритета прав и свобод личности, взаимного доверия, соблюдения баланса интересов общества и государства и утверждения прочного правопорядка во всех сферах жизни гражданского общества и государства.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

Бурдина Е. В. Российская модель организационного обеспечения деятельности судов // Российское правосудие. 2023. № 3. С. 9–20. URL: <https://doi.org/10.37399/issn2072-909X.2023.3.9-20>.

Ермаков А. В. Цифровизация правосудия и искусственный интеллект // Закон и право. 2024. № 4. С. 26–30.

Звягин Л. С. Метасистемный подход в экономике и управлении // Вопросы экономики и управления. 2016. № 4 (6). С. 6–11.

Зубарев С. М. Правовые риски цифровизации государственного управления // Актуальные проблемы российского права. 2020. Т. 15. № 6. С. 23–32. DOI: 10.17803/1994-1471.2020.115.6.023-032.

Зырянов А. В. Системный подход в современных юридических исследованиях // Правовое государство: теория и практика. 2018. № 4 (54). С. 47–53.

Каталкина М. Ю., Кузьмина Е. Ю., Савченко А. В. Проблемы развития цифрового управления // E-Management. 2022. Т. 5. № 1. С. 52–58.

Кулаков В. В., Арямов А. А. Цифровое правосудие: возможности и пределы // Российское правосудие. 2024. № 5. С. 18–25. URL: <https://doi.org/10.37399/issn2072-909X.2024.5.18-25>.

Лунгу Е. В. Конституционные права и свободы человека в свете цифровизации общественных отношений // Lex russica. 2025. Т. 78. № 3. С. 86–97. DOI: 10.17803/1729-5920.2025.220.3.086-097.

Наумов Д. М., Кутузова А. С. Организация межведомственного информационного взаимодействия между территориальными органами ФСИН России и подразделениями других правоохранительных структур // Ведомости уголовно-исполнительной системы. 2017. № 9. С. 55–60.

Нечипорук Д. О. Проблемы взаимодействия органов внутренних дел и адвокатуры // Горизонты гуманитарного знания. 2022. № 2. С. 18–25.

Старостин С. А. Актуальные проблемы административного права и административного процесса : монография. М. : Проспект, 2022. 344 с.

Степаненко Ю. В. Логика преобразований в исполнительной власти // Вестник Университета имени О.Е. Кутафина (МГЮА). 2019. № 6. С. 73–80.

Ступаченко Е. В. Цифровизация организации прокурорской деятельности как необходимое условие функционирования органов прокуратуры в условиях развития информационного общества // Административное право и процесс. 2024. № 9. С. 81–84.

Удалов Д. В. Цифровая трансформация социально-экономического пространства // Вестник Саратовского государственного социально-экономического университета. 2020. № 3 (82). С. 33–36.

REFERENCES

Burdina EV. The Russian model of organizational support for the activities of courts. *Rossiiskoe pravosudie [Russian Justice]*. 2023;(3):9-20. (In Russ.). DOI: 10.37399/issn2072-909X.2023.3.9-20.

Ermakov AV. Digitalization of justice and artificial intelligence. *Law and Legislation*. 2024;(4):26-30. (In Russ.). DOI: 10.24412/2073-3313-2024-4-26-30.

Katalkina MYu, Kuzmina EYu, Savchenko AV. Problems of the development of digital management. *E-Management*. 2022;5(1):52-58. (In Russ.).

Kulakov VV, Aryamov A A. Digital justice: possibilities and limits. *Rossiiskoe pravosudie [Russian Justice]*. 2024;(5):18-25. (In Russ.). DOI: 10.37399/issn2072-909X.2024.5.18-25.

Lungu EV. Constitutional Human Rights and Freedoms in the light of Digitalization of Public Relations. *Lex russica*. 2025;78(3):86-97. (In Russ.). DOI: 10.17803/1729-5920.2025.220.3.086-097.

Naumov DM, Kutuzova AS. Organization of interdepartmental information interaction between the territorial bodies of the Federal Penitentiary Service of Russia and units of other law enforcement agencies. *Vedomosti ugovlovno-ispolnitelnoy sistemy*. 2017;9:55-60. (In Russ.).

Nechiporuk DO. Issues of Interaction Between Internal Affairs Bodies and Attorneys. *The Horizons of Humanities Knowledge*. 2022;2:18-25. (In Russ.).

Starostin SA. Current issues of administrative law and administrative process. Moscow: Prospekt Publ.; 2022. (In Russ.).

Stepanenko YuV. Logic of Transformations in Executive Power. *Courier of Kutafin Moscow State Law University (MSAL)*. 2019;(6):73-80. (In Russ.). DOI: 10.17803/2311-5998.2019.58.6.073-080.

Stupachenko EV. Digitalization of prosecutor's activities as a necessary condition of functioning of prosecution authorities in the information society development conditions. *Administrative Law and Procedure*. 2024;9:81-84. (In Russ.).

Udalov DV. Digital transformation of socio-economic space. *Vestnik Saratovskogo gosudarstvennogo sotsialno ekonomicheskogo universiteta*. 2020;3(82):33-36. (In Russ.).

Zubarev SM. Legal Risks of Digitalization of Public Administration. *Actual Problems of Russian Law*. 2020;15(6):23-32. (In Russ.). DOI: 10.17803/1994-1471.2020.115.6.023-032

Zvyagin LS. Metasystem approach in economics and management. *Voprosy ekonomiki i upravleniya*. 2016;4(06):6-11. (In Russ.).

Zyryanov AV. System approach in modern legal studies. *The Rule of Law State: Theory and Practice*. 2018;4(54):47-53. (In Russ.).

ИНФОРМАЦИЯ ОБ АВТОРАХ

Воронов Александр Алексеевич, доктор юридических наук, кандидат физико-математических наук, почетный работник высшего профессионального образования Российской Федерации, профессор кафедры административно-правовых и процессуальных дисциплин Воронежского института ФСИН России

д. 1а, Иркутская ул., г. Воронеж 394072, Российская Федерация

a.a.voronov@mail.ru

Кулакова Надежда Геннадьевна, кандидат юридических наук, доцент кафедры уголовного права Центрального филиала Российского государственного университета правосудия имени В.М. Лебедева

д. 95, 20-летия Октября ул., г. Воронеж 394006, Российская Федерация

nadezhdakulakova@yandex.ru

INFORMATION ABOUT THE AUTHORS

Alexander A. Voronov, Dr. Sci. (Law), Cand. Sci. (Physics and Mathematics), Professor, Voronezh Institute of the Federal Penitentiary Service of Russia, Honorary Worker of Higher Professional Education of the Russian Federation, Voronezh, Russian Federation

a.a.voronov@mail.ru

Nadezhda G. Kulakova, Cand. Sci. (Law), Associate Professor, Department of Criminal Law, Central Branch, Lebedev Russian State University of Justice, Voronezh, Russian Federation

nadezhdakulakova@yandex.ru

Материал поступил в редакцию 11 апреля 2024 г.

Статья получена после рецензирования 15 мая 2025 г.

Принята к печати 15 ноября 2025 г.

Received 11.04.2024.

Revised 15.05.2025.

Accepted 15.11.2025.

DOI: 10.17803/1729-5920.2025.229.12.040-053

**С. Н. Зайкова
А. А. Стародубов**Саратовская государственная юридическая академия (СГЮА)
г. Саратов, Российская Федерация

Административно-правовой статус инспекторов комиссий по делам несовершеннолетних и защите их прав (по материалам обобщения региональной практики)

Резюме. Современные вызовы требуют пересмотра правовой регламентации системы профилактики безнадзорности и правонарушений несовершеннолетних, ключевую координирующую роль в которой играют комиссии по делам несовершеннолетних и защите их прав. Анализ законодательства субъектов Российской Федерации показал, что в состав ряда комиссий включены инспектора, чей статус и полномочия не определены Примерным положением о комиссиях по делам несовершеннолетних и защите их прав. В работе делается вывод о том, что имеет место смешение функций инспекторов комиссий с функциями ответственных секретарей, членов комиссий и специалистов, обеспечивающих деятельность комиссий. В то же время выявлена потребность в усилении команд комиссий специалистами, имеющими высшее юридическое образование. Именно инспектор может стать тем субъектом комиссии, за которым необходимо закрепить правовое обеспечение ее деятельности. В статье рассматривается вариант корректировки названного Примерного положения и предложена авторская формулировка правовой нормы о включении инспекторов в состав комиссий с установлением к ним требования о наличии высшего юридического образования, а также о закреплении специальных функций. Это позволит повысить эффективность деятельности комиссий, в частности при рассмотрении дел об административных правонарушениях несовершеннолетних, их родителей (законных представителей), иных лиц.

Ключевые слова: система профилактики безнадзорности и правонарушений несовершеннолетних; комиссия по делам несовершеннолетних и защите их прав; подразделение по делам несовершеннолетних органа внутренних дел; инспектор по делам несовершеннолетних; административно-правовой статус

Для цитирования: Зайкова С. Н., Стародубов А. А. Административно-правовой статус инспекторов комиссий по делам несовершеннолетних и защите их прав (по материалам обобщения региональной практики). *Lex russica*. 2025. Т. 78. № 12. С. 40–53. DOI: 10.17803/1729-5920.2025.229.12.040-053

Благодарности. Работа выполнена в рамках реализации государственного задания на оказание государственных услуг (выполнение работ) в части проведения фундаментальных научных исследований на 2025–2027 гг. по теме «Правовой механизм профилактики антиобщественного и противоправного поведения несовершеннолетних и модель его развития».

An Administrative Law Status of Inspectors for Juvenile Affairs Commissions and Protection of Their Rights (Based on Regional Practice Analysis)

Svetlana N. Zaikova

Arseniy A. Starodubov

Saratov State Law Academy (SSLA)

Saratov, Russian Federation

Abstract. Contemporary challenges necessitate a reassessment of the legal regulation governing the prevention of neglect and juvenile delinquency, wherein commissions for juvenile affairs and the protection of juveniles' rights serve as the principal coordinating bodies. An analysis of the legislation of the constituent entities of the Russian Federation showed that a number of commissions include inspectors whose status and powers are not determined by the Model Regulation on Commissions for Minors and the Protection of Their Rights. The study finds an overlap between the duties of commission inspectors and those of responsible secretaries, commission members, and supporting specialists. It was also determined that commission teams should be reinforced with specialists possessing higher legal qualifications. Since an inspector may become a commission subject/participant, the legal basis for their activities must be secured. The paper examines amending the Model Provision and proposes the author's formulation of a legal norm to include inspectors in commissions, require them to hold a law degree, and formalize their specific functions. This will increase the efficiency of the commissions, in particular when considering cases of administrative offenses committed by minors, their parents (legal representatives), and other persons.

Keywords: neglect and juvenile delinquency prevention system; Commission on Juvenile Affairs and Protection of Their Rights; department for juvenile affairs of the internal affairs body; juvenile inspector; administrative and legal status

Cite as: Zaikova SN, Starodubov AA. An Administrative Law Status of Inspectors for Juvenile Affairs Commissions and Protection of Their Rights (Based on Regional Practice Analysis). *Lex russica*. 2025;78(12):40-53. (In Russ.). DOI: 10.17803/1729-5920.2025.229.12.040-053

Acknowledgements. This study was conducted under the state assignment for the provision of public services (execution of work) as part of the fundamental scientific research programme for 2025–2027 on the topic «Legal Mechanism for the Prevention of Antisocial and Unlawful Behavior of Minors and the Model for Its Development».

Введение

Российскую систему профилактики безнадзорности и правонарушений несовершеннолетних (далее — система профилактики) составляют комиссии по делам несовершеннолетних и защите их прав (далее — комиссии) и другие субъекты, перечисленные в ст. 4 Федерального закона от 24.06.1999 № 120-ФЗ¹.

Комиссии наделены особым правовым статусом, они являются координаторами системы профилактики: обеспечивают координацию деятельности множества субъектов, организуют

межведомственную индивидуальную профилактическую работу и наделены правом применения к несовершеннолетним, их родителям и законным представителям мер государственного принуждения — привлечения к административной ответственности.

Современные вызовы требуют пересмотра правовой регламентации системы профилактики². Именно «комиссии должны являться инициаторами и катализаторами процессов, всесторонне изменяющих к лучшему положение детей и подростков на соответствующей территории»³.

¹ Федеральный закон от 24.06.1999 № 120-ФЗ «Об основах системы профилактики безнадзорности и правонарушений несовершеннолетних» // СЗ РФ. 1999. № 26. Ст. 3177.

² Ильгова Е. В., Зайкова С. Н. Функциональная структура автоматизированной информационной системы профилактики безнадзорности и правонарушений несовершеннолетних в Российской Федерации // Вестник Саратовской государственной юридической академии. 2021. № 5. С. 106.

³ Антонова Л. Б. Комиссии по делам несовершеннолетних и защите их прав: проблемы в реализации полномочий // Вестник Воронежского института МВД России. 2021. № 4. С. 266.

Охранительный, социальный, организационно-методический, административно-юрисдикционный алгоритмы деятельности комиссий⁴ должны иметь четкую правовую регламентацию и механизм реализации. Мнения ученых относительно выбора системы комиссий различаются⁵, но в части единой регламентации их деятельности споров не возникает.

Место и роль инспекторов в системе профилактики безнадзорности и правонарушений несовершеннолетних

Состав комиссий строго регламентирован (п. 8 Примерного положения о комиссиях по делам несовершеннолетних и защите их прав⁶ (далее — Примерное положение)) и включает председателя, его заместителя(-ей), ответственного секретаря и членов комиссии. Между перечисленными лицами четко разделены полномочия. Включение инспекторов в состав комиссий не предусмотрено.

Анализ законодательства субъектов РФ показал, что в состав ряда комиссий включены инспектора, чей статус и полномочия не определены Примерным положением. Такая неопределенность привела к смешению функций инспекторов и других членов комиссий.

Инспекторов комиссий не следует путать с инспекторами подразделений по делам несовершеннолетних органов внутренних дел Российской Федерации (далее — ПДН). В соответствии с п. 5 Инструкции по организации деятельности ПДН⁷ инспектора (старшие инспектора), заместители руководителя и руководитель образуют состав сотрудников ПДН.

Существует значительный массив научной литературы, посвященной различным аспектам деятельности инспекторов ПДН. Так, еще в 1968 г. исследователи административного права отмечали роль инспекторов в детских комнатах милиции⁸.

В наше время И. В. Чечикова анализирует трудности инспектора ПДН в работе с подростками, состоящими на учете, и пути их преодоления⁹; А. В. Гамзина рассматривает методы взаимодействия подразделений по делам несовершеннолетних и оперативных подразделений полиции¹⁰; В. Е. Лапшин и Н. В. Шаманин исследуют особенности профессиональной деформации инспекторов ПДН¹¹. Ряд работ затрагивают вопросы использования информационных технологий в деятельности инспекторов ПДН¹², а также их полномочий в данной сфере¹³.

⁴ *Беженцев А. А.* Роль комиссий по делам несовершеннолетних и защите их прав в профилактике правонарушений несовершеннолетних, перспективы модернизации административной деятельности // Вестник Санкт-Петербургского университета МВД России. 2017. № 1. С. 54.

⁵ *Аржанов В. В.* Новые подходы к системе комиссий по делам несовершеннолетних и защите их прав и к порядку их формирования // Вестник Саратовской государственной юридической академии. 2023. № 3. С. 85–88.

⁶ Примерное положение о комиссиях по делам несовершеннолетних и защите их прав (утв. постановлением Правительства РФ от 06.11.2013 № 995) // СЗ РФ. 2013. № 45. Ст. 5829.

⁷ Инструкция по организации деятельности подразделений по делам несовершеннолетних органов внутренних дел Российской Федерации (утв. приказом МВД России от 15.10.2013 № 845) // Бюллетень нормативных актов федеральных органов исполнительной власти. 2014. № 11.

⁸ *Манохин В. М.* Советское административное право : курс лекций. Вып. 2 : Часть особенная. Саратов, 1968. С. 186.

⁹ *Чечикова И. В.* Трудности инспектора по делам несовершеннолетних в работе с подростками, состоящими на учете, и пути их преодоления // Вестник Южно-Уральского государственного гуманитарно-педагогического университета. 2020. № 7. С. 220–230.

¹⁰ *Гамзина А. В.* К вопросу о методах взаимодействия подразделений по делам несовершеннолетних и оперативных подразделений полиции // Вестник Сибирского юридического института МВД России. 2020. № 1. С. 104–109.

¹¹ *Лапшин В. Е., Шаманин Н. В.* Профессиональная деформация сотрудников органов внутренних дел с различным стажем работы на примере инспектора по делам несовершеннолетних // Прикладная юридическая психология. 2020. № 3. С. 76–84.

¹² *Занина Т. М.* Использование подразделениями по делам несовершеннолетних органов внутренних дел телекоммуникационных технологий в предупреждении правонарушений несовершеннолетних // Преступность в сфере информационных и телекоммуникационных технологий: проблемы предупреждения, раскрытия и расследования преступлений. 2019. № 1. С. 26–31.

Не менее обширна и литература, посвященная различным аспектам работы комиссий. Например, А. А. Беженцев рассматривает роль комиссий в профилактике правонарушений несовершеннолетних и перспективы модернизации административной ответственности¹⁴; М. В. Бутова анализирует вопросы совершенствования процедур привлечения несовершеннолетних к административной ответственности¹⁵; Л. Б. Антонова затрагивает проблемы реализации комиссиями своих полномочий¹⁶; С. А. Афанасьева¹⁷ и П. В. Сергеева¹⁸ исследуют правовое положение и структуру комиссий на примере конкретных регионов. В отдельную категорию можно выделить работы, посвященные оптимизации деятельности комиссий за счет внедрения информационных технологий и совершенствования учетных функций¹⁹. При этом вопросы деятельности инспекторов комиссий и содержания их административно-правового статуса до настоящего времени остаются за пределами внимания ученых, что и определило выбор предмета настоящего исследования.

В исследовании использован комплексный подход, включающий общие и специальные методы познания, среди которых преимуще-

ственными стали метод анализа документов и сравнительно-правовой метод.

Региональные и муниципальные правовые акты, постановления и иные документы комиссий стали эмпирической базой исследования.

В соответствии с Большим толковым словарем русского языка инспектором является должностное лицо, осуществляющее надзор и контроль за правильностью действий подведомственных органов и лиц²⁰. В нормативно-правовых и иных актах субъектов Российской Федерации, органов местного самоуправления административно-правовой статус инспекторов комиссий определяется различным образом, а в ряде случаев не определяется вообще (даже когда инспектора входят в состав комиссий).

Обзор регионального законодательства в части регламентации деятельности инспекторов комиссий

В Орловской области включение инспекторов в состав комиссии не предусмотрено ни региональным Законом²¹, ни Положением о комиссии²². Несмотря на это, в состав комиссии при Админи-

¹³ Хаметдинова Г. Ф. Полномочия инспектора подразделения по делам несовершеннолетних в сфере обеспечения безопасности детей в информационном пространстве // Вестник Сибирского юридического института МВД России. 2020. № 3. С. 65–70.

¹⁴ Беженцев А. А. Указ. соч. С. 54.

¹⁵ Бутова М. В. Некоторые вопросы совершенствования административно-юрисдикционной деятельности по привлечению несовершеннолетних к административной ответственности // Общественная безопасность, законность и правопорядок в III тысячелетии. 2020. № 6-1. С. 266–271.

¹⁶ Антонова Л. Б. Указ. соч. С. 265–271.

¹⁷ Афанасьева С. А. Комиссии по делам несовершеннолетних и защите их прав в городе Москве: проблемы правового регулирования и деятельности // Детство — территория безопасности : сборник материалов конференции, Москва, 8 октября 2021 г. Саратов : Саратовский источник, 2022. С. 188–192.

¹⁸ Сергеева П. В. Правовое положение и структура комиссии по делам несовершеннолетних и защите их прав на примере Саратовской области // Трансформация права и правоохранительной деятельности в условиях развития цифровых технологий в России, странах СНГ и Европейского Союза: проблемы законодательства и социальной эффективности : материалы VI Международной научно-практической конференции преподавателей, практических сотрудников, студентов, магистрантов, аспирантов, Саратов, 12 апреля 2019 г. Саратов : Саратовский источник, 2019. С. 291–294.

¹⁹ Ильгова Е. В., Зайкова С. Н. Указ. соч. С. 104–113.

²⁰ Большой толковый словарь русского языка / под ред. С. А. Кузнецова. СПб. : Норинт, 1998. URL: <http://gramota.ru/slovari/dic?word=инспектор> (дата обращения: 15.02.2025).

²¹ Ст. 3 Закона Орловской области от 30.06.2006 № 602-ОЗ «О наделении органов местного самоуправления муниципальных образований Орловской области отдельными государственными полномочиями Орловской области по созданию комиссий по делам несовершеннолетних и защите их прав и организации деятельности этих комиссий» // Собрание нормативных правовых актов Орловской области. 2007. № 41.

²² П. 3.1 Положения о Комиссии по делам несовершеннолетних и защите их прав при администрации города Мценска (утв. постановлением Администрации города Мценска от 29.08.2014 № 891) // СПС «КонсультантПлюс».

страции города Мценска включен ведущий специалист — инспектор²³ без требований к образованию и без закрепления специальных функций.

В Астраханской области состав комиссии регулируется статьей 6 регионального Закона²⁴, которая не предусматривает наличие в составе комиссий инспекторов. В то же время в Енотаевском районе Астраханской области установлены функции инспектора комиссии (п. 4.4 Регламента²⁵). Сопоставляя функции инспектора комиссии и ответственного секретаря, можно отметить их сходство в части делопроизводства и подготовки заседаний комиссии. К исключительным функциям инспектора отнесены различные виды учетов, проводимых комиссиями²⁶, а также ряд организационных функций и участие в проводимых комиссией рейдах. Таким образом, в большинстве случаев функции инспектора и ответственного секретаря комиссии Администрации муниципального образования «Енотаевский район» дублируются, в результате чего необходимость включения в состав комиссии инспектора необоснованна.

В Волгоградской области инспектора по работе с детьми могут включаться только в состав областной комиссии²⁷. Их основная задача — контроль за исполнением решений областной комиссии.

Инспекторов по работе с детьми и семьями разрешено включать в состав районных комиссий в Республике Мордовия²⁸. Основными критериями реализации такого права являются объем работы по профилактике, рассчитанный с учетом численности несовершеннолетних и семей, состояния социальной и криминогенной обстановки, наличия финансовых средств.

В Ямало-Ненецком автономном округе инспектора по работе с детьми районной (городской) комиссии осуществляют свои полномочия на штатной основе. Региональным законом их функции не установлены²⁹.

В Курганской области в соответствии с п. 1 ст. 4 регионального Закона³⁰ требования к возрасту и образованию инспекторов по работе с детьми муниципальных комиссий не установлены. Расчет численности инспекторов привязан к численности несовершеннолетних в муниципальных образованиях, на территории которых осуществляют деятельность комиссии (один инспектор на 10 тыс. несовершеннолетних). Например, в г. Шадринске Курганской области полномочия инспекторов по работе с детьми (а равно других лиц, входящих в состав комиссии) содержатся в Положении о комиссии³¹. Изучение п. 12 и 13 данного Положения позволяет провести сравнительный анализ

²³ Постановление Администрации города Мценска от 17.08.2021 № 804 «О комиссии по делам несовершеннолетних и защите их прав при администрации города Мценска» // СПС «КонсультантПлюс Регион».

²⁴ Закон Астраханской области от 29.04.2015 № 26/2015-ОЗ «Об отдельных вопросах правового регулирования отношений, связанных с созданием и осуществлением деятельности комиссий по делам несовершеннолетних и защите их прав в Астраханской области» // Сборник законов и нормативных правовых актов Астраханской области. 2015. № 17.

²⁵ Регламент работы комиссии по делам несовершеннолетних и защите их прав Администрации муниципального образования «Енотаевский район» (утв. постановлением Администрации муниципального образования от 01.09.2021 № 389 «Енотаевский район») // СПС «КонсультантПлюс Регион».

²⁶ Например, учет несовершеннолетних, признанных находящимися в социально опасном положении, учет родителей (законных представителей) несовершеннолетних, не выполняющих обязанности по их воспитанию, обучению и (или) содержанию и (или) отрицательно влияющих на их поведение либо жестоко обращающихся с ними.

²⁷ Ст. 5 Закона Волгоградской области от 25.07.2003 № 858-ОД «О комиссиях по делам несовершеннолетних и защите их прав» // Волгоградская правда. 2003. № 137.

²⁸ Закон Республики Мордовия от 30.03.2005 № 26-З «Об организации деятельности комиссий по делам несовершеннолетних и защите их прав в Республике Мордовия» // Известия Мордовии. 2005. № 48-6.

²⁹ Закон Ямало-Ненецкого автономного округа от 08.10.2010 № 98-ЗАО «О комиссиях по делам несовершеннолетних и защите их прав» // Ведомости Законодательного Собрания Ямало-Ненецкого автономного округа. 2010. № 6.

³⁰ Закон Курганской области от 28.10.2002 № 241 «О комиссиях по делам несовершеннолетних и защите их прав на территории Курганской области» // Новый мир. 2002. № 244.

³¹ Положение о комиссии по делам несовершеннолетних и защите их прав при Администрации города Шадринска (утв. постановлением Администрации города Шадринска от 17.12.2019 № 2293) // СПС «КонсультантПлюс Регион».

**Сравнительный анализ полномочий ответственного секретаря
и инспектора по работе с детьми комиссии
по делам несовершеннолетних и защите их прав
г. Шадринска Курганской области**

Ответственный секретарь	Инспекторы по работе с детьми
г) осуществляет подготовку и оформление проектов постановлений, принимаемых комиссией по результатам рассмотрения вопроса, касающегося деятельности органов и учреждений системы профилактики, иных общих вопросов на заседании;	в) готовят проекты постановлений, принимаемых комиссией по результатам рассмотрения материалов (дел) в отношении несовершеннолетних (законных представителей, совершеннолетних граждан, юридических лиц) на заседании, ведут производство;
д) ведет статистический учет в сфере деятельности комиссии;	е) ведут и актуализируют банк данных о семьях несовершеннолетних, находящихся в социально опасном положении, несовершеннолетних, в отношении которых органами и учреждениями системы профилактики проводится индивидуальная профилактическая работа, координируют и осуществляют контроль за организацией и проведением профилактической работы в их отношении;
е) на основании доверенности является представителем комиссии в судебных и иных органах;	д) на основании доверенности являются представителями комиссии в судебных и иных органах;
з) является лицом, уполномоченным составлять протоколы об административных правонарушениях, ответственность за совершение которых предусмотрена статьей 25-20 Закона Курганской области от 20.11.1995 № 25 «Об административных правонарушениях на территории Курганской области».	з) являются лицами, уполномоченными составлять протоколы об административных правонарушениях, ответственность за совершение которых предусмотрена статьей 25-20 Закона Курганской области от 20.11.1995 № 25 «Об административных правонарушениях на территории Курганской области».

полномочий ответственного секретаря и инспектора по работе с детьми комиссии.

Как следует из таблицы, четыре полномочия ответственного секретаря и инспектора по работе с детьми совпадают полностью или частично. Особенностью является право ответственных секретарей участвовать в заседании комиссии и его подготовке, а вот инспектора такого права не имеют, что, в свою очередь, вступает в противоречие с полномочиями инспекторов (п. 12, 13 Положения о комиссии г. Шадринска).

В Иркутской области порядок создания и деятельности комиссий регламентирован областным Законом³², в соответствии с п. 2 ст. 7 которого в состав районной (городской)

комиссии может на постоянной (штатной) основе входить инспектор. В соответствии с п. 3 ст. 7 рассматриваемого Закона численность инспекторов комиссий определяется в зависимости от численности несовершеннолетних на территории деятельности комиссии (один инспектор на каждые 7 тыс. несовершеннолетних). Установлено право Правительства Иркутской области в зависимости от результативности профилактической работы вводить в состав районной (городской) комиссии дополнительные штатные единицы инспекторов. К исключительным полномочиям инспектора комиссии относятся подготовка отчета о муниципальной работе по профилактике про-

³² Закон Иркутской области от 12.11.2007 № 100-оз «О порядке создания и осуществления деятельности комиссий по делам несовершеннолетних и защите их прав в Иркутской области» // Областная газета. 2007. № 133.

тивоправного поведения несовершеннолетних, участие в подготовке проектов решений и иных документов комиссии, организационное обеспечение деятельности комиссии (п. 2(2), 2(2.1), 2(3) ст. 11 данного Закона). Два последних полномочия по содержанию дублируют полномочия ответственного секретаря комиссии. Предусмотрены в законе случаи отсутствия штатной единицы инспектора (п. 2(2.1) ст. 11). Его функции выполняет ответственный секретарь, что позволяет говорить о вспомогательной роли инспекторов комиссий, которые призваны оказывать помощь секретарю на территориях с высокой численностью несовершеннолетних.

В Кемеровской области в состав муниципальных комиссий³³ включаются штатные специалисты (инспектора) без требования к их образованию. Они участвуют в организационном и техническом обеспечении деятельности комиссии, выполняют учетные функции.

В Тульской области³⁴ в состав муниципальных комиссий включаются инспектора по работе с несовершеннолетними, которые замещают должности муниципальной службы главного специалиста администрации муниципального образования. Основными функциями являются учетные и регистрационные, например регистрация протоколов об административных правонарушениях. Количество инспекторов определяется в зависимости от численности несовершеннолетних муниципального образования (один инспектор на 14 тыс. несовершеннолетних).

Иной расчет потребности в инспекторах предусмотрен в Приморском крае³⁵ и Ниже-

городской области³⁶ (один инспектор на 10 и 20 тыс. несовершеннолетних соответственно). Следует обратить внимание на то, что в Приморском крае к инспектору установлены следующие требования: наличие высшего юридического образования и замещение должности муниципальной службы не ниже ведущего специалиста первого разряда.

В Белгородской области³⁷ к инспекторам по работе с неблагополучными семьями предъявляются требования как к образованию (высшее юридическое образование), так и к профессиональному опыту работы с несовершеннолетними (не менее трех лет).

С учетом изложенного рассмотренные регионы, в состав территориальных (муниципальных) комиссий которых входят инспекторы, можно разделить на следующие группы:

1) в состав комиссий включены инспекторы, при этом их статус и полномочия не закреплены в документах, в соответствии с которыми комиссии созданы и осуществляют деятельность;

2) статус и полномочия инспекторов комиссий предусмотрены в нормативных правовых актах органов местного самоуправления, в соответствии с которыми комиссии созданы и осуществляют деятельность;

3) статус и полномочия инспекторов комиссий установлены в региональных законах или нормативных правовых актах высших исполнительных органов субъектов Российской Федерации, в соответствии с которыми комиссии созданы и осуществляют деятельность.

Проведенный анализ позволяет сделать вывод о том, что имеет место смешение функций инспекторов комиссий с функциями ответ-

³³ П. 4.1 Положения о муниципальных комиссиях по делам несовершеннолетних и защите их прав (утв. постановлением Коллегии Администрации Кемеровской области от 29.05.2017 № 241) // СПС «КонсультантПлюс Регион».

³⁴ Ст. 6 Закона Тульской области от 07.12.2005 № 657-ЗТО «О комиссиях по делам несовершеннолетних и защите их прав в Тульской области и наделении органов местного самоуправления отдельными государственными полномочиями по образованию и организации деятельности комиссий по делам несовершеннолетних и защите их прав» // Тульские известия. 2005. № 293.

³⁵ Закон Приморского края от 08.11.2005 № 296-КЗ «О комиссиях по делам несовершеннолетних и защите их прав на территории Приморского края» // Ведомости Законодательного Собрания Приморского края. 2005. № 110.

³⁶ Закон Нижегородской области от 03.11.2006 № 134-З «О наделении органов местного самоуправления государственными полномочиями по созданию и организации деятельности комиссий по делам несовершеннолетних и защите их прав» // Правовая среда. 2006. № 100–101. С. 773–774.

³⁷ Постановление главы Администрации Белгородской области от 23.05.2001 № 337 «Об утверждении примерного Положения о муниципальных комиссиях по делам несовершеннолетних и защите их прав Белгородской области» // СПС «КонсультантПлюс Регион».

ственных секретарей³⁸, членов комиссий³⁹ и специалистов, обеспечивающих деятельность комиссий⁴⁰. Возможно, такой функциональный дисбаланс свидетельствует о вспомогательной роли инспекторов. В ряде проанализированных актов можно увидеть взаимосвязь численности несовершеннолетних и включения в составы комиссий инспекторов для усиления профилактической работы.

Ввиду того, что пункт 8 Примерного положения содержит закрытый список лиц, которые могут входить в состав комиссии, остается открытым вопрос о целесообразности участия инспекторов комиссий в профилактической деятельности.

Конечно, можно рекомендовать вышерассмотренным регионам привести свои акты в соответствие с п. 8 Примерного положения, исключив инспекторов из состава комиссий. Но при этом нельзя не учитывать результаты опроса, проведенного в рамках Всероссийского совещания комиссий, прошедшего 12 декабря 2022 г. в Москве. По мнению представителей региональных комиссий, требуется усиление команд комиссий специалистами, имеющими высшее юридическое образование. Именно инспектора могут стать тем особенным субъектом комиссии, за которым необходимо закрепить правовое обеспечение деятельности комиссии.

Возможен второй вариант, заключающийся в корректировке Примерного положения и закреплении в составе комиссий инспекторов с выделением их исключительных функций. Предпочтительность данной альтернативы связана с

возможностью установления определенных требований к кандидатам в инспектора комиссии, например о наличии высшего юридического образования. Это позволит повысить эффективность деятельности комиссий, в частности при рассмотрении дел об административных правонарушениях несовершеннолетних, их родителей (законных представителей), иных лиц, снизить показатель доли удовлетворенных судом жалоб (протестов) на постановления территориальных (муниципальных) комиссий по таким делам.

Низкий уровень качества указанных документов не только является показателем неэффективности применения комиссиями мер административного принуждения, но и влечет за собой нарушение прав несовершеннолетних, их родителей, законных представителей как участников производства по делам об административных правонарушениях. В итоге задача по предупреждению повторного совершения несовершеннолетним правонарушения не решена, что, как следствие, может повлечь формирование у ребенка устойчивого противоправного поведения.

Как следует из статистических данных, доля удовлетворенных судом жалоб (протестов) на постановления территориальных (муниципальных) комиссий в числе рассмотренных судом таких жалоб (протестов) в среднем по регионам, где в состав комиссий входят инспектора (Республика Мордовия, Приморский край, Белгородская, Иркутская, Кемеровская, Курганская, Нижегородская, Тульская области, Ямало-Ненецкий автономный округ), ежегодно снижалась в 2019–2023 гг. с 73,4 до 55,8 %⁴¹.

³⁸ Например, в части подготовки материалов для рассмотрения на заседании комиссии; выполнения поручений председателя и заместителя председателя комиссии; оповещения членов комиссии и лиц, участвующих в заседании комиссии, о времени и месте заседания, проверки их явки, ознакомления с материалами по вопросам, вынесенным на рассмотрение комиссии; подготовки и оформления проектов постановлений комиссии; вручения копий постановлений комиссии.

³⁹ Например, в части составления протоколов об административных правонарушениях и выполнения поручений председателя комиссии.

⁴⁰ Например, ведение делопроизводства комиссии; участие в организации межведомственных мероприятий по профилактике безнадзорности и правонарушений несовершеннолетних; осуществление сбора информации о численности лиц, в отношении которых субъектами системы профилактики проводится индивидуальная профилактическая работа, о численности несовершеннолетних, находящихся в социально опасном положении.

⁴¹ Здесь и далее данные приводятся на основании сведений о деятельности комиссий по делам несовершеннолетних и защите их прав по профилактике безнадзорности и правонарушений несовершеннолетних, представленных по форме федерального статистического наблюдения № 1-КДН за 2018–2023 гг. в банке документов Министерства просвещения РФ: URL: <https://docs.edu.gov.ru> (дата обращения: 15.01.2025). Расчеты Научно-исследовательского центра по изучению проблем правового регулирования профилактики правонарушений несовершеннолетних ФГБОУ ВО «Саратовская государственная юридическая академия».

В среднем по остальным регионам (в состав комиссий которых не входят инспектора) сходная динамика отмечалась по 2022 г. включительно, однако в 2023 г. был зафиксирован рост показателя до отметки 62,1 %, т.е. на 4,6 процентного пункта по сравнению с предыдущим годом.

Примечательно, что из девяти регионов, в состав комиссий которых входят инспектора, в пяти⁴² зафиксирована тенденция к снижению (более или менее устойчивому) доли удовлетворенных судом жалоб (протестов) на постановления территориальных (муниципальных) комиссий в числе рассмотренных судом таких жалоб (протестов) в течение 2018–2023 гг.

Три региона⁴³ в рассматриваемый период характеризовались устойчивым ежегодным⁴⁴ снижением количества удовлетворенных судом жалоб (протестов) на постановления территориальных (муниципальных) комиссий в абсолютном выражении.

Таким образом, представленные данные косвенно свидетельствуют о том, что даже в существующих условиях (когда требование к инспекторам о наличии высшего юридического образования установлено не во всех рассмотренных регионах) вхождение инспекторов в состав комиссий оказывает некоторое положительное влияние на качество работы данного органа и обоснованность принимаемых им решений.

Можно согласиться с мнением, что в настоящее время комиссии не в полной мере выполняют задачи по предупреждению негативного социального поведения детей⁴⁵. Основной причиной низкого качества постановлений комиссий является отсутствие в их составе членов, имеющих высшее юридическое образование,

а в ряде случаев — недостаточный уровень профессионализма и практических навыков, который приводит к неверному толкованию правовых норм и их неправильному применению. При этом действующим законодательством к членам комиссий не предъявляется требование о наличии высшего юридического образования.

Законность административного наказания в настоящее время основана на отдельной норме КоАП РФ, согласно которой применение мер административного принуждения возможно только в пределах компетенции органа или должностного лица⁴⁶.

Четкое указание на рамки компетенции, по мнению значительного количества ученых⁴⁷, обеспечивает реализацию принципа законности рассмотрения дел об административных правонарушениях.

Как показала многолетняя практика административно-юрисдикционной деятельности комиссий, назначение наказания только в пределах компетенции не является залогом соблюдения прав участников производства. В настоящее время законодателем не установлено обязательное требование осуществления указанной юридической деятельности на профессиональной основе.

Поскольку административная ответственность является правовым средством воздействия, применяемым в установленном порядке, то указанная юридическая деятельность должна осуществляться лицами, имеющими высшее юридическое образование, или лицами, имеющими высшее образование и прошедшими обучение (повышение квалификации, переквалификацию) по вопросам привлечения к административной ответственности. Предварительное изучение должностными лицами

⁴² Приморский край, Иркутская, Кемеровская, Нижегородская области, Ямало-Ненецкий автономный округ.

⁴³ Приморский край, Кемеровская и Иркутская области.

⁴⁴ Ни в одном из регионов показатели 2022 г. не вписывались в понижательную тенденцию.

⁴⁵ Алимпиев С. А. Комиссия по делам несовершеннолетних и защите их прав как один из субъектов профилактики безнадзорности и правонарушений в Свердловской области: проблемы и пути совершенствования // Вестник Уральского юридического института МВД России. 2024. № 2. С. 133.

⁴⁶ Ч. 2 ст. 1.6 Кодекса Российской Федерации об административных правонарушениях от 30.12.2001 № 195-ФЗ // СЗ РФ. 2002. № 1 (ч. I). Ст. 1.

⁴⁷ См.: Нобель А. Р. Значение принципов производства по делам об административных правонарушениях // Административное право и процесс. 2020. № 12. С. 36–39; Ярконой С. В. Законность привлечения к административной ответственности: понятие, содержание и основные требования // Вестник Омской юридической академии. 2017. № 4. С. 109–115; Соколов А. Ю. Меры обеспечения производства по делам об административных правонарушениях: монография. М.: Норма, 2015; Панкова О. В. Рассмотрение в судах общей юрисдикции дел об административных правонарушениях / под ред. О. А. Егоровой. М.: Статут, 2014.

КоАП РФ будет способствовать законности и обоснованности принимаемых ими процессуальных решений.

Как показывает судебная практика⁴⁸, инспектора комиссий являются активными участниками судебных разбирательств по брачно-семейным спорам при определении места жительства ребенка. Кроме того, в настоящее время обсуждается вопрос о наделении комиссий новым полномочием по обжалованию решений подразделений по делам несовершеннолетних «в целях оптимизации профилактического процесса»⁴⁹, что увеличит потребность комиссий в специалистах, обладающих профессиональными знаниями в сфере юриспруденции.

Потребность в повышении уровня профессиональных знаний и навыков руководителей и специалистов субъектов системы профилактики, входящих в состав комиссий, многократно отмечалась в научных публикациях на протяжении последних лет⁵⁰ и нашла отражение в Концепции развития системы профилактики на период до 2025 г.⁵¹ Предусмотрены разработка специальных образовательных программ, проведение обучающих межведомственных семинаров.

В целях повышения законности деятельности комиссий, в том числе административно-юрисдикционной, принимая во внимание положительный региональный опыт работы инспекторов комиссий, предлагаем внести следующие изменения в Примерное положение, закрепив их административно-правовой статус:

— абзац первый п. 8 изложить в следующей редакции:

«В состав комиссии входят председатель комиссии, заместитель (заместители) председа-

теля комиссии, ответственный секретарь комиссии, инспектор комиссии и члены комиссии.»;

— пункт 8 дополнить абзацем четвертым в следующей редакции:

«Инспектором комиссии может быть гражданин Российской Федерации, достигший возраста 21 год и имеющий высшее юридическое образование.»;

— дополнить пунктом 11(1) следующего содержания:

«11(1). Инспектор комиссии осуществляет полномочия, предусмотренные подпунктами “а”–“е” п. 12 настоящего Примерного положения, а также:

а) осуществляет подготовку материалов дел об административных правонарушениях для рассмотрения на заседании комиссии;

б) осуществляет подготовку и оформление проектов постановлений по делам об административных правонарушениях, принимаемых комиссией по результатам рассмотрения соответствующего вопроса на заседании;

в) обеспечивает вручение копий постановлений комиссии по делам об административных правонарушениях;

г) осуществляет правовое обеспечение деятельности комиссии;

д) выполняет поручения председателя и заместителя председателя комиссии».

В настоящее время полномочием по составлению протоколов об административных правонарушениях наделены члены комиссий (пп. «е» п. 12 Примерного положения). Наделение аналогичным полномочием инспекторов комиссий потребует внесения изменений в п. 2 ч. 5 ст. 28.3 КоАП РФ.

⁴⁸ Судебная практика по гражданским делам. Брачно-семейные споры : практическое пособие / С. В. Астахов, И. С. Богданова, Н. В. Бугаенко [и др.]. М. : Проспект, 2011.

⁴⁹ *Ергашева Е. Г.* К вопросу о расширении полномочий комиссий по делам несовершеннолетних и защите их прав // Право и государство: теория и практика. 2024. № 2. С. 163.

⁵⁰ См.: *Кострова О. В., Шухарева А. В.* К вопросу реализации идеи экономии административной репрессии в отношении несовершеннолетних лиц // Административное право и процесс. 2024. № 6. С. 53–56; *Васильева Я. В.* Совершенствование законодательства субъектов Российской Федерации об административных правонарушениях (по материалам Северо-Западного федерального округа) : монография. М. : Юриспруденция, 2018; *Ильгова Е. В.* Еще раз к вопросу о статусе комиссий по делам несовершеннолетних и защите их прав, или Услышит ли Москва регионы? // Вопросы ювенальной юстиции. 2012. № 1. С. 29–32; № 2. С. 29–32; № 3. С. 29–32; *Соболева Л. А.* Региональная программа развития ювенальной юстиции как одна из форм поддержки детей, находящихся в трудной жизненной ситуации // Российская юстиция. 2010. № 2. С. 66–70.

⁵¹ Распоряжение Правительства РФ от 22.03.2017 № 520-р «Об утверждении Концепции развития системы профилактики безнадзорности и правонарушений несовершеннолетних на период до 2025 года» // СЗ РФ. 2017. № 14. Ст. 2088.

Заключение

Предложенные изменения направлены не только на обеспечение принципов законности и приоритетности соблюдения прав ребенка, прав лиц, участвующих в делах об административных правонарушениях, но и на выстраивание планомерной и оперативной индивидуальной профилактической работы с несовершеннолетними и их семьями.

До внесения предлагаемых изменений возможны следующие варианты: лица, во-

шедшие в состав комиссий в качестве инспекторов, продолжают деятельность 1) в качестве специалистов, обеспечивающих работу комиссии, не являясь более ее членами; 2) в качестве членов (но не инспекторов) комиссии на основании абз. 2 п. 8 Примерного положения.

Выбор из предложенных вариантов остается за председателями комиссий; он должен быть основан на действующем законодательстве и учитывать положительный региональный опыт деятельности инспекторов в составе комиссий.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

Алимпиев С. А. Комиссия по делам несовершеннолетних и защите их прав как один из субъектов профилактики безнадзорности и правонарушений в Свердловской области: проблемы и пути совершенствования // Вестник Уральского юридического института МВД России. 2024. № 2. С. 130–133.

Антонова Л. Б. Комиссии по делам несовершеннолетних и защите их прав: проблемы в реализации полномочий // Вестник Воронежского института МВД России. 2021. № 4. С. 265–271.

Аржанов В. В. Новые подходы к системе комиссий по делам несовершеннолетних и защите их прав и к порядку их формирования // Вестник Саратовской государственной юридической академии. 2023. № 3. С. 85–88.

Афанасьева С. А. Комиссии по делам несовершеннолетних и защите их прав в городе Москве: проблемы правового регулирования и деятельности // Детство — территория безопасности : сборник материалов конференции, Москва, 8 октября 2021 г. Саратов : Саратовский источник, 2022. С. 188–192.

Беженцев А. А. Роль комиссий по делам несовершеннолетних и защите их прав в профилактике правонарушений несовершеннолетних, перспективы модернизации административной деятельности // Вестник Санкт-Петербургского университета МВД России. 2017. № 1. С. 52–58.

Бутова М. В. Некоторые вопросы совершенствования административно-юрисдикционной деятельности по привлечению несовершеннолетних к административной ответственности // Общественная безопасность, законность и правопорядок в III тысячелетии. 2020. № 6–1. С. 266–271.

Васильева Я. В. Совершенствование законодательства субъектов Российской Федерации об административных правонарушениях (по материалам Северо-Западного федерального округа) : монография. М. : Юриспруденция, 2018. 192 с.

Гамзина А. В. К вопросу о методах взаимодействия подразделений по делам несовершеннолетних и оперативных подразделений полиции // Вестник Сибирского юридического института МВД России. 2020. № 1. С. 104–109.

Ергашева Е. Г. К вопросу о расширении полномочий комиссий по делам несовершеннолетних и защите их прав // Право и государство: теория и практика. 2024. № 2. С. 163–165.

Занина Т. М. Использование подразделениями по делам несовершеннолетних органов внутренних дел телекоммуникационных технологий в предупреждении правонарушений несовершеннолетних // Преступность в сфере информационных и телекоммуникационных технологий: проблемы предупреждения, раскрытия и расследования преступлений. 2019. № 1. С. 26–31.

Ильгова Е. В. Еще раз к вопросу о статусе комиссий по делам несовершеннолетних и защите их прав, или Услышит ли Москва регионы? // Вопросы ювенальной юстиции. 2012. № 1. С. 29–32 ; № 2. С. 29–32 ; № 3. С. 29–32.

Ильгова Е. В., Зайкова С. Н. Функциональная структура автоматизированной информационной системы профилактики безнадзорности и правонарушений несовершеннолетних в Российской Федерации // Вестник Саратовской государственной юридической академии. 2021. № 5. С. 104–113.

Кострова О. В., Шухарева А. В. К вопросу реализации идеи экономии административной репрессии в отношении несовершеннолетних лиц // Административное право и процесс. 2024. № 6. С. 53–56.

Лапшин В. Е., Шаманин Н. В. Профессиональная деформация сотрудников органов внутренних дел с различным стажем работы на примере инспектора по делам несовершеннолетних // Прикладная юридическая психология. 2020. № 3. С. 76–84.

Манохин В. М. Советское административное право : курс лекций. Вып. 2 : Часть особенная. Саратов, 1968.

Нобель А. Р. Значение принципов производства по делам об административных правонарушениях // Административное право и процесс. 2020. № 12. С. 36–39.

Панкова О. В. Рассмотрение в судах общей юрисдикции дел об административных правонарушениях / под ред. О. А. Егоровой. М. : Статут, 2014. 440 с.

Сергеева П. В. Правовое положение и структура комиссии по делам несовершеннолетних и защите их прав на примере Саратовской области // Трансформация права и правоохранительной деятельности в условиях развития цифровых технологий в России, странах СНГ и Европейского Союза: проблемы законодательства и социальной эффективности : материалы VI Международной научно-практической конференции преподавателей, практических сотрудников, студентов, магистрантов, аспирантов, Саратов, 12 апреля 2019 г. Саратов : Саратовский источник, 2019. С. 291–294.

Соболева Л. А. Региональная программа развития ювенальной юстиции как одна из форм поддержки детей, находящихся в трудной жизненной ситуации // Российская юстиция. 2010. № 2. С. 66–70.

Соколов А. Ю. Меры обеспечения производства по делам об административных правонарушениях : монография. М. : Норма, 2015. 320 с.

Судебная практика по гражданским делам. Брачно-семейные споры : практическое пособие / С. В. Астахов, И. С. Богданова, Н. В. Бугаенко [и др.]. М. : Проспект, 2011. 152 с.

Хаметдинова Г. Ф. Полномочия инспектора подразделения по делам несовершеннолетних в сфере обеспечения безопасности детей в информационном пространстве // Вестник Сибирского юридического института МВД России. 2020. № 3. С. 65–70.

Чечикова И. В. Трудности инспектора по делам несовершеннолетних в работе с подростками, состоящими на учете, и пути их преодоления // Вестник Южно-Уральского государственного гуманитарно-педагогического университета. 2020. № 7. С. 220–230.

Ярковой С. В. Законность привлечения к административной ответственности: понятие, содержание и основные требования // Вестник Омской юридической академии. 2017. № 4. С. 109–115.

REFERENCES

Afanasyeva SA. Commission on Juvenile Affairs and Protection of Their Rights in the City of Moscow: Problems of Legal Regulation and Activities. In: *Childhood — Territory of Security: Collection of Conference Proceedings (Moscow, 8 October 2021)*. Saratov: Saratovskiy istochnik Publ.; 2022. (In Russ.).

Alimpiev SA. Commission on Minors' Affairs and Protection of Their Rights as one of the subjects of prevention of neglect and delinquency in the Sverdlovsk region: problems and ways of improvement. *Bulletin of the Ural Law Institute of the Ministry of the Interior of Russia*. 2024;2:130-133. (In Russ.).

Antonova LB. Commissions on Juvenile Affairs and Protection of Their Rights: Problems in the Implementation of Powers. *Vestnik of Voronezh Institute of the Ministry of the Interior of Russia*. 2021;4:265-271. (In Russ.).

Arzhanov VV. New approaches to the system of commissions for juvenile affairs and the protection of juvenile rights and the procedure for their formation. *Saratov State Law Accademy Bulletin*. 2023;3:85-88. (In Russ.).

Astakhov SV, Bogdanova IS, Bugaenko NV, et al. Jurisprudence in civil cases. Marriage and family disputes. Moscow: Prospekt Publ.; 2011. (In Russ.).

Bezhtentsev AA. The role of the commissions on juvenile affairs and protection of their rights in the prevention of juvenile delinquency, the prospects for the modernization of administrative activity. *Vestnik of the St. Petersburg University of the Ministry of Internal Affairs of Russia*. 2017;1:52-58. (In Russ.).

Butova MV. Some issues of improving administrative and jurisdictional activities to bring minors to administrative responsibility. *Public Safety, Law and Order in the Third Millennium*. 2020;6-1:266-271. (In Russ.).

Chechikova IV. The difficulties of inspector on affairs of minors in working with teenagers, registered by the police, and ways them to overcoming. *The Herald of South-Ural state Humanities-Pedagogical University*. 2020;7:220-230. (In Russ.).

- Ergasheva EG. On the issue of expanding the powers of commissions on juvenile affairs and protection of their rights. *Law and State: The Theory and Practice*. 2024;2:163-165. (In Russ.).
- Gamzina AV. To the issue of methods of interaction between police on juvenile delinquency and operative units of police. *Vestnik of Siberian Law Institute of the MIA of Russia*. 2020;1:104-109. (In Russ.).
- Ilgova EV, Zaikova SN. Functional structure of the automated information system for prevention of neglect and juvenile delinquency in the Russian Federation. *Saratov State Law Academy Bulletin*. 2021;5:104-113. (In Russ.).
- Ilgova EV. Once again to the question of the status of commissions on juvenile affairs and the protection of their rights, or «Will Moscow hear the regions?». *Issues of Juvenile Justice*. 2012;1:29-32; 2:29-32; 3:29-32. (In Russ.).
- Khametdinova GF. Powers of the inspector of the juvenile affairs unit in the field of ensuring the safety of children in the information space. *Vestnik of Siberian Law Institute of the MIA of Russia*. 2020;3:65-70. (In Russ.).
- Kostrova OV, Shukhareva AV. On the implementation of the idea of reduced administrative repression in respect of minors. *Administrative Law and Procedure*. 2024;6:53-56. (In Russ.).
- Lapshin VE, Shamanin NV. Professional deformation of employees of internal affairs bodies with different work experience on the example of an inspector on juvenile affairs. *Prikladnaya yuridicheskaya psikhologiya [Applied legal psychology]*. 2020;3:76-84. (In Russ.).
- Manokhin VM. Soviet administrative law: a course of lectures. No. 2: Special Part. Saratov; 1968. (In Russ.).
- Nobel AR. The meaning of the principles of proceedings in administrative offense cases. *Administrative Law and Procedure*. 2020;12:36-39. (In Russ.).
- Pankova OV. Adjudication of Administrative Offenses in Courts of General Jurisdiction Moscow: Statut Publ.; 2014. (In Russ.).
- Sergeeva PV. The legal status and structure of the commission on juvenile affairs and the protection of their rights on the example of the Saratov region. In: *Transformation of law and law enforcement in the context of the development of digital technologies in Russia, the CIS countries and the European Union: Problems of legislation and social efficiency. Proceedings of the 6th International Scientific and Practical Conference of Educators, Practitioners, Students, Undergraduates, Graduate Students (Saratov, 12 April 2019)*. Saratov: Saratovskiy istochnik Publ.; 2019. (In Russ.).
- Soboleva LA. Regional juvenile justice development program as a form of support for children in difficult life situations. *Rossiyskaja justiciya*. 2010;2:66-70. (In Russ.).
- Sokolov AYu. Measures to ensure proceedings in cases of administrative offenses. Moscow: Norma Publ.; 2015. (In Russ.).
- Vasilyeva YV. Improving the legislation of the constituent entities of the Russian Federation on administrative offenses (based on materials from the North-West Federal District). Moscow: Jurisprudentsiya Publ.; 2018. (In Russ.).
- Yarkovoy SV. Legality of attraction to administrative responsibility: concept, content and main requirements. *Siberian Law Review*. 2017;4:109-115. (In Russ.).
- Zanina TM. The use of divisions on affairs of minors of internal affairs bodies and telecommunication technologies in the prevention of juvenile delinquency. *Prestupnost v sfere informatsionnykh i telekommunikatsionnykh tekhnologiy: problemy preduprezhdeniya, raskrytiya i rassledovaniya prestupleniy [Crime in the field of information and telecommunication technologies: problems of prevention, disclosure and investigation of crimes]*. 2019;1:26-31. (In Russ.).

ИНФОРМАЦИЯ ОБ АВТОРАХ

Зайкова Светлана Николаевна, кандидат юридических наук, доцент, доцент кафедры административного и муниципального права Саратовской государственной юридической академии
д. 1, Вольская ул., г. Саратов 410056, Российская Федерация
snzaikova@rambler.ru

Стародубов Арсений Александрович, кандидат юридических наук, ведущий научный сотрудник научно-исследовательского центра по изучению проблем правового регулирования профилактики безнадзорности несовершеннолетних Саратовской государственной юридической академии
д. 1, Вольская ул., г. Саратов 410056, Российская Федерация
kdn@ssla.ru

INFORMATION ABOUT THE AUTHOR

Svetlana N. Zaykova, Cand. Sci. (Law), Associate professor, Department of Administrative and municipal Law, Saratov State Law Academy, Saratov, Russian Federation
snzaikova@rambler.ru

Arseniy A. Starodubov, Cand. Sci. (Law), кандидат юридических наук, Leading Researcher, Research Center for Legal Regulation and Prevention of Child Neglect, Saratov State Law Academy, Saratov, Russian Federation
kdn@ssla.ru

Материал поступил в редакцию 13 февраля 2025 г.

Статья получена после рецензирования 23 февраля 2025 г.

Принята к печати 15 ноября 2025 г.

Received 13.02.2025.

Revised 23.02.2025.

Accepted 15.11.2025.

DOI: 10.17803/1729-5920.2025.229.12.054-063

Д. А. БеловаМосковский государственный юридический
университет имени О.Е. Кутафина (МГЮА)
г. Москва, Российская Федерация

Правовые проблемы интеграции предметов материального мира и физического лица в механизме реализации правосубъектности

Резюме. Физические лица, у которых утрачены функции органов и их систем, ограничены в способности реализации гражданской правосубъектности по сравнению с иными категориями граждан, здоровье которых не расстроено. Особую актуальность данная проблема приобретает применительно к участникам специальной военной операции, функции организма которых были нарушены вследствие участия в выполнении поставленных перед ними государством задач. Установлена асимметрия в фактическом положении лиц, функции организма которых нарушены, и иных субъектов с позиции способности реализации гражданской правосубъектности, которая в целях осуществления принципа правового равенства должна быть устранена путем наделения первых дополнительными правовыми возможностями. Фактически подобная асимметрия устраняется посредством предметов материального мира, интегрированных с организмом человека для компенсации утраченной функции организма. Такие предметы обеспечивают способность лица к волевому поведению, являясь средством воплощения гражданина в окружающем мире и воздействия на предметы, внешние по отношению к нему, что позволяет отличить их от объектов гражданских прав и рассматривать в качестве неотъемлемого элемента субъекта. В целях реализации принципа правового равенства к подобным предметам должно быть такое же отношение со стороны закона, как и к частям тела биологического происхождения ввиду выполнения ими сходных функций в обеспечении жизнедеятельности человека. В целях охраны интересов физических лиц обосновывается вывод, что соответствующие предметы образует неотъемлемую часть субъекта и посягательство на них следует квалифицировать как посягательство на личность.

Ключевые слова: нейропротезирование; правосубъектность; предмет внешнего мира; физическое лицо; личные неимущественные права; нематериальные блага; правовое равенство; объект гражданских прав

Для цитирования: Белова Д. А. Правовые проблемы интеграции предметов материального мира и физического лица в механизме реализации правосубъектности. *Lex russica*. 2025. Т. 78. № 12. С. 54–63. DOI: 10.17803/1729-5920.2025.229.12.054-063

Благодарности. Исследование выполнено в рамках программы стратегического академического лидерства «Приоритет-2030».

Legal Challenges in the Integration of Material Objects and Individuals within the Mechanism of Legal Personality

Dina A. Belova Kutafin Moscow State Law University (MSAL)
Moscow, Russian Federation

Abstract. Individuals who have lost the functions of certain organs or bodily systems are limited in their ability to exercise civil legal capacity compared to other categories of citizens whose health is unimpaired. This problem is of particular relevance to participants in the special military operation whose bodily functions have been

© Белова Д. А., 2025

impaired as a result of fulfilling state-assigned tasks. An asymmetry has been identified between the actual position of persons with impaired bodily functions and other subjects in terms of their capacity to exercise civil legal personality. In order to implement the principle of legal equality, this asymmetry should be eliminated by granting the former additional legal capabilities. In practice, such asymmetry is mitigated by material objects integrated with the human body to compensate for lost bodily functions. These objects ensure the individual's ability to engage in volitional conduct, serving as a means of the citizen's embodiment in the external world and enabling interaction with objects external to the person. This distinguishes them from ordinary civil law objects and justifies their consideration as an inseparable element of the legal subject. For the purpose of implementing the principle of legal equality, such objects should be afforded the same legal treatment as biological body parts, given that they perform analogous functions in sustaining human life. To protect the interests of individuals, it is substantiated that these objects constitute an integral part of the legal subject, and any encroachment upon them should be qualified as an encroachment upon the person.

Keywords: neuroprosthetics; legal personality; the subject of the outside world; individual; personal non-property rights; intangible goods; legal equality; object of civil rights

Cite as: Belova DA. Legal Challenges in the Integration of Material Objects and Individuals within the Mechanism of Legal Personality. *Lex russica*. 2025;78(12):54-63. (In Russ.). DOI: 10.17803/1729-5920.2025.229.12.054-063

Acknowledgements. The study was carried out within the framework of «Priority-2030» Strategic Academic Leadership Program.

Введение

Во исполнение Указа Президента РФ от 16.01.2025 № 28 «О проведении в Российской Федерации Года защитника Отечества»¹ в целях сохранения исторической памяти, в благодарность ветеранам и признавая подвиг участников специальной военной операции, в 2025 г. в России проводится Год защитника Отечества. Подвиг участников специальной военной операции сложно переоценить. Лица, осознанно подвергаящие опасности свою жизнь и здоровье в целях обеспечения безопасности общества и государства, нуждаются в особой правовой защите их интересов. Как правило, такая защита осуществляется посредством правовых механизмов, закрепленных нормами права социального обеспечения, и заключается в определенных мерах государственной защиты и поддержки. При этом потенциал частного права оказывается задействованным не в полной мере, хотя именно гражданско-правовые нормы направлены на правовую охрану частных интересов.

Достаточно часто риск причинения вреда жизни и здоровью в ходе участия в специальной военной операции реализуется. По дан-

ном российского новостного интернет-издания «Лента.ру» со ссылкой на Минобороны РФ, 70 % общего числа ранений занимают минно-взрывные², при которых страдают в первую очередь конечности. Утрата конечностей влечет существенное нарушение функций опорно-двигательного аппарата у человека. Согласно приказу Минздрава России от 08.04.2025 № 172н «Об утверждении Порядка определения степени тяжести вреда, причиненного здоровью человека»³ отсутствие верхней конечности и лопатки (или ее части) позволяет установить стойкую утрату общей трудоспособности в размере 80 %, при наличии культи на уровне верхней трети плеча — 75 %, а на уровне средней и нижней трети — 70 %.

Нарушение функций организма, обусловленное последствиями травм, заболеваниями или дефектами, приводит к ограничению жизнедеятельности гражданина, под которым понимается полная или частичная утрата лицом способности или возможности осуществлять самообслуживание, самостоятельно передвигаться, ориентироваться, общаться, контролировать свое поведение, обучаться или заниматься трудовой деятельностью (пп. «б» п. 5 постановления Правительства РФ от 05.04.2022

¹ СЗ РФ. 2025. № 3. Ст. 120.

² Совина М. В Минобороны назвали основной вид ранений российских военных на СВО // URL: <https://lenta.ru/news/2022/12/15/raneny/> (дата обращения: 02.11.2025).

³ Официальный интернет-портал правовой информации. URL: <http://www.pravo.gov.ru>. 02.06.2025.

№ 588⁴). Речь идет о способностях и возможностях, формирующих поведение лица и тем самым необходимых для участия в общественных отношениях, в том числе составляющих предмет гражданского права.

1. Нарушение функций организма лица и проблемы реализации гражданской правосубъектности

Лица, у которых утрачены (снижены) опорно-двигательные функции, функции органов чувств (зрение, слух, осязание), иные функции органов и их систем, очевидно испытывают трудности при совершении действий, связанных с приобретением и осуществлением субъективных гражданских прав, а также возложением на себя и исполнением гражданских обязанностей. Они не могут в полной мере реализовать свои интересы, используя такое правовое средство, как субъективное право, поскольку в силу своих физических особенностей не способны к совершению вариативного круга действий, которые охватываются субъективным правом. В силу расстройства функций органов и их систем такие лица по сравнению с иными субъектами ограничены в способности совершения действий, которые могут быть квалифицированы как юридические факты, осуществление субъективных прав, исполнение обязанностей, т.е. вследствие фактических обстоятельств ограничены в способности реализации своей гражданской правосубъектности по сравнению с иными категориями граждан, здоровье которых не расстроено.

Н. Л. Дювернуа писал, что «полнота гражданской правоспособности... рассчитана на такое состояние, физическое и умственное отдельного человека, в котором он может сам, без неопровержимого содействия ему других людей, достигать целей обособленного личного существования

в обществе»⁵. Далее названный автор также отмечал, что «такие отступления от нормы являются нам в виде пороков и болезней, наличие которых делает признание человека право- и дееспособным для него собственно эфемерным и бесплодным»⁶. Безусловно, речь должна идти не об ограничении гражданской правоспособности данных лиц до уровня, в котором они способны к ее реализации с учетом их состояния здоровья, а о наделении их дополнительными правовыми возможностями, содействующими восполнению их физического состояния, устранению диспропорции их фактического положения с положением иных категорий субъектов, в отношении которых расстройство функций органов и систем не было установлено.

На разработку и нормативное закрепление соответствующих правовых механизмов нацеливают положения Конституции РФ⁷. Статья 19 Основного закона закрепляет принцип равенства, который является критерием конституционности нормативных положений, относящихся к иным отраслям правовой системы Российской Федерации, в том числе отрасли гражданского права. Как указал Конституционный Суд РФ⁸, соблюдение принципа равенства означает запрет вводить такие различия в правах лиц, принадлежащих к одной и той же категории, которые не имеют объективного и разумного оправдания. При этом принцип юридического равенства имеет и обратную сторону. Конституционный Суд РФ указывает, что рассматриваемый принцип требует учета фактических различий между субъектами, относящимися к одной категории. Обращается внимание на то, что при равных условиях субъекты права должны находиться в равном положении, а в случаях, когда условия не являются равными, правомерно установление различного правового статуса, поскольку равенство перед законом

⁴ Постановление Правительства РФ от 05.04.2022 № 588 (ред. от 03.02.2025) «О признании лица инвалидом» (вместе с Правилами признания лица инвалидом) (с изм. и доп., вступ. в силу с 01.03.2025) // СЗ РФ. 2022. № 15. Ст. 2506.

⁵ Дювернуа Н. Л. Чтения по гражданскому праву. Т. 1 : Введение. Учение о лице / под ред. и с предисл. В. А. Томсинова. М. : Зерцало, 2004. С. 305.

⁶ Дювернуа Н. Л. Указ. соч. С. 306.

⁷ Конституция Российской Федерации (принята всенародным голосованием 12.12.1993 с изм., одобр. в ходе общерос. голосования 01.07.2020) // Официальный интернет-портал правовой информации. URL: <http://www.pravo.gov.ru>. 06.10.2022.

⁸ Информация Конституционного Суда РФ «Методологические аспекты конституционного контроля (к 30-летию Конституционного Суда Российской Федерации)» (одобрено решением Конституционного Суда РФ от 19.10.2021) // URL: <http://www.ksrf.ru/>.

и судом не исключает фактических различий и необходимость их учета (постановление от 27.04.2001 № 7-П⁹, определение от 26.04.2016 № 903-О¹⁰ и др.). Таким образом, задача законодателя состоит в дифференциации правового регулирования для преодоления несправедливого неравенства путем установления правовых преимуществ для определенных категорий лиц.

Следует отметить, что гражданскому законодательству известен соответствующий подход к обеспечению принципа правового равенства. В частности, потребитель наделяется дополнительными правами, в то время как на его контрагентов возлагаются дополнительные обязанности¹¹ с целью устранения информационной, экономической и иных видов асимметрии, т.е. фактического неравенства, наличествующего в отношениях обозначенных категорий субъектов.

В связи с вышеизложенным возникает вопрос, какие правовые механизмы могут нивелировать фактическое неравенство, имеющееся между лицами с нарушенными функциями органов и их систем и иными категориями субъектов, в целях содействия первым в наиболее полной реализации гражданской правоспособности, несмотря на ограниченные возможности совершения действий, влекущих приобретение и осуществление гражданских прав, а также возложение на себя и исполнение гражданских обязанностей.

Одним из подобных механизмов, закрепленных действующим законодательством, является патронаж над совершеннолетними дееспособными гражданами, которые по состоянию

своего здоровья не способны самостоятельно осуществлять и защищать свои права, а также исполнять свои обязанности (ст. 41 ГК РФ¹²). Суть его состоит в назначении такому лицу помощника, который на основании договора поручения, договора доверительного управления или иного договора в интересах соответствующего гражданина совершает сделки или иные юридически значимые действия под контролем органа опеки и попечительства.

В то же время в преамбуле Конвенции о правах инвалидов¹³, ратифицированной Россией Федеральным законом от 03.05.2012 № 46-ФЗ¹⁴ и вступившей в силу для Российской Федерации 25.10.2012, признано, что для инвалидов важна их личная самостоятельность и независимость, включая свободу делать свой собственный выбор (п. «п» преамбулы). Целью названной Конвенции является содействие их полному и эффективному участию в жизни общества наравне с другими (ст. 1). В числе ее общих принципов закреплены уважение личной самостоятельности, включая свободу делать свой собственный выбор, и независимости (п. «а» ст. 3), а также полное и эффективное вовлечение и включение в общество (п. «с» ст. 3). В связи с этим государство обязано разработать и нормативно закрепить правовые механизмы, содействующие *самостоятельному совершению* указанными лицами действий, связанных с приобретением, осуществлением и защитой своих прав, а также исполнением обязанностей. Вместе с тем данные механизмы

⁹ Постановление Конституционного Суда РФ от 27.04.2001 № 7-П «По делу о проверке конституционности ряда положений Таможенного кодекса Российской Федерации в связи с запросом Арбитражного суда города Санкт-Петербурга и Ленинградской области, жалобами открытых акционерных обществ «АвтоВАЗ» и «Комбинат «Североникель», обществ с ограниченной ответственностью «Верность», «Вита-Плюс» и «Невско-Балтийская транспортная компания», товарищества с ограниченной ответственностью «Совместное российско-южноафриканское предприятие «Эконт» и гражданина А. Д. Чулкова» // СЗ РФ. 2001. № 23. Ст. 2409.

¹⁰ Определение Конституционного Суда РФ от 26.04.2016 № 903-О «Об отказе в принятии к рассмотрению жалобы гражданина Истомина Александра Александровича на нарушение его конституционных прав частями первой и второй статьи 1 и статьей 34 Закона РФ «О государственных гарантиях и компенсациях для лиц, работающих и проживающих в районах Крайнего Севера и приравненных к ним местностях»» // СПС «КонсультантПлюс».

¹¹ Закон РФ от 07.02.1992 № 2300-1 (ред. от 07.07.2025) «О защите прав потребителей» // СЗ РФ. 1996. № 3. Ст. 140.

¹² Гражданский кодекс Российской Федерации (часть первая) от 30.11.1994 № 51-ФЗ (ред. от 31.07.2025) (с изм. и доп., вступ. в силу с 01.08.2025) // СЗ РФ. 1994. № 32. Ст. 3301.

¹³ Конвенция о правах инвалидов (заключена в г. Нью-Йорке 13.12.2006) // СЗ РФ. 2013. № 6. Ст. 468.

¹⁴ Федеральный закон от 03.05.2012 № 46-ФЗ «О ратификации Конвенции о правах инвалидов» // СЗ РФ. 2012. № 19. Ст. 2280.

правовой охраны должны применяться ко всем лицам, которые в силу расстройства функций организма испытывают затруднения в реализации своей гражданской правосубъектности, а не только к тем, кто наделен правовым статусом инвалида, ввиду сходного положения в отношениях, составляющих предмет гражданского права.

Следует отметить, что Российская Федерация предприняла существенные меры, направленные на выполнение обязательств по Конвенции о правах инвалидов. В частности, правовой статус лиц, страдающих психическими расстройствами, был дифференцирован в зависимости от степени утраты (снижения) способности осознавать значение своих действий и руководить своим поведением. Согласно положениям действующего гражданского законодательства они могут быть не только признаны недееспособными, но и ограничены в дееспособности, что позволяет им реализовывать гражданскую правоспособность своими действиями, пусть и под контролем попечителя. В свою очередь, интересы лиц, страдающих физическими, сенсорными и иными подобными нарушениями, не нашли отражения в положениях гражданского законодательства.

Восстановление утраченных функций органов и их систем (мобильности, слуха, зрения и т.п.) осуществляется с помощью предметов материального мира (протезов конечностей, кохлеарных и ретинальных имплантов, слуховых аппаратов и т.п.), интегрированных с телом человека для полной или частичной компенсации утраченной или отсутствующей функции организма. Степень их физической (материальной) интеграции с телом человека может быть разной, в связи с чем принято различать имплантируемые, вставляемые и носимые устройства. На сегодняшний день наиболее совершенным методом компенсации утраченных функций организма является нейропротезирование, обеспечивающее физическую, функциональную и феноменологическую интеграцию внешнего устройства с организмом человека.

Как теоретическое, так и практическое значение имеет вопрос правовой природы таких предметов, от ответа на который зависят характер прав субъекта в отношении соответствующего устройства, основания их возникновения и прекращения, перечень применимых способов защиты, порядок применения сроков исковой давности, определения размера возмещения вреда, им причиненного. В связи с этим

проблема правовой квалификации предметов, интегрированных с телом человека для полной или частичной компенсации утраченной или отсутствующей функции организма, требует детального рассмотрения.

2. Правовая природа предметов, интегрированных с физическим лицом для полной или частичной компенсации функции организма

Действующее законодательство и доктрина исходят из аксиоматического положения, согласно которому предмет материального мира с точки зрения его правового режима представляет собой вещь. При этом не учитывается, что предметы материального мира имеют различную связь с личностью, характер и степень которой должны подлежать учету при определении их правового режима, а также при определении правового статуса личности для эффективного обеспечения интересов последней.

Первое. Предмет материального мира, компенсирующий утраченную или отсутствующую функцию в организме человека, обеспечивает способность лица к совершению действий, к волевому поведению, в том числе направленному на предметы внешнего мира. Он не является внешним по отношению к субъекту, а образует его неотъемлемую часть, являясь наряду с иными частями тела биологического характера средством воздействия субъекта на окружающий мир. В частности, концептуально различны протез верхней конечности и цветок, срываемый им. Протез представляет собой предмет, в котором воплощена воля субъекта, направленная на цветок как объект ее приложения. Он как провод, по которому идет электрический ток (воля лица), чтобы ударить в цель (предмет внешнего мира — цветок). Соответственно, если объекты гражданских прав представляют собой предметы внешнего мира, на которые направлено поведение субъекта, то предметы, компенсирующие утраченные (недостающие, отсутствующие) функции в организме человека, являются конституирующим элементом, обеспечивающим поведение лица, средством воплощения субъекта в окружающем мире наряду с иными частями тела биологического происхождения. Данное обстоятельство позволяет отличить рассматриваемые предметы от объектов гражданских прав, которые носят внешний по отношению к субъекту характер, и, напротив,

рассматривать их в качестве неотъемлемого элемента личности.

Второе. Предметы материального мира, восполняющие утраченные (отсутствующие) функции организма, содействуют восстановлению способности или возможности лица осуществлять самообслуживание, самостоятельно передвигаться, ориентироваться, общаться, контролировать свое поведение, что необходимо для участия в общественных отношениях, в том числе для совершения действий, связанных с приобретением и осуществлением субъективных гражданских прав, а также возложением на себя и исполнением гражданских обязанностей. Обозначенные предметы позволяют лицу с утраченными (отсутствующими) функциями организма реализовывать гражданскую правоспособность наравне с иными категориями граждан, здоровье которых не расстроено, или по крайней мере в большем объеме, нежели до компенсации функций. Тем самым происходит нивелирование фактического неравенства, наличествующего между лицами с нарушенными функциями органов и их систем и иными категориями субъектов, которое следует перевести в правовое поле в целях защиты интересов лиц с ограниченными возможностями здоровья.

В целях реализации принципа правового равенства к предметам, компенсирующим утраченные (отсутствующие) функции организма человека, должно быть такое же отношение со стороны закона, как и к соответствующим частям тела биологического (органического) происхождения, в том числе ввиду выполнения ими тождественных функций обеспечения жизнедеятельности человека. Как ноги, так и протезы нижних конечностей обеспечивают опорно-двигательную функцию в организме человека. Для создания препятствий к его передвижению в первом случае необходимо оказать воздействие на ноги, а во втором — на протезы, притом что результат будет тождественным, в связи с чем различная правовая квалификация подобного воздействия (в первом случае посягательство на личность, а во втором — на имущество) будет противоречить принципу правового равенства. Данное обстоятельство требует квалифицировать предметы, компенсирующие утраченные (отсутствующие) функции в организме человека, в качестве неотъемлемого элемента личности.

Третье. При определении правовой природы предметов, обеспечивающих функционирование организма человека, следует учитывать характер интереса лица по отношению к ним.

Вещи являются объектами вещных прав, являющихся имущественными по своему характеру. Тем самым законодатель исходит из того, что субъект имеет в предмете материального мира исключительно имущественный интерес, обеспечению которого служит правовая конструкция вещного права. Данное исходное положение определяет содержание гражданско-правовых норм, регулирующих отношения между субъектами по поводу предметов материального мира. В случаях противоправного поведения, повлекшего причинение вреда предмету материального мира, подлежит возмещению его утраченная стоимость. Так, согласно п. 2 ст. 796 ГК РФ ущерб, причиненный при перевозке груза или багажа, возмещается в размере суммы, на которую снизилась его стоимость, в случае его порчи (повреждения) или в размере стоимости утраченного (недостающего) груза или багажа в случае его утраты (недостачи).

Факт того, что субъект может иметь в предмете материального мира не только имущественный, но и личный неимущественный интерес, до последнего времени не подлежал учету. Лицам, заявлявшим при посягательстве на вещь о нарушении не только имущественных, но и личных неимущественных интересов и в связи с этим требовавшим применения такого способа защиты, как компенсация морального вреда, долгое время суды отказывали в удовлетворении данных требований. Отказ мотивировался тем, что компенсация морального вреда является специальным способом защиты личных неимущественных прав, а для защиты имущественных прав применяется в случаях, прямо предусмотренных в законе. В свою очередь, действующее законодательство не предусматривает возможность защиты права собственности посредством компенсации морального вреда. Ситуация изменилась с принятием постановления Пленума Верховного Суда РФ от 15.11.2022 № 33 «О практике применения судами норм о компенсации морального вреда»¹⁵, в п. 4 которого указано, что действие (бездействие), направленное против имущественных прав гражданина, но одновременно нарушающее личные неимущественные права

¹⁵ Российская газета. № 267. 25.11.2022.

последнего (посягающее на принадлежащие ему нематериальные блага), влечет компенсацию морального вреда в пользу пострадавшего. В качестве примера судом приводится умышленная порча одним лицом имущества другого лица, представляющего для последнего особую неимущественную ценность. Тем самым Верховный Суд РФ прямо признал, что правообладатель может иметь в вещи как имущественный, так и неимущественный интерес.

Наряду с предметами материального мира, в которых их правообладатели имеют имущественный интерес или одновременно как имущественный, так и неимущественный интерес, наличествуют предметы, представляющие для субъекта личный неимущественный интерес. Они настолько тесно связаны с личностью, что уже не могут рассматриваться в качестве предмета внешнего по отношению к субъекту мира, ведущего самостоятельное существование, поскольку, восстанавливая утраченную полностью или частично функцию организма человека, обеспечивают его жизнедеятельность, а именно физическое благополучие гражданина как субъекта гражданского права. Противоправное действие (бездействие), направленное на такие предметы, нарушает личные неимущественные права гражданина, физическое благополучие которого они обеспечивают, а также посягает на принадлежащие ему нематериальные блага, в числе которых следует особо отметить жизнь, здоровье, личную неприкосновенность.

Лицо, в организме которого функции отдельных органов или их систем обеспечиваются предметами неорганического происхождения, имеет интерес в интеграции с ними и защите от дезинтеграции, который явно носит личный неимущественный характер, будучи направленным на обеспечение физического благополучия личности. При этом содержание и характер такого интереса не зависят от способа интеграции предмета с личностью, которая может быть как физической, так и исключительно функциональной. Безусловно, чем выше степень физической интеграции предмета с организмом человека, его биологической интеграции в организме и тем самым вредоносность дезинтеграции предмета, тем интерес лица в сохранении и обеспечении целостности с ним выше. Например, зубные импланты предполагают остеоинтеграцию, в связи с чем при эксплантации происходит повреждение кости. Однако функциональная интеграция может превосходить физическую по степени значимости для жизни и здоровья

человека, а значит, его существования в качестве субъекта гражданского права. В некоторых случаях у предметов присутствует высокая степень физической интеграции с телом человека при полном отсутствии значимости для обеспечения функционирования организма (например, грудные импланты, выполняющие косметическую функцию), и, наоборот, при низкой степени физической интеграции наличествует высокая степень значимости для поддержания жизненно важных функций (например, инсулиновые помпы). В отдельных случаях устройство может характеризоваться как высокой степенью физической интеграции с телом человека, так и высокой значимостью для обеспечения функционирования его организма. Ярким примером тому выступают кардиостимуляторы.

Граждане заинтересованы в надлежащем функционировании всех органов и систем организма, поскольку это обеспечивает физическое, психическое и социальное благополучие человека. Соответственно, если для обеспечения функционирования органа или системы органов требуется предмет материального мира, лицо имеет интерес как в интеграции с ним, так и в защите от дезинтеграции, поскольку последняя приведет к расстройству функций органов и их систем, т.е. к нарушению здоровья, а если предмет обеспечивает жизненно важную функцию в организме человека, то к посягательству на жизнь, влекущему смерть лица (кардиостимулятор, аппарат искусственной вентиляции легких). Так, в США во время пандемии COVID-19 обсуждалась политика доступа к аппаратам искусственной вентиляции легких, в связи с чем среди людей с ограниченной дыхательной функцией организма возникла обеспокоенность по поводу того, что они могут быть лишены аппарата, поддерживающего функционирование дыхательной системы, для передачи другому пациенту в ситуации ограниченного доступа к ним. Эдриенн Эш, специалист в области биоэтики, провела различие между аппаратом искусственной вентиляции легких, которым пользуется для восстановления дыхательной функции лицо с уже диагностированным заболеванием легких, и аппаратом, используемым в ответ на острую пандемию. Она утверждала, что в первом случае аппарат является неотъемлемой частью человека, в связи с чем изъятию в чрезвычайных обстоятельствах не подлежит. Однако если этот же человек будет госпитализирован и ему потребуется более совершенный аппарат из-за вновь диагностированного

заболевания, то у него будут равные с иными нуждающимися лицами условия доступа к необходимому медицинскому устройству. Элис Вонг, применяющая аппарат для поддержания дыхательной функции организма, отметила, что считает его частью своего тела, поскольку не может обходиться без него больше часа из-за нервно-мышечной недостаточности. Изъятие аппарата воспринимается ею как посягательство на личность, поскольку неизбежно повлечет смерть¹⁶.

Наряду с физической и функциональной интеграцией присутствует и так называемая *феноменологическая интеграция личности с предметом материального мира, в частности протезом*. Лицо, функционирование организма которого поддерживается с помощью протезов, начинает воспринимать последние как часть или продолжение собственного тела. В литературе отмечается, что трость слепого человека, позволяющая ему в определенной мере компенсировать утраченную функцию органов зрения, перестает восприниматься им как самостоятельный объект. Ученые утверждают, что для него это больше не деревянная трость, а органическая, даже невидимая. Она становится для него «прозрачной» ввиду ощущения ее как части своего собственного тела. И именно такая «прозрачность» для субъекта рассматривается учеными в качестве цели разработки протезных технологий¹⁷. Посредством трости лицо осознает расположение предметов, степень их досягаемости. Она становится продолжением его органов чувств, функциональным элементом организма, позволяющим ориентироваться в пространстве и в определенной (хотя и ограниченной) мере воспринимать внешний мир, противостоящий субъекту, на стороне последнего, будучи интегрированной с ним.

В научной литературе утверждается, что люди относительно свободно воспринимают объект как часть своего тела, если функционирование данного объекта, особенно находящегося в пределах досягаемости, подчинено их воле, выражает их намерения. Отмечается, что внешние предметы могут быть включены в «схему тела», являющуюся значимой категорией неврологии и психологии. Иллюзия резиновой руки также показывает, что ощущение

владения телом может распространяться на протезы. Некоторые эксперименты демонстрируют, что эмоциональная реакция на угрозу повреждения протеза достаточно часто аналогична угрозе повреждения органических частей тела человека. В связи с феноменологической интеграцией лицо, отдельные функции организма которого восстановлены с помощью протезов, безусловно, заинтересовано в сохранении единства с ними и защите от дезинтеграции, поскольку последняя, разрушая это единство, посягает тем самым на его личную неприкосновенность.

Вышеизложенное приводит к выводу о том, что лицо может иметь личный неимущественный интерес в предмете материального мира, который, обеспечивая физическое благополучие гражданина как субъекта гражданского права, образует неотъемлемую часть последнего, утрачивая самостоятельное правовое значение и разделяя наряду с субъектом режим личных неимущественных прав. В целях охраны интересов личности посягательство на эти предметы следует квалифицировать как посягательство на саму личность, поскольку они обеспечивают жизнедеятельность человека наряду с органическими элементами его организма. В свою очередь, вещи, являясь предметами материального мира, всего разнообразия последних не исчерпывают, а являются одной из разновидностей таковых.

В то же время возникает вопрос, может ли предмет материального мира с позиции закона квалифицироваться в качестве неотъемлемой части личности как субъекта гражданского права, ответу на который посвящена следующая часть настоящей статьи.

3. Предмет материального мира как неотъемлемая часть физического лица

Следует отметить, что перед законодателем не стоит задача точно отразить в положениях действующего законодательства естественные свойства явлений окружающей действительности. Как отмечает Е. А. Суханов, ««недвижимости по закону» приобретают правовой режим недвижимости не в силу своих физических

¹⁶ Neeman A. I Will Not Apologize for My Needs // New York Times. 2020, March 23. URL: <https://www.nytimes.com/2020/03/23/opinion/coronavirus-ventilators-triage-disability.html>.

¹⁷ Thompson E., Stapleton M. Making sense of sense-making: Reflections on enactive and extended mind theories // Topoi. 2009. Vol. 28. P. 23–30.

свойств, а в силу необходимости государственной регистрации прав (титулов) на них»¹⁸, т.е. для распространения на них правового режима недвижимых вещей, несмотря на то что естественные свойства соответствующих предметов диктуют режим движимой вещи. Законодатель избирает и нормативно закрепляет правовой режим, наиболее подходящий для обеспечения интересов участников общественных отношений.

Выше был установлен интерес в сохранении целостности личности с предметами, компенсирующими утраченные либо отсутствующие функции организма человека, причем как частный интерес (лица, функции органа или системы органов которого восстановлены посредством соответствующего предмета), так и публичный интерес (государства, обязанного обеспечить недискриминационное отношение к лицам, фактическое положение которых отличается от иных категорий субъектов ввиду строения функций органов и их систем).

Правовым механизмом обеспечения целостности является «закон общей судьбы», когда «любое изменение в части, противоположное общей тенденции целого, будет подавляться»¹⁹. Сходный правовой механизм, который «защищает ценность целого, созданного производительным трудом, отводя части подчиненное значение»²⁰, применяется в правовом режиме составной вещи. Этот режим направлен на охрану имущественных интересов участников оборота. Тем более в подобной охране нуждаются личные неимущественные интересы гражданина, связанные с обеспечением его личной неприкосновенности и здоровья.

Результатом применения обозначенного подхода к регулированию отношений с участием лица, интегрированного с предметом, является подчинение предмета личному закону, т.е. распространение на него режима личных неимущественных прав ввиду правовой квалификации предмета в качестве части личности наряду с органическими частями тела человека. «В системе целостности часть уже теряет свою относительную самостоятельность»²¹, что в правовом поле отражается в недопустимости установления в отношении части правового ре-

жима, отличного от правового статуса целого. Часть, т.е. предмет, разделит правовой статус физического лица, функцию органа или системы органов которого он восстанавливает.

Физическое благополучие личности, в частности функционирование органов и их систем, обеспечивается за счет компонентов как органического (биологического), так и неорганического происхождения. Состав компонентов неорганического происхождения зависит от состояния здоровья лица, уровня развития науки, техники и медицины. Несмотря на то что неорганический компонент внешне может быть воспринимаем как физически обособленный предмет материального мира, его границы, наблюдаемые в мире физическом, нивелируются в мире юридическом, подчиняясь правовой природе целого. В связи с этим право собственности на предмет, интегрируемый с организмом человека, должно прекращаться без правопреимства. Вместе с тем лицо, чье право собственности на предмет, интегрированный с личностью, от которой оно отлично, прекратилось, приобретает лишь обязательственное право (требование).

Предмет прекращает свое существование в качестве объекта гражданских прав, а значит, прекращению подлежит не только право собственности на него, но и иные вещные права, а также ограничения таких прав и обременения имущества. При этом предмет вновь возникает в качестве самостоятельного объекта гражданских прав (вещи) с момента отделения от личности (дезинтеграции) или прекращения существования самой личности, т.е. смерти, когда личные неимущественные права прекращаются.

Органические и неорганические компоненты организма человека образуют систему, позволяя ему приобрести новые свойства, выражающиеся в восстановлении здоровья или по крайней мере в уменьшении степени его утраты. Он получает возможность участвовать в общественных отношениях на равных фактических началах с иными субъектами, реализуя свою гражданскую правосубъектность. В связи с этим, когда неорганический элемент повреждается и система (организм человека)

¹⁸ Суханов Е. А. Вещное право: научно-познавательный очерк. 3-е изд., перераб. и доп. М. : Статут, 2024.

¹⁹ Ганзен В. А. Восприятие целостных объектов. Л. : Изд-во ЛГУ, 1974. С. 18.

²⁰ Дождев Д. В. Римское частное право : учебник / под ред. В. С. Нерсесянца. М. : Инфра-М, Норма, 1997. С. 318.

²¹ Югай Г. А. Проблема целостности организма (философский анализ). М. : Соцэкгиз, 1962. С. 8.

приобретенное свойство утрачивает, следует констатировать вторичное повреждение здоровья.

Ситуативное (временное) единство предмета материального мира, интегрированного с физическим лицом, не придает предмету правового значения части личности и не подчиняет его режиму личных неимущественных прав.

Заключение

С момента интеграции с личностью предмет материального мира утрачивает самостоятельное значение, изменяя свою правовую при-

роду и становясь *юридически неотъемлемой* частью субъекта. Интерес лица в отношении такого предмета обеспечивается посредством конструкции личного неимущественного права, гарантируя более высокий уровень правовой защиты по сравнению с режимом вещных прав. Тем самым устраняется асимметрия в положении лиц, функции организма которых нарушены, и иных субъектов с позиции способности реализации гражданской правосубъектности. Особую значимость решение данной проблемы имеет для лиц, участвующих в специальной военной операции, функции организма которых были нарушены вследствие выполнения поставленных перед ними государством задач.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

- Ганзен В. А. Восприятие целостных объектов. Л. : Изд-во ЛГУ, 1974.
Дождев Д. В. Римское частное право : учебник / под ред. В. С. Нерсесянца. М. : Инфра-М, Норма, 1997.
Дювернуа Н. Л. Чтения по гражданскому праву. Т. 1 : Введение. Учение о лице / под ред. и с предисл. В. А. Томсинова. М. : Зерцало, 2004. 568 с.
Суханов Е. А. Вещное право : научно-познавательный очерк. 3-е изд., перераб. и доп. М. : Статут, 2024. 626 с.
Югай Г. А. Проблема целостности организма (философский анализ). М. : Соцэкгиз, 1962.

REFERENCES

- Dozhdev DV. Nersesyants VS (ed.). Roman Private Law. Moscow: Infra-M, Norma Publ.; 1997. (In Russ.).
Duvernois NL. Tomsinov VA (ed.). Readings in Civil Law. Vol. 1: Introduction. The doctrine of the person. Moscow: Zerkalo Publ.; 2004. (In Russ.).
Hansen VA. Perception of integral objects. Leningrad: Leningrad State University Publ.; 1974. (In Russ.).
Sukhanov EA. Property law: scientific and educational essay. 3rd ed. Moscow: Statut Publ.; 2024. (In Russ.).
Yugai GA. The problem of the integrity of the body (philosophical analysis). Moscow: Sochekgiz Publ.; 1962. (In Russ.).

ИНФОРМАЦИЯ ОБ АВТОРЕ

Белова Дина Александровна, кандидат юридических наук, доцент, доцент кафедры гражданского права Московского государственного юридического университета имени О.Е. Кутафина (МГЮА)
д. 9, Садовая-Кудринская ул., г. Москва 125993, Российская Федерация
dabelova@msal.ru

INFORMATION ABOUT THE AUTHOR

Dina A. Belova, Cand. Sci. (Law), Associate Professor, Department of Civil Law, Kutafin Moscow State Law University (MSAL), Moscow, Russian Federation
dabelova@msal.ru

Материал поступил в редакцию 25 ноября 2024 г.
Статья получена после рецензирования 13 ноября 2025 г.
Принята к печати 15 ноября 2025 г.

Received 25.11.2024.
Revised 13.11.2025.
Accepted 15.11.2025.

DOI: 10.17803/1729-5920.2025.229.12.064-076

П. М. ТитовУральский юридический институт
Министерства внутренних дел Российской Федерации
г. Екатеринбург, Российская Федерация

Подсудность и порядок рассмотрения судами материалов, связанных с проведением оперативно-розыскных мероприятий

Резюме. В статье выделяются направления судебного контроля за проведением оперативно-розыскных мероприятий, а также систематизируются виды контроля (предварительный и последующий). Констатируется, что нормативная регламентация судебного контроля крайне лаконична, поэтому многие вопросы необходимо решать как исходя из общего смысла закона, так и с применением правил аналогии. С учетом высокой степени сходства оперативно-розыскных и уголовно-процессуальных правоотношений при наличии пробелов в оперативно-розыскной регламентации с методологической точки зрения будет правильным применение по аналогии норм УПК РФ, однако такая аналогия не может быть полной. Для определения предметной подсудности рассмотрения материалов о проведении оперативно-розыскных мероприятий требуется учесть нормы ряда федеральных законов: «Об оперативно-розыскной деятельности», «О статусе судей в Российской Федерации», а также рекомендательных разъяснений Пленума Верховного Суда РФ. Отдельно проанализировано специфическое, присущее только оперативно-розыскной деятельности направление судебного контроля — рассмотрение вышестоящим судом вопроса о проведении оперативно-розыскного мероприятия в случае отказа нижестоящего суда. Отмечается, что разрешение указанного вопроса вышестоящим судом не является пересмотром решения нижестоящего суда, поэтому в данной ситуации вышестоящим судом, в зависимости от того, каким судом рассмотрен материал, должен считаться суд субъекта РФ или Верховный Суд РФ, а не апелляционный и кассационный суд. Специфику имеет порядок рассмотрения жалоб граждан, связанных с проведением оперативно-розыскных мероприятий. В работе приводятся критерии, позволяющие разграничить административно-правовую и уголовно-процессуальную процедуры обжалования.

Ключевые слова: оперативно-розыскная деятельность; оперативно-розыскные мероприятия; уголовное судопроизводство; суд; судебный контроль; подсудность; предметная подсудность; территориальная подсудность; альтернативная подсудность; судебное заседание

Для цитирования: Титов П. М. Подсудность и порядок рассмотрения судами материалов, связанных с проведением оперативно-розыскных мероприятий. *Lex russica*. 2025. Т. 78. № 12. С. 64–76. DOI: 10.17803/1729-5920.2025.229.12.064-076

Jurisdictional and Procedural Aspects of Judicial Consideration of Materials Related to Operational-Search (Investigative) Measures

Pavel V. Titov Ural Law Institute of the Ministry of Internal Affairs
of the Russian Federation
Ekaterinburg, Russian Federation

Abstract. The paper identifies key areas of judicial review in the conduct of operational-search (investigative) measures and systematizes its forms, distinguishing between preliminary and subsequent control. The author highlights that the statutory regulation of judicial review in this sphere is extremely concise; therefore, many

© Титов П. М., 2025

issues must be resolved both on the basis of the general meaning of the law and through the application of the rules of legal analogy. Given the high degree of similarity between operational-search (investigative) and criminal procedural legal relations, in the presence of gaps in the regulation of operational-search activities, it is methodologically appropriate to apply, by analogy, the provisions of the Criminal Procedure Code of the Russian Federation. However, such analogy cannot be absolute. Determining subject-matter jurisdiction for reviewing materials concerning the conduct of operational-search measures requires consideration of the provisions of several federal laws, namely, On Operational-Search Activity, On the Status of Judges in the Russian Federation, as well as the interpretative recommendations of the Plenum of the Supreme Court of the Russian Federation. A specific area of judicial review unique to operational-search activity is analyzed separately, namely, the review by a higher court of an application to conduct an operational-search measure in cases where a lower court has refused authorization. It is emphasized that such review by a higher court does not constitute reconsideration of the lower court's decision. Thus, depending on the court that examined the material, the appropriate higher court is either the court of the constituent entity of the Russian Federation or the Supreme Court of the Russian Federation, rather than an appellate or cassation court. The paper also examines the procedural specifics of handling citizen complaints related to operational-search measures. Criteria are provided for distinguishing between administrative-law and criminal-procedural complaint procedures.

Keywords: operational-search activities; operational-search measures; criminal proceedings; court; judicial control; jurisdiction; subject matter jurisdiction; territorial jurisdiction; alternative jurisdiction; court hearing

Cite as: Titov PV. Jurisdictional and Procedural Aspects of Judicial Consideration of Materials Related to Operational-Search (Investigative) Measures. *Lex russica*. 2025;78(12):64-76. (In Russ.). DOI: 10.17803/1729-5920.2025.229.12.064-076

В Российской Федерации с первых лет ее существования в качестве независимого государства неуклонно и последовательно расширяется сфера судебного контроля за правоохранительной деятельностью¹, что отражает традиции и практики, присущие демократическим формам государственного правления. При этом вначале судебный контроль законодательно был предусмотрен в области оперативно-розыскной деятельности (далее также — ОРД) (ч. 2, 3 ст. 8 Закона «Об оперативно-розыскной деятельности»²) и только затем, почти через 10 лет — за процессуальной деятельностью органов предварительного расследования (ст. 29, 125, 125.1, 165 УПК РФ³).

В отличие от уголовного судопроизводства, где судебный контроль изначально был регламентирован весьма детально, данная деятельность в сфере ОРД в законе урегулирована довольно лаконично. Это объясняется несколькими обстоятельствами. Во-первых, уголовно-процессуальная деятельность сама по себе

подразумевает развернутую регламентацию непосредственно в законе, что полностью согласуется с отечественными традициями. Во-вторых, законодатель опирался на достаточно разработанные теоретические конструкции, позволившие даже при отсутствии судебного контроля в советский период сформулировать подробные и детальные правила его осуществления. В-третьих, напротив, оперативно-розыскная деятельность до 1992 г. никогда не регламентировалась законодательно, отсутствовали даже теоретические представления о механизме судебного контроля за ее проведением.

Закон «Об оперативно-розыскной деятельности» 1995 г. хотя и исправил некоторые недостатки Закона 1992 г., однако сохранил тот же рамочный характер. В подобной ситуации непосредственно законодательные положения дополняются правовыми позициями Конституционного Суда РФ, а также правилами аналогии закона (настолько, насколько они допустимы в данной области).

¹ См.: Вилкова Т. Ю. Тайна переписки, телефонных и иных переговоров, почтовых, телеграфных и иных сообщений в уголовном судопроизводстве: правовые основы, содержание, гарантии // Российская юстиция. 2014. № 10. С. 44–47; Стельмах В. Ю. Система средств доказывания в досудебных стадиях уголовного процесса: проблемы теории, нормативного регулирования и практики : дис. ... д-ра юрид. наук. Екатеринбург, 2021. С. 325–328.

² Федеральный закон от 12.08.1995 № 144-ФЗ «Об оперативно-розыскной деятельности» // URL: <http://www.pravo.gov.ru/proxy/ips/?docbody=&nd=102037058> (дата обращения: 10.02.2025).

³ Уголовно-процессуальный кодекс Российской Федерации от 18.12.2001 № 174-ФЗ // URL: <http://www.pravo.gov.ru/proxy/ips/?docbody=&nd=102073942> (дата обращения: 10.02.2025).

Анализ положений ст. 5, 8, 9 этого Закона позволяет выделить следующие направления судебного контроля за проведением оперативно-розыскных мероприятий (далее также — ОРМ):

1. Разрешение на проведение ОРМ. Если следственные действия, требующие судебного разрешения, прямо перечислены в УПК РФ, то круг подлежащих судебному санкционированию ОРМ в Законе не зафиксирован, а лишь выделен характер ограничиваемых прав: они касаются неприкосновенности жилища и тайны связи.

2. Проверка законности ОРМ, начатых в безотлагательных случаях без судебного решения, и разрешение на их дальнейшее проведение.

3. Рассмотрение вышестоящим судом вопроса о разрешении проведения ОРМ после отказа нижестоящего суда. Следует учитывать, что оперативно-розыскное законодательство не предусматривает обжалования судебного решения об отказе в проведении ОРМ. Вместо этого в Законе закреплён названный порядок.

4. Рассмотрение жалоб граждан на определенные действия и решения оперативно-розыскного органа (на нарушения прав и свобод при проведении ОРМ, отказ в предоставлении сведений, полученных при проведении ОРМ). Указанные виды обжалования несколько различаются по основаниям, предмету и кругу заявителей, а также по нормативной базе и обусловленному ею виду судопроизводства. В рамках видов производства (административного или уголовно-процессуального) имеют место некоторые различия в подсудности и процедуре рассмотрения судом жалоб.

Первое и второе направления носят предварительный (санкционирующий) характер, что подразумевает рассмотрение судом ходатайств оперативно-розыскных органов и дачу согласия на проведение ОРМ. Третье и четвертое представляют собой последующий контроль,

то есть проверку судом решений оперативно-розыскных органов. Кроме того, в науке обосновывается существование еще одного вида контроля за ОРД — текущего, «состоящего в рассмотрении судом гласно ходатайств органов, проводящих предварительное расследование в соответствии с нормами УПК РФ»⁴. Вместе с тем разрешение судом подобных вопросов относится к сфере уголовного судопроизводства, а не ОРД, поскольку речь идет, по сути, о процессуальных действиях. Оперативно-розыскные мероприятия, даже будучи содержательно неразрывно связанными с предварительным расследованием, имеют собственную отраслевую правовую регламентацию, проводятся не по УПК РФ, а по нормам оперативно-розыскного законодательства, поэтому разрешение судами ходатайств следственных органов не может считаться контролем за ОРД.

В науке продвигается идея о необходимости осуществления судебных производств в рамках ОРД в режиме, установленном уголовно-процессуальным законом (рассмотрение ходатайств о проведении ОРМ — по ст. 165 УПК РФ, а разрешение жалоб граждан — в порядке ст. 125 УПК РФ⁵). Такая точка зрения аргументируется правовой позицией Конституционного Суда РФ, отметившего существенное сходство уголовно-процессуальных и оперативно-розыскных правоотношений⁶. С одной стороны, эта связь бесспорна, поскольку результаты ОРМ должны повлечь возникновение уголовно-процессуальных правоотношений, так как только в этом случае полученная в рамках ОРМ информация способна выступить фактической основой, позволяющей привлечь виновного к уголовной ответственности и обеспечить назначение ему справедливого наказания⁷. С другой стороны, Конституционный Суд РФ, анализируя порядок судебных производств в рамках ОРД, констатировал, что по процедурным вопросам

⁴ Мясоедова Р. В. Проблемные вопросы при проведении предварительного судебного контроля // Известия Тульского государственного университета. Экономические и юридические науки. 2023. № 2. С. 84.

⁵ См.: Головлев Ю. В., Клоков С. Н. Проблемы квалификации и документирования преступлений коррупционной направленности // Российский следователь. 2018. № 8. С. 41–45.

⁶ См.: Гуськова А. П., Муратова Н. Г. Судебное право: история и современность судебной власти в сфере уголовного судопроизводства : монография. М. : Юрист, 2005. С. 61–64 ; Николюк В. В. О судебном санкционировании оперативно-розыскных мероприятий // Российская юстиция. 2024. № 4. С. 10–18 ; Николюк В. В. Уголовное правосудие в сфере оперативно-розыскной деятельности // Мировой судья. 2023. № 10. С. 15–21.

⁷ См.: Стельмах В. Ю. Некоторые актуальные проблемы использования результатов оперативно-розыскной деятельности в уголовном судопроизводстве // Вестник Владимирского юридического института. 2016. № 1 (38). С. 97–102.

эти производства могут не совпадать с уголовно-процессуальными. При этом Конституционный Суд РФ обращает внимание на безусловную необходимость соблюдения не отраслевых (в данном случае — уголовно-процессуальных), а только конституционных норм, непосредственное содержание которых применительно к рассматриваемой ситуации исчерпывается запретом произвольного изменения подсудности и обязательностью предоставления субъектам правоотношений права на обжалование судебного решения⁸.

Разумеется, не исключено, что в будущем оперативно-розыскные процедуры, содержательно сходные с уголовно-процессуальными (прежде всего — судебный контроль за ОРМ) претерпят процессуализацию, подразумевающую заимствование из уголовно-процессуального права правил выполнения соответствующих действий. Однако на данный момент применение положений УПК РФ к порядку рассмотрения судом материалов, касающихся проведения ОРМ, основано не столько непосредственно на требованиях закона, сколько на теоретических алгоритмах (аналогия права), в связи с тем что по своей природе оперативно-розыскные отношения наиболее близки к отношениям уголовно-процессуальным, а не каким-либо другим (например, административно-правовым). В то же время механическое распространение положений УПК РФ на действия, предусмотренные Законом «Об оперативно-розыскной деятельности», пусть даже и сходные по своей сущности с уголовно-процессуальными действиями, недопустимо, особенно когда оперативно-розыскное законодательство прямо предусматривает правила, отличающиеся от закрепленных в УПК РФ.

Если в уголовном судопроизводстве вопросы подсудности при осуществлении судебного контроля, а также порядка рассмотрения судом соответствующих материалов получили достаточно научную проработку⁹, то в рамках ОРД, в силу крайней краткости законодательной ре-

гламентации, данные проблемы продолжают оставаться недостаточно изученными.

Материалы о проведении ОРМ рассматриваются так называемыми уполномоченными судьями (ч. 2 ст. 9 Закона «Об оперативно-розыскной деятельности»). Порядок признания судьи *уполномоченным* в указанном смысле законодательно не определен. В практической деятельности полномочия по рассмотрению материалов о проведении ОРМ возлагаются на одного или нескольких судей приказом председателя суда, другие судьи соответствующего суда правами разрешения таких ходатайств не обладают. В судах с небольшим штатным составом судей соответствующими полномочиями, как правило, наделяется председатель суда.

Вопрос о предметной подсудности рассмотрения материалов о проведении ОРМ законодательно не урегулирован. В части 2 ст. 9 Закона только указано, что в случае представления материала в суд невозможен отказ в его рассмотрении. Единственным, хотя и ориентирующим, указанием по поводу определения предметной подсудности является разъяснение, данное в п. 1 постановления Пленума Верховного Суда РФ от 24.12.1993 № 13 «О некоторых вопросах, связанных с применением статей 23 и 25 Конституции Российской Федерации»¹⁰, согласно которому материалы о проведении ОРМ, ограничивающих тайну связи, рекомендуются рассматривать судам субъектов РФ, притом что и районные суды не вправе отказывать в рассмотрении таких материалов в случае их представления. Разъяснение дано в 1993 г., когда, с одной стороны, практика рассмотрения ходатайств о проведении ОРМ находилась в начальной стадии формирования, а с другой стороны, отсутствовали современные средства мобильной связи, а переписка и переговоры осуществлялись через почтовые учреждения и по стационарным телефонам.

На основании данного разъяснения судебная практика во многих субъектах сформировалась следующим образом: материалы

⁸ Постановление Конституционного Суда РФ от 09.06.2011 № 12-П «По делу о проверке конституционности положений пункта 7 статьи 16 Закона РФ “О статусе судей в Российской Федерации” и части первой статьи 9 Федерального закона “Об оперативно-розыскной деятельности” в связи с жалобой гражданина И. В. Аносова» // Официальный сайт Конституционного Суда РФ. URL: <http://www.ksrf.ru/ru/Decision/Pages/default.aspx> (дата обращения: 10.02.2025).

⁹ См.: *Стельмах В. Ю.* Подсудность при осуществлении судебного контроля в уголовном процессе // *Уголовное право.* 2023. № 8 (156). С. 66–79.

¹⁰ Официальный сайт Верховного Суда РФ. URL: <https://vsrf.ru/documents/own/7738/> (дата обращения: 10.02.2025).

о проведении ОРМ, ограничивающих тайну связи, рассматриваются судами субъектов РФ, а ходатайства о проведении иных ОРМ, требующих судебного санкционирования, — судами районного звена¹¹. Однако необходимо учитывать, что разъяснение Пленума Верховного Суда РФ изначально носило не императивный, а рекомендательный характер и было дано непосредственно после принятия Закона, в условиях полного отсутствия современной практики судебного контроля за деятельностью оперативно-розыскных органов. На тот момент было необходимо сформировать единые подходы к даче судебных разрешений на проведение ОРМ, и концентрация рассматриваемых материалов в судах субъектов РФ была призвана способствовать этому. В настоящее время, когда подобная практика в целом выработана, материалы рассматриваются как судами субъектов РФ, так и районными судами. Так, в 2023 г. судами субъектов РФ было рассмотрено 461,9 тыс. ходатайств о проведении ОРМ, в том числе 322,2 тыс. — ограничивающих тайну переписки, 18,2 тыс. — ограничивающих неприкосновенность жилища. Районными судами рассмотрено 499,5 тыс. ходатайств о проведении ОРМ, из них 200,1 тыс. — ограничивающих тайну переписки¹². В последнее время наметилась иная тенденция: материалы о проведении ОРМ, ограничивающих тайну переписки, стали активнее рассматриваться районными судами, в то время как ходатайства о проведении ОРМ, ограничивающих неприкосновенность жилища, в большинстве случаев разрешаются судами субъектов РФ. Данное обстоятельство обусловлено широкой распространенностью средств электросвязи, большим количеством их пользователей, что делает весьма затруднительным обращение за всеми разрешениями в единственный суд на территории субъекта РФ. Необходимо учитывать и то, что право на неприкосновенность жилища по своей фундаментальности, характеру защищаемых этим правом интересов лица отнюдь не уступает праву на тайну связи.

Территориальная (местная) подсудность рассмотрения материалов о проведении ОРМ,

предусматривающих судебное санкционирование, определяется с учетом положений ч. 1 ст. 9 Закона «Об оперативно-розыскной деятельности», где зафиксированы два альтернативных правила.

Во-первых, ходатайства могут разрешаться по месту проведения ОРМ, то есть по месту нахождения объекта получения информации в рамках ОРМ. Возникает вопрос о месте проведения ОРМ, направленного на получение информации, передаваемой по сетям электросвязи. Возможно как минимум двоякое решение данной проблемы: считать местом физическое нахождение провайдера, оказывающего услуги связи, либо место расположения подразделения специально-технических мероприятий. Правоприменительная практика выработала стандарт, согласно которому местом проведения ОРМ и, соответственно, местом судебного рассмотрения материала считается место дислокации оперативного подразделения, которому поручается непосредственный перехват информации.

Во-вторых, ходатайство может быть рассмотрено по месту нахождения оперативно-розыскного органа, инициирующего проведение ОРМ, что подразумевает место дислокации (район города с районным делением или город без районного деления) руководящего подразделения оперативно-розыскного органа.

В части 1 ст. 9 вышеупомянутого Закона закреплено альтернативное правило определения территориальной подсудности, но даже применительно к нему использовано словосочетание «как правило». Таким образом, можно предположить, что прямо предусмотренная в данной норме альтернатива не является единственной, возможен выбор и каких-то других вариантов. Но системный анализ законодательства, в том числе конституционных положений о праве граждан на рассмотрение касающихся их дел судом в соответствии с законодательно закрепленной подсудностью, не позволяет интерпретировать положения ч. 1 ст. 9 безгранично расширительно. Очевидно, что выбор «третьей альтернативы» за пределами указанных в рассматриваемой норме случаев может

¹¹ См., например: определение Судебной коллегии по гражданским делам Верховного Суда РФ от 17.06.1999 № 14-Г99-5 // СПС «КонсультантПлюс» (дата обращения: 10.02.2025).

¹² Обзор судебной статистики о деятельности федеральных судов общей юрисдикции и мировых судей в 2023 г. // Официальный сайт Судебного департамента при Верховном Суде РФ. URL: http://www.cdep.ru/userimages/sudebnaya_statistika/2023/Obzor_sudebnoy_statistiki_SOYU_2023.pdf (дата обращения: 10.02.2025).

иметь место только в особых, прямо предусмотренных законом ситуациях, когда ходатайство о проведении ОРМ не может быть рассмотрено судами, названными в приведенной статье. Во всех остальных случаях при отсутствии прямого специального указания, отдельно сформулированного в конкретной норме какого-либо федерального закона (например, закрепляющего особенности статуса определенных субъектов), альтернатива должна избираться исключительно в рамках вариантов, перечисленных в ч. 1 ст. 9 Закона «Об оперативно-розыскной деятельности».

В частности, действующее законодательство устанавливает особенности предметной и территориальной подсудности рассмотрения вопросов о проведении ОРМ в отношении судей, что обусловлено наличием судебской неприкосновенности. При этом нормы, посвященные предметной и территориальной подсудности, сосредоточены в разных законодательных актах, что требует их системного применения в практической деятельности.

Предметная подсудность (уровень и состав суда, рассматривающего ходатайства) определена в ч. 7 ст. 16 Закона «О статусе судей в РФ»¹³ и обусловлена должностным положением судьи, в отношении которого планируется проведение ОРМ. Соответствующие материалы рассматриваются: а) в отношении судей районных судов и мировых судей — коллегией из трех судей суда субъекта РФ; б) судей всех иных судов — коллегией из трех судей Верховного Суда РФ. Анализируемая норма не содержит упоминаний о судьях апелляционных и кассационных судов, но это, несомненно, вызвано только тем, что законодатель не до конца системно разрешил вопросы, связанные с образованием данных судов, иными словами, просто не учел их создание при регламентации проведения ОРМ в отношении судей. Исходя из места этих судов в судебной системе РФ, их статуса относительно судов субъектов РФ разрешение на проведение ОРМ в отношении судей данных судов должно даваться Верховным Судом РФ, поскольку апелляционные и кассационные суды занимаются пересмотром решений судов субъектов РФ и в силу этого — вышеназванных судов по своему уровню.

В соответствии с ч. 7 ст. 16 Закона «О статусе судей в РФ» территориальная подсудность определяется федеральным уголовно-процессуальным законом и Законом «Об оперативно-розыскной деятельности». Такая формулировка, как бы объединяющая положения уголовно-процессуального и оперативно-розыскного законов, отнюдь не свидетельствует о полном слиянии установленных ими правил. Она объясняется только тем, что в рассматриваемой норме закреплены и следственные действия, и ОРМ. Это не означает полного совпадения уголовно-процессуальных и оперативно-розыскных порядков и не предполагает полного распространения положений УПК РФ на рассмотрение ходатайств о проведении ОРМ. Иными словами, рассматриваемую норму необходимо трактовать следующим образом: для уголовно-процессуальных процедур применяются нормы УПК РФ, для оперативно-розыскных — положения Закона «Об оперативно-розыскной деятельности». Применение уголовно-процессуального закона при рассмотрении судом вопросов о разрешении проведения ОРМ допустимо только в нерегламентированной, пробельной части и исключительно по правилам аналогии, а не в качестве норм, прямо регулирующих указанные действия.

Территориальная подсудность рассмотрения материалов о проведении ОРМ в отношении судей особо регламентируется в ч. 1 ст. 9 Закона «Об оперативно-розыскной деятельности», в которой сформулировано специальное правило, выходящее за пределы «обычной» альтернативы, закрепленной в указанной норме применительно ко всем иным субъектам. В отношении судей выделяются два альтернативных правила, причем по смыслу Закона они связаны исключительно с деятельностью коллегии из трех судей суда субъекта РФ. Первое правило (общее, ординарное) применяется, когда нет опасений рассекречивания планируемых и проводимых мероприятий. Материал рассматривается коллегией из трех судей суда субъекта РФ. Второе правило (специальное, экстраординарное) используется в ситуации, характеризующейся обоснованными опасностями возможности рассекречивания ОРМ¹⁴.

¹³ Закон РФ от 26.06.1992 № 3132-1 «О статусе судей в Российской Федерации» // URL: <http://www.pravo.gov.ru/proxy/ips/?docbody=&nd=102017065> (дата обращения: 10.02.2025).

¹⁴ Соловьев А. Н. Судья как объект оперативно-розыскной деятельности по преступлениям коррупционной направленности // Вестник Волгоградской академии МВД России. 2014. № 1 (28). С. 134–135.

В таком случае оперативно-розыскной орган, минуя суд субъекта РФ, обращается непосредственно в Верховный Суд РФ с соответствующим материалом, причем не для рассмотрения этого материала по существу, а исключительно для определения Верховным Судом РФ территориальной подсудности. По результатам изучения представленных материалов Председатель Верховного Суда РФ или его заместитель принимает решение о передаче этих материалов для рассмотрения в другой суд. При этом, с одной стороны, передача допускается только в суд, равнозначный по своему уровню тому, который изначально должен был рассматривать материал, если бы не было предусмотренных данной нормой исключительных обстоятельств. С другой стороны, необходимо, чтобы были устранены факторы, воспрепятствовавшие рассмотрению материала в том суде, где он подлежал рассмотрению. Важно, что решение руководителя Верховного Суда оформляется не письмом, а постановлением, что подчеркивает его правовую, а не организационную природу. Таким образом, Председателем Верховного Суда РФ или его заместителем изменяется только территория рассмотрения материала, однако обязательно сохраняется уровень суда. С одной стороны, этот уровень не может быть изменен путем поручения рассмотрения материала нижестоящему суду, с другой стороны, Верховный Суд РФ не должен рассматривать материал по существу.

Следующей формой судебного контроля выступает проверка законности ОРМ, начатых в безотлагательных случаях без судебного решения, и разрешение на их дальнейшее проведение дается тем же судом, к компетенции которого относилось бы рассмотрение материала при его подаче в обычном порядке, причем это правило касается как предметной, так и территориальной подсудности.

Такая форма судебного контроля, как рассмотрение вышестоящим судом ходатайства о проведении ОРМ после отказа нижестоящего суда, присуща только ОРД. С одной стороны, закон не предусматривает порядка обжа-

лования судебного отказа в проведении ОРМ. Рассмотрение вышестоящим судом соответствующих материалов — это не пересмотр решения нижестоящего суда, а новое рассмотрение данных материалов. Между тем эта процедура объективно носит черты пересмотра, поскольку вышестоящий суд неизбежно дает оценку не только представленному оперативными сотрудниками материалу, содержащему, помимо прочего, обоснование необходимости проведения ОРМ, но и решению нижестоящего суда, отклонившего постановление оперативно-розыскного органа. А. Ю. Шумилов называет рассматриваемую процедуру «разрешением споров между судьей и оперативно-розыскным органом»¹⁵. Полагаем, что здесь вышестоящий суд не столько разрешает спор, сколько на основании нового рассмотрения представленных материалов принимает решение по результатам собственной оценки необходимости и законности проведения ОРМ.

В научной литературе справедливо отмечается, что после отказа судом в проведении ОРМ недопустимо обращение в другой суд такого же уровня по правилам альтернативной подсудности¹⁶.

Возникает вопрос, какой суд является вышестоящим в рамках анализируемой процедуры. На момент принятия Закона «Об оперативно-розыскной деятельности» система судов общей юрисдикции носила четырехзвенный характер, включая в себя: а) мировых судей; б) районные и гарнизонные военные суды; в) суды субъектов РФ и окружные (флотские) военные суды; г) Верховный Суд РФ. Впоследствии эта система была дополнена апелляционными и кассационными судами, по сути, заменившими суды субъектов РФ при пересмотре решений в апелляционном и кассационном порядке.

Но эти суды являются вышестоящими по отношению к судам субъектов РФ не вообще, а исключительно в рамках апелляционного и кассационного обжалования, которое указанным Законом в принципе не предусмотрено. Данная форма судебного контроля за проведением ОРМ вообще не предполагает какого-либо

¹⁵ См.: Шумилов А. Ю. Курс основ оперативно-розыскной деятельности : учебник для вузов. М. : Изд. дом Шумиловой И. И., 2006. С. 137.

¹⁶ См.: Абрамочкин В. В. Проверка судом законности и обоснованности проведения прослушивания телефонных переговоров, начатого в условиях, не терпящих отлагательств // Российская юстиция. 2014. № 12. С. 31–32 ; Вагин О. А. Конституционные проблемы оперативно-розыскной деятельности // Конституционно-правовые проблемы оперативно-розыскной деятельности : сборник материалов Всероссийского круглого стола (3 ноября 2011 г.) / сост. К. Б. Калиновский. СПб. : Петрополис, 2012. С. 25–26.

участия апелляционных и кассационных судов. В целях применения ч. 7 ст. 9 Закона вышестоящими судами считаются: а) при первоначальном рассмотрении ходатайства районным судом — областной и равный ему суд; б) при рассмотрении материала судом субъекта РФ — Верховный Суд РФ.

Порядок рассмотрения материалов в рамках всех трех проанализированных форм судебного контроля одинаков. Материал лишь предъявляется судье, но его копии в суде не остаются. Кроме того, материал регистрируется не в секретариате суда, а исключительно у уполномоченного судьи. О. В. Химичева, критикуя такую практику, предлагает хранить в суде «представленные судье материалы и подлинник постановления судьи по правилам секретного делопроизводства»¹⁷. Вместе с тем пока такой порядок неприменим, поскольку действующее законодательство его не предусматривает.

Материалы рассматриваются судьей единолично, а при проведении ОРМ в отношении судьи — коллегией из трех судей, при этом все судьи в составе коллегии должны быть уполномочены на рассмотрение соответствующих материалов. Материал должен быть рассмотрен незамедлительно, то есть в течение рабочего дня, когда он поступил в суд, или, при невозможности, в течение следующего рабочего дня.

В отличие от судебных порядков в рамках уголовного судопроизводства¹⁸, материал рас-

сматривается без проведения судебного заседания, без участия прокурора, без ведения протокола и без фиксации позиции оперативного сотрудника, представившего материал¹⁹. Конституционный Суд РФ отметил, что «эта процедура не является ни судебным разбирательством, ни даже подготовительными действиями к судебному заседанию: в данных правоотношениях еще нет сторон, что характерно для уголовного процесса; в процедуре, в которой испрашивается судебное разрешение на проведение оперативно-розыскных мероприятий, проверяемое лицо — не участник процесса и знать о нем не должно»²⁰.

Подсудность и порядок рассмотрения жалоб лица, в отношении которого проводились ОРМ, в Законе «Об оперативно-розыскной деятельности» не регламентированы, что вызывает дискуссии в теории и существование различных подходов в правоприменительной практике. Несмотря на близость природы оперативно-розыскных и уголовно-процессуальных правоотношений, в научной литературе справедливо обращается внимание на невозможность механического применения ст. 125 УПК РФ к обжалованию порядка проведения ОРМ²¹.

Необходимо руководствоваться разъяснениями Пленума Верховного Суда, согласно которым жалобы рассматриваются в порядке, установленном главой 22 КАС РФ²² (абз. 1 п. 8 постановления Пленума Верховного Суда РФ от

¹⁷ См.: Химичева О. В. Ограничение конституционных прав в ходе оперативно-розыскной деятельности: проблемы реализации судебных полномочий // Вестник Московского университета МВД России. 2019. № 5. С. 218.

¹⁸ См.: Вилкова Т. Ю. Единоличное рассмотрение уголовных дел в суде // Российская юстиция. 1997. № 11. С. 24–25.

¹⁹ См.: Маслов В. В. Порядок судебного рассмотрения материалов об ограничении конституционных прав и свобод граждан при проведении оперативно-розыскных мероприятий // Российский юридический журнал. 2011. № 2. С. 125–126; Стельмах В. Ю., Титов П. М. Участники рассмотрения судом вопросов в рамках контроля за предварительным расследованием и оперативно-розыскной деятельностью // Администратор суда. 2023. № 3. С. 26–27.

²⁰ Постановление Конституционного Суда РФ от 09.06.2011 № 12-П; определение Конституционного Суда РФ от 26.10.2021 № 2178-О «Об отказе в принятии к рассмотрению жалобы гражданина Холодько Павла Андреевича на нарушение его конституционных прав пунктом 8 части первой статьи 6, статьями 9 и 12 Федерального закона «Об оперативно-розыскной деятельности»» // Официальный сайт Конституционного Суда РФ. URL: <http://doc.ksrf.ru/decision/KSRFDecision569367.pdf> (дата обращения: 10.02.2025).

²¹ Камынин И. Рассмотрение дел в порядке гл. 25 ГПК РФ // Законность. 2009. № 5. С. 8–10; Левинова Т. А. Обжалование действий и решений органов, осуществляющих оперативно-розыскную деятельность: проблемы правоприменения // Российская юстиция. 2011. № 6. С. 60; Чуркин А. В. Обжалование действий органов, осуществляющих оперативно-розыскную деятельность // Законность. 2012. № 12. С. 37.

²² Кодекс административного судопроизводства Российской Федерации от 08.03.2015 № 21-ФЗ // URL: <http://www.pravo.gov.ru/proxy/ips/?docbody=&nd=102380990> (дата обращения: 10.02.2025).

28.06.2022 № 21 «О некоторых вопросах применения судами положений главы 22 Кодекса административного судопроизводства Российской Федерации и главы 24 Арбитражного процессуального кодекса Российской Федерации»²³).

В то же время в абз. 2 п. 4 постановления Пленума Верховного Суда РФ от 10.02.2009 № 1 «О практике рассмотрения судами жалоб в порядке статьи 125 Уголовно-процессуального кодекса Российской Федерации»²⁴ указано, что жалобы на действия лиц, осуществляющих ОРД, произведенные в ходе процессуальной проверки сообщений о преступлениях либо в порядке исполнения поручения следователя, рассматриваются в порядке ст. 125 УПК РФ.

Соответственно, если ОРМ получили «процессуальное продолжение», то есть их результаты были представлены следователю в установленном порядке, и оценивались уже следователем, применяется порядок обжалования, установленный статьей 125 УПК РФ, в остальных случаях действует административно-правовой порядок обжалования.

В абзаце 1 п. 4 постановления Пленума Верховного Суда РФ от 10.02.2009 № 1 указывается, что в порядке ст. 125 УПК РФ обжалуются те действия, которые произведены в связи с реализацией должностным лицом полномочий по осуществлению уголовного преследования. Ключевым фактором выступает определение того, можно ли относить сбор и документирование сведений в рамках ОРМ к уголовному преследованию. С одной стороны, если рассматривать уголовное преследование в узком смысле, то есть как привлечение в качестве обвиняемого или придание лицу статуса подозреваемого, то проведение ОРМ уголовным преследованием не является. С другой стороны, при рассмотрении уголовного преследования в широком смысле (как установление лиц, причастных к совершению преступления²⁵) проведение ОРМ вполне допустимо включать в качестве составной части в содержание уголовного преследования. Более того, необходимо констатировать, что если результаты ОРМ были

представлены органу предварительного расследования, то они объективно и неизбежно включаются в состав доказательств по уголовному делу, в связи с чем обжалование действий оперативных сотрудников в рамках проведения ОРМ гораздо целесообразнее осуществлять в порядке ст. 125 УПК РФ. В противном случае непосредственно при расследовании уголовного дела будут задействоваться не только уголовно-процессуальные, но и административные процедуры обжалования, что, безусловно, нарушит единство предварительного расследования, вызовет неоправданное проникновение других отраслевых норм в сугубо уголовно-процессуальные правоотношения.

Исходя из этого сложно согласиться с авторами, высказывающими мнение о невозможности обжалования действий оперативных сотрудников, если материалы ОРД были представлены следователю для приобщения к уголовному делу²⁶. Очевидно, что здесь нельзя задействовать административную процедуру подачи жалобы. Однако в подобной ситуации лицо, в отношении которого проводились ОРМ, получает право на обжалование соответствующих действий в порядке ст. 125 УПК РФ вне зависимости от наличия у него статуса участника уголовного судопроизводства.

Таким образом, в настоящее время допускается использование двух порядков обжалования действий оперативно-розыскных органов в рамках проведения ОРМ: а) административного, регламентированного КАС РФ; б) уголовно-процессуального, закрепленного статьей 125 УПК РФ. Это диктует необходимость разграничения данных процедур, поскольку они различаются по ряду существенных производимых в их рамках действий.

В частности, названные порядки предполагают различную предметную подсудность. Отличается уровень рассматривающего жалобу суда: при административном порядке рассмотрение жалобы производится судом субъекта РФ в силу отнесения материалов ОРД к сведениям, составляющим государственную

²³ Официальный сайт Верховного Суда РФ. URL: <https://vsrf.ru/documents/own/31334/> (дата обращения: 10.02.2025).

²⁴ Официальный сайт Верховного Суда РФ. URL: <https://www.vsrfr.ru/documents/own/8099/> (дата обращения: 10.02.2025).

²⁵ См.: *Степьмах В. Ю.* Понятие и признаки уголовного преследования // Актуальные проблемы борьбы с преступлениями и иными правонарушениями. 2014. № 14-1. С. 168–170.

²⁶ См.: *Руднев А.* Защита конституционных прав граждан, затрагиваемых при оперативно-розыскной деятельности // Законность. 2007. № 2 (868). С. 34.

тайну (п. 1 ч. 1 ст. 20 КАС РФ); при уголовно-процессуальном порядке жалоба рассматривается районным судом (ч. 1 ст. 125 УПК РФ).

Согласно ч. 1 и 2 п. 14 постановления Пленума Верховного Суда РФ от 28.06.2022 № 21 при административном порядке территориальная подсудность рассмотрения жалоб является альтернативной (по усмотрению заявителя): а) либо по месту проведения ОРМ; б) либо по месту дислокации оперативно-розыскного органа; в) либо по месту жительства заявителя. Именно такой порядок территориальной подсудности в наибольшей степени соответствует интересам заявителя, избавляет его от организационных сложностей при подаче жалобы, делавших бы возможность обжалования декларативной.

В условиях уголовно-процессуального порядка обжалования территориальная подсудность также альтернативна: а) по месту совершения преступления; б) по месту расположения следственного органа, в производстве которого находится уголовное дело.

При рассмотрении жалобы по КАС РФ подавшее ее лицо приобретает статус административного истца и должно обосновывать доводы своей жалобы. Участие прокурора законом не предусмотрено.

Полагаем, что процедура рассмотрения жалоб даже согласно КАС РФ должна имплементировать некоторые положения ст. 125 УПК РФ, поскольку именно уголовно-процессуальные правоотношения наиболее близки к оперативно-розыскным, а КАС РФ не в полной мере учитывает специфику подобного обжалования и оставляет некоторые аспекты пробельными.

Необходимо особо подчеркнуть, что при рассмотрении жалобы не осуществляется проверка законности судебного решения, на основании которого проведено ОРМ, а лишь оценивается ход самого ОРМ. Иными словами, рассматривающий жалобу суд дает оценку действиям непосредственно оперативно-розыскного органа и не компетентен каким-либо образом оценивать решение суда, разрешившего проведение ОРМ.

Поскольку оценка дается уже совершенным действиям, фактор внезапности, имеющий место на момент принятия решения о проведении ОРМ, утрачивается, в силу чего лица, которых затрагивало мероприятие, должны получить возможность довести до суда свою точку зрения. Исходя из этого жалоба рассматривается с проведением судебного заседания (практически такого же, как и рассмотрение жалобы

на произведенные следственные действия) с участием лица, подавшего жалобу, представителя оперативно-розыскного органа, а также уполномоченного прокурора, осуществляющего надзор за органом, проводившим ОРМ.

Оперативно-розыскной орган по смыслу закона обязан представить суду документы, подтверждающие законность проведения им ОРМ. При этом объем и содержание этих материалов определяются по усмотрению сотрудников данного органа. Возможно представление не оригинальных документов, составленных при проведении ОРМ, а сводного документа (справки-меморандума, рапорта и т.п.). Вместе с тем необходимо учитывать, что если из сводного документа не усматривается, например, наличие оснований проведения ОРМ, то суд вправе и обязан признать факт нарушения прав лица, в отношении которого проводилось ОРМ. Хотя оперативно-розыскные мероприятия сами по себе не являются уголовно-процессуальными действиями, по своему содержанию они направлены на изобличение лица в совершении преступления, то есть имеют такое же назначение, как и уголовно-процессуальная деятельность. Соответственно, необходимо распространять на правоотношения, возникающие при проведении ОРМ, конституционные положения о презумпции невиновности, касающиеся проверяемого субъекта. С учетом изложенного оперативно-розыскной орган должен представить суду материалы в объеме, подтверждающем законность осуществления ОРМ, поскольку в противном случае в соответствии с презумпцией невиновности действия государственного органа не могут считаться законными и обоснованными.

При рассмотрении жалобы судья не ограничивается изучением поступившего от оперативно-розыскного органа сведений, а вправе дополнительно истребовать оперативно-служебные документы, содержащие информацию о сведениях, в предоставлении которых было отказано заявителю. При этом в ч. 5 ст. 5 Закона «Об оперативно-розыскной деятельности» установлены исключения относительно сведений, которые не предоставляются в указанном порядке. Эти исключения касаются лиц, привлекаемых к участию в проведении ОРМ на негласной основе. По смыслу Закона суду не могут быть представлены персональные (анкетные) данные соответствующих лиц, а также, исходя из направленности ОРМ и особенностей полученной информации, сам факт привлечения

названных субъектов к проведению ОРМ. Эта норма сформулирована в виде запрета, то есть оперативно-розыскной орган не только вправе отказать по своему усмотрению в раскрытии соответствующих сведений, а в принципе не имеет полномочий предоставлять их суду.

В отличие от уголовно-процессуальных судебных производств, материалы не копируются и не концентрируются в суде, а лишь демонстрируются суду. Прежде всего это объясняется необходимостью соблюдения режима секретности, в гораздо большей степени присущего ОРД, нежели уголовному судопроизводству. По нашему мнению, существенных изменений такая конструкция претерпевать не должна. Несмотря на то что наличие уполномоченных судей призвано в большей степени обеспечить режим секретности в сравнении с тем, как если бы материалы рассматривались «обычными» судьями, оставлять в суде материалы ОРД нецелесообразно, поскольку доступ к ним могут получить не только судьи, но и работники ап-

парата суда, что повышает риск разглашения соответствующей информации.

Таким образом, в настоящее время собственная отраслевая нормативная регламентация осуществления судебного контроля за ОРД характеризуется крайней лаконичностью. Это состояние, бывшее объяснимым и терпимым на первых этапах после принятия Закона «Об оперативно-розыскной деятельности», сейчас, по мере развития теоретических представлений о механизмах осуществления ОРМ и контроле за ними, а также после накопления значительного эмпирического опыта в данной сфере, выглядит анахронизмом, зачастую подвергающим сомнению эффективность судебного контроля. Необходимо урегулировать эти вопросы непосредственно в указанном Законе. Обновленная и развернутая регламентация позволит обеспечить оптимальный баланс между внутренне присущими ОРД элементами секретности и интересами граждан, вовлекаемых в орбиту проведения ОРМ.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

Абрамочкин В. В. Проверка судом законности и обоснованности проведения прослушивания телефонных переговоров, начатого в условиях, не терпящих отлагательств // Российская юстиция. 2014. № 12. С. 29–32.

Вагин О. А. Конституционные проблемы оперативно-розыскной деятельности // Конституционно-правовые проблемы оперативно-розыскной деятельности : сборник материалов Всероссийского круглого стола (3 ноября 2011 г.) / сост. К. Б. Калиновский. СПб. : Петрополис, 2012. С. 7–69.

Вилкова Т. Ю. Единоличное рассмотрение уголовных дел в суде // Российская юстиция. 1997. № 11. С. 24–25.

Вилкова Т. Ю. Тайна переписки, телефонных и иных переговоров, почтовых, телеграфных и иных сообщений в уголовном судопроизводстве: правовые основы, содержание, гарантии // Российская юстиция. 2014. № 10. С. 44–47.

Головлев Ю. В., Клоков С. Н. Проблемы квалификации и документирования преступлений коррупционной направленности // Российский следователь. 2018. № 8. С. 41–45.

Гуськова А. П., Муратова Н. Г. Судебное право: история и современность судебной власти в сфере уголовного судопроизводства : монография. М. : Юрист, 2005. 176 с.

Камынин И. Рассмотрение дел в порядке гл. 25 ГПК РФ // Законность. 2009. № 5. С. 7–11.

Левинова Т. А. Обжалование действий и решений органов, осуществляющих оперативно-розыскную деятельность: проблемы правоприменения // Российская юстиция. 2011. № 6. С. 59–61.

Маслов В. В. Порядок судебного рассмотрения материалов об ограничении конституционных прав и свобод граждан при проведении оперативно-розыскных мероприятий // Российский юридический журнал. 2011. № 2. С. 122–130.

Мясоедова Р. В. Проблемные вопросы при проведении предварительного судебного контроля // Известия Тульского государственного университета. Экономические и юридические науки. 2023. № 2. С. 82–88.

Николюк В. В. О судебном санкционировании оперативно-розыскных мероприятий // Российская юстиция. 2024. № 4. С. 10–18.

Николюк В. В. Уголовное правосудие в сфере оперативно-розыскной деятельности // Мировой судья. 2023. № 10. С. 15–21.

Руднев А. Защита конституционных прав граждан, затрагиваемых при оперативно-розыскной деятельности // *Законность*. 2007. № 2 (868). С. 32–34.

Соловьев А. Н. Судья как объект оперативно-розыскной деятельности по преступлениям коррупционной направленности // *Вестник Волгоградской академии МВД России*. 2014. № 1 (28). С. 133–137.

Стельмах В. Ю. Некоторые актуальные проблемы использования результатов оперативно-розыскной деятельности в уголовном судопроизводстве // *Вестник Владимирского юридического института*. 2016. № 1 (38). С. 97–102.

Стельмах В. Ю. Подсудность при осуществлении судебного контроля в уголовном процессе // *Уголовное право*. 2023. № 8 (156). С. 66–79.

Стельмах В. Ю. Понятие и признаки уголовного преследования // *Актуальные проблемы борьбы с преступлениями и иными правонарушениями*. 2014. № 14-1. С. 168–170.

Стельмах В. Ю. Система средств доказывания в досудебных стадиях уголовного процесса: проблемы теории, нормативного регулирования и практики : дис. ... д-ра юрид. наук. Екатеринбург, 2021. 522 с.

Стельмах В. Ю., Титов П. М. Участники рассмотрения судом вопросов в рамках контроля за предварительным расследованием и оперативно-розыскной деятельностью // *Администратор суда*. 2023. № 3. С. 24–28.

Химичева О. В. Ограничение конституционных прав в ходе оперативно-розыскной деятельности: проблемы реализации судебных полномочий // *Вестник Московского университета МВД России*. 2019. № 5. С. 216–220.

Чуркин А. В. Обжалование действий органов, осуществляющих оперативно-розыскную деятельность // *Законность*. 2012. № 12. С. 36–39.

Шумилов А. Ю. Курс основ оперативно-розыскной деятельности : учебник для вузов. М. : Изд. дом Шумиловой И. И., 2006. 368 с.

REFERENCES

Abramochkin VV. Verification by the court of the legality and validity of wiretapping, begun in conditions that are urgent. *Rossijskaja Justicia*. 2014;12:29-32. (In Russ.).

Churkin AV. Appeal against actions of operative and search authorities. *Zakonnost*. 2012;12:36-39. (In Russ.).

Golovlev YuV, Klokov SN. Issues of qualification and recording of corruption-related crimes. *The Russian Investigator*. 2018;8:41-45. (In Russ.).

Guskova AP, Muratova NG. *Judicial law: history and modernity of the judiciary in the field of criminal proceedings*. Moscow: Yurist Publ.; 2005. (In Russ.).

Kamynin I. Consideration of cases under Chapter 25 of the Code of Civil Procedure of the Russian Federation. *Zakonnost*. 2009;5:7-11. (In Russ.).

Khimicheva OV. Juridical limitation of the constitutional rights of the personality while conducting the secret operations: problems of realization of judicial authority. *Vestnik of Moscow University of the Ministry of Internal Affairs of Russia*. 2019;5:216-220. (In Russ.).

Levinova TA. Appeal against actions and decisions of bodies carrying out operational-search activities: problems of law enforcement. *Rossijskaja Justicia*. 2011;6:59-61. (In Russ.).

Maslov VV. Procedure for judicial review of materials on restriction of constitutional rights and freedoms of citizens during operational-search activities. *Russian Juridical Journal*. 2011;2:122-130. (In Russ.).

Myasoedova RV. Problematic issues during the preliminary judicial control. *Izvestiya Tula State University. Economic and Legal Sciences*. 2023;2:82-88. (In Russ.).

Nikolyuk VV. Criminal justice in the sphere of criminal intelligence and surveillance operations. *The Magistrate*. 2023;10:15-21. (In Russ.).

Nikolyuk VV. On the judicial authorization of operational and search measures. *Rossijskaja Justicia*. 2024;4:10-18. (In Russ.).

Rudnev A. Protection of the constitutional rights of citizens affected by operational-search activities. *Zakonnost*. 2007;2(868):32-34. (In Russ.).

Shumilov AYU. A Course on the Basics of Operational-Search Activity. Moscow: Shumilova I.I. (Publ.), 2006. (In Russ.).

Solovjov AN. A Judge as an object of operational-search activities for corruption crimes. *Vestnik Volgogradskoy akademii MVD Rossii*. 2014;1(28):133-137. (In Russ.).

Stelmach VYu, Titov PM. Parties to judicial review of issues within the framework of control over pre-trial investigation and criminal intelligence and surveillance operations. *Court's Administrator*. 2023;3:24-28. (In Russ.).

Stelmach VYu. Jurisdiction in the exercise of judicial control in criminal procedure. *Criminal Law*. 2023;8(156):66-79. (In Russ.).

Stelmach VYu. Some of the current problems of the use of results of crime detection in criminal proceedings. *Vestnik Vladimirskogo yuridicheskogo instituta*. 2016;1(38):97-102. (In Russ.).

Stelmach VYu. The concept and signs of criminal prosecution. In: *Actual problems of combating crimes and other offenses: Proceedings of the International Scientific and Practical Conference (Barnaul, 2014)*. Part 1. Barnaul: Barnaul Law Institute of the Ministry of Internal Affairs of the Russian Federation Publ.; 2014. (In Russ.).

Stelmach VYu. The system of means of evidence in the pre-trial stages of the criminal process: problems of theory, regulatory regulation and practice. Dr. Sci. (Law) Diss. Ekaterinburg. (In Russ.).

Vagin OA. Constitutional problems of operational-search activities. In: *Constitutional Law problems of operational-search activities: Proceedings of the All-Russian round table (3 November 2011)*. St. Petersburg: Petropolis Publ.; 2012. (In Russ.).

Vilkova TYu. Single-Judge Trials in Criminal Cases. *Rossijskaja Justicia*. 1997;11:24-25. (In Russ.).

Vilkova TYu. The secret of correspondence, telephone and other conversations, postal, telegraph and other messages in criminal proceedings: legal basics, maintenance, warranty. *Rossijskaja Justicia*. 2014;10:44-47. (In Russ.).

ИНФОРМАЦИЯ ОБ АВТОРЕ

Титов Павел Михайлович, кандидат юридических наук, начальник кафедры оперативно-розыскной деятельности органов внутренних дел Уральского юридического института Министерства внутренних дел Российской Федерации

д. 66, Корепина ул., г. Екатеринбург 620057, Российская Федерация
titov1995@ya.ru

INFORMATION ABOUT THE AUTHOR

Pavel M. Titov, Cand. Sci. (Law), Head of the Department of Operational-Search Activities of the Internal Affairs Bodies, the Ural Law Institute of the Ministry of Internal Affairs of the Russian Federation, Yekaterinburg, Russian Federation
titov1995@ya.ru

Материал поступил в редакцию 12 февраля 2025 г.

Статья получена после рецензирования 12 апреля 2025 г.

Принята к печати 15 ноября 2025 г.

Received 12.02.2025.

Revised 12.04.2025.

Accepted 15.11.2025.

DOI: 10.17803/1729-5920.2025.229.12.077-085

О. В. Бирюкова

Кемеровский государственный университет
г. Кемерово, Российская Федерация

Деятельность военных трибуналов войск НКВД в годы Великой Отечественной войны (1941–1945 гг.) (на примере Кемеровской области)

Резюме. Кемеровская область в военное время и первые послевоенные годы сыграла значительную роль в экономике государства, так как являлась первой угольно-металлургической базой страны. Важно рассмотреть деятельность органов военной юстиции на территории Кемеровской области, поскольку они способствовали укреплению дисциплины на оборонных и угольных предприятиях региона, а также охране правопорядка в регионе. В статье представлены особенности организации данного типа военных трибуналов, их правового регулирования и отправления правосудия. Кроме этого, на основе архивных материалов проанализированы основные направления работы этого органа военной юстиции в Кемеровской области в указанный период. Научная новизна статьи заключается в том, что автором введен в научный оборот новый вид источника — личные дела осужденных за совершение преступлений, предусмотренных уголовным законодательством РСФСР того времени, другими документами, выпущенными государственными и ведомственными органами.

Ключевые слова: военный трибунал; Великая Отечественная война; военная юстиция; уголовное законодательство; правосудие; приговор; Наркомат внутренних дел; уголовное дело; преступление

Для цитирования: Бирюкова О. В. Деятельность военных трибуналов войск НКВД в годы Великой Отечественной войны (1941–1945 гг.) (на примере Кемеровской области). *Lex russica*. 2025. Т. 78. № 12. С. 77–85.

DOI: 10.17803/1729-5920.2025.229.12.077-085

Activities of the NKVD Military Tribunals during the Great Patriotic War (1941–1945): A Case Study of the Kemerovo Region

Olga V. Biryukova

Kemerovo State University

Kemerovo, Russian Federation

Abstract. The Kemerovo Region during the wartime and early postwar years played a significant role in the national economy as the country's primary coal-metallurgical base. It is therefore important to examine the activities of military justice bodies operating in the Kemerovo Region, since they contributed to strengthening discipline at defense and coal enterprises and to maintaining public order in the region. The author outlines the organizational features of this type of military tribunal, their legal regulation, and the administration of justice. Drawing on archival materials, the study analyzes the principal directions of the work of these military justice bodies in the Kemerovo Region during the period under review. The scientific novelty of the study lies in the introduction into scholarly use of a new source type, namely, the personal files of persons convicted of offences under the criminal legislation of the RSFSR in force at the time, together with other documents issued by state and departmental authorities.

Keywords: military tribunal; Great Patriotic War; military justice; criminal law; justice; sentence; People's Commissariat of Internal Affairs; criminal case; crime

Cite as: Biryukova OV. Activities of the NKVD Military Tribunals during the Great Patriotic War (1941–1945): A Case Study of the Kemerovo Region. *Lex russica*. 2025;78(12):77-85. (In Russ.). DOI: 10.17803/1729-5920.2025.229.12.077-085

© Бирюкова О. В., 2025

Введение

Военные трибуналы войск НКВД СССР являлись важной структурой в судебной системе Советского государства. В годы Великой Отечественной войны они внесли весомый вклад в борьбу с преступностью в нашей стране.

Сформированные еще в первые годы советской власти, они хорошо зарекомендовали себя во время Гражданской войны. Учитывая этот опыт, руководители государства накануне Великой Отечественной войны решили преобразовать военные трибуналы войск НКВД в самостоятельную ветвь системы военно-судебных учреждений.

Эти учреждения действовали одновременно с фронтовыми, железнодорожными и водно-транспортными военными трибуналами, а также прочими структурами военной юстиции. Тем не менее данное ведомство обладало собственными чертами устройства, руководства, полномочий и правового регулирования.

Военные трибуналы войск НКВД СССР: особенности организации, основные задачи и правовое регулирование

Первое и весьма важное отличие этого судебного органа от аналогичных структур состояло в том, что система военных трибуналов войск НКВД СССР по решению руководства страны сразу была определена в подчинение административно-региональному аппарату, а не как все военные трибуналы — Вооруженным силам страны. Кроме этого, на протяжении трех-пяти лет ее организация управления значительно изменялась. В частности, в начале своего создания военные трибуналы войск НКВД первой инстанции подчинялись окружным трибуналам, а далее — Военной коллегии Верховного суда СССР. Однако скоро была проведена реорганизация структуры подчиненности данных военно-судебных учреждений, в результате которой они стали подчиняться Наркомату юстиции Советского Союза.

Но в связи с началом Великой Отечественной войны вновь возникла потребность в транс-

формации органов военной юстиции. В середине 1942 г. во главе данной системы становится Управление военных трибуналов войск НКВД Народного комиссариата юстиции СССР. Причиной этому послужила необходимость общей реформы структуры управления военными судами.

Как отмечает А. В. Кольчевский, военно-судебные органы в предвоенные годы, учитывая специфику их организации и деятельности, выполняли довольно разноплановые функции. С одной стороны, военные юристы обеспечивали защиту действующего политического режима (борьба с оппозицией, поддержание высоких темпов экономического развития страны путем укрепления дисциплины в трудовых и военных коллективах уголовно-правовыми мерами и т.д.). С другой стороны, органы военной юстиции осуществляли правосудие по делам об особо опасных преступлениях гражданских лиц¹.

В самом начале Великой Отечественной войны в качестве одной из приоритетных задач военно-судебных органов НКВД СССР руководители государства выдвинули требование «немедленно предавать суду военного трибунала всех тех, кто своим паникерством и трусостью мешает делу обороны»². Это было связано с тем, что внезапное нападение гитлеровских войск на территорию нашей страны привело к бегству больших масс населения вглубь страны либо сдаче в плен. В дальнейшем на протяжении всего военного времени задачи военно-судебных органов НКВД определялись в первую очередь исходя из конкретной обстановки на фронте и в тылу на разных этапах Великой Отечественной войны.

Что касается правовой базы функционирования этой структуры, важно подчеркнуть, что ее деятельность не регулировалась общедоступными нормативными актами. Военные юристы руководствовались преимущественно внутренними закрытыми правовыми документами.

Основные источники правовых и процессуальных норм, использовавшиеся военно-судебными органами НКВД СССР: УПК РСФСР 1923 г., УК РСФСР 1926 г., Положение «О военных три-

¹ Кольчевский А. В. Военные трибуналы войск НКВД в годы Великой Отечественной войны (исторический аспект) // Сборник научных статей Межвузовской научно-практической конференции, посвященной 205-летию внутренних войск МВД России. Новосибирск : Новосибирский военный институт имени генерала армии И. К. Яковлева войск национальной гвардии РФ, 2016. С. 58.

² Директива Совнаркома Союза ССР и ЦК ВКП(б) партийным и советским организациям прифронтовых областей // Вестник Архива Президента РФ. Война 1941–1945. М., 2010. С. 37.

буналах и военной прокуратуре» 1926 г., Закон о судоустройстве 1938 г. и др.

Говоря о специфике судопроизводства военными трибуналами войск НКВД, стоит выделить следующие моменты. Прежде всего, такие органы самостоятельно определяли возможность участия защитников и обвинителей в судебных процессах, причем решение зависело главным образом от сложности конкретного дела, убедительности доказательств вины либо особой политической значимости рассматриваемого вопроса (ст. 381 УПК РСФСР³). Далее, уголовные дела рассматривались этими инстанциями достаточно оперативно, что можно объяснить условиями военного времени. И наконец, военные трибуналы, как правило, не выносили оправдательных вердиктов по делам лиц, осужденных за особо опасные государственные преступления: контрреволюционные деяния, диверсии и другие тяжкие посягательства на основы государства.

Первым нормативным актом, выпущенным в первые часы нападения гитлеровской Германии на наше государство, стал Указ Президиума Верховного Совета СССР о введении военного положения. Согласно данному документу был изменен порядок отправления правосудия военно-судебными органами НКВД СССР. В частности, в местностях, которые находились в прифронтовой и фронтовой зоне, был установлен чрезвычайный порядок уголовного судопроизводства всех военных трибуналов⁴. В тыловых районах страны не было объявлено военное положение, а следовательно, здесь продолжали действовать уголовно-процессуальные нормы мирного времени.

Важнейшая задача всех военно-судебных учреждений была определена в Приказе Наркомата юстиции СССР в первые дни Великой

Отечественной войны. Она заключалась в беспощадной борьбе против врагов народа, диверсионных элементов, шпионов и лиц, покушавшихся на социалистическую собственность, путем строгого наказания и жесткого подчинения всей судебной деятельности этой цели⁵.

Деятельность военного трибунала войск НКВД Кемеровской области

Великая Отечественная война явилась серьезным испытанием для нашей страны. Внезапное нападение на западные рубежи СССР немецко-фашистских войск потребовало от руководства страны скорейшей перестройки всей отечественной промышленности для оказания отпора врагу. Поэтому в первые дни войны был принят ряд нормативных правовых актов относительно эвакуации основных производительных сил Советского Союза из прифронтовых районов страны на восток. Уже 24 июня 1941 г. вышло постановление центрального аппарата правительства о создании специального органа по эвакуации⁶. Его основной функцией стала организация переброски оборудования предприятий оборонной промышленности и людских ресурсов в тыловые районы страны. Через несколько дней вышло постановление правительства, которое определяло порядок эвакуации населения из районов страны, подвергшихся оккупации вражеских войск⁷, а также постановление Государственного комитета обороны СССР по эвакуации промышленных предприятий вглубь страны⁸.

В Кузбасс было эвакуировано 77 предприятий из разных регионов Советского Союза, на их базе создано 33 новых производства. Здесь возник мощный оборонный комплекс, насчитывавший 11 заводов⁹. Такая ситуация возложила

³ Уголовно-процессуальный кодекс РСФСР 1923 г. // URL: <https://bigenc.ru/b/ob-utverzhdanii-ugolovno-pr-ebeefd> (дата обращения: 14.05.2025).

⁴ Указ Президиума Верховного Совета СССР от 22.06.1941 «О военном положении» // Электронная библиотека исторических документов. URL: <https://docs.historyrussia.org/ru/nodes/204975#mode/inspect/page/6/zoom/4> (дата обращения: 15.05.2025).

⁵ Приказ Народного комиссара юстиции Союза ССР от 29.06.1941 № 106 «О перестройке работы судебных органов и органов юстиции на военный лад» // URL: <https://istmat.org/node/24354> (дата обращения: 15.05.2025).

⁶ Российский государственный архив социально-политической истории (РГАСПИ). Ф. 17. Оп. 166. Д. 659. Л. 67.

⁷ РГАСПИ Ф. 17. Оп. 166. Д. 660. Л. 120–125.

⁸ РГАСПИ Ф. 644. Оп. 1. Д. 2. Л. 39.

⁹ Шуранов Н. П. Кузбасс в годы Великой Отечественной войны : монография. Кемерово : Кемеровский государственный университет ; Кемеровский областной институт усовершенствования учителей, 2000. С. 66.

определенные трудности на руководство Новосибирской области, которая являлась административным центром. В первую очередь это было связано с эффективностью управления данным промышленным комплексом. По этой причине руководство страны приняло решение о выделении региона в самостоятельную административную единицу. В январе 1943 г. вышел Указ Президиума Верховного Совета СССР, в котором говорилось об образовании Кемеровской области¹⁰.

Поскольку регион становился одним из крупнейших производителей снарядов и боеприпасов для нужд фронта, а все работники предприятий были объявлены мобилизованными до конца войны, возникла необходимость контроля за деятельностью промышленности и кадрового состава. Эта задача была возложена на военный трибунал войск НКВД Кемеровской области.

К сожалению, в Государственном архиве Кемеровской области отсутствует какая-либо достоверная информация или нормативный правовой акт о времени создания данного органа военной юстиции на территории области. Однако, учитывая особенности формирования системы военных трибуналов войск НКВД СССР, о которых говорилось выше, можно предположить, что рассматриваемый военно-судебный орган Кемеровской области был образован в начале 1943 г.

Ввиду того что военный трибунал войск НКВД Кемеровской области располагался в глубоком тылу, на него распространялось действие уголовно-процессуальных норм мирного времени. Кроме того, эта структура при осуществлении правосудия применяла документы высших партийных и государственных органов власти и управления, выпущенные в течение всего периода Великой Отечественной войны.

К подсудности регионального органа военной юстиции относились прежде всего уголов-

ные дела, предусмотренные Указом Президиума Верховного Совета СССР, подписанным в декабре 1941 г., в котором рабочие и служащие предприятий военной промышленности подвергались ответственности за самовольный уход с предприятий¹¹. Это объяснялось тем, что до окончания войны все работники предприятий объявлялись мобилизованными. Военным трибуналом войск НКВД Кемеровской области за период войны было рассмотрено значительное количество уголовных дел, связанных с применением Указа. В качестве примера из судебной практики военных юристов можно привести дело гражданки П., которая, бросив работу в колхозе, так как не получала заработную плату и различные льготы, использовала подложные документы на имя гражданки К. По справке, выданной на имя другой гражданки, П. поступила на работу на один из кемеровских оборонных заводов, но, узнав о проверке документов на рабочем месте, самовольно оставила его и ушла домой в деревню. В результате по совокупности совершенных гражданкой П. преступлений (дезертирство из колхоза и использование подложных документов) ей был вынесен приговор в виде лишения свободы с отбыванием наказания в исправительно-трудовом лагере сроком на восемь лет¹².

Одним из ведущих направлений деятельности военного трибунала войск НКВД Кемеровской области было привлечение к уголовной ответственности лиц, уклоняющихся от участия в работах в рамках трудовой и военной мобилизации в условиях военного времени. Летом 1942 г. правительство СССР приняло постановление о привлечении граждан к трудовой повинности в военное время и установлении уголовной ответственности за отказ или уклонение от выполнения трудовых обязанностей¹³. Позже в октябре этого же года появился приказ Наркомата юстиции СССР, по которому дела о

¹⁰ Указ Президиума Верховного Совета СССР от 26.01.1943 «Об образовании Кемеровской области в составе РСФСР» // Электронная библиотека исторических документов. URL: <https://docs.historyrussia.org/nodes/131072> (дата обращения: 30.04.2025).

¹¹ Указ Президиума Верховного Совета СССР от 26.12.1941 «Об ответственности рабочих и служащих предприятий военной промышленности за самовольный уход с предприятий» // Электронная библиотека исторических документов. URL: <https://docs.historyrussia.org/ru/nodes/131191> (дата обращения: 30.04.2025).

¹² Государственный архив Калужской области (ГАКО). Ф. Ф-309. Оп. 1. Д. 349. Л. 43.

¹³ Постановление СНК Союза ССР от 10.08.1942 № 1353 «О порядке привлечения граждан к трудовой повинности в военное время» // Электронная библиотека исторических документов. URL: [https://docs.historyrussia.org/ru/nodes/199889-o-poryadke-privlecheniya-grazhdan-k-trudovoy-povinnosti-v-voennoe-](https://docs.historyrussia.org/ru/nodes/199889-o-poryadke-privlecheniya-grazhdan-k-trudovoy-povinnosti-v-voennoe)

таких преступлениях направлялись на рассмотрение военно-судебных органов¹⁴.

Военным трибуналом войск НКВД Кемеровской области за военный период было рассмотрено несколько уголовных дел, связанных с уклонением от трудовой мобилизации. Пример — уголовное дело гражданина Г. (1927 г.р.), который, будучи мобилизованным в трудовую армию и работая на лесозаготовках Бериккульского мехлеспункта Томской железной дороги, систематически уклонялся от выполнения государственной повинности (не выходил на работу), тем самым совершив преступление, предусмотренное статьей 59-6 УК РСФСР 1926 г. (отказ или уклонение в условиях военного времени от внесения налогов или выполнения повинностей, в частности военно-автотранспортной, военно-конской, военно-повозочной и военно-судовой). Гражданину Г. был вынесен приговор в виде лишения свободы с отбыванием наказания в исправительно-трудовой колонии сроком на шесть лет¹⁵. Что касается уклонения от военной мобилизации, то в судебной практике регионального органа военной юстиции имеется уголовное дело гражданина Л. (1923 г.р.), совершившего преступление, предусмотренное статьей 193-10а УК РСФСР 1926 г. (уклонение от призыва по мобилизации в ряды Рабоче-крестьянской Красной армии и от дальнейших призывов для укомплектования Рабоче-крестьянской Красной армии в составе военного времени). В результате ему был вынесен приговор в виде лишения свободы с отбыванием наказания в исправительно-трудовом лагере сроком на 10 лет¹⁶.

Непосредственно к подсудности военных трибуналов войск НКВД относились также уголовные дела о преступлениях, совершенных военными служащими и приравненными к ним лицами. Правовой основой этому явился Указ

Президиума Верховного Совета СССР, выпущенный в марте 1942 г.¹⁷, в соответствии с которым лица определенных категорий несли уголовную ответственность за деяния, посягающие на установленный порядок исполнения ими служебных обязанностей.

Региональным органом военной юстиции было расследовано уголовное дело гражданина Л. (1893 г.р.), который, работая в военизированной охране Суловского дивизиона ВОХР Сиблага НКВД в должности стрелка, грубо нарушил правила конвойно-караульной службы, а именно: 10 июля 1944 г., будучи в конвое по охране бригады заключенных по сплаву леса при дежурстве на 11 июля 1944 г., уснул на посту. В это время из-под конвоя совершили групповой побег заключенные (особо опасные государственные преступники). В результате рассмотрения уголовного дела гражданин Л. был осужден по ст. 193-15д (нарушение уставных правил караульной или конвойной службы, сопровождавшееся наступлением вредных последствий) и приговорен к лишению свободы с отбыванием наказания в исправительно-трудовом лагере сроком на пять лет¹⁸.

К подсудности военных трибуналов войск НКВД относились и уголовные дела, связанные с нарушением техники безопасности на оборонных предприятиях. Правовой основой для осуществления деятельности данного судебного органа явился нормативный правовой акт, выпущенный Государственным комитетом обороны летом 1943 г., о введении военного положения на предприятиях Наркомата боеприпасов. В соответствии с этим документом рабочие и служащие за преступления по службе (нарушения правил техники безопасности, технологического режима, производственной дисциплины, прогулы и т.д.) были подсудны военному трибуналу войск НКВД¹⁹. Региональным органом

vremya-postanovlenie-soveta-narodnyh-komissarov-soyuza-ssr-ot-10-avgusta-1942-goda-1353 (дата обращения: 03.05.2025).

¹⁴ Приказ Народного комиссара юстиции Союза ССР от 19.10.1942 № 101 «О порядке рассмотрения дел об уклонении от трудовой повинности» // Электронная библиотека исторических документов. URL: <https://docs.historyrussia.org/nodes/243953> (дата обращения: 03.05.2025).

¹⁵ ГАКО. Ф. Ф-309. Оп. 1. Д. 126. Л. 27.

¹⁶ ГАКО. Ф. Ф-309. Оп. 1. Д. 275. Л. 36.

¹⁷ Указ Президиума Верховного Совета СССР от 11.03.1942 «О распространении на личный состав военизированной охраны исправительно-трудовых лагерей, колоний и надзирательный состав тюрем НКВД СССР Дисциплинарного устава Красной Армии» // Государственный архив РФ. Ф. Р-7523. Оп. 13. Д. 4.

¹⁸ ГАКО. Ф. Ф-309. Оп. 1. Д. 282. Л. 46.

¹⁹ Постановление ГКО СССР № 3613сс о введении военного положения на взрывоопасных предприятиях Наркомата боеприпасов с приложением списка взрывоопасных заводов Наркомата боеприпасов, на

военной юстиции было рассмотрено уголовное дело гражданки П. (1924 г.р.), работницы завода № 319, которая грубо нарушила особый режим на взрывоопасном предприятии (вопреки категорическим запрещениям курения во взрывоопасных цехах пыталась пронести в цех табачные изделия). Решением суда дело было прекращено в связи с отсутствием к ней замечаний от руководства предприятия по основному месту работы²⁰. Стоит отметить, что подобные решения суда нечасто встречаются в материалах архивного фонда. Это можно объяснить незначительностью совершенного правонарушения в условиях дефицита кадрового состава на предприятиях оборонной промышленности и отчасти воспитательной работой, которая также была присуща военным трибуналам²¹.

Однако деятельность военного трибунала войск НКВД Кемеровской области не ограничивалась только указанными выше направлениями. К подсудности данного органа военной юстиции относились дела о кражах и разбойных нападениях, спекуляциях, взяточничестве и превышении служебных полномочий должностными лицами. Это было связано с тем, что задачи и компетенция военных трибуналов войск НКВД во время Великой Отечественной войны значительно расширились благодаря принятию чрезвычайных уголовно-правовых актов различными органами власти и управления Советского Союза. Если преступление совершал гражданин, признанный мобилизованным (работник оборонного предприятия), или было совершено преступление в отношении трудящегося на стратегически важном заводе, расследование таких злодеяний находилось в компетенции военных трибуналов войск НКВД.

Военным трибуналом войск НКВД Кемеровской области было рассмотрено значительное число уголовных дел подобного рода. В частности, по использованию ст. 162 УК РСФСР (тайное похищение чужого имущества (кража)) в судебной практике регионального органа военной

юстиции есть уголовное дело гражданина Ш. (1927 г.р.), который 14 августа 1944 г. на базаре новой колонии совершил карманную кражу у гражданки П. хлебных карточек и денежных средств в размере 30 руб., а также пропуска на предприятие. В результате решением суда гражданин Ш. был приговорен к тюремному заключению сроком на семь лет²². Еще одним примером применения ст. 162 УК РСФСР может служить уголовное дело гражданина М., который в ноябре 1943 г. совершил хищение с сельскохозяйственного тока колхоза «Красный молот» 106 кг ржи, спрятав похищенное в своем доме. Военным трибуналом войск НКВД Кемеровской области он был приговорен по ст. 162д УК РСФСР (тайное похищение чужого имущества (кража), совершенное из государственных и общественных складов и хранилищ лицом, имевшим особый доступ в таковые или охранявшим их, путем применения технических средств или неоднократно, или по сговору с другими лицами, а равно всякая кража из тех же складов и хранилищ, при особо крупных размерах похищенного) к лишению свободы сроком на два года²³.

Что касается применения ст. 166 УК РСФСР (тайное, а равно открытое похищение лошадей или другого крупного скота у трудового земледельческого и скотоводческого населения), то здесь в качестве примера можно привести уголовное дело гражданина П. (1915 г.р.), который, работая на заводе № 338 электриком, 16 апреля 1944 г. самовольно ушел с работы (дезертировал) и в течение четырех месяцев нигде не работал, занимаясь преступной деятельностью. В ночь с 26 на 27 августа 1944 г. по договоренности с товарищем они похитили корову, но оба были задержаны работниками милиции. Гражданин П. по совокупности совершенных преступлений был подвергнут тюремному заключению сроком на восемь лет²⁴.

Достаточно часто региональным органом военной юстиции рассматривались преступле-

---

которых вводится военное положение, инструкции о специальном режиме и дисциплине на взрывоопасных заводах Наркомата боеприпасов, докладной записки *Берии Л. П., Шверника Н. М., Ванникова Б. Л. Сталину И. В.* // URL: <https://www.prlib.ru/item/2011294> (дата обращения: 05.05.2025).

²⁰ ГАКО. Ф. Ф-309. Оп. 1. Д. 352. Л. 20.

²¹ Великая Отечественная война в фокусе историко-правовой науки (к 80-летию Великой Победы) : сборник научных трудов / под общ. ред. Д. А. Пашенцева, М. В. Залоило. М. : Ассоциация историков права ; Инфотропик Медиа, 2025. С. 171.

²² ГАКО. Ф. Ф-309. Оп. 1. Д. 512. Л. 35.

²³ ГАКО. Ф. Ф-309. Оп. 1. Д. 287. Л. 33.

²⁴ ГАКО. Ф. Ф-309. Оп. 1. Д. 348. Л. 41.

ния, связанные с применением ст. 72 УК РСФСР (подделка удостоверений и иных выдаваемых государственными и общественными учреждениями документов, предоставляющих права или освобождающих от повинностей, в целях использования их как самими подделывателями, так и другими лицами). В 1944 г. военным трибуналом войск НКВД Кемеровской области было возбуждено уголовное дело в отношении гражданки Б., которая, работая учетчицей на оборонном предприятии, составляла фиктивные справки об освобождении себя от работы на предприятии, в силу чего совершала длительные прогулы. Судебным решением гражданке Б. был вынесен приговор в виде исправительно-трудовых работ по месту работы сроком на шесть месяцев с удержанием из заработной платы 25 %²⁵. Данный вид наказания довольно часто применялся судебными органами. Возможно, это также объяснялось нехваткой кадрового состава предприятий.

Еще одна разновидность преступлений, рассматриваемых военным трибуналом войск НКВД Кемеровской области, — применение ст. 59-3 УК РСФСР (бандитизм, т.е. организация вооруженных банд и участие в них и в организуемых ими нападениях на советские и частные учреждения или отдельных граждан, остановках поездов и разрушении железнодорожных путей и иных средств сообщения и связи). Из судебной практики регионального органа военной юстиции можно привести уголовное дело граждан З. (1919 г.р.) и Е. (1921 г.р.), которые в июле 1944 г., будучи вооружены холодным оружием, совершили нападение на квартиру гражданки Д. Под угрозой убийства они заперли ее в подполье и вынесли из квартиры вещи на общую сумму около 43 тыс. руб., но скоро были задержаны работниками НКВД, не успев реализовать награбленное. В результате проведенных следственных мероприятий оба гражданина признаны судом виновными и приговорены к лишению свободы с отбыванием в исправительно-трудовом лагере сроком: гражданин З. — на 10 лет с конфискацией имущества, гражданин Е. — на восемь лет также с конфискацией имущества²⁶. Стоит отметить, что оба гражданина были поражены в политических правах, что достаточно редко можно увидеть при рассмотрении уголовных дел в мате-

риалах архивного фонда Кемеровской области. В основном граждане, совершившие разного рода уголовные преступления, не были лишены политических прав. Это можно объяснить опасностью такого вида злодеяний.

Относительно должностных (служебных) преступлений можно сказать, что данная категория дел в материалах местного архивного фонда встречается довольно редко, но всё же имеет место. В частности, военным трибуналом НКВД Кемеровской области было возбуждено уголовное дело в отношении гражданина Г. (1927 г.р.), который, работая кладовщиком столовой Индустриального института в г. Прокопьевске, совершил растрату государственного имущества на общую сумму 17 991 руб. (по рыночным ценам). На основании ч. 1 ст. 116 УК РСФСР (присвоение или растрата должностным лицом или лицом, исполняющим какие-либо обязанности по поручению государственного или общественного учреждения, денег, ценностей или иного имущества, находящегося в его ведении в силу его служебного положения или исполнения обязанностей) гражданин Г. приговорен к наказанию в виде лишения свободы сроком на семь лет с конфискацией имущества²⁷. По ст. 109 (злоупотребление властью или служебным положением, т.е. такие действия должностного лица, которые оно могло совершить единственно благодаря своему служебному положению и которые имели своим последствием явное нарушение правильной работы учреждения или предприятия или причинили ему имущественный ущерб) и ст. 117 (получение должностным лицом лично или через посредников в каком бы то ни было виде взятки за выполнение или невыполнение в интересах дающего какого-либо действия, которое должностное лицо могло или должно было совершить исключительно вследствие своего служебного положения), а также ч. 1 ст. 120 УК РСФСР (служебный подлог, т.е. внесение должностным лицом в корыстных целях в официальные документы заведомо ложных сведений, подделки, подчистки или пометки другим числом, а равно составление и выдача им заведомо ложных документов или внесение в книги заведомо ложных записей) было рассмотрено уголовное дело гражданина Г. (1907 г.р.), который, являясь начальником отдела кадров Алю-

²⁵ ГАКО. Ф. Ф-309. Оп. 1. Д. 56а. Л. 81.

²⁶ ГАКО. Ф. Ф-309. Оп. 1. Д. 147. Л. 110–111.

²⁷ ГАКО. Ф. Ф-309. Оп. 1. Д. 121а. Л. 77–78.

миницевого завода г. Сталинска, составлял за взятки фиктивные документы о непригодности к труду отдельных рабочих (подделывал заключения военно-врачебной комиссии о состоянии здоровья некоторых работников предприятия). Однако в уголовном деле отсутствуют сведения о вынесенном ему приговоре²⁸.

Заключение

Таким образом, военные трибуналы войск НКВД, созданные в конце 1930-х гг. как самостоятельная ветвь военной юстиции, являлись довольно специфической судебной структурой. Подчиненность не военным, а административно-территориальным органам значительно расширяла их подсудность.

Период Великой Отечественной войны значительно повысил роль этих военно-судебных учреждений. Военные трибуналы войск НКВД вели свою деятельность как вблизи фронта, так и глубоко в тылу страны, выполняя широкий спектр функций, начиная от раскрытия преступлений военнослужащих и лиц, приравненных к ним, и заканчивая рассмотрением уголовных дел о хищениях, бандитских нападениях,

самовольной отставке (дезертирстве) и прочих правонарушениях.

Что касается военного трибунала войск НКВД Кемеровской области, то необходимо отметить, что в его компетенции находились уголовные дела в отношении граждан, так или иначе связанных с оборонной промышленностью.

Данный судебный орган военной юстиции действовал на территории области в течение пяти лет. Учрежденный в 1943 г. ввиду образования региона, он прекратил свое существование в 1948 г., о чем свидетельствуют материалы, хранящиеся в Государственном архиве Кемеровской области. Всего сохранилось 564 документа, доступных к изучению. И последние судебные решения, вынесенные местным военным правосудием, датируются именно этим годом. Поскольку историческая справка относительно деятельности военного трибунала войск НКВД Кемеровской области отсутствует в описи местного архивного фонда, можно сделать предположение, что региональный орган военной юстиции прекратил свою работу в связи с принятием внутреннего ведомственного нормативного правового акта, который не публиковался в открытой печати.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

Баранов В. П. Деятельность органов и войск НКВД СССР по обеспечению обороноспособности и внутренней безопасности в период Великой Отечественной войны // URL: <https://nic-pnb.ru/istoriya-otechestva/deyatelnost-organov-i-vojsk-nkvd-sssr-po-obespecheniyu-oboronosposobnosti-i-vnutrennej-bezopasnosti-v-period-velikoj-otechestvennoj-vojni/> (дата обращения: 21.05.2025).

Великая Отечественная война в фокусе историко-правовой науки (к 80-летию Великой Победы) : сборник научных трудов / под общ. ред. Д. А. Пашенцева, М. В. Залоило. М. : Ассоциация историков права ; Инфотропик Медиа, 2025. 256 с.

Кольчевский А. В. Военные трибуналы войск НКВД в годы Великой Отечественной войны (исторический аспект) // Сборник научных статей Межвузовской научно-практической конференции, посвященной 205-летию внутренних войск МВД России. Новосибирск : Новосибирский военный институт имени генерала армии И. К. Яковлева войск национальной гвардии РФ, 2016. С. 56–63.

Обухов В. В. Правовые основы организации и деятельности военных трибуналов войск НКВД СССР в годы Великой Отечественной войны 1941–1945 гг. (историко-правовое исследование) : дис. ... канд. юрид. наук. М. : Изд-во Университета МВД РФ. М., 2002. 228 с.

Шуранов Н. П. Кузбасс в годы Великой Отечественной войны : монография. Кемерово : Кемеровский государственный университет ; Кемеровский областной институт усовершенствования учителей, 2000. 219 с.

²⁸ ГАКО. Ф. Ф-309. Оп. 1. Д. 106. Л. 540–541.

REFERENCES

Baranov VP. *The activities of the bodies and troops of the NKVD of the USSR to ensure defense capability and internal security during the Great Patriotic War*. Available at: <https://nic-pnb.ru/istoriya-otechestva/deyatelnost-organov-i-vojsk-nkvd-sssr-po-obespecheniyu-oboronosposobnosti-i-vnutrennej-bezopasnosti-v-period-velikoj-otechestvennoj-voyny/> [Accessed 21.05.2025]. (In Russ.).

Kolchevsky AV. NKVD military tribunals during the Great Patriotic War (historical aspect). In: *Collection of scientific articles of the Interuniversity Scientific and Practical Conference dedicated to the 205th anniversary of the internal troops of the Ministry of Internal Affairs of Russia*. Novosibirsk: Novosibirsk Military Institute named after Army General I.K. Yakovlev of the National Guard of the Russian Federation Publ.; 2016. (In Russ.).

Obukhov VV. Legal foundations of the organization and activities of military tribunals of the troops of the NKVD of the USSR during the Great Patriotic War of 1941–1945. (historical and legal research). Cand. Sci. (Law) Diss. Moscow: The University of the Ministry of Internal Affairs of the Russian Federation Publ.; 2002. (In Russ.).

Pashentsev DA, Zaloilo MV (eds.). *The Great Patriotic War in the focus of historical and legal science (to the 80th Anniversary of the Great Victory): A collection of scientific works*. Moscow: Association of Legal Historians; Infotropic Media Publ.; 2025. (In Russ.).

Shuranov NP. *Kuzbass during the Great Patriotic War*. Kemerovo: Kemer. State University: Kemer. Regional Institute for Teacher Training Publ.; 2000. (In Russ.).

ИНФОРМАЦИЯ ОБ АВТОРЕ

Бирюкова Ольга Владимировна, кандидат исторических наук, доцент кафедры теории и истории государства и права Юридического института Кемеровского государственного университета д. 33 корп. 12, Тухачевского ул., г. Кемерово 650070, Российская Федерация
olga1.biryukova@yandex.ru

INFORMATION ABOUT THE AUTHOR

Olga V. Biryukova, Cand. Sci. (History), Associate Professor, Department of Theory and History of the State and Law, Institute of Law, Kemerovo State University, Kemerovo, Russian Federation
olga1.biryukova@yandex.ru

Материал поступил в редакцию 11 июня 2025 г.

Статья получена после рецензирования 9 августа 2025 г.

Принята к печати 15 ноября 2025 г.

Received 11.06.2025.

Revised 09.08.2025.

Accepted 15.11.2025.

Г. В. Мартыанова
Р. М. Хакимов
Н. В. Черкашина

Российский государственный университет социальных технологий
г. Москва, Российская Федерация

Правовое регулирование содействия занятости и трудоустройства инвалидов и практика их реализации в свете изменений законодательства Российской Федерации

Резюме. Содействие занятости инвалидов представляет собой комплексную задачу, требующую согласованных усилий государства, работодателей и общественных организаций. Несмотря на достаточно большое количество законов, регулирующих вопросы трудоустройства и занятости лиц с инвалидностью, возникает проблема в части их непосредственной реализации. Одна из причин этого — наличие в законодательстве пробелов, а также норм, которые противоречат друг другу. В последнее время отмечается тенденция к формированию наиболее приемлемых условий для трудоустройства лиц с ограниченными возможностями здоровья. Исследование законодательных норм и уже сложившейся практики дает возможность установить не только положительные, но и отрицательные стороны, что предполагает необходимость внесения в законы соответствующих изменений. В статье проанализированы правовые основы законодательного регулирования вопросов трудоустройства и занятости инвалидов, а также статистика трудоустройства рассматриваемой категории лиц; проведено сравнение российского опыта в части выделения квот на рабочие места для инвалидов и опыта некоторых иностранных государств; обозначены измененные штрафные санкции в отношении работодателей; определен набор услуг, оказываемых службой занятости населения инвалидам в целях содействия занятости и трудоустройству; выявлены основные проблемы, с которыми сталкиваются инвалиды в сфере занятости и трудоустройства; обоснованы предложения по решению указанных проблем.

Ключевые слова: инвалид; правовое регулирование; трудоустройство и занятость; содействие в трудоустройстве; реализация права инвалидов на труд и занятость; квотирование рабочих мест для инвалидов

Для цитирования: Мартыанова Г. В., Хакимов Р. М., Черкашина Н. В. Правовое регулирование содействия занятости и трудоустройства инвалидов и практика их реализации в свете изменений законодательства Российской Федерации. *Lex russica*. 2025. Т. 78. № 12. С. 86–101. DOI: 10.17803/1729-5920.2025.229.12.086-101

Legal Regulation of Employment Promotion and Employment of Persons with Disabilities and the Practice of Implementation in the Light of Changes in the Legislation of the Russian Federation

Galina V. Martyanova

Ruslan M. Khakimov

Natalya V. Cherkashina

Russian State University of Social Technologies

Moscow, Russian Federation

Abstract. Promoting the employment of people with disabilities is a complex task that requires concerted efforts by the state, employers and public organizations. Despite a fairly large number of laws regulating the issues of labor and employment of persons with disabilities, there is a problem in terms of their direct implementation. One of the reasons for this is the presence of gaps in the legislation, as well as norms that contradict each other. Recently, there has been a tendency to create the most acceptable conditions for employment of people with disabilities. The study of legislative norms and already established practice makes it possible to establish not only positive but also negative aspects, which implies the need to make appropriate changes to the laws. The paper analyzes the legal foundations of legislative regulation of arrangement of labor and employment of persons with disabilities; analyzes employment statistics for this category of persons; compares the Russian experience in allocating quotas for jobs for the disabled and the experience of some foreign countries; identifies modified penalties against employers; defines a set of services provided by the employment service for people with disabilities in order to promote the main problems faced by people with disabilities in the field of employment and employability are identified. Some proposals for solving these problems are substantiated.

Keywords: disabled person; legal regulation; arrangement of labor and employment; assistance in employment; realization of the right of persons with disabilities to labor and employment; job quotas for the disabled

Cite as: Martyanova GV, Khakimov RM, Cherkashina NV. Legal Regulation of Employment Promotion and Employment of Persons with Disabilities and the Practice of Implementation in the Light of Changes in the Legislation of the Russian Federation. *Lex russica*. 2025;78(12):86-101. (In Russ.). DOI: 10.17803/1729-5920.2025.229.12.086-101

Введение

«Право всех граждан свободно распоряжаться своими способностями к труду, выбирать род деятельности и профессию» — именно так звучит одна из закрепленных в Основном Законе нашего государства гарантий (ст. 37). Таким правом способно воспользоваться лишь трудоспособное население страны, составляющее трудовой ресурс. Здесь следует обратить внимание на тот факт, что в последнее время в стране отмечается естественное сокращение численности населения. В соответствии с прогнозами Росстата, в период с 2024 по 2032 г. ежегодное сокращение

численности населения достигнет 400 тыс. человек. Это влечет за собой и сокращение трудовых ресурсов¹. Данные обстоятельства требуют внесения изменений в механизмы предоставления помощи в трудоустройстве и создания рабочих мест для трудоспособного населения. На конец 2024 г. уровень занятости населения в процентном соотношении составил только 61,7 %², хотя большое количество отраслей экономики столкнулось с нехваткой трудовых ресурсов. При таких обстоятельствах следует воспользоваться возможностью привлечения в сферу общественного производства в том числе лиц с ограниченными возможностями здоровья, то есть инвалидов³.

¹ Росстат ожидает сокращения населения РФ к концу 2045 г. до 138,77 млн человек // Официальный сайт информационного агентства «Интерфакс». URL: <https://www.interfax.ru/russia/926945> (дата обращения: 17.03.2025).

² Россия. Уровень занятости // Trading economics. URL: <https://ru.tradingeconomics.com/russia/employment-rate> (дата обращения: 17.03.2025).

³ Каирова А. И., Подкидышев С. К. Проблемы обеспечения занятости инвалидов в Российской Федерации, пути их решения, совершенствование механизмов по трудоустройству инвалидов в Российской Федерации // Право и государство: теория и практика. 2024. № 5 (233). С. 273.

Обращая внимание на значимость трудоустройства именно рассматриваемой категории граждан, необходимо выделить два фактора. В общий рынок труда входят инвалиды, которые посредством трудовой деятельности обеспечивают себя пенсией, осуществляют выплату налогов. Вместе с тем благодаря трудовой деятельности инвалиды социализируются, получают заработную плату, за счет которой они могут поддерживать собственное здоровье, а также содержать семью⁴.

Занятость людей с инвалидностью — одно из основных направлений формирования социального благополучия современного общества⁵. А. М. Нагоев подчеркивает, что инвалиды — это люди, которые могут и желают работать⁶; по мнению Ю. В. Васильевой, значимость занятости в жизни инвалидов сложно переоценить⁷; Л. Н. Нацун указывает на тот факт, что вовлечение инвалидов в трудовую деятельность является способом соблюдения интересов и самого инвалида, и общества, нуждающегося в дополнительных трудовых ресурсах⁸; с другой стороны, А. А. Малюга утверждает, что трудовая реабилитация выступает значимым методом привлечения инвалидов к общественной активности. Факт доступности представленной реабилитации для лиц с ограниченными возможностями здоровья в данном случае можно рассматривать как важное условие обеспечения прав и свобод этой категории граждан⁹.

Занятость и трудоустройство инвалидов в нормах российского законодательства

Фактическое осуществление права инвалидов на трудовую деятельность и занятость на тех же основаниях, что и для других категорий населения, в нашей стране предполагает необходимость реализации совокупности законодательных норм как на высшем законном и подзаконном уровне, так и на региональном.

Одним из основных нормативных правовых актов, устанавливающих гарантии для инвалидов в сфере труда и занятости, является Трудовой кодекс РФ от 30.12.2001 № 197-ФЗ¹⁰, однако закрепленные в нем положения снижают привлекательность найма инвалидов как работников: с 1 сентября 2024 г. путем внесения поправок в ТК РФ Федеральным законом от 08.08.2024 № 268-ФЗ¹¹ была зафиксирована норма о предоставлении работнику-инвалиду не менее 30 календарных дней ежегодного оплачиваемого отпуска; согласно ст. 92 ТК РФ работающие инвалиды I и II группы имеют право на сокращенную рабочую неделю, в совокупности не превышающую 35 часов, тогда как заработная плата для данной категории лиц остается на том же уровне, что и за полную рабочую неделю.

Для инвалидов предусматриваются особые условия осуществления трудовой деятельности, о чем говорится в ст. 40 Федерального закона от 12.12.2023 № 565-ФЗ «О занятости населения в Российской Федерации»¹². Закон № 565-ФЗ не просто декларирует права, а вводит конкретные

⁴ Черкашина Н. В. Реализация права на труд для инвалидов в Российской Федерации и ее регионах // Инвалид в обществе XXI века : сборник трудов III Всероссийской научно-практической конференции (Москва, 7 декабря 2021 г.) / под ред. В. Д. Байрамова, И. Л. Литвиненко. М. : Московский государственный гуманитарно-экономический университет, 2022. С. 156.

⁵ Мирюкова М. А., Терскова С. Г. Формирование социального благополучия инвалидов посредством профессиональной реабилитации и трудоустройства (итоги социологических опросов) // Теория и практика общественного развития. 2020. № 3 (145). С. 23.

⁶ Нагоев А. М., Бирюлина Е. В. Трудоустройство и занятость инвалидов как одна из социальных проблем // Молодой ученый. 2023. № 13 (460). С. 262.

⁷ Васильева Ю. В. Социальная занятость инвалидов в Российской Федерации и международные нормы в сфере трудоустройства и занятости инвалидов: проблемы реализации // Ex jure. 2020. № 2. С. 134.

⁸ Нацун Л. Н. «Поддерживаемое трудоустройство» инвалидов: обзор мирового опыта // Вестник УрФУ. Серия экономика и управление. 2017. Т. 16. № 4. С. 663.

⁹ Малюга А. А. Проблемы вовлечения людей с ограниченными возможностями в трудовую деятельность // Современные проблемы науки и образования. 2015. № 1–2. URL: <https://science-education.ru/article/view?id=19916> (дата обращения: 17.03.2025).

¹⁰ СЗ РФ. 2002. № 1 (ч. I). Ст. 3.

¹¹ СЗ РФ. 2024. № 33 (ч. I). Ст. 4964.

¹² СЗ РФ. 2023. № 51. Ст. 9138.

механизмы и условия для их реализации, что делает его важным инструментом улучшения качества жизни людей с ограниченными возможностями здоровья. Такие условия создаются исходя из программы реабилитации или абилитации, разработанной для каждого отдельного инвалида в соответствии с приказом Минтруда России от 18.09.2024 № 466н «Об утверждении порядка разработки и реализации индивидуальной программы реабилитации и абилитации инвалида...»¹³. Этот подход, основанный на индивидуальных потребностях и возможностях, предполагает тщательный анализ текущего состояния человека, выявление ограничений и определение целей, к которым он стремится. Программа реабилитации или абилитации становится своего рода дорожной картой, направляющей усилия специалистов и самого инвалида к достижению максимально возможной независимости и интеграции в общество.

Формирование государственной политики по рассматриваемому вопросу осуществляется также в соответствии с Федеральным законом от 24.11.1995 № 181-ФЗ «О социальной защите инвалидов в Российской Федерации»¹⁴, устанавливающим систему гарантированных государством экономических и социальных мер. Кроме того, этим Законом предусматривается обязательное предоставление инвалидам равных с другими гражданами возможностей для участия в общественной жизни.

В сфере занятости инвалидов ключевое значение имеет Закон № 565-ФЗ (ранее действовал Закон РФ от 19.04.1991 № 1032-1 «О занятости населения в Российской Федерации», который отменен с 1 января 2025 г.). В Законе № 565-ФЗ нормы содействия занятости инвалидов выстроены более удачно, чем в предшествующем, поскольку в данном нормативном правовом акте этому посвящена глава 7 (ст. 37–41). В ней нашли закрепление специальные мероприятия, направленные на оказание помощи в части трудоустройства инвалидов (квоты и специальные условия трудовой деятельности инвалидов).

Стоит отметить, что в соответствии с распоряжением Правительства РФ от 02.09.2024

№ 2401-р «Об утверждении Концепции по повышению уровня занятости инвалидов в Российской Федерации на период до 2030 года, плана мероприятий по ее реализации»¹⁵ увеличен уровень занятости лиц с ограниченными возможностями здоровья, причем действие этой Концепции продлено вплоть до 2030 г. В качестве основной цели выступает предоставление инвалидам возможности непосредственного осуществления собственного конституционного права на трудоустройство наравне с другими категориями граждан.

Намеченный план фактического воплощения в жизнь Концепции включает два этапа¹⁶:

— в период с 2025 по 2027 г. предстоит привести в соответствие с потребностями и сложившейся в стране ситуацией федеральное законодательство, регулирующее специфику осуществления трудовой деятельности именно рассматриваемой категорией граждан; подготовить и утвердить на федеральном и региональном уровнях программы, направленные на увеличение количества трудоустроенных инвалидов;

— на втором этапе (с 2028 по 2030 г.) необходимо будет учесть практики в части роста уровня занятости инвалидов, провести детальный анализ эффективности мероприятий, реализованных на первом этапе, с целью выявления сильных и слабых сторон результатов предпринятых усилий. Этот анализ станет отправной точкой для корректировки стратегии и оптимизации процессов, направленных на достижение долгосрочных целей.

Важным аспектом второго этапа станет расширение сотрудничества с профильными некоммерческими организациями и общественными объединениями, работающими в сфере поддержки инвалидов. Это позволит аккумулировать передовой опыт и экспертизу, а также обеспечить адресную помощь и поддержку наиболее нуждающимся категориям граждан. Предполагается внедрение новых форм трудоустройства, таких как дистанционная работа и гибкий график, что позволит создать более благоприятные условия для занятости инвали-

¹³ Официальный интернет-портал правовой информации. URL: www.pravo.gov.ru. 5 февраля 2025 г. № 0001202502050022.

¹⁴ СЗ РФ. 1995. № 48. Ст. 4563.

¹⁵ СЗ РФ. 2024. № 37. Ст. 5601.

¹⁶ URL: <http://www.skbs.ru/index.php/chitateliam/sovuet-yurist/72-chitateliam/sovuet-yurist/pravovaya-neotlozhka/pravovaya-neotlozhka-2024/2589-utverzhdena-kontseptsiya-i-plan-meropriyatij-po-povysheniyu-urovnya-zanyatosti-lyudej-s-invalidnostyu-do-2030-goda> (дата обращения: 17.03.2025).

дов, учитывая их индивидуальные потребности и возможности.

Помимо этого, особое внимание будет уделено развитию инклюзивной образовательной среды и повышению квалификации специалистов, работающих с инвалидами. Планируется обеспечить доступность образовательных программ и создать условия для профессионального роста, что позволит инвалидам получать востребованные на рынке труда навыки и знания. Одновременно с этим потребуются усилить работу по информированию работодателей о преимуществах найма инвалидов, развеять существующие стереотипы и предрассудки. В конечном итоге второй этап должен стать платформой для устойчивого развития системы поддержки занятости инвалидов и обеспечения их полноценного участия в экономической жизни общества.

Такие мероприятия призваны оказать положительное влияние на увеличение уровня занятости не только инвалидов, но и всего населения страны.

Для улучшения результатов в сфере трудоустройства инвалидов органами службы занятости на территории России действуют подзаконные нормативные правовые акты Министерства труда и социальной защиты РФ, которые регламентируют различные аспекты работы службы занятости с инвалидами, начиная от квотирования рабочих мест и заканчивая программами профессиональной переподготовки и адаптации. Важность этих документов обусловлена необходимостью создания равных возможностей для трудоустройства граждан с инвалидностью и их интеграции в общество.

Приказ Минтруда России от 01.02.2018 № 46 «Об утверждении методических рекомендаций для специалистов органов службы занятости населения по организации работы с инвалидами, в том числе по оценке значимости нарушенных функций организма инвалида для выполнения трудовых функций»¹⁷, например, устанавливает порядок разработки и реализации индивидуальных программ реабилитации или абилитации инвалидов (ИПРА), которые являются ключевым инструментом для определе-

ния потребностей инвалида в трудоустройстве и оказания ему необходимой помощи. В ИПРА содержатся рекомендации по видам труда, условиям труда, необходимости специального оборудования и адаптации рабочего места.

Приказ Минтруда России от 28.07.2023 № 605н «Об утверждении примерного порядка организации социальной занятости инвалидов»¹⁸ вносит изменения в порядок предоставления государственных услуг в сфере занятости населения, в том числе и для инвалидов. Данный приказ направлен на повышение доступности и качества государственных услуг, а также на упрощение процедур для граждан. Акцент делается на использовании современных информационных технологий для предоставления услуг в электронном виде.

Приказ Минтруда России от 28.03.2022 № 174н «Об утверждении Стандарта деятельности по осуществлению полномочия в сфере занятости населения по оказанию государственной услуги по организации сопровождения при содействии занятости инвалидов»¹⁹ утверждает профессиональный стандарт, определяющий квалификационные требования к специалистам, работающим в сфере трудоустройства инвалидов, их трудовые функции, необходимые знания и умения. Внедрение профессионального стандарта способствует повышению профессионализма сотрудников службы занятости и, как следствие, улучшению качества предоставляемых услуг.

Приказ Минтруда России от 09.11.2017 № 777 «Об утверждении методических рекомендаций по выявлению признаков дискриминации инвалидов при решении вопросов занятости»²⁰ — важный нормативный акт, направленный на обеспечение равных возможностей для инвалидов в сфере трудоустройства и предотвращение дискриминационных практик. Этот документ, разработанный на основе положений Конституции РФ, федеральных законов, а также международных конвенций и соглашений, ратифицированных Россией, определяет основные подходы и методы выявления дискриминации по признаку инвалидности в различных аспектах трудовой деятельности.

¹⁷ Бюллетень трудового и социального законодательства РФ. 2018. № 2.

¹⁸ Официальный интернет-портал правовой информации. URL: www.pravo.gov.ru. 28 августа 2023 г. № 0001202308280013.

¹⁹ Официальный интернет-портал правовой информации. URL: www.pravo.gov.ru. 26 апреля 2022 г. № 0001202204260019.

²⁰ Бюллетень трудового и социального законодательства РФ. 2018. № 2.

Методические рекомендации, содержащиеся в приказе, охватывают широкий спектр вопросов, связанных с занятостью инвалидов. Документ подробно описывает признаки дискриминации, которые могут проявляться на каждом из этапов трудоустройства, и предлагает конкретные инструменты и методы для их выявления. Приказ Минтруда России № 777 подчеркивает важность информирования работодателей и работников о правах инвалидов и недопустимости дискриминационных практик. Методические рекомендации включают примеры положительного опыта и лучшие практики трудоустройства инвалидов, которые могут быть использованы в качестве ориентира для предприятий и организаций.

В письме Минтруда России от 20.04.2023 № 16-3/10/В-5982 «О приказе Минтруда России от 26 января 2022 г. № 24 “О проведении оперативного мониторинга в целях обеспечения занятости населения”»²¹ даются разъяснения по вопросам применения нормативных правовых актов в сфере трудоустройства инвалидов, а также рекомендации по организации работы с работодателями и инвалидами. В настоящее время этот приказ фактически утратил силу и новые формы установлены приказом Минтруда России от 16.04.2024 № 195н «Об утверждении форм предоставления работодателями обязательной информации, предусмотренной частью 1 статьи 53 Федерального закона “О занятости населения в Российской Федерации”, в государственную службу занятости»²².

Наконец, письмо Минтруда России от 30.07.2024 № 16-6/ООГ-1407 «Об условиях выполнения квоты для приема на работу инвалидов и представления информации о выполнении указанной квоты»²³ содержит актуальные разъяснения или рекомендации по текущим вопросам трудоустройства инвалидов, учитывая изменения в социально-экономической ситуации и законодательстве. Эти письма помогают органам службы занятости правильно применять законодательство и эффективно решать возникающие проблемы.

Совокупность названных нормативных правовых актов формирует правовую основу для результативной работы органов службы занятости по трудоустройству инвалидов, направ-

ленной на обеспечение их права на труд и достойную жизнь. Для эффективной реализации этих актов требуются постоянный мониторинг, анализ и совершенствование, а также тесное взаимодействие между органами власти, работодателями и общественными организациями инвалидов.

При приеме на работу лица с той или иной группой инвалидности с ним в обязательном порядке заключается соответствующее трудовое соглашение, форма и порядок его заключения определены в постановлении Правительства РФ от 30.05.2024 № 709 «О порядке выполнения работодателями квоты для приема на работу инвалидов»²⁴.

Содействие занятости и трудоустройству инвалидов

1. Квота на трудоустройство инвалидов в настоящее время рассматривается как основной инструмент претворения в жизнь политики государства в части создания равных возможностей для осуществления трудовой деятельности инвалидов. Уже с начала текущего года по регионам исходя из их особенностей определены такие квоты, устанавливающие для каждого работодателя конкретное количество мест, которые он должен предоставить лицам рассматриваемой категории. Целью этой меры является не только формальное исполнение закона, но и создание условий для реальной реализации трудового потенциала людей с инвалидностью, их экономической независимости и повышения качества жизни (размер квоты в регионах предусмотрен в интервале от 2 до 4 % среднесписочной численности).

Новый порядок квотирования рабочих мест инвалидов стал применяться с сентября 2024 г. Исходя из новых правил, рассчитывать квоту приходится ежеквартально. Если на работу принят инвалид I группы, квота засчитывается за два рабочих места. Здесь же следует сказать о том, что такая квота устанавливается, только когда количество работников у работодателя свыше 35 человек, при этом она находится в прямой зависимости от числа работников, а также от конкретного субъекта страны. Важно,

²¹ СПС «Гарант».

²² Официальный интернет-портал правовой информации. URL: www.pravo.gov.ru. 24 мая 2024 г.

²³ Официальные документы в образовании. 2024. № 24.

²⁴ СЗ РФ. 2024. № 23 (ч. I). Ст. 3187.

что до внесения изменений расчет квоты осуществлялся раз в год на основании среднесписочного количества сотрудников. Тогда работодатель при расчете квоты руководствовался нормами постановления Правительства РФ от 14.03.2022 № 366, действовавшего до 1 сентября 2024 г.

Следует сказать, что порядок установления квот и их дифференциация регламентируются методическими рекомендациями, утвержденными приказом Минтруда России от 09.08.2024 № 399 «Об утверждении методических рекомендаций по установлению нормативным правовым актом субъекта Российской Федерации квоты для приема на работу инвалидов»²⁵.

Приведем процентное закрепление квотируемых рабочих мест для инвалидов по федеральным округам России.

— Центральный федеральный округ: в семи регионах установлена квота в 3 %, в 10 регионах — 2 %, исключением является Москва, где согласно ст. 3 Закона Москвы от 22.12.2004 № 90 «О квотировании рабочих мест»²⁶ процентное соотношение квотирования достигает 4 %, а если количество работников одного работодателя свыше 100 человек, квота составляет 2 % для инвалидов и 2 % для молодежи;

— Северо-Западный федеральный округ: в шести регионах действует квота 3 %, в пяти — 2 %;

— Южный федеральный округ: в пяти регионах — 3 %, в трех субъектах — 2 %;

— Северо-Кавказский федеральный округ: в пяти субъектах — 3 %, а в Республике Ингушетия и Ставропольском крае — 2 %;

— Приволжский федеральный округ: в 12 регионах — 2 % и лишь в Оренбургской и Ульяновской областях — 3 %;

— Уральский федеральный округ: в четырех регионах — по 2 %, в Тюменской области — 3 %, в Курганской области при численности работников от 36 до 100 человек — 2 %, свыше 100 человек — 3 % с учетом инвалидов, ранее

принятых на работу (ст. 2 Закона от 28.10.2002 № 238²⁷);

— Сибирский федеральный округ: в семи регионах — 3 %, в трех субъектах — 2 %, в Иркутской области в соответствии с постановлением от 06.08.2024 № 606-пп²⁸ 2 % для предприятий некоммерческой направленности и 3 % для коммерческих предприятий; в Красноярском крае в соответствии с Законом от 29.01.2004 № 9-1712²⁹ установлена квота 3 % при численности сотрудников от 36 до 2 тыс., если количество работников превышает 2 тыс. человек, то квота составляет 2 %;

— Дальневосточный федеральный округ: в пяти субъектах — 3 % и в четырех — по 2 %.

Что касается субъектов, вошедших в состав Российской Федерации в 2022 г., то только в Донецкой Народной Республике действует квота в 3 %, в Луганской Народной Республике, Запорожской и Херсонской областях — по 2 %³⁰.

Выполнение квоты является обязательным для работодателей, подпадающих под действие федеральных законов и законов субъектов РФ, неисполнение может повлечь за собой административные санкции.

Работодатели должны внимательно следить за соблюдением установленных квот и предпринимать активные действия по трудоустройству инвалидов. Это может быть проведение специализированных ярмарок вакансий, сотрудничество с центрами занятости населения и образовательными учреждениями, а также создание адаптированных рабочих мест с учетом особенностей трудовой деятельности инвалидов. Соблюдение квоты — не только выполнение требований закона, но и вклад в социальную ответственность бизнеса, способствующий формированию инклюзивного и равноправного общества.

Стоит сказать, что законодательно установлены ситуации, при которых работодатель освобождается от исполнения квоты. Это может быть банкротство, снижение количества

²⁵ Официальный сайт Минтруда России. URL: <https://mintrud.gov.ru/docs/mintrud/orders/2828>.

²⁶ Вестник Мэра и Правительства Москвы. 2005. 12 января. № 3.

²⁷ Официальный интернет-портал правовой информации. URL: www.pravo.gov.ru. 30 декабря 2022 г.

²⁸ Официальный интернет-портал правовой информации Иркутской области. URL: <http://www.ogirk.ru>. 7 августа 2024 г.

²⁹ Ведомости высших органов государственной власти Красноярского края. 25.02.2004. № 6.

³⁰ Нормы квотирования рабочих мест для инвалидов по субъектам РФ // URL: https://1gl.ru/?utm_medium=refer&utm_source=www.glavbukh.ru&utm_term=49154&utm_content=news&utm_campaign=red_block_content_link#/document/16/185421/actual (дата обращения: 17.03.2025).

сотрудников до уровня, при котором квота не возникает, и др.

Для случаев, когда работодатель не обладает возможностью обеспечить условия труда для инвалидов непосредственно в своей организации, законодательство предусматривает альтернативный механизм — заключить соглашение с другой организацией, специализирующейся на трудоустройстве лиц с ограниченными возможностями, и выполнить квоту по трудоустройству инвалидов путем направления их на работу в организацию, располагающую соответствующей инфраструктурой и опытом взаимодействия с данной категорией граждан.

Благодаря такому подходу можно избежать ситуации, когда формальное соблюдение квоты приводит к созданию некомфортных или даже небезопасных условий труда для инвалидов, что, несомненно, противоречит целям социальной интеграции и полноценной реализации трудового потенциала указанной группы населения. Кроме того, сотрудничество со специализированными организациями позволяет обеспечить инвалидам необходимую поддержку и адаптацию на рабочем месте, что способствует их успешной интеграции в трудовой коллектив и повышению эффективности их труда.

Соглашение о приеме на работу инвалидов с другой организацией должно четко определять условия такого сотрудничества, включая количество направляемых работников, их квалификацию, обязанности сторон по обеспечению безопасных условий труда и социальной поддержки, а также порядок контроля за выполнением соглашения. Важно отметить, что ответственность за создание безопасных и здоровых условий труда для инвалидов в рамках такого соглашения возлагается на организацию, непосредственно осуществляющую их трудоустройство.

Таким образом, заключение соглашения с другой организацией о приеме на работу инвалидов представляет собой эффективный инструмент выполнения работодателем требований законодательства о квотировании рабочих мест для инвалидов, при этом данная категория граждан получает реальную возможность для трудоустройства и социальной интеграции. Этот механизм стимулирует сотрудничество между

организациями, направленное на создание инклюзивной среды на рынке труда и поддержку лиц с ограниченными возможностями в реализации их трудового потенциала.

Отчет о квотировании рабочих мест работодателем ежемесячно направляется в центр занятости населения. Эта информация имеет публичное размещение на портале «Работа в России», а также на некоторых иных ресурсах, если такое размещение не противоречит утвержденному Правительством РФ порядку. Требованиям относительно длительности занятости инвалидов в постановлении Правительства РФ № 709 не установлено. Вместе с тем в случае, когда трудовой договор с представителем рассматриваемой категории граждан заключается в последний рабочий день квартала, данные за первый и второй месяцы этого квартала будут содержать информацию о невыполнении работодателем квоты (письмо Минтруда России № 16-6/ООГ-1407).

Дистанционные работники также могут быть засчитаны в счет квоты, сюда же относятся внешние совместители, работники с сокращенным рабочим днем или неделей (письмо Минтруда России от 11.09.2024 № 16-5/ООГ-1690 «О квоте для приема на работу инвалидов»³¹). Такой подход расширяет возможности работодателей по выполнению обязательств, касающихся трудоустройства определенных категорий граждан, предоставляя большую гибкость в организации рабочего процесса и структуре занятости. Включение этих категорий работников в расчет квоты позволяет компаниям учитывать их вклад в общую занятость и обеспечивать соответствие требованиям законодательства.

Еще совсем недавно ведомство разъяснило, что в счет выполнения квоты могут засчитываться сотрудники с инвалидностью, за которыми исходят из положений законодательства сохраняются рабочие места (по причине нахождения такого работника в отпуске или по уходу за ребенком)³². Обратим внимание, что в указанном письме предоставлены ответы на многочисленные вопросы, количество которых в совокупности составляет 55. Разъяснения даны еще тогда, когда действовали прежние правила квотирования, которые в настоящее время уже

³¹ Официальные документы : приложение к газете «Учет. Налоги. Право». 2024. № 36.

³² Письмо Минтруда России от 12.09.2023 № 16-5/10/П-7129 «О направлении ответов на часто задаваемые вопросы по реализации работодателями требований законодательства в части квотирования рабочих мест для инвалидов» // СПС «Гарант».

претерпели изменения. Однако часть вопросов по-прежнему актуальны.

В зарубежных странах существует три типа моделей квотирования рабочих мест для трудоустройства инвалидов: необязательная квота без санкций, обязательная квота без санкций, обязательная квота с санкциями³³.

Начнем с наименее жесткой формы — необязательной квоты без санкций. В рамках этой модели работодателям предлагается резервировать определенное количество рабочих мест для инвалидов, но выполнение этой рекомендации не является обязательным. Отсутствие санкций за неисполнение делает данную модель скорее формой стимулирования, нежели действенным инструментом. Преимущество здесь заключается в добровольном вовлечении бизнеса в решение социальных проблем. Компании, придерживающиеся принципов социальной ответственности, могут увидеть в этом возможность для укрепления своего имиджа и привлечения квалифицированных сотрудников. Очевидно, что такая модель не гарантирует существенного увеличения занятости инвалидов, поскольку решение остается исключительно за работодателем.

Следующий тип — обязательная квота без санкций. В этом случае работодатели обязаны резервировать определенный процент рабочих мест для инвалидов, как правило в зависимости от численности персонала. Отличие от предыдущей модели состоит в юридической обязанности резервировать рабочие места. Тем не менее отсутствие санкций за несоблюдение требования значительно снижает мотивацию работодателей. В результате квота формально существует, но не исполняется. Работодатели могут отчитываться о вакантных местах, предназначенных для инвалидов, но фактически не предпринимать активных действий по их заполнению. Такая модель может привести к бюрократическим издержкам и созданию фиктивной статистики, не отражающей реальную ситуацию на рынке труда.

Наконец, наиболее действенной представляется модель обязательной квоты с санкциями. Здесь, как и в предыдущем случае, работо-

датели обязаны резервировать определенное количество рабочих мест для инвалидов. Однако ключевым отличием является наличие санкций за неисполнение данного требования. Санкции могут варьироваться от штрафов до обязательств по финансированию программ профессиональной подготовки и переподготовки инвалидов. Именно ответственность за неисполнение квоты стимулирует работодателей к активному поиску и трудоустройству людей с инвалидностью. Эта модель нуждается в четком законодательном регулировании, эффективном механизме контроля и неотвратимости наказания за нарушение установленных правил.

Согласно французскому законодательству работодатели обязаны нанимать инвалидов. Эта обязанность — краеугольный камень французской политики в области интеграции инвалидов на рынке труда, направленной на создание более инклюзивной и справедливой рабочей среды для всех граждан. Законодательная база, регламентирующая этот аспект, опирается на комплекс законов и нормативных актов, которые со временем претерпели изменения, чтобы лучше соответствовать потребностям и вызовам современного общества. Основным законодательным актом, определяющим обязательства работодателей в отношении трудоустройства инвалидов, выступает Закон от 11.02.2005 № 2005-102 «О равных правах и возможностях, участии и гражданстве инвалидов»³⁴. Этот Закон закрепил понятие «работник-инвалид» и установил квоту занятости для предприятий, насчитывающих 20 и более сотрудников. Квота предусматривает, что не менее 6 % от общего числа работников должны быть людьми с инвалидностью. В рамках этой квоты работодатели могут выполнять свои обязательства различными способами. Помимо прямого трудоустройства инвалидов, они вправе заключать субподрядные договоры с защищенными мастерскими или адаптированными предприятиями, которые специализируются на трудоустройстве инвалидов. Компании могут уплачивать взносы в Ассоциацию по управлению фондом интеграции инвалидов (AGEFIPH) в случае невыполнения квоты. Эти средства

³³ *Beyer St., Meek A.* The opportunities and barriers of different employment models for persons with disabilities. Brussels, 2019. URL: https://easpd.eu/fileadmin/user_upload/Publications/s.beyer_report_-_opport_and_barriers_of_diff_employment_models_final.pdf (дата обращения: 17.03.2025).

³⁴ Loi n° 2005-102 du 11 février 2005 pour l'égalité des droits et des chances, la participation et la citoyenneté des personnes handicapées // URL: <https://www.legifrance.gouv.fr/jorf/id/JORFTEXT000000809647> (дата обращения: 25.03.2025).

направляются на поддержку программ и инициатив, способствующих трудоустройству и профессиональной интеграции инвалидов.

При несоблюдении норм законодательства применяются различные санкции: судебные иски о несоблюдении положений законодательства в части выполнения норм квотирования, исключение компании из процедур государственных закупок, наложение штрафов и др.

В Германии трудоустройство инвалидов — важная социальная и экономическая задача. Федеральное правительство и правительства земель, работодатели и общественные организации предпринимая совместные усилия по созданию условий, обеспечивающих равные возможности для инвалидов на рынке труда. Это не только законодательные нормы, но и широкий спектр мер поддержки и стимулов для работодателей, готовых принимать на работу людей с ограниченными возможностями.

Один из ключевых элементов системы трудоустройства инвалидов — Закон о социальной защите инвалидов (SGB IX)³⁵. Он определяет права и обязанности инвалидов, а также устанавливает требования к работодателям по созданию рабочих мест, адаптированных к потребностям инвалидов. Важной частью Закона является обязанность работодателей, имеющих более 20 сотрудников, нанимать не менее 5 % работников с инвалидностью.

Исходя из норм законодательства в случае, когда рабочее место, в отношении которого предусмотрена квота для инвалидов, так и не было заполнено, работодатель обязан уплатить соответствующую компенсацию. Следует сказать, что компенсация уплачивается за каждое квотируемое место, причем сумма такого сбора может в зависимости от обстоятельств составлять от 140 до 720 евро. Федеральное агентство по трудоустройству Германии (Bundesagentur für Arbeit) оказывает поддержку работодателям в найме инвалидов с тяжелой формой инвалидности посредством предоставления субсидий на заработную плату (на временной основе). Эта мера, направленная на интеграцию социально уязвимых групп населения в трудовую деятельность, — важный компонент государственной политики в сфере занятости.

Предоставление субсидий на заработную плату позволяет компенсировать возможные снижения производительности труда, связанные с ограничениями по здоровью, и стимулирует работодателей к созданию инклюзивной рабочей среды.

Финансирование части заработной платы инвалида, предложенное Агентством, не только уменьшает финансовую нагрузку на предприятия, но и способствует формированию более толерантного и справедливого общества. Работодатели, воспользовавшиеся этой возможностью, получают как материальную поддержку, так и возможность расширить кадровый состав за счет квалифицированных и мотивированных сотрудников. Интеграция людей с ограниченными возможностями в трудовой коллектив обогащает рабочую атмосферу, приносит новые перспективы и повышает социальную ответственность бизнеса.

Испанское законодательство и система социальной поддержки активно продвигают занятость инвалидов, создавая условия для их профессиональной реализации и экономического благополучия. Исторически отношение к инвалидам в Испании, как и во многих других странах, претерпело значительные изменения. От модели благотворительности и пассивной опеки общество постепенно перешло к концепции активного участия инвалидов в экономической деятельности. Этот сдвиг был подкреплен принятием ряда законов и нормативных актов, направленных на защиту прав инвалидов и стимулирование их занятости.

Ключевым законодательным актом в этой области стал Закон о правах инвалидов и их социальной интеграции (Ley General de derechos de las personas con discapacidad y de su inclusión social)³⁶. Данный Закон устанавливает общие принципы и гарантии обеспечения равных возможностей для инвалидов во всех сферах жизни, включая занятость, обязывает компании с численностью персонала более 50 человек резервировать не менее 2 % рабочих мест для инвалидов. Это положение является важным инструментом стимулирования работодателей к созданию рабочих мест для рассматриваемой категории населения. Кроме того, Закон пред-

³⁵ SGB IX Sozialgesetzbuch Rehabilitation und Teilhabe von Menschen mit Behinderungen // URL: <https://www.sozialgesetzbuch-rgb.de/sgbix/1.html> (дата обращения: 25.03.2025).

³⁶ The Revised Text of the General Law of Rights of Persons with Disabilities and Their Social Inclusion. Royal Legislative Decree // URL: <https://www.global-regulation.com/translation/spain/1466413/r> (дата обращения: 25.03.2025).

усматривает финансовые стимулы и субсидии для компаний, нанимающих инвалидов, что делает этот процесс более привлекательным для работодателей. В случае несоблюдения условий квотирования применяются штрафные санкции, которые варьируются от 751 до 7 500 евро.

В Италии действует законодательство, регулирующее трудоустройство лиц с инвалидностью в зависимости от размера компании. Обязанности по трудоустройству инвалидов возникают у компаний определенной численности, их невыполнение влечет за собой штрафные санкции. В частности, компании с численностью работников от 15 до 35 человек должны принять на работу хотя бы одного инвалида. Для компаний с численностью работников от 36 до 50 человек эта квота увеличивается до двух. Компании, в которых работает более 50 человек, обязаны обеспечить, чтобы не менее 7 % их штата составляли лица с инвалидностью. Несоблюдение норм по квотированию рабочих мест влечет административный штраф (153,20 евро) за каждый рабочий день задержки найма работника-инвалида³⁷.

К сожалению, в настоящий момент едва ли будет корректным говорить о том, что во всех странах мира, включая Российскую Федерацию, права людей с инвалидностью в сфере труда и занятости эффективно защищаются и в полном объеме реализуются. Однако в ряде зарубежных стран в этом направлении уже предпринято немало усилий, благодаря чему интеграция людей с ограниченными возможностями стала весьма успешной. Именно к таким примерам целесообразно обратиться ниже.

Надо сказать, что достаточно большое количество стран мира задались вопросом о необходимости трудоустройства инвалидов. В данном случае представляется уместным рассмотреть меры, к которым прибегают их правительства:

— основной тенденцией остается создание рабочих мест для инвалидов на открытом трудовом рынке, осуществление финансового стимулирования работодателей, которые уделяют внимание обучению и последующему принятию на работу инвалидов. Такие поощрения предусматриваются в Китае, Вьетнаме, Беларуси, Турции и др. Предоставление инвалидам квот на рабочие места осуществляется, например, во Франции, Японии и др. В Фин-

ляндии и Японии создаются рабочие места для людей с ограниченными возможностями здоровья;

— принятие стимулирующих мер, направленных на привлечение инвалидов к самозанятости и предпринимательству. Для этого правительством выделяются средства, чтобы инвалиды могли получить необходимую профессиональную подготовку. Кроме того, данной категории лиц могут предоставляться займы на льготной основе. Перечисленные меры характерны для таких государств, как Индия, Турция, и некоторых других;

— создание предприятий, на которых могли бы осуществлять трудовую деятельность инвалиды, трудоустройство которых невозможно на обычных предприятиях, присуще таким странам, как Турция, Норвегия и др.;

— оказание служб профессионального обучения поддержки, направленной на обучение инвалидов и дальнейшее их устройство на работу (реализуется в Казахстане);

— премии и иные виды поощрений, в том числе освобождение от налоговых выплат инвалидам, трудоустроенным в частном секторе (данная мера встречается в Китае, Вьетнаме, Беларуси, Японии и др.);

— занятость инвалидов в условиях неполного рабочего времени (имеет место в Японии, Франции и др.).

Для решения проблем трудоустройства рассматриваемой категории граждан в таких странах, как Франция или Беларусь, используется мера, направленная на формирование социального партнерства.

Для устройства на работу инвалидов во Вьетнаме и Японии существуют специализированные организации, которые располагаются как можно ближе к месту проживания инвалидов. Эти организации играют роль посредника между инвалидами и потенциальными работодателями, предоставляя консультации по адаптации рабочих мест и оказывая поддержку в процессе трудоустройства. Особое внимание уделяется созданию инклюзивной среды, где инвалиды могут реализовать свой потенциал и внести вклад в экономику страны.

Невзирая на тот факт, что во многих странах применяемые для трудоустройства инвалидов подходы имеют много общего, всё же следует сказать, что в каждом государстве в

³⁷ Мирзабалаева Ф. И., Пашкова С. Е. Зарубежный опыт государственного регулирования и интеграции инвалидов в сферу занятости // Экономика труда. 2024. Т. 11. № 10. С. 1700.

этом направлении используются собственные практики³⁸.

2. Посредством изменения ст. 5.42 Кодекса РФ об административных правонарушениях³⁹ (Федеральный закон от 09.11.2024 № 382-ФЗ⁴⁰) повышены суммы административных штрафов за неисполнение обязанностей в части осуществления квотирования, размер таких штрафов варьируется от 20 тыс. до 30 тыс. руб. для должностных лиц. Если речь идет об индивидуальных предпринимателях, то здесь размер штрафов предусмотрен от 30 тыс. до 50 тыс. руб., тогда как для юридических лиц штраф может достигать сумм от 50 тыс. до 100 тыс. руб.

Данная мера направлена на стимулирование работодателей к активному участию в обеспечении занятости инвалидов и отражает стремление государства к созданию более инклюзивного рынка труда.

Однако увеличение штрафов может привести к нежелательным последствиям, таким как фиктивное трудоустройство инвалидов или сокрытие информации о невыполнении квот. Кроме того, некоторые работодатели могут рассматривать штрафы как неизбежные издержки ведения бизнеса и предпочтут уплачивать их, нежели адаптировать рабочие места и трудоустроить инвалидов.

3. Путем обращения в службу занятости населения инвалид может на безвозмездной основе получить достаточно большое количество услуг, связанных с трудоустройством:

— чтобы подобрать для инвалида наиболее подходящую его возможностям работу, служба занятости формирует банк данных, в который вносит именно специалистов с инвалидностью. После этого осуществляется адресный подбор мест работы и должностей, которые на предприятиях остаются вакантными. Важно, что при исследовании вакансий, представленных в сформированной базе данных, установлено, что в большинстве из них условия труда не соответствуют запросам данной категории лиц, чаще всего это касается оплаты труда, а также формы реализации труда, так как предусматривается выполнение именно физической работы;

— служба занятости предоставляет инвалидам информацию относительно рынка труда во всем регионе, помогает в трудоустройстве и профессиональном обучении;

— оказывает психологическую помощь лицам с ограниченными возможностями здоровья;

— способствует социальному приспособлению инвалидов к рынку труда, помогает изучить технологии поиска работы для минимизации времени, затрачиваемого на поиск рабочего места;

— содействует в осуществлении самозанятости путем предоставления инвалидам справочных материалов, оказания поддержки малому предпринимательству и т.д.;

— обратим внимание и на услугу, связанную с временным трудоустройством, а также профессиональным обучением нетрудоустроенных инвалидов. Такие меры значительно повышают уровень конкурентоспособности инвалидов в пределах трудового рынка именно на востребованных рабочих местах.

Кроме службы занятости, инвалид может обратиться по вопросам трудоустройства в общественные организации (Всероссийское общество инвалидов, Всероссийское общество слепых, Всероссийское общество глухих, многочисленные благотворительные фонды и т.д.).

В столице нашего государства трудоустройством рассматриваемой категории граждан занимается сразу несколько организаций. Сюда относятся МОООИ «Социально-трудовая реабилитация»; РООИ «МИКО» (Биржа труда инвалидов); общественная организация «Оазис труд-информ РОКК». Ключевой направленностью деятельности РООИ «Перспектива» (работает в столице с 2003 г.) является содействие в трудоустройстве именно инвалидов. Эта организация непосредственно взаимодействует с ЦСО «Ярославский», ЦЗН ЦАО. Основу такого взаимодействия составляет трудоустройство инвалидов. Еще одно актуальное направление — предоставление работодателям консультаций, связанных с особенностями трудоустройства инвалидов. Нельзя не упомянуть Краснодар-

³⁸ Новикова И. Г., Баранник Н. А., Пузин И. И. Профессиональная реабилитация и обеспечение занятости инвалидов: зарубежный опыт // Состояние и перспективы развития системы комплексной реабилитации и абилитации инвалидов — 2021 : сборник материалов и докладов III Межрегиональной конференции (Москва, 25 ноября 2021 г.) / под общ. ред. М. А. Дымочки. М. : Федеральное бюро медико-социальной экспертизы Минтруда РФ, 2022. С. 131–132.

³⁹ СЗ РФ. 2002. № 1 (ч. I). Ст. 1.

⁴⁰ СЗ РФ. 2024. № 46. Ст. 5910.

скую краевую общественную организацию инвалидов «Восхождение», которая, несмотря на приверженность к конкретному субъекту страны, осуществляет свою деятельность на всей ее территории, более того, кроме трудоустройства, занимается формированием позитивного отношения к инвалидам.

Примечателен тот факт, что, когда инвалид принимает решение трудоустроиться, ему предоставляется возможность принимать участие в реализуемых социальных программах, среди которых наибольшее распространение получили специализированные ярмарки вакансий, мастер-классы и тренинги; посещать семинары, связанные с разъяснением последовательности поиска рабочего места.

Заключение

Правительство России весьма скрупулезно подошло к сфере регулирования труда, в том числе и к занятости инвалидов, вместе с тем на сегодняшний день остается актуальной проблема отсутствия у работодателей представлений о том, как и на какую должность можно принять людей с инвалидностью. Данное упущение, к сожалению, касается не просто восприятия, это реальный барьер, препятствующий интеграции значительной части населения в активную экономическую жизнь. Работодатели нередко не понимают, как проводить собеседования с этой категорией лиц, как осуществлять оценку их работы, какими должны быть условия труда для инвалидов и т.д. Достаточно большое количество специалистов по вопросам трудоустройства не обладают знаниями о работе с инвалидами не только в контексте вы-

страивания общения с ними, но и относительно оценки их возможностей⁴¹.

В нашем государстве существует правовая основа, позволяющая в определенной степени улучшить жизнь инвалидов. Речь идет о предоставлении им дополнительных гарантий трудоустройства. К реализации таких гарантий подключены многочисленные организации, социальная защита, центры занятости, но и им необходимо использовать в своей работе инновационные подходы, благодаря которым они смогли бы улучшить свою деятельность по рассматриваемым вопросам. Для того чтобы реализация норм ныне действующих законных и подзаконных актов произошла в положительном ключе, целесообразно:

— продлить субсидирование работодателей, принимающих на работу инвалидов, в последующие годы для организации рабочих мест, возможно даже путем поэтапного увеличения этой субсидии либо льгот в сфере налогообложения⁴² (в настоящее время действуют приказы СФР, касающиеся субсидирования работодателей: от 29.12.2024 № 2714, от 29.12.2024 № 2712, от 29.12.2024 № 2713⁴³; срок их действия — до 1 января 2017 г., при этом нужно учитывать увеличение числа инвалидов в связи с проведением специальной военной операции);

— в целях трудоустройства инвалидов обязать работодателя ежегодно пересматривать вакансии своего предприятия для расширения перечня приоритетных профессий рабочих и служащих, овладение которыми даст инвалидам наибольшую возможность трудоустроиться (например, это будет уместно для инвалидов II, рабочей, группы). Пересмотр вакансий должен основываться на анализе потребностей

⁴¹ *Ананьев В. Л.* Социальные проблемы занятости инвалидов (социологический анализ) // Непрерывное профессиональное образование лиц с особыми потребностями : сборник статей II Международной научно-практической конференции (Республика Беларусь, Минск, 14–15 декабря 2017 г.) / редкол.: В. Г. Назаренко, А. М. Змушко, Т. В. Лисовская. Минск, 2017. С. 13.

⁴² *Танишбаева Т. И.* Правовая регламентация труда инвалидов // Фундаментальная и прикладная наука: актуальные вопросы теории и практики : сборник статей Международной научно-практической конференции (Пенза, 17 января 2023 г.). Пенза : Наука и просвещение (ИП Гуляев Г. Ю.), 2023. С. 144.

⁴³ Приказ СФР от 29.12.2024 № 2714 «Об утверждении Решения о порядке предоставления субсидии на государственную поддержку стимулирования найма отдельных категорий граждан» // Сайт СФР. URL: <https://sfr.gov.ru> (дата обращения: 06.02.2025) ; приказ СФР от 29.12.2024 № 2712 «Об утверждении Решения о порядке предоставления субсидий в целях создания (оборудования) рабочих мест для трудоустройства инвалидов» // Сайт СФР. URL: <https://sfr.gov.ru> (дата обращения: 06.02.2025) ; приказ СФР от 29.12.2024 № 2713 «Об утверждении решения о порядке предоставления субсидии на государственную поддержку трудоустройства работников из другой местности или других территорий» // Сайт СФР. URL: <https://sfr.gov.ru> (дата обращения: 06.02.2025).

рынка труда, доступности обучения и переквалификации, а также на потенциале инвалидов к освоению различных профессий. Важно учитывать не только физические ограничения, но и когнитивные способности, образование и опыт работы. Приоритетными следует признавать те профессии, овладение которыми откроет перед инвалидами наилучшие перспективы трудоустройства и социализации. Это могут быть профессии, требующие дистанционной работы, работы с использованием специализированного оборудования или адаптированные к индивидуальным потребностям инвалида;

— наравне с рядом зарубежных стран в Российской Федерации целесообразно в нормах законов предусмотреть в случае несоблюдения условий квотирования исключение работодателя из процедур государственных закупок, а также конкретизировать сумму штрафа в зависимости не только от его статуса, но и от численности

работников в организации, количества невыполненных квот и систематичности нарушений.

Люди с инвалидностью имеют серьезные барьеры для входа в занятость и зачастую рассматриваются работодателем как неквалифицированная рабочая сила. Следует подчеркнуть, что в результате проводимой в сфере инвалидности политики, а именно законодательного регулирования, и государство, и общество должны оказаться в равной мере заинтересованными в успешной интеграции людей с инвалидностью, повышении их благосостояния в целом и, в частности, предоставлении им возможностей для самореализации. Отдельно хотелось бы отметить тот факт, что как государству, так и обществу, даже с исключительно экономической позиции, значительно прибыльнее и полезнее иметь занятых людей, обладающих статусом инвалидов, — так они становятся налогоплательщиками, практически или полностью не нуждающимися в иждивении.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

Ананьев В. Л. Социальные проблемы занятости инвалидов (социологический анализ) // Непрерывное профессиональное образование лиц с особыми потребностями : сборник статей II Международной научно-практической конференции (Республика Беларусь, Минск, 14–15 декабря 2017 г.) / редкол.: В. Г. Назаренко, А. М. Змушко, Т. В. Лисовская. Минск, 2017. С. 10–18.

Васильева Ю. В. Социальная занятость инвалидов в Российской Федерации и международные нормы в сфере трудоустройства и занятости инвалидов: проблемы реализации // *Ex jure*. 2020. № 2. С. 131–141.

Каирова А. И., Подкидышев С. К. Проблемы обеспечения занятости инвалидов в Российской Федерации, пути их решения, совершенствование механизмов по трудоустройству инвалидов в Российской Федерации // *Право и государство: теория и практика*. 2024. № 5 (233). С. 273–275.

Малюга А. А. Проблемы вовлечения людей с ограниченными возможностями в трудовую деятельность // *Современные проблемы науки и образования*. 2015. № 1–2. URL: <https://science-education.ru/ru/article/view?id=19916> (дата обращения: 17.03.2025).

Мирзабалаева Ф. И., Пашкова С. Е. Зарубежный опыт государственного регулирования и интеграции инвалидов в сферу занятости // *Экономика труда*. 2024. Т. 11. № 10. С. 1691–1712.

Мирюкова М. А., Терскова С. Г. Формирование социального благополучия инвалидов посредством профессиональной реабилитации и трудоустройства (итоги социологических опросов) // *Теория и практика общественного развития*. 2020. № 3 (145). С. 23–27.

Нагоев А. М., Бирюлина Е. В. Трудоустройство и занятость инвалидов как одна из социальных проблем // *Молодой ученый*. 2023. № 13 (460). С. 262–263.

Нацун Л. Н. «Поддерживаемое трудоустройство» инвалидов: обзор мирового опыта // *Вестник УрФУ. Серия экономика и управление*. 2017. Т. 16. № 4. С. 663–680.

Новикова И. Г., Баранник Н. А., Пузин И. И. Профессиональная реабилитация и обеспечение занятости инвалидов: зарубежный опыт // *Состояние и перспективы развития системы комплексной реабилитации и абилитации инвалидов — 2021* : сборник материалов и докладов III Межрегиональной конференции (Москва, 25 ноября 2021 г.) / под общ. ред. М. А. Дымочки. М. : Федеральное бюро медико-социальной экспертизы Минтруда и соцзащиты РФ, 2022. С. 128–141.

Танишбаева Т. И. Правовая регламентация труда инвалидов // *Фундаментальная и прикладная наука: актуальные вопросы теории и практики* : сборник статей Международной научно-практической конференции (Пенза, 17 января 2023 г.). Пенза : Наука и просвещение (ИП Гуляев Г. Ю.), 2023. С. 142–144.

Черкашина Н. В. Реализация права на труд для инвалидов в Российской Федерации и ее регионах // Инвалид в обществе XXI века : сборник трудов III Всероссийской научно-практической конференции (Москва, 7 декабря 2021 г.) / под ред. В. Д. Байрамова, И. Л. Литвиненко. М. : Московский государственный гуманитарно-экономический университет, 2022. С. 155–161.

Beyer St, Meek A. The opportunities and barriers of different employment models for persons with disabilities. Brussels, 2019. URL: https://easpd.eu/fileadmin/user_upload/Publications/s.beyer_report_-_opport_and_barriers_of_diff_employment_models_final.pdf (дата обращения: 17.03.2025).

REFERENCES

Ananyev VL. Social problems of employment of disabled people (sociological analysis). In: *Continuing professional education of persons with special needs*. Collection of articles of the 2nd International Scientific and Practical Conference (Republic of Belarus, Minsk, December 14–15, 2017). Nazarenko VG, Zmushko AM, Lisovskaya TV, eds. Minsk; 2017. Pp. 10–18. (In Russ.).

Beyer St, Meek A. *The opportunities and barriers of different employment models for people with disabilities*. Available at: https://easpd.eu/fileadmin/user_upload/Publications/s.beyer_report_-_opport_and_barriers_of_diff_employment_models_final.pdf [cited 17 March 2025].

Cherkashina NV. Realization of the right to work for the disabled in the Russian Federation and its regions. *Disabled in the society of the 21st century. Proceedings of the 3rd All-Russian Scientific and Practical Conference, Moscow, December 7, 2021*. Bayramov VD, Litvinenko IL, editors. Moscow: Moscow State University of Humanities and Economics; 2022. Pp. 155–161. (In Russ.).

Kairova AI, Podkidyshev SK. Problems of ensuring employment of disabled people in the Russian Federation, ways to solve them, improvement of mechanisms for the employment of disabled people in the Russian Federation. *Pravo i gosudarstvo: teoriya i praktika [Law and State: The Theory and Practice]*. 2024;5(233):273–275. (In Russ.).

Malyuga AA. Problems of involving people with disabilities in labor activity. *Sovremennye problemy nauki i obrazovaniya*. 2015;1-2. Available at: <https://science-education.ru/ru/article/view?id=19916> [cited 17 March 2025]. (In Russ.).

Miryukova MA, Terskova SG. Formation of social well-being of disabled people through vocational rehabilitation and employment (results of sociological surveys). *Teoriya i praktika obshchestvennogo razvitiya [Theory and practice of social development]*. 2020;3(145):23–27. (In Russ.).

Mirzabalayeva FI, Pashkova SE. Foreign experience of state regulation and integration of persons with disabilities in the field of employment. *Ekonomika truda*. 2024;11(10):1691–1712. (In Russ.).

Nagoyev AM, Biryulina EV. Arrangement of labour and employment of disabled people as one of the social problems. *Molodoy ucheniy*. 2023;13(460):262–263. (In Russ.).

Natsun LN. «Supported employment» of disabled people: An overview of world experience. *Vestnik UrFU. Seriya Ekonomika i upravlenie*. 2017;16(4):663–680. (In Russ.).

Novikova IG, Barannik NA, Puzin II. Vocational rehabilitation and employment of disabled people: Foreign experience. In: Dymochka MA, editor. *The state and prospects of the development of the system of integrated rehabilitation and habilitation of the disabled — 2021: 3rd Interregional Conference*. A collection of materials and reports, Moscow, November 25, 2021. Moscow: Federal Bureau of Medical and Social Expertise of the Ministry of Labor and Social Protection of the Russian Federation; 2022. Pp. 128–141. (In Russ.).

Sigaeva E. *New rules on quotas for admission of disabled people from September 1, 2024*. Available at: https://nalog-nalog.ru/osnovy_trudovogo_zakonodatelstva/ne-zabudte-rasschitat-kvotu-na-priem-invalidov-do-1-fevralya/ [cite 17 March 2025]. (In Russ.).

Tanishbayeva TI. Legal regulation of the work of persons with disabilities. *Fundamental and applied science: Current issues of theory and practice*. A collection of articles of the International Scientific and Practical Conference, Penza, January 17, 2023. Penza: Science and education (IP Gulyaev GYu); 2017. Pp. 142–144. (In Russ.).

Vasileva YuV. Social employment of persons with disabilities in the Russian Federation and international norms in the field of employment and employment of persons with disabilities: Problems of implementation. *Ex jure*. 2020;2:131–141. (In Russ.).

ИНФОРМАЦИЯ ОБ АВТОРАХ

Мартыанова Галина Васильевна, кандидат юридических наук, доцент, заведующий кафедрой частного и публичного права Российского государственного университета социальных технологий д. 49, Лосиноостровская ул., г. Москва 107150, Российская Федерация
zuev-martyanova@yandex.ru

Хакимов Руслан Мадаминджанович, кандидат юридических наук, доцент, декан факультета экономики Российского государственного университета социальных технологий д. 49, Лосиноостровская ул., г. Москва 107150, Российская Федерация
rmkhakimov.ru@gmail.com

Черкашина Наталья Валерьевна, кандидат юридических наук, доцент, доцент кафедры частного и публичного права Российского государственного университета социальных технологий д. 49, Лосиноостровская ул., г. Москва 107150, Российская Федерация
natasha8181@mail.ru

INFORMATION ABOUT THE AUTHORS

Galina V. Martyanova, Cand. Sci. (Law), Associate Professor, Head of the Department of Private and Public Law, Russian State University of Social Technologies, Moscow, Russian Federation
zuev-martyanova@yandex.ru

Ruslan M. Khakimov, Cand. Sci. (Law), Associate Professor, Dean of the Faculty of Economics, Russian State University of Social Technologies, Moscow, Russian Federation
rmkhakimov.ru@gmail.com

Natalia V. Cherkashina, Cand. Sci. (Law), Associate Professor, Associate Professor, Department of Private and Public Law, Russian State University of Social Technologies, Moscow, Russian Federation
natasha8181@mail.ru

Материал поступил в редакцию 22 марта 2025 г.

Статья получена после рецензирования 16 марта 2025 г.

Принята к печати 15 ноября 2025 г.

Received 22.03.2025.

Revised 16.03.2025.

Accepted 15.11.2025.

DOI: 10.17803/1729-5920.2025.229.12.102-117

С. А. Чеховская

Институт законодательства и сравнительного правоведения
при Правительстве Российской Федерации
г. Москва, Российская Федерация

Способы реализации правосубъектности в цифровой предпринимательской среде

Резюме. Статья посвящена анализу технологических изменений в сфере предпринимательства и их влияния на категорию правосубъектности. Цифровая предпринимательская среда основывается на совокупности социальных регуляторов, состоящей из инструментов различного вида: нормативно-правовых, технических, этических и саморегулирования. Для реализации правосубъектности в цифровой среде явно недостаточно признания отдельного лица правосубъектным в традиционном понимании, без выполнения условий доступа к цифровой среде и функционирования в ней. Развитие категории правосубъектности под влиянием цифровизации общественной жизни связано с интеграцией технологических и правовых подходов, отражающих динамику правосубъектности. Автор отмечает, что накопление эмпирических наблюдений за развитием цифровых технологий и расширением сфер их применения повлечет за собой как пересмотр классического понимания категории правосубъектности в сторону формирования гибридной правосубъектности, или квазисубъектности, для отдельных цифровых образований, так и расширение субъектного состава правоотношений. Социальное регулирование, основанное на сочетании нормативно-правового регулирования, технических норм и инструментов саморегулирования, меняет традиционные границы понимания того, что есть субъект права в современной правовой системе, создавая новые формы правового взаимодействия.

Ключевые слова: правосубъектность; предпринимательская деятельность; цифровая предпринимательская среда; идентификация в цифровой среде; цифровая экономика; цифровые платформы; социальное регулирование; децентрализованные автономные организации; кооперативы данных; искусственный интеллект; обычное право цифровой среды

Для цитирования: Чеховская С. А. Способы реализации правосубъектности в цифровой предпринимательской среде. *Lex russica*. 2025. Т. 78. № 12. С. 102–117. DOI: 10.17803/1729-5920.2025.229.12.102-117

Methods of Exercising Legal Personality in the Digital Entrepreneurial Environment

Svetlana A. Chekhovskaya

Institute of Legislation and Comparative Law
under the Government of the Russian Federation
Moscow, Russian Federation

Abstract. The paper is devoted to the analysis of technological transformations in the sphere of entrepreneurship and their impact on the concept of legal personality. The digital entrepreneurial environment rests upon a complex of social regulators, encompassing instruments of different types, namely: normative-legal, technical, ethical, and self-regulatory. Within the digital environment, the mere recognition of an individual as possessing legal personality in the traditional sense is clearly insufficient without meeting the requirements for access to, and functioning within entrepreneurship environment. The evolution of the category of legal personality under the influence of digitalization of social life is linked to the integration of technological and legal approaches that reflect the dynamic nature of legal personality. The paper highlights that the accumulation of empirical observations on the development of digital technologies and the expansion of their application will lead both to a reconsideration of the classical understanding of legal personality — towards the formation of hybrid personality, or quasi-personality, for certain digital entities — and to an expansion of the range of subjects participating in

© Чеховская С. А., 2025

legal relations. Social regulation, based on the combination of normative-legal regulation, technical standards, and self-regulatory instruments, is transforming the traditional boundaries of what constitutes a subject of law within the modern legal system, thereby generating new forms of legal interaction.

Keywords: legal personality; entrepreneurial activity; digital entrepreneurial environment; identification in a digital environment; digital economy; digital platforms; social regulation; decentralized autonomous organizations; data cooperatives; artificial intelligence; common law digital environment

Cite as: Chekhovskaya SA. Methods of Exercising Legal Personality in the Digital Entrepreneurial Environment. *Lex russica*. 2025;78(12):102-117. (In Russ.). DOI: 10.17803/1729-5920.2025.229.12.102-117

Введение

В настоящее время становится очевидным, что активно формируется организованная виртуально область человеческой деятельности, с которой связываются интересы, представляющие самостоятельную ценность¹ (часто без привязки к реальным физическим объектам). Реализацию своих интересов лица осуществляют, используя ту инфраструктуру и те инструменты, которые в данной среде позволяют это делать.

Рост национальной цифровой экономики² и развитие предпринимательства в цифровой среде обуславливают необходимость адаптации правовых институтов к новым реалиям. Создаются цифровые объекты, приобретающие качество блага, способного удовлетворять потребности лица, и право опосредует связь между таким объектом и субъектом, делая ее юридической³, тем самым цифровые

объекты становятся объектами субъективных прав.

Следует обратить внимание на особенность идентификации таких объектов в гражданском обороте, которая состоит в определении цифровых кодов и последовательности действий в цифровой системе, признаваемой действующим правовым режимом. Аналогичным образом происходит идентификация субъекта. Вполне закономерны в таких случаях утверждения ученых о возможности отказа от традиционного понимания гражданского правоотношения, поскольку его элементы — субъекты права, объекты права и содержание, права и обязанности участников — получают просто специфическое закрепление в информационной системе⁴. То есть традиционное разделение правовых явлений на субъекты и объекты в цифровой среде довольно условно, так как и те и другие существуют только в виде цифрового кода⁵. Парал-

¹ По мнению А. В. Полякова, выделяется несколько пересекающихся смыслов понятия «ценность»: как способность вещей и явлений окружающего мира воздействовать на субъекта таким образом, что они воспринимаются как блага, побуждающие стремиться к ним и добиваться обладания ими; как общие принципы целесообразной деятельности, отправляясь от которых человек приписывает тем или иным объектам практическую значимость, побуждающую его действовать, вести себя определенным образом. См.: Поляков А. В. Общая теория права: Феноменолого-коммуникативный подход : курс лекций. 2-е изд., доп. СПб. : Юридический центр-Пресс, 2003. С. 308–309.

² Согласно исследованиям, удельный вес организаций (в общем их числе), использующих технологии сбора, обработки и анализа больших данных, в 2020 г. составил 22,4 %, в 2022 г. — 30,4%; организаций, использующих облачные сервисы, в 2020 г. — 25,7 %, в 2022 г. — 28,9 %; организаций, использующих центры обработки данных, в 2020 г. — 13,6 %, в 2022 г. — 16,5 %; организаций, использующих технологии ИИ, в 2020 г. — 5,4 %, в 2022 г. — 6,6 %. См.: URL: https://ai.gov.ru/knowledgebase/infrastruktura-ii/2024_indikatorovy_cifrovoy_ekonomiki_2024_statisticheskii_sbornik_vshe/?ysclid=m81us6kdug678638669 (дата обращения: 09.03.2025).

³ См.: Общая теория права : учебник / под ред. А. С. Пиголкина. М., 1995. С. 249 ; Новоселова Л. А., Полежаев О. А. О правовом режиме объектов гражданских прав, выраженных в цифровых активах // Закон. 2020. № 11. С. 165–172 ; Долинская В. В. Проблемы частноправовой квалификации и систематизации объектов интеллектуальных прав // Законы России: опыт, анализ, практика. 2021. № 5. С. 25–36.

⁴ Андреев В. К. Динамика правового регулирования применения искусственного интеллекта // Журнал российского права. 2020. № 3. С. 64.

⁵ См. об этом также: Чеховская С. А. К вопросу о правовом статусе систем искусственного интеллекта // Субъект права: стабильность и динамика правового статуса в условиях цифровизации : сборник научных трудов / под общ. ред. Д. А. Пашенцева, М. В. Залоило. М. : Инфотропик Медиа, 2021. С. 135.

лельно существующие реальная и виртуальная сферы устроены по-разному (прежде всего в отношении порядка идентификации), однако соединены они, так или иначе, путем наличия и реализации воли и интереса лица — субъекта права.

В цифровой среде взаимодействие лиц осуществляется в первую очередь посредством соответствующим образом организованных цифровых (информационных)⁶ систем, которые, как замечают Л. А. Новоселова и О. А. Полежаев, «можно назвать уже не дополнением имущества, а их важнейшими и основными компонентами, без которых владение, пользование или распоряжение благами по их целевому назначению становится физически невозможным»⁷.

В целом правосубъектность реализуется через комплекс юридических, технических и организационных процедур и инструментов, которые обеспечивают участие субъектов в цифровых экономических отношениях.

Основные специальные способы такой реализации: идентификация в цифровой среде (например, верификация на маркетплейсах, в соцсетях, на криптобиржах, блокчейн-идентификация и др.); совершение юридически значимых действий (создание децентрализованных автономных организаций, совершение сделок посредством блокчейна и др.); защита нарушенных прав (так называемый платформенный арбитраж, разрешение разногласий на платформах eBay, Airbnb и др.); технологические методы (автоматические штрафы, блокировка аккаунтов и др.).

Одно из ключевых условий реализации правосубъектности в этой сфере — идентификация лица и объектов права в цифровой системе. Проблемы правовой идентификации субъектов

в этом пространстве связаны с возможностью лица действовать анонимно, что, в частности, создает трудности при определении субъекта ответственности в цифровой среде.

Внешнее выражение субъекта в правовом смысле должно быть проявлено путем закрепления порядка, позволяющего установить его обособленность и автономность, возможность его идентификации, выраженную им волю. Кроме того, субъект выступает структурным элементом правоотношений.

Появление различных правовых форм деятельности субъектов вызвано, как правило, теми или иными экономическими потребностями, определяющими и правовые контуры этих форм.

Значимость идентификации наглядно видна при необходимости установить личность правонарушителя в цифровой среде, например в спорах, касающихся защиты владельцев украденных токенов. В этих случаях суды использовали токенизированные уведомления при вынесении решений в отношении анонимных ответчиков. Так, в деле Фабрицио Д'Алойя против нескольких криптовалютных бирж (Fabrizio D'Aloia v. Binance Holdings Limited & Ors (2024) EWHC 2342 (Ch)) сначала в 2022 г. Высокий суд Великобритании выдал истцу постановление, разрешающее вручать повестки неизвестным лицам с помощью невзаимозаменяемого токена (NFT)⁸, установив возможность отследить кошелек на криптобирже. Практику использования судом токенизированных уведомлений⁹ с отправкой на цифровые кошельки анонимных ответчиков продолжил суд Гонконга¹⁰. После получения такого уведомления любые транзакции будут рассматриваться как правонарушение, а в случае нарушения запрета на проведение транзакций биржи должны предпринять

⁶ Здесь и далее термины «цифровая система» и «информационная система» используются как синонимы, хотя, строго говоря, их позволяет считать таковыми только то, что обработка данных в этих системах осуществляется с помощью технологий, на которых они основаны. В силу п. 3 ст. 2 Федерального закона от 27.07.2006 № 149-ФЗ «Об информации, информационных технологиях и о защите информации» (СЗ РФ. 2006. № 31 (ч. I). Ст. 3448) под информационной системой понимается совокупность содержащейся в базах данных информации и обеспечивающих ее обработку информационных технологий и технических средств.

⁷ Новоселова Л. А., Полежаев О. А. Указ. соч.

⁸ URL: <https://cms-lawnow.com/en/ealerts/2024/09/d-alogia-v-persons-unknown-english-high-court-clarifies-law-on-crypto-and-constructive-trusts> (дата обращения: 20.01.2025).

⁹ Речь идет о токене, в который вшито сообщение с текстом судебного извещения.

¹⁰ URL: <https://www.rbc.ru/crypto/news/6787b4c99a794708047b99f8?ysclid=m7vs2ai76t290361893> (дата обращения: 05.03.2025).

¹¹ Черданцев А. Ф. Специфика правового отражения // Правоведение. 1973. № 2. С. 105.

меры к полной блокировке этих кошельков. Таким образом, созданы новые судебные цифровые инструменты, позволяющие косвенно идентифицировать правонарушителя, — без их применения защита нарушенных прав традиционными методами была просто невозможна.

Учитывая вышеизложенное, представляется значимым выявление особенностей условий и правовых форм (способов) реализации правосубъектности в цифровой предпринимательской среде. Виртуальная реальность, существующая параллельно с физической реальностью, воспринимается нами посредством понятий и категорий, сформированных в последней. Однако формируемые цифровые явления требуют иного взгляда и научного объяснения или как минимум переосмысления традиционных понятий.

Научная задача, состоящая прежде всего в наблюдении за происходящими изменениями, выявлении факторов, влияющих на правовые институты и понятия, — одна из главных в современный период. Очевидно, что результаты научных исследований могут служить важной базой формирования адекватного правового регулирования в дальнейшем. Поэтому актуально мнение А. Ф. Черданцева, который писал: «В основу нормативных решений должно быть положено знание, во-первых, действительности, характера регулируемых общественных отношений, возможных вариантов поведения, деятельности людей в одних и тех же условиях... то есть знание тех обстоятельств действительности, которые следует учитывать в процессе правотворчества; во-вторых, знание сущности, характера, содержания существующей системы права, возможностей права как регулятора общественных отношений»¹¹. Посте-

пенное накопление эмпирического материала позволит теоретически обосновать и выявить пути развития традиционных правовых институтов в цифровую эпоху.

Фактические данные о развитии технологий создают опору для юридических предположений. Так, например, корпорация Neuralink, разрабатывающая нейроинтерфейсы для связи мозга с компьютером¹², в 2024 г. в медицинских целях провела первую имплантацию интерфейса «мозг-компьютер» (BCI) человеку¹³.

Можно предположить, что правосубъектность физического лица, в организм которого был имплантирована определенного рода интеллектуальная технология, будет отличаться от правосубъектности лица без подобного импланта. Широкое распространение цифровых технологий, сбор и анализ эмпирического материала постепенно позволят давать правовую оценку происходящим в обществе технологическим изменениям.

Кроме того, внедрение систем искусственного интеллекта (ИИ) в обыденную жизнь физических и юридических лиц так или иначе потребует ответа на вопрос, возможно ли признание определенной категории специальной правосубъектности автономных роботов и систем общего ИИ. Вклад в поиск ответа уже делается учеными¹⁴. Поскольку системы ИИ создаются с разным уровнем автономности, очевидно, что их правовой режим не должен быть единым. Аналогичный подход применяется действующим законодательством при определении дееспособности ребенка в зависимости от возраста.

Сейчас остается наблюдать за практикой применения новых интеллектуальных инструментов, таких, например, как универсаль-

¹² Компаний, специализирующихся на создании подобных технологий, с каждым годом появляется на рынке всё больше, например Blackrock Neurotech (URL: <https://blackrockneurotech.com/our-story/> (дата обращения: 06.03.2025)), Synchron (URL: <https://synchron.com/> (дата обращения: 06.03.2025)).

¹³ URL: <https://neuralink.com/blog/prime-study-progress-update/> (дата обращения: 06.03.2025).

¹⁴ Например: Морхат П. М. Правосубъектность искусственного интеллекта в сфере права интеллектуальной собственности: гражданско-правовые проблемы : автореф. дис. ... д-ра юрид. наук. М., 2018 ; Бахтеев Д. В. Правовой статус систем искусственного интеллекта и модели дифференциации юридической ответственности за причиненный ими вред // Lex russica. 2024. Т. 77. № 4. С. 9–23 ; Solum L. B. Legal Personhood for Artificial Intelligences // North Carolina Law Review, 1992. Vol. 70. P. 1231 ; Illinois Public Law Research Paper No. 09-13. URL: <https://ssrn.com/abstract=1108671> ; Calo R. Robots in American Law // Legal Studies Research Paper № 2016-04 ; Genderen R. H. Do We Need New Legal Personhood in the Age of Robots and AI? // Robotics, AI and the Future of Law / ed. by M. Corrales, M. Fenwick, N. Forgó. Springer Nature Singapore Pte Ltd., 2018. P. 15–55 ; Lovell J. Legal Aspects of Artificial Intelligence Personhood: Exploring the Possibility of Granting Legal Personhood to Advanced Ai Systems and the Implications for Liability, Rights and Responsibilities (May 10, 2023) // URL: <https://ssrn.com/abstract=4749785>.

ный ИИ-агент «Оператор», появившийся на рынке в январе 2025 г. Компания OpenAI объявила, что запускает предварительную версию этой интеллектуальной системы, способную управлять веб-браузером и самостоятельно выполнять определенные действия от имени пользователя, принимая решения с минимальным участием человека (не исключается и заключение сделок)¹⁵, учитывая как этические моменты, так и возможность злоупотреблений при наделении ИИ правосубъектностью.

Особенности цифровой предпринимательской среды обусловлены ее виртуальной и трансграничной природой, они могут проявляться в следующем:

— цифровое предпринимательство основано на использовании интернет-технологий и цифровых сервисов, что позволяет бизнесу функционировать и управляться без привязки к физическому пространству из любой точки мира; сотрудники, партнеры и клиенты могут находиться в разных странах (помимо известных технологических гигантов, многие компании, например GitLab¹⁶, работают в формате удаленных команд);

— применение цифровых технологий помогает снижать транзакционные издержки, ускорять и масштабировать бизнес-процессы;

— цифровая предпринимательская среда не имеет территориальных границ и глобальна, что меняет принципы конкуренции, регулирования (цифровые продукты и услуги сразу доступны в любой точке мира, например Spotify и Netflix работают в различных странах, адаптируя контент под локальные аудитории);

— возможность анонимно быть участником отношений в цифровой среде повышает значимость закрепления порядка установления достоверных данных о лицах, вовлеченных в эти отношения, подтверждения фактов совершения ими юридически значимых действий в рамках цифровой инфраструктуры с использованием специальных технических средств;

— отдельные цифровые технологии (прежде всего блокчейн) позволяют осуществлять экономическую деятельность без специального юридического оформления, например путем создания децентрализованных автономных организаций (Decentralized Autonomous Organization, DAO, ДАО);

— возможность принятия автоматизированных решений и использования ИИ в бизнес-процессах.

Краткая характеристика традиционного понимания правосубъектности

Доктрина права доцифровой эпохи не выработала единого подхода¹⁷ к пониманию правосубъектности, но ключевым признаком этого понятия подавляющее большинство ученых считают наличие у лица признанного правопорядком состояния, которое позволяет ему выступать субъектом правовых отношений, обладать правами и обязанностями и реализовывать их.

Категория правосубъектности продолжает иметь теоретическое и практическое¹⁸ значение не только под влиянием технологических изменений. Правосубъектность — индивидуализированная правовая характеристика лица,

¹⁵ URL: <https://techcrunch.com/2025/01/23/openai-launches-operator-an-ai-agent-that-performs-tasks-autonomously/> (дата обращения: 01.03.2025).

¹⁶ URL: <https://about.gitlab.com/> (дата обращения: 01.03.2025).

¹⁷ Прежде всего речь идет о нескольких основных концепциях:

1) полное отрицание самостоятельного значения этой научно-правовой категории (представителем этой группы исследователей является Н. И. Матузов, см.: *Матузов Н. И.* Субъективные права граждан СССР. Саратов, 1966. С. 84);

2) правосубъектность как совокупность право- и дееспособности (например: *Алексеев С. С.* Общая теория права : в 2 т. М., 1982. Т. 2. С. 139);

3) совокупность правоспособности, дееспособности и деликтоспособности (например: *Витрук Н. В.* Основы теории правового положения личности в социалистическом обществе. М. : Наука, 1977. С. 194 ; *Мицкевич А. В.* Избранное. М. : ИЗиСП при Правительстве РФ, 2010. С. 150–151);

4) равнозначность понятий «правосубъектность» и «правоспособность» (например: *Братусь С. Н.* Субъекты гражданского права. М., 1950. С. 6).

¹⁸ См., например, исследование проблемы правосубъектности прекращенного юридического лица при применении п. 5.2 ст. 64 ГК РФ: *Богданов Е. В., Богданова Е. Е., Богданов Д. Е.* Проблема правосубъектности прекращенного юридического лица // *Гражданское право.* 2016. № 4. С. 29–32.

показывающая, в каких именно правоотношениях данный субъект может иметь права и обязанности. Являясь таковой, правосубъектность постепенно становится общеправовой категорией, но особое звучание приобретает в отраслевом преломлении.

Так, О. А. Красавчиков¹⁹, развивая взгляды о гражданской правосубъектности, отмечал, что правосубъектность с точки зрения своего юридического содержания, своей юридической сущности представляет собой именно социально-правовую способность, юридическое качество лица, а реализация юридических способностей, заключенных в правосубъектности, не поставлена в исключительную зависимость от воли субъекта.

Правосубъектность в юридической доктрине рассматривается как статическое и динамическое состояние (взгляды на данное качество рассматриваемой категории также разнятся). Содержание категории правосубъектности наполняется именно благодаря ее динамическому элементу, который необходим для понимания пределов правовых возможностей. В этом смысле идея данной статьи согласуется с позицией В. Ф. Яковлева²⁰, который считал, что правосубъектность означает, с одной стороны, наделение субъектов определенными социально-правовыми возможностями, а с другой — установление их пределов, границ, то есть само наделение правосубъектностью практически происходит путем указания на те возможности и способности, которые признаются за субъектом. Более того, по мнению А. Л. Шнгабутдиновой²¹, исследовавшей правосубъектность в контексте правореализации, этот ключевой юридический признак требует рассмотрения специфики функций структурных элементов в процессе правоприменения, так как статический и динамический элементы правосубъектности имеют различное социальное и юридическое содержание и приобретают разные функции при реализации права. Автор полагает, что такой подход позволит определить не только наличие юридического потенциала

участия лица в правоотношениях, но и правовые границы и риски такого участия. Совокупность статического и динамического элементов правосубъектности полнее раскрывает функциональное назначение этой категории.

Основные проблемы реализации правосубъектности в цифровой предпринимательской среде

Правовые контуры цифровой предпринимательской среды в целом на национальном уровне²² определяются совокупностью правовых актов, регулирующих цифровую экономику, электронную коммерцию, защиту данных и другие аспекты предпринимательской деятельности в цифровой сфере. Инфраструктура цифровой предпринимательской среды включает совокупность инструментов, технологий, институтов и сервисов, обеспечивающих развитие предпринимательства в этой области.

В контексте исследуемой темы нужно обратить внимание на специальные правосубъектные предпосылки возникновения правовых связей. Опираясь на выявление статических и динамических элементов правосубъектности в цифровой предпринимательской среде, рассмотрим специфику ее реализации.

Одна из важнейших особенностей формирования правосубъектных связей лиц в цифровом пространстве в целом и в предпринимательской среде в частности заключается в том, что они возникают не только на основе правил, устанавливаемых государством. Поскольку формирование сети Интернет объективно могло основываться только на саморегулировании, российское законодательство восприняло именно этот принцип, закрепив в п. 2 ст. 15 Закона об информации, информационных технологиях и о защите информации, что контроль за применением информационно-телекоммуникационных сетей, доступ к которым не ограничен, осуществляется в соответствии с международными стандартами и с учетом опыта саморегулируемых ор-

¹⁹ Красавчиков О. А. Гражданская правосубъектность как правовая форма // Правовые проблемы гражданской правосубъектности : межвузовский сборник научных трудов. Вып. 62. Свердловск, 1978. С. 11–19.

²⁰ Яковлев В. Ф. Отраслевой метод регулирования и гражданская правосубъектность // Правовые проблемы гражданской правосубъектности. Вып. 62. С. 39.

²¹ Шнгабутдинова А. Л. Правосубъектность и реализация права : автореф. дис. ... канд. юрид. наук. Казань, 2011. С. 7.

²² Будут приняты во внимание лишь акты Российской Федерации, несмотря на то что цифровая среда строится с использованием сети Интернет, которая не знает национальных границ как таковых.

ганизаций в этой сфере. Правила использования других информационно-телекоммуникационных сетей определяются их владельцами с соблюдением установленных в этом Законе требований. А в силу п. 6 ст. 13 указанного Закона порядок разработки и использования информационных систем, которые не относятся к государственным или муниципальным, регулируется операторами в соответствии с действующим законодательством. Тем самым в современный период реализация правосубъектности лиц в цифровой среде подчиняется в том числе правилам алгоритмизированного порядка, предусмотренного владельцами цифровых систем и разработчиками программного инфраструктурного обеспечения функционирования Интернета (протоколы передачи данных, облачные технологии, серверное программное обеспечение и др.).

Такой подход к правовому регулированию цифровой среды способствовал, с одной стороны, формированию специального рода обычаев²³, особенностью которых является то, что сложившиеся правила поведения регулируют общественные отношения, которые возникают и изменяются дистанционно, без непосредственного взаимодействия субъектов, применяются в интернет-пространстве с использованием соответствующих технических устройств²⁴.

С другой стороны, обычное право цифровой среды создается операторами цифровых платформ путем закрепления собственных правил (пользовательские соглашения, алгоритмы модерации и др.). Поскольку регулирование цифровой среды включает правила платформ, которые могут влиять на границы правосубъектности пользователей (например, в прави-

лах платформ могут закрепляться различные статусы пользователей — «верифицированные авторы», «эксперты», «партнеры» — для надежного обеспечения их особыми правами и обязанностями), встает вопрос о самостоятельной «платформенной» правосубъектности, что требует отдельного исследования.

Стоит отметить, что быть субъектом правоотношений в цифровой среде лицо может при определенных условиях²⁵, от выполнения которых зависит наличие или отсутствие самой возможности реализации правосубъектности в этой сфере. Цифровая правосубъектность предполагает включенность лица в технологическую инфраструктуру (умение использовать Интернет, облачные сервисы, цифровые платежные системы), то есть реализация правосубъектности в цифровой среде зависит от наличия у субъекта соответствующих технических средств и навыков их использования.

В свете этого возрастает значимость технического регулирования цифровой предпринимательской среды посредством стандартов, протоколов и других технических механизмов, направленных на обеспечение безопасности, качества и совместимости цифровых технологий²⁶.

Цифровая среда должна технически, организационно и юридически гарантировать владение цифровыми объектами, то есть совокупность указанных инструментов должна надежно идентифицировать²⁷ лицо как обладателя прав на них, а также осуществлять контроль доступа к ним. Наиболее эффективным методом обеспечения выполнения этих двух условий выступают блокчейн-решения — особый тип цифровой архитектуры, объединяю-

²³ Харитонова Ю. С. Обычай в регулировании отношений с использованием цифровых платформ // Право и бизнес. 2024. № 2. С. 2–9.

²⁴ Долгов С. Ф. Правовой обычай: современный взгляд на понятие // Ученые записки Крымского федерального университета имени В.И. Вернадского. Серия «Юридические науки». 2022. Т. 8. № 3. С. 35.

²⁵ Об этом см.: Бурьянова Е. И. Условия, определяющие правосубъектность индивида (общетеоретический аспект) : автореф. дис. ... канд. юрид. наук. Волгоград, 2006. С. 7.

²⁶ Техническое регулирование как сложная система национальных актов, международных стандартов и организационных механизмов охватывает такие аспекты, как кибербезопасность, защита данных, стандарты программного обеспечения и аппаратных решений, регулирование интернет-инфраструктуры и цифровых финансовых инструментов.

²⁷ В зависимости от контекста (государственные услуги, финансы, интернет-сервисы) используются разные комбинации инструментов идентификации: ISO/IEC 24760 (система управления идентичностью); ISO/IEC 29115 (уровни гарантии идентификации); FIDO (Fast Identity Online), протоколы FIDO2, WebAuthn и UAF позволяют выполнять аутентификацию без паролей (например, с использованием биометрии и токенов); OIDC (OpenID Connect) и OAuth 2.0; eIDAS (электронная идентификация в ЕС); DID (Decentralized Identifiers) от W3C (поддерживает концепцию децентрализованных идентификаторов для Web 3.0 и блокчейна).

щий сеть взаимосвязанных компьютеров, которая регистрирует транзакции участников этой сети в одно и то же время и в разных местах. Эти решения определяют, кому были переданы объекты (данные), и предоставляют технические механизмы, позволяющие исключить доступ к ним других лиц.

Понятие цифровой предпринимательской среды тесно связано с понятием цифрового рынка, но они охватывают различные аспекты цифровой экономики. Цифровая предпринимательская среда создает условия для функционирования цифрового рынка, но не ограничивается им и включает в себя все условия и институты, способствующие развитию предпринимательской деятельности в цифровой сфере. Речь идет прежде всего о формировании устойчивой и безопасной правовой сферы, где субъекты могут реализовывать свои права и обязанности посредством использования соответствующей инфраструктуры (Интернет, облачные технологии, платформы, цифровые системы оплаты), а также экосистемы, основанной на доверии и сотрудничестве, в то время как цифровой рынок является сферой взаимодействия продавцов и покупателей товаров, услуг, данных и технологий в цифровом пространстве с использованием цифровых платформ, интернет-технологий и электронных средств коммуникации.

Такое разграничение понятий имеет правовое значение. Это наглядно видно при анализе Федерального закона от 31.07.2025 № 289-ФЗ «Об отдельных вопросах регулирования платформенной экономики в Российской Федерации»²⁸, который устанавливает правовые основы платформенной экономики в Российской Федерации и регулирует отношения между операторами посреднических цифровых платформ и их партнерами и пользователями в связи с продажей товаров, выполнением работ, оказанием услуг. При этом под платформенной экономикой понимается совокупность имущественных отношений, складывающихся в результате взаимодействия неограниченного круга лиц посредством цифровых платформ для осуществления предпринимательской деятельности или в иных целях. Очевидно, что такое узкое понимание платформенной экономики и

фактически регламентация деятельности только посреднических платформ, то есть части цифрового рынка, не способствует адекватному правовому регулированию этой сферы.

Представляется, что правовое обеспечение цифровых платформенных отношений в целом (не только возникающих в рамках цифровых посреднических платформ) должно содержать конкретные нормы, обеспечивающие в совокупности: поддержание непрерывности деятельности платформ; закрепление специальных требований к информационной безопасности, раскрытию данных; регулирование ситуаций, связанных с операционными сбоями, мошенническими схемами; установление мер контроля отчетности в этой сфере в целях минимизации рисков финансовой нестабильности операторов цифровых платформ, выявления системных негативных для экономики и общества значимых факторов; обеспечение реализации прав и законных интересов субъектов платформенной инфраструктуры и пользователей путем гарантирования конкурентного доступа к платформе, сохранности данных на платформе, возможности перехода со своими данными с платформы на платформу; недопущение навязывания платформами собственных сервисов и создания дискриминационных условий.

Так или иначе, законопроектные инициативы по упорядочению цифровой предпринимательской среды подтверждают необходимость поиска наиболее адекватного комплексного подхода к ее специальному регулированию, обеспечивающего баланс интересов всех участников цифровой предпринимательской инфраструктуры.

Особенность цифровой среды заключается в том, что современные технологии служат инструментом осуществления коллективной деятельности без легализации организационного единства, согласования воли и действий, имеющих правовое значение, заинтересованных в определенном проекте лиц. Благодаря технологиям лица вступают в цифровое взаимодействие друг с другом, в том числе в целях предпринимательской деятельности, просто зарегистрировавшись в цифровой системе по установленным ее оператором правилам и став участниками такой цифровой организации. Примером может служить ДАО²⁹ — ци-

²⁸ Официальный интернет-портал правовой информации. URL: www.pravo.gov.ru. 31.07.2025.

Закон вступит в силу 1 октября 2026 г.

²⁹ ДАО заслуживают того, чтобы обратить на них внимание, поскольку в последнее время вопросами изучения децентрализации стали заниматься специально созданные научные организации. Так, Центр

фровая организация, работающая на основе технологии блокчейн, обладающая высокой операционной эффективностью, что позволяет функционировать без официального признания ее как особой организационно-правовой формы³⁰. ДАО являются альтернативой централизованной иерархической модели управления, они представлены на рынке в различных видах в зависимости от функциональной направленности³¹. Очевидно, что по мере широкого распространения этой формы ведения бизнеса³² могут остро вставать вопросы, связанные с неопределенностью правового статуса³³, риском неограниченной ответственности участников и др.

Но наиболее значимым видится то, что рассматриваемая цифровая форма осуществления предпринимательской деятельности позволяет задуматься над изменением подхода к характеристике правосубъектности: отталкиваться не от вида субъекта, а от его функций. Другими словами, на основе такого понимания правосубъектности ДАО могут быть признаны само-

стоятельными субъектами права как цифровое предпринимательское сообщество, если они выполняют функции, аналогичные функциям юридических лиц. Либо может быть разработана категория гибридной правосубъектности для дифференциации правовых режимов таких организаций.

Примечательно также использование цифровых технологий гражданами для совместного управления данными о себе посредством так называемых кооперативов данных (data coops)³⁴, которые создаются скорее как модель экономической организации (не всегда имеют юридическую форму, а действуют как гражданское сообщество) и обозначают, по сути, другую парадигму управления данными, альтернативную общепринятому порядку защиты персональных данных. Главные цели таких кооперативов: защита конфиденциальной информации, получение аналитических данных на основе переданных данных и добровольный обмен данными для общественного блага и/или экономической выгоды для его членов.

исследований децентрализации (Decentralization Research Center, DRC), являющийся некоммерческой организацией, работает с 2021 г., публикует исследования и проводит совместные мероприятия с ведущими академическими институтами, включая Гарвардский и Стэнфордский университеты, а также осуществляет множество экспериментов в сфере управления. URL: thedrcenter.org (дата обращения: 04.03.2025).

³⁰ *Borgogno O., Martino E. D. Decentralised Autonomous Organizations: Targeting the Potential Beyond the Hype* (January 12, 2024) // European Banking Institute Working Paper Series 161 ; Amsterdam Law School Research Paper No. 2024-02 ; Amsterdam Center for Law & Economics Working Paper No. 2024-01. URL: <https://ssrn.com/abstract=4692754> ; <http://dx.doi.org/10.2139/ssrn.4692754> (дата обращения: 20.02.2025).

³¹ Например, почти все основные цифровые финансовые платформы DeFi (модель предоставления финансовых услуг) управляются ДАО.

³² Определение точного количества ДАО как в России, так и за рубежом затруднено из-за отсутствия их единого реестра, а также динамичного развития этой сферы. В разных источниках количество различных ДАО, включая DeFi-проекты, оценивают в несколько тысяч. Постоянно обновляемые каталоги ДАО доступны, например, на сайте DeepDAO (Discovery Engine for DAO Ecosystem). URL: <https://deepdao.io/organizations> (дата обращения: 09.03.2025).

³³ Однако в некоторых штатах США, таких как Вермонт, Вайоминг, Теннесси, Юта и Нью-Гэмпшир, были приняты законы, позволяющие легализовать деятельность ДАО. Например, в штате Вермонт предусмотрена возможность создания новой формы компании с ограниченной ответственностью на основе блокчейна (BLLC), которая может использовать любые алгоритмы для проведения своих операций и технологию блокчейна. См.: *Murawsky M. P., Herman K. E. Vermont Continues Its Blockchain Play: A Look inside the State's New Legislation* // Blank Rome. September 13, 2018. URL: <https://www.blankrome.com/publications/vermont-continues-its-blockchain-play-look-inside-states-new-legislation> (дата обращения: 16.02.2025).

³⁴ Например, таких как Salus (URL: <https://www.salus.coop/>), Driver's Seat (URL: <https://www.driversseat.co/>). В России концепция кооперативов данных пока не получила применения, но цифровизация сферы кооперации также осуществляется. Интересна инициатива по созданию платформы «Кооперативная экономика» (URL: <https://цифровой-кооператив.рф> (дата обращения: 24.02.2025)), которая предоставляет единую цифровую среду для кооперации и средства автоматизации деятельности потребительских и производственных кооперативов.

Технологической основой могут служить краудфандинговые платформы (на основе блокчейна)³⁵, участники которых объединяются посредством предоставления данных о себе и коллективно принимают решение о доступе других лиц к анонимизированным данным. Участники такого цифрового кооперативного сообщества сами решают, какие данные о них собираются и с какой целью. На практике они могут легализовать свою деятельность путем создания юридического лица в форме потребительского кооператива, но могут действовать и без такой легализации как гражданское сообщество, объединенное общей целью.

Наиболее популярны кооперативы медицинских данных, анонимизированная версия которых может представлять коммерческий интерес, следовательно, граждане — владельцы данных о себе могут получать прибыль, предоставляя эти данные, либо доходы участников от продажи данных могут направляться на исследования или борьбу с трудноизлечимыми болезнями.

Научные исследования, проведенные за рубежом³⁶, не только демонстрируют потенциал частного правового механизма управления данными, но и показывают риски совместного управления персональными данными (и другими данными о человеке, имеющими ценность при использовании в совокупности), связанные прежде всего с соблюдением строгих протоко-

лов анонимизации данных и мер кибербезопасности.

Широкое распространение³⁷ частного правового порядка управления данными о гражданах требует научного осмысления новых подходов к важнейшим ресурсам цифровой экономики — данным. В настоящее время, когда данные формируют каждый аспект нашей цифровой жизни, ответ на вопрос, кто обладает властью над этим важнейшим ресурсом, имеет серьезные последствия для общества. Устранение неравенства во владении данными и управлении ими является главной задачей регулирования цифровой экономики. Необходимы новые модели управления данными, чтобы устранить этот дисбаланс и способствовать развитию бизнес-моделей, при которых контроль над данными возвращается к создающим их лицам.

Сотрудничество и доверие в цифровой предпринимательской среде, в том числе в области управления данными в частноправовой сфере, должны стать основополагающими принципами цифрового взаимодействия и целью правового обеспечения.

Проблема правосубъектности ИИ в настоящее время остается в большей степени теоретической, но по мере накопления эмпирического материала будет приобретать вполне четкие практические правовые очертания. Повышение уровня автономности интеллектуальных систем постепенно приведет к постановке вопроса о формировании правового механизма, который

³⁵ В России регулируются отношения, возникающие в связи с применением таких платформ только для инвестирования и привлечения инвестиций посредством инвестиционных платформ в соответствии с Федеральным законом от 02.08.2019 № 259-ФЗ «О привлечении инвестиций с использованием инвестиционных платформ и о внесении изменений в отдельные законодательные акты Российской Федерации» // СЗ РФ. 2019. № 31. Ст. 4418.

³⁶ Data Cooperatives as Catalysts for Collaboration, Data Sharing, and the (Trans)Formation of the Digital Commons (April 8, 2023) / M. M. Bühler, I. Calzada, I. Came [et al.]. DOI: 10.2139/ssrn.4413371 ; Unlocking the Power of Digital Commons: Data Cooperatives as a Pathway for Data Sovereign, Innovative and Equitable Digital Communities / M. M. Bühler, I. Calzada, I. Came [et al.]. Digital 2023, 3. P. 146–171. DOI: 10.20944/preprints202304.0130.v1 ; Girish Sh., Avery M. Data Cooperative: Enabling Meaningful Collective Negotiation of Data Rights for Communities (December 1, 2022). DOI: 10.2139/ssrn.4414473/.

³⁷ Например, интересен опыт Бразилии по созданию кооперативов данных (см.: Gadoni C. R. Data Cooperatives in Brazil: Applicability and Property Rights (June 8, 2021) // Revista de Direito e as Novas Tecnologias. São Paulo. n. 11. 2021. URL: <https://ssrn.com/abstract=4048364>; <http://dx.doi.org/10.2139/ssrn.4048364> (дата обращения: 25.02.2025)). Кроме того, создаются так называемые трасты данных (Data Trust, доверительное управление данными) как цифровые структуры, позволяющие управлять данными в интересах их владельцев или сообществ. Data Trust выступает в роли независимого посредника, который обеспечивает ответственное использование данных, соблюдение прав их владельцев и защиту конфиденциальности. См.: Houser K., Bagby J. W. The Data Trust Solution to Data Sharing Problems (March 5, 2022) // Vanderbilt Journal of Entertainment & Technology Law, Forthcoming 2022. URL: <https://ssrn.com/abstract=4050593>; <http://dx.doi.org/10.2139/ssrn.4050593> (дата обращения: 25.02.2025).

позволит признавать ИИ³⁸ результатом взаимодействия воль людей, воспринимать его как социальное целое, обеспечивающее защищенность лиц, взаимодействующих с такими системами. Можно предположить, что описанный механизм как совокупность определенных характеристик и условий признают самостоятельным субъектом (квазисубъектом). По большому счету это уже будет вопросом конвенционального выбора термина.

При этом анализ юридической литературы³⁹ и судебной практики показывает, что вопросы, связанные с самостоятельностью систем ИИ, их автономностью и ответственностью, а также возможностью/невозможностью признаваться авторами/соавторами (или изобретателями/соизобретателями), не утрачивают актуальности⁴⁰. Кроме того, социальное регулирование в сфере ИИ должно учитывать правила создания и применения ИИ, тонко настроенные на этические нормы⁴¹ и направленные на безопасное, справедливое и ответственное использование таких систем. Следует сделать акцент на таких уже выявленных проблемах, как проявления дискриминации и предвзятости ИИ. Например, в 2018 г. стало известно, что алгоритм найма, разработанный Amazon⁴², демонстрировал предвзятое отношение к женщинам, так как обучался на данных, где преобладали резюме

мужчин. Контроль за процессом создания и функционирования систем ИИ должен выявлять признаки усиления или воспроизведения социальных, гендерных, расовых и других видов предвзятости. Важно обеспечить проведение регулярных проверок алгоритмов на наличие скрытых предрассудков. Особое внимание необходимо уделить обеспечению справедливого, без ущемления прав отдельных групп пользователей доступа к этим технологиям.

Выводы

Цифровая предпринимательская среда основывается на социальной регуляции, состоящей из различного вида инструментов: нормативно-правовых, технических, этических и саморегулирования. Поэтому признания отдельного лица правосубъектным в целом, без выполнения условий доступа к цифровой среде явно недостаточно. Развитие категории правосубъектности под влиянием фактора цифровизации общественной жизни связано с интеграцией технологических и правовых подходов, отражающих динамику правосубъектности.

Накопление эмпирических наблюдений за развитием цифровых технологий и расширением сфер их применения повлечет за собой как

³⁸ Или юнита искусственного интеллекта в концепции, изложенной П. М. Морхатом (*Морхат П. М.* Указ. соч.). Об этом также см.: *Вавилин Е. В.* Статус искусственного интеллекта: от объекта к субъекту правовых отношений // Вестник Томского государственного университета. Право. 2022. № 45. С. 147–158.

³⁹ Например: *Морхат П. М.* Указ. соч. ; *Карцхия А. А.* Правовая охрана достижений искусственного интеллекта // Интеллектуальная собственность. Авторское право и смежные права. 2024. № 4. С. 4–16 ; *Crouch D. D.* Legal Fictions and the Corporation as an Inventive Artificial Intelligence (January 11, 2022). Forthcoming Chapter in Research Handbooks on Intellectual Property and Artificial Intelligence (R. Abbott, ed., University of Missouri School of Law Legal Studies Research Paper 2022-04) // URL: <https://ssrn.com/abstract=4081569> ; *Hao Y.* The Rise of ‘Centaur’ Inventors: How Patent Law Should Adapt to the Challenge to Inventorship Doctrine by Human-AI Inventing Synergies (August 10, 2022) // Journal of The Patent and Trademark Office Society. 2024. 104. 71. URL: <https://ssrn.com/abstract=4186684> ; <http://dx.doi.org/10.2139/ssrn.4186684> ; *Singye J. U. S.* Inventorship in the Age of AI: The Crucial Role of Human Conception (May 10, 2024) // URL: <https://ssrn.com/abstract=5052069> ; <http://dx.doi.org/10.2139/ssrn.5052069> (дата обращения: 07.03.2025).

⁴⁰ По известному делу Талера (Thaler) в настоящий момент согласуются позиции Верховного суда Великобритании в отношении изобретений, созданных с помощью ИИ, с решениями судов США, Европы, Австралии и Канады по аналогичным заявлениям, закрепляя глобальную позицию о том, что автономный ИИ не может быть признан независимым изобретателем (*Thaler v. Hirshfeld (USA, 2022)* ; *Thaler v. Comptroller-General of Patents, Designs and Trademarks (UK, 2023)*).

⁴¹ В Российской Федерации разработан Кодекс этики в сфере искусственного интеллекта // URL: <https://ethics.a-ai.ru/> (дата обращения: 03.03.2025). Об этом см.: *Василевская Л. Ю.* Кодекс этики для искусственного интеллекта: юридический миф и реальность // Гражданское право. 2023. № 2. С. 19–22.

⁴² URL: <https://www.reuters.com/article/world/insight-amazon-scraps-secret-ai-recruiting-tool-that-showed-bias-against-women-idUSKCN1MK0AG/> (дата обращения: 03.03.2025).

пересмотр классического понимания категории правосубъектности и, возможно, формирование гибридной правосубъектности (квазисубъектности) для отдельных цифровых образований, так и расширение субъектного состава правоотношений.

Субъекты предпринимательской деятельности, руководствуясь собственными интересами, могут не только осуществлять свою деятельность в цифровой среде, сохраняя традиционные организационно-правовые формы, но и полностью вести бизнес в цифровом формате.

По сути, в настоящее время теоретически вопрос правосубъектности должен быть решен с учетом как минимум одного важного фактора: в цифровой предпринимательской среде действуют юридические лица в традиционных организационно-правовых формах, используя

щие цифровые технологии в отдельных сферах своей деятельности; «технологические гиганты» (иначе их называют Web2-организациями); цифровые коллективные децентрализованные формирования (сообщества), как правило основанные на технологии блокчейн (Web3-организации).

Другими словами, в цифровой предпринимательской среде правосубъектность становится расширенной, гибридной и динамической. В нее могут включаться автономные системы, цифровые платформы, децентрализованные организации и пользователи с изменяемым статусом. Социальное регулирование, построенное на сочетании права, технических норм и саморегулирования, размывает традиционные границы субъектов права, создавая новые формы правового взаимодействия.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

- Алексеев С. С. Общая теория права : в 2 т. Т. 2. М., 1982.
- Андреев В. К. Динамика правового регулирования применения искусственного интеллекта // Журнал российского права. 2020. № 3. С. 58–68. DOI: 10.12737/jrl.2020.030.
- Бахтеев Д. В. Правовой статус систем искусственного интеллекта и модели дифференциации юридической ответственности за причиненный ими вред // Lex russica. 2024. Т. 77. № 4. С. 9–23. DOI: 10.17803/1729-5920.2024.209.4.009-023.
- Богданов Е. В., Богданова Е. Е., Богданов Д. Е. Проблема правосубъектности прекращенного юридического лица // Гражданское право. 2016. № 4. С. 29–32.
- Братусь С. Н. Субъекты гражданского права. М., 1950.
- Бурьянова Е. И. Условия, определяющие правосубъектность индивида (общетеоретический аспект) : автореф. дис. ... канд. юрид. наук. Волгоград, 2006.
- Вавилин Е. В. Статус искусственного интеллекта: от объекта к субъекту правовых отношений // Вестник Томского государственного университета. Право. 2022. № 45. С. 147–158.
- Вавилин Е. В. Трансформация гражданско-правовых и процессуальных отношений с использованием искусственного интеллекта: формирование новых правовых режимов // Проблемы гражданского процесса. 2021. № 6. С. 13–35.
- Василевская Л. Ю. Кодекс этики для искусственного интеллекта: юридический миф и реальность // Гражданское право. 2023. № 2. С. 19–22.
- Витрук Н. В. Основы теории правового положения личности в социалистическом обществе. М. : Наука, 1977.
- Долгов С. Ф. Правовой обычай: современный взгляд на понятие // Ученые записки Крымского федерального университета имени В.И. Вернадского. Серия «Юридические науки». 2022. Т. 8. № 3. С. 31–36.
- Долинская В. В. Проблемы частноправовой квалификации и систематизации объектов интеллектуальных прав // Законы России: опыт, анализ, практика. 2021. № 5. С. 25–36.
- Карцхия А. А. Правовая охрана достижений искусственного интеллекта // Интеллектуальная собственность. Авторское право и смежные права. 2024. № 4. С. 4–16.
- Красавчиков О. А. Гражданская правосубъектность как правовая форма // Правовые проблемы гражданской правосубъектности : межвузовский сборник научных трудов. Вып. 62. Свердловск, 1978. С. 11–19.
- Матузов Н. И. Субъективные права граждан СССР. Саратов, 1966.
- Мицкевич А. В. Избранное. М. : Институт законодательства и сравнительного правоведения при Правительстве РФ, 2010.

- Морхат П. М.* Правосубъектность искусственного интеллекта в сфере права интеллектуальной собственности: гражданско-правовые проблемы : автореф. дис. ... д-ра юрид. наук. М., 2018.
- Новоселова Л. А., Полежаев О. А.* О правовом режиме объектов гражданских прав, выраженных в цифровых активах // Закон. 2020. № 11. С. 165–172.
- Общая теория права : учебник / под ред. А. С. Пиголкина. М., 1995.
- Поляков А. В.* Общая теория права: Феноменолого-коммуникативный подход : курс лекций. 2-е изд., доп. СПб. : Юридический центр-Пресс, 2003.
- Харитонова Ю. С.* Обычай в регулировании отношений с использованием цифровых платформ // Право и бизнес. 2024. № 2. С. 2–9.
- Черданцев А. Ф.* Специфика правового отражения // Правоведение. 1973. № 2. С. 100–108.
- Чеховская С. А.* К вопросу о правовом статусе систем искусственного интеллекта // Субъект права: стабильность и динамика правового статуса в условиях цифровизации : сборник научных трудов / под общ. ред. Д. А. Пашенцева, М. В. Залоило. М. : Инфотропик Медиа, 2021. С. 122–135.
- Чеховская С. А.* Права на цифровые активы // Права человека в информационной сфере в условиях цифровизации : науч.-практ. пособие / Н. С. Волкова, А. С. Емельянов, А. А. Ефремов [и др.] ; отв. ред. Л. К. Терещенко. М. : Институт законодательства и сравнительного правоведения при Правительстве РФ, 2023. С. 140–151.
- Шнаббутдинова А. Л.* Правосубъектность и реализация права : автореф. дис. ... канд. юрид. наук. Казань, 2011.
- Яковлев В. Ф.* Отраслевой метод регулирования и гражданская правосубъектность // Правовые проблемы гражданской правосубъектности : межвузовский сборник научных трудов. Вып. 62. Свердловск, 1978. С. 27–44.
- Borgogno O., Martino E. D.* Decentralised Autonomous Organizations: Targeting the Potential Beyond the Hype (January 12, 2024) // European Banking Institute Working Paper Series 161 ; Amsterdam Law School Research Paper № 2024-02 ; Amsterdam Center for Law & Economics, Working Paper No. 2024-01. URL: <https://ssrn.com/abstract=4692754> ; <http://dx.doi.org/10.2139/ssrn.4692754>.
- Calo R.* Robots in American Law // Legal Studies Research Paper № 2016-04.
- Crouch D. D.* Legal Fictions and the Corporation as an Inventive Artificial Intelligence (January 11, 2022). Forthcoming Chapter in Research Handbooks on Intellectual Property and Artificial Intelligence (R. Abbott, ed., University of Missouri School of Law Legal Studies Research Paper 2022-04) // URL: <https://ssrn.com/abstract=4081569>.
- Data Cooperatives as Catalysts for Collaboration, Data Sharing, and the (Trans)Formation of the Digital Commons (April 8, 2023) / M. M. Bühler, I. Calzada, I. Came [et al.]. DOI: 10.2139/ssrn.4413371.
- Gadoni C. R.* Data Cooperatives in Brazil: Applicability and Property Rights (June 8, 2021) // Revista de Direito e as Novas Tecnologias. São Paulo. n. 11. 2021. URL: <https://ssrn.com/abstract=4048364>; <http://dx.doi.org/10.2139/ssrn.4048364>.
- Genderen R. H.* Do We Need New Legal Personhood in the Age of Robots and AI? // Robotics, AI and the Future of Law / ed. by M. Corrales, M. Fenwick, N. Forgó. Springer Nature Singapore Pte Ltd, 2018. P. 15–55.
- Girish Sh., Avery M.* Data Cooperative: Enabling Meaningful Collective Negotiation of Data Rights for Communities (December 1, 2022). DOI: 10.2139/ssrn.4414473.
- Habib L. V.* The Expansion of the Theory of the Electronic Body (June 23, 2024) // URL: <https://ssrn.com/abstract=4874945> ; <http://dx.doi.org/10.2139/ssrn.4874945>.
- Hao Y.* The Rise of «Centaur» Inventors: How Patent Law Should Adapt to the Challenge to Inventorship Doctrine by Human-AI Inventing Synergies (August 10, 2022) // Journal of The Patent and Trademark Office Society. 2024. 104. 71. URL: <https://ssrn.com/abstract=4186684> ; <http://dx.doi.org/10.2139/ssrn.4186684>.
- Houser K., Bagby J. W.* The Data Trust Solution to Data Sharing Problems (March 5, 2022) // Vanderbilt Journal of Entertainment & Technology Law, Forthcoming 2022. URL: <https://ssrn.com/abstract=4050593> ; <http://dx.doi.org/10.2139/ssrn.4050593>.
- Loveil J.* Legal Aspects of Artificial Intelligence Personhood: Exploring the Possibility of Granting Legal Personhood to Advanced Ai Systems and the Implications for Liability, Rights and Responsibilities (May 10, 2023) // URL: <https://ssrn.com/abstract=4749785>.
- Murawsky M. P., Herman K. E.* Vermont Continues Its Blockchain Play: A Look inside the State's New Legislation // Blank Rome. September 13, 2018. URL: <https://www.blankrome.com/publications/vermont-continues-its-blockchain-play-look-inside-states-new-legislation> (дата обращения: 07.03.2025).

Singye J. U. S. Inventorship in the Age of AI: The Crucial Role of Human Conception (May 10, 2024) // URL: <https://ssrn.com/abstract=5052069> ; <http://dx.doi.org/10.2139/ssrn.5052069> (дата обращения: 07.03.2025).

Solum L. B. Legal Personhood for Artificial Intelligences // North Carolina Law Review. 1992. Vol. 70. P. 1231 ; Illinois Public Law Research Paper No. 09-13. URL: <https://ssrn.com/abstract=1108671>.

Unlocking the Power of Digital Commons: Data Cooperatives as a Pathway for Data Sovereign, Innovative and Equitable Digital Communities / M. M. Bühler, I. Calzada, I. Came [et al.]. DOI: 10.20944/preprints202304.0130.v1.

REFERENCES

Alekseev SS. General Theory of Law: in 2 volumes. Vol. 2. Moscow, 1982. (In Russ.).

Andreev VD. Dynamics of Regulating Artificial Intelligence. *Journal of Russian Law*. 2020;3:58-68. (In Russ.). DOI: 10.12737/jrl.2020.030.

Bakhteev DV. The Legal Status of Artificial Intelligence Systems and Models of Differentiation of Legal Liability for Damage Caused by them. *Lex russica*. 2024;77(4):9-23. (In Russ.). DOI: 10.17803/1729-5920.2024.209.4.009-023.

Bogdanov EV, Bogdanova EE, Bogdanov DE. Problem of legal personality of a terminated legal entity. *Civil Law*. 2016;4:29-32. (In Russ.).

Borgogno O, Martino ED. Decentralised Autonomous Organizations: Targeting the Potential Beyond the Hype (12 January 2024). *European Banking Institute Working Paper Series 161. Amsterdam Law School Research Paper № 2024-02. Amsterdam Center for Law & Economics, Working Paper No. 2024-01*, doi: 10.2139/ssrn.4692754. Available at: <https://ssrn.com/abstract=4692754>. [Accessed 09.12.2025].

Bratus SN. Civil Law Subjects. Moscow; 1950. (In Russ.).

Bühler M. M., Calzada I., Came I. et al. Data Cooperatives as Catalysts for Collaboration, Data Sharing, and the (Trans)Formation of the Digital Commons. Preprint. 8 April 2023. Available at SSRN: <https://ssrn.com/abstract=4413371>.

Bühler MM, Calzada I, Came I, et al. Data cooperatives as catalysts for collaboration, data sharing, and the (trans)formation of the digital commons. Preprint. 7 April 2023, doi: 10.20944/preprints202304.0130.v1.

Buryanova EI. Conditions that determine the legal personality of an individual (general theoretical aspect). Cand. Sci. (Law) Diss. Author's Abstract. Volgograd; 2006. (In Russ.).

Calo R. Robots in American Law. Legal Studies Research Paper № 2016-04.

Chekhovskaya SA. Digital Asset Rights. In: Volkoba NS, Emelyanov AC, Efremov AA, et al. Tereshchenko LK (ed.). *Human rights in the information sphere in the context of digitalization*. Moscow: Institute of Legislation and Comparative Law under the Government of the Russian Federation; 2023. (In Russ.).

Chekhovskaya SA. On the issue of the legal status of artificial intelligence systems. In: Pashentsev DA, Zaloilo MV (ed.). *Subject of law: stability and dynamics of legal status in the context of digitalization: collection of scientific works*. Moscow: Infotropic Media Publ.; 2021. (In Russ.).

Cherdantsev AF. Specifics of legal reflection. *Pravovedenie*. 1973;2:100-108. (In Russ.).

Crouch DD. Legal Fictions and the Corporation as an Inventive Artificial Intelligence (January 11, 2022). Forthcoming Chapter in Research Handbooks on Intellectual Property and Artificial Intelligence (R. Abbott, ed.). University of Missouri School of Law Legal Studies Research Paper 2022-04. Available at: <https://ssrn.com/abstract=4081569>.

Dolgov SF. Legal custom: a modern view of the concept. *Scientific notes of V. I. Vernadsky crimean federal university. Juridical science*. 2022;8(74)3:31-36. (In Russ.).

Dolinskaya VV. Objects of Intellectual Property Rights: Problems of Private Legal Qualification and Systematization. *Zakony Rossii: opyt, analiz, praktika*. 2021;5:25-36. (In Russ.).

Gadoni CR. Data Cooperatives in Brazil: Applicability and Property Rights. 8 June 2021. *Revista de Direito e as Novas Tecnologias. São Paulo*. N. 11. 2021. Available at: <https://ssrn.com/abstract=4048364>; <http://dx.doi.org/10.2139/ssrn.4048364>.

Genderen RH. Do We Need New Legal Personhood in the Age of Robots and AI? In: Corrales M, Fenwick M, Forgó N (eds.). *Robotics, AI and the Future of Law*. Springer Nature Singapore Pte Ltd; 2018.

Girish Sh, Avery M. Data Cooperative: Enabling Meaningful Collective Negotiation of Data Rights for Communities. 1 December 2022. DOI: 10.2139/ssrn.4414473. Available at SSRN: https://papers.ssrn.com/sol3/papers.cfm?abstract_id=4414473.

Habib LV. The Expansion of the Theory of the Electronic Body. 23 June 2024. DOI: 10.2139/ssrn.4874945 Available at SSRN: <https://ssrn.com/abstract=4874945>.

Hao Y. The Rise of «Centaur» Inventors: How Patent Law Should Adapt to the Challenge to Inventorship Doctrine by Human-AI Inventing Synergies (August 10, 2022). *Journal of The Patent and Trademark Office Society*. 2024;104, p. 71, doi: 10.2139/ssrn.4186684. Available at SSRN: <https://ssrn.com/abstract=4186684>; <http://dx.doi.org/10.2139/ssrn.4186684>.

Houser K, Bagby JW. The Data Trust Solution to Data Sharing Problems. 5 March 2022. *Vanderbilt Journal of Entertainment & Technology Law*, Forthcoming 2022, doi: 10.2139/ssrn.4050593. Available at: <https://ssrn.com/abstract=4050593>.

Kartskhia AA. Legal protection of artificial intelligence achievements. *Intellektualnaya sobstvennost. Avtorskoe pravo i smezhnye prava*. 2024;4:4-16. (In Russ.).

Kharitonova YuS. Custom in the Regulation of Relations with the Use of Digital Platforms. *Law and Business*. 2024;2;2-9. (In Russ.).

Krasavchikov OA. Civil legal personality as a legal form. In: *Legal problems of civil legal personality: interuniversity collection of scientific works*. Issue 62. Sverdlovsk; 1978. (In Russ.).

Lovell J. Legal Aspects of Artificial Intelligence Personhood: Exploring the Possibility of Granting Legal Personhood to Advanced Ai Systems and the Implications for Liability, Rights and Responsibilities. 10 May 2023. Available at: <https://ssrn.com/abstract=4749785>.

Matuzov NI. Subjective rights of citizens of the USSR. Saratov; 1966. (In Russ.).

Mitskevich AV. Selected works. Moscow: Institute of Legislation and Comparative Law under the Government of the Russian Federation; 2010. (In Russ.).

Morkhat PM. Legal personality of artificial intelligence in the field of intellectual property law: civil law problems. Dr. Sci. (Law) Diss. Author's Abstract; 2018.

Murawsky MP, Herman KE. Vermont Continues Its Blockchain Play: A Look inside the State's New Legislation. Blank Rome. 13 September 2018. Available at: <https://www.blankrome.com/publications/vermont-continues-its-blockchain-play-look-inside-states-new-legislation> [Accessed 07.03.2025].

Novoselova LA, Polezhaev OA. On the Legal Regime of Civil Rights Objects Expressed In Digital Assets. *Zakon*. 2020;11:165-172. (In Russ.).

Pigolkin AS (ed.). General Theory of Law. Moscow; 1995. (In Russ.).

Polyakov AV. General theory of law: Phenomenological and communicative approach: course of lectures. 2nd ed. St. Petersburg: Yuridicheskiy tsentr-Publ.; 2003. (In Russ.).

Shngabutdinova AL. Legal personality and realization of the right. Cand. Sci. (Law) Diss. Author's Abstract. Kazan; 2011. (In Russ.).

Singye JUS. Inventorship in the Age of AI: The Crucial Role of Human Conception. 10 May 2024, doi: 10.2139/ssrn.5052069. Available at: <https://ssrn.com/abstract=5052069> [Accessed 07.03.2025].

Solum LB. Legal Personhood for Artificial Intelligences. *North Carolina Law Review*. 1992;70:1231. *Illinois Public Law Research Paper No. 09-13*. Available at: <https://ssrn.com/abstract=1108671>.

Vasilevskaya LYu. The Code of Ethics for Artificial Intelligence: A Legal Myth and Reality. *Civil Law*. 2023;2:19-22. (In Russ.). DOI: 10.18572/2070-2140-2023-2-19-22.

Vavilin EV. The status of artificial intelligence: from object to the subject of legal relations. *Vestnik Tomskogo gosudarstvennogo universiteta. Pravo — Tomsk State University Journal of Law*. 2022;45:147-158. (In Russ.). DOI: 10.17223/22253513/45/10.

Vavilin EV. Transformation of Civil Legal and Procedural Relations with the Use of Artificial Intelligence: the Formation of New Legal Regimes. *Herald of Civil Procedure*. 2021;6:13-35. (In Russ.).

Vitruk NV. *Fundamentals of the theory of the legal status of a person in a socialist society*. Moscow; Nauka Publ.; 1977. (In Russ.).

Yakovlev VF. Sectoral method of regulation and civil legal personality. *Legal problems of civil legal personality: interuniversity collection of scientific works*. Issue 62. Sverdlovsk, 1978. (In Russ.).

ИНФОРМАЦИЯ ОБ АВТОРЕ

Чеховская Светлана Алексеевна, кандидат юридических наук, ведущий научный сотрудник Центра частного права Института законодательства и сравнительного правоведения при Правительстве Российской Федерации
д. 34, Б. Черемушкинская ул., г. Москва 117218, Российская Федерация
sch66@mail.ru

INFORMATION ABOUT THE AUTHOR

Svetlana A. Chekhovskaya, Cand. Sci. (Law), Senior Researcher, Centre for Private Law, Institute of Legislation and Comparative Law under the Government of the Russian Federation, Moscow, Russian Federation
sch66@mail.ru

Материал поступил в редакцию 14 марта 2024 г.

Статья получена после рецензирования 11 апреля 2025 г.

Принята к печати 15 ноября 2025 г.

Received 14.03.2024.

Revised 11.04.2025.

Accepted 15.11.2025.

О. В. Шмалий
М. В. Пресняков
С. Е. Чаннов

Российская академия народного хозяйства
и государственной службы
при Президенте Российской Федерации
г. Москва, Российская Федерация

Отстранение от должности как обеспечительная мера по делам о привлечении к ответственности служащих за коррупционные правонарушения

Резюме. Неотвратимость дисциплинарной ответственности — важное условие обеспечения ее эффективности по делам о совершении государственными и муниципальными служащими коррупционных правонарушений. Под неотвратимостью применительно к данной категории дел следует понимать не обязательность применения мер дисциплинарного взыскания, а обязательность возбуждения дисциплинарного производства и объективное установление всех обстоятельств по ним. Одним из механизмов, призванных обеспечить достижение указанной цели, является временное отстранение служащего, в отношении которого осуществляется дисциплинарное производство, от исполнения должностных обязанностей. Анализ законодательства показывает, что на разных видах государственной и муниципальной службы используются различные подходы к закреплению оснований и порядка отстранения, а также его сроков. Иногда возможность отстранения увязывается с проведением служебной проверки, в других случаях этого не происходит. Ситуация осложняется еще и тем, что российское служебное законодательство отдельно выделяет проверку, проводимую по делам о коррупционных правонарушениях, при этом ее четкое разграничение либо отождествление со служебной проверкой отсутствует. В результате применение рассматриваемой обеспечительной меры может становиться затруднительным. На некоторых видах службы возникают и проблемы, связанные с недостаточно длительным сроком проверок. Предлагается зафиксировать во всех законодательных актах о государственной и муниципальной службе, что проверка по делам о коррупционных правонарушениях представляет собой разновидность служебной проверки, обладающую отличительными особенностями (в частности, сроками проведения).

Ключевые слова: дисциплинарная ответственность; государственная служба; муниципальная служба; противодействие коррупции; отстранение от должности; коррупционное правонарушение; служебная проверка; антикоррупционная проверка

Для цитирования: Шмалий О. В., Пресняков М. В., Чаннов С. Е. Отстранение от должности как обеспечительная мера по делам о привлечении к ответственности служащих за коррупционные правонарушения. *Lex russica*. 2025. Т. 78. № 12. С. 118–127. DOI: 10.17803/1729-5920.2025.229.12.118-127

Благодарности. Статья подготовлена в рамках выполнения научно-исследовательской работы государственного задания РАНХиГС «Повышение эффективности системного функционирования административно-правовых механизмов противодействия коррупции на государственной гражданской и муниципальной службе» № 12.6-2025-1.

Suspension from Office as an Interim Measure in Cases Involving the Prosecution of Employees for Corruption Offenses

Oksana V. Shmaliy
Mikhail V. Presnyakov
Sergey E. Channov

Russian Presidential Academy
of National Economy and Public Administration
Moscow, Russian Federation

Abstract. The inevitability of disciplinary liability is an important condition for ensuring its effectiveness in cases of corruption offenses committed by state and municipal employees. The inevitability of this category of cases should be understood not as the obligation to apply disciplinary measures, but as the obligation to initiate disciplinary proceedings and objectively establish all the circumstances surrounding them. One of the mechanisms designed to ensure the achievement of this goal is the temporary suspension of an employee in respect of whom disciplinary proceedings are being conducted from the performance of official duties. An analysis of the legislation shows that different types of government and municipal services use different approaches to fixing the grounds and procedure for suspension, as well as its terms. In some situations, the possibility of suspension is linked to an internal audit; in others it is not done. The situation is further complicated by the fact that Russian official legislation separately identifies an audit conducted in cases of corruption offenses, while there is no clear distinction or identification with an official inspection. As a result, the application of the interim measure in question becomes difficult in some cases. In some types of service, there are also problems related to the insufficiently long period of audits. It is proposed to fix in all legislative acts on state and municipal service that the audit of cases of corruption offenses is a type of internal audit, characterized by some features (in particular, timing).

Keywords: disciplinary liability; public service; municipal service; anti-corruption; suspension from office; corruption offense; internal audit; anti-corruption audit

Cite as: Shmaliy OV, Presnyakov MV, Channov SE. Suspension from Office as an Interim Measure in Cases Involving the Prosecution of Employees for Corruption Offenses. *Lex russica*. 2025;78(12):118-127. (In Russ.). DOI: 10.17803/1729-5920.2025.229.12.118-127

Acknowledgements. The paper was prepared as part of the research work of the RANEPА state assignment «Improving the effectiveness of the systemic functioning of administrative and legal mechanisms for combating corruption in the state civil and municipal service», No. 12.6-2025-1.

Введение

В научной литературе неотвратимость юридической ответственности в целом рассматривается в качестве одного из важнейших способов обеспечить ее высокую эффективность¹. С этим мнением можно согласиться с поправкой на то, что однозначным это является только для некоторых видов юридической ответственности, к которым относятся, в частности, административная и уголовная.

В случае дисциплинарной ответственности ситуация складывается несколько сложнее. В трудовых отношениях, на наш взгляд, нельзя говорить о неотвратимости дисциплинарной

ответственности как об универсальном принципе, поскольку поддержание трудовой дисциплины — в конечном счете внутреннее дело работодателя (он может ее поддерживать как применяя дисциплинарные взыскания к правонарушителям, так и освобождая их от них по своему усмотрению, а может и в принципе не поддерживать). На государственной и муниципальной службе ситуация несколько иная: хотя представитель нанимателя, как и работодатель, обычно обладает правом принятия решения о целесообразности наказания, в ряде случаев это право трансформируется в обязанность. В особенности это касается дисциплинарной ответственности за коррупционные правона-

¹ Шавалеев М. В. К вопросу об эффективности принципа неотвратимости юридической ответственности // Вектор науки ТГУ. 2010. № 3. С. 265–266.

рушения. Статья 3 Закона о противодействии коррупции² закрепляет принцип неотвратимости ответственности за подобные действия, что на первый взгляд может интерпретироваться как обязательное назначение соразмерного наказания за каждое коррупционное нарушение, как считает, например, Э. В. Талапина³.

Однако такая позиция представляется излишне категоричной и не вполне соответствующей как букве закона, так и его духу. Более взвешенный подход предлагает Ю. Н. Полетаев⁴. Он акцентирует внимание на обязанности возбуждения дисциплинарного дела по каждому факту нарушения служебной дисциплины, включая коррупционные деяния. Это не означает автоматического назначения наказания, а подразумевает обязательное расследование каждого случая в установленном порядке. Таким образом, принцип неотвратимости ответственности следует понимать не как неминуемое наказание за любое нарушение, а как обязанность провести полное и объективное разбирательство, чтобы установить истину и применить справедливое наказание. Применение же по его итогам дисциплинарных мер должно основываться на учете как тяжести совершенного проступка, так и иных сопутствующих обстоятельств.

В рамках действующего правового регулирования обязательность применения дисциплинарных взысканий за совершение коррупционных правонарушений прямо установлена только для наиболее тяжких из них, список которых прямо предусмотрен законодательством и носит исчерпывающий характер⁵. В случаях же совершения государственным или муниципальным служащим иных коррупционных правонарушений представитель нанимателя

обязан возбудить производство по делу и установить все обстоятельства дела⁶.

Решение задачи неотвратимости дисциплинарной ответственности может обеспечиваться использованием различных юридических средств. Собственно, базовым выступает сам императивный характер правовых норм, закрепляющих обязательное реагирование на факты, свидетельствующие о нарушении государственным или муниципальным служащим антикоррупционных требований. Однако отреагировать на конкретную ситуацию мало. Необходимо провести предусмотренные законодательством проверки и установить не только факт совершения служащим коррупционного правонарушения, но и его тяжесть, наличие вины, иные существенные обстоятельства. При этом сам служащий, в отношении которого проверочные мероприятия проводятся, может пассивно (например, уклоняясь от дачи пояснений) либо активно (например, путем уничтожения доказательств) препятствовать этому.

На противодействие всему этому направлены сформированные в российском законодательстве правовые меры, которые могут быть названы обеспечительными.

Основная часть

Обеспечительные меры имеют своей целью обеспечение неотвратимости дисциплинарного воздействия в ситуациях, когда лицо-нарушитель (или некоторые другие лица) предпринимает попытки избежать привлечения к дисциплинарной ответственности. Такой мерой, используемой на всех без исключения видах государственной и муниципальной службы,

² Федеральный закон от 25.12.2008 № 273-ФЗ «О противодействии коррупции» // СЗ РФ. 2008. № 52 (ч. I). Ст. 6228.

³ Талапина Э. В. Комментарий к законодательству Российской Федерации о противодействии коррупции (постатейный). М. : Волтерс Клувер, 2010.

⁴ Полетаев Ю. Н. Правовое положение государственных гражданских служащих в сфере труда. М. : Городец, 2005.

⁵ Ст. 59.2 Федерального закона от 27.07.2004 № 79-ФЗ «О государственной гражданской службе Российской Федерации» // СЗ РФ. 2004. № 31. Ст. 3215 (далее — Закон о гражданской службе); ст. 82.1 Федерального закона от 30.11.2011 № 342-ФЗ «О службе в органах внутренних дел Российской Федерации и внесении изменений в отдельные законодательные акты Российской Федерации» // СЗ РФ. 2011. № 49 (ч. I). Ст. 7020 (далее — Закон о службе в ОВД); ст. 29.2 Федерального закона от 21.07.1997 № 114-ФЗ «О службе в таможенных органах Российской Федерации» // СЗ РФ. 1997. № 30 ст. 3586 и др.

⁶ Об этом, в частности, свидетельствует письмо Минтруда России от 15.04.2022 № 28-6/10/П-2479 «Об актуализации Обзора практики привлечения к ответственности государственных (муниципальных) служ-

является временное отстранение служащего от должности.

Институт временного отстранения работника от работы — неотъемлемая часть российского трудового законодательства, призванная обеспечить безопасность труда и предотвратить нарушения законодательства⁷. Его применение регулируется статьей 76 Трудового кодекса РФ⁸, другими нормативными актами и основано на принципе презумпции безопасности. Работодатель обязан создать безопасные условия труда, и временное отстранение — одна из мер, гарантирующих выполнение этой обязанности. Цель процедуры — не наказать работника, а предотвратить возможный вред как для самого сотрудника, так и для окружающих, а также избежать нанесения ущерба имуществу организации.

Здесь речь идет об отстранении, либо связанном с возникновением обстоятельств, делающих продолжение выполнения работником трудовой функции опасным для себя или третьих лиц (нарушение правил охраны труда, наличие медицинских противопоказаний, нахождение в ситуации алкогольного опьянения и др.), либо обусловленном прямым запретом законодательства (несоблюдение требований привлечения к трудовой деятельности иностранных граждан и лиц без гражданства, дисквалификация спортсмена, приостановление действия специального права работника и т.п.). Служебному законодательству некоторые из этих случаев также известны, однако, помимо них, оно допускает и иные основания для отстранения служащего от должности.

Так, ряд актов, регулирующих прохождение государственной и муниципальной службы, предусматривают возможность (но не обязательность) отстранения от должности служащего, совершившего дисциплинарный проступок до решения вопроса о применении к нему дисциплинарного взыскания⁹. В некоторых других нормативных актах говорится об отстранении сотрудников, допустивших нарушение должностных обязанностей (то есть, по сути, также дисциплинарные проступки), например такая формулировка использована в ч. 6 ст. 18 Закона о службе в таможенных органах РФ. Для ряда видов государственной службы отстранение допускается при привлечении к дисциплинарной ответственности, лишь если служащий допустил грубый дисциплинарный проступок¹⁰.

Нужно сказать, что ни в одном из вышеупомянутых нормативных правовых актов законодатель не назвал цели или целей подобного отстранения от исполнения обязанностей. А. Н. Павленко, позицию которой, безусловно следует поддержать, применительно к муниципальной службе указывает, что отстранение от замещаемой должности может преследовать цель предотвращения препятствий со стороны муниципального служащего, в отношении которого проводится проверка, расследованию правонарушения (сокрытие доказательств, свидетельствующих о совершении проступка, и др.)¹¹. При коррупционных правонарушениях, на наш взгляд, отстранение от должности может быть направлено на достижение еще одной цели — недопущение извлечения служащим

жащих за несоблюдение ограничений и запретов, неисполнение обязанностей, установленных в целях противодействия коррупции» // СПС «КонсультантПлюс».

⁷ Серебрякова Е. А., Ситникова Е. Г. Трудовой договор с иностранцем: от заключения до прекращения. М. : Редакция «Российской газеты», 2017. С. 85.

⁸ СЗ РФ. 2002. № 1 (ч. I). Ст. 3.

⁹ См., например: ч. 7 ст. 59 Закона о гражданской службе ; ч. 2 ст. 27 Федерального закона от 02.03.2007 № 25-ФЗ «О муниципальной службе в Российской Федерации» // СЗ РФ. 2007. № 10. Ст. 1152 ; ч. 9 ст. 28 Федерального закона от 28.12.2010 № 403-ФЗ «О Следственном комитете Российской Федерации» // СЗ РФ. 2011. № 1. Ст. 15 ; ч. 9 ст. 41.7 Федерального закона от 17.01.1992 № 2202-1 «О прокуратуре Российской Федерации» // Ведомости СНД РФ и Верховного Совета РФ. 1992. № 8. Ст. 366.

¹⁰ См., например: п. 2 ч. 2 ст. 73 Закона о службе в ОВД ; п. 2 ч. 2 ст. 74 Федерального закона от 23.05.2016 № 141-ФЗ «О службе в федеральной противопожарной службе Государственной противопожарной службы и внесении изменений в отдельные законодательные акты Российской Федерации» // СЗ РФ. 2016. № 22. Ст. 3089 ; п. 2 ч. 2 ст. 71 Федерального закона от 01.10.2019 № 328-ФЗ «О службе в органах принудительного исполнения Российской Федерации и внесении изменений в отдельные законодательные акты Российской Федерации» // СЗ РФ. 2019. № 40. Ст. 5488.

¹¹ Павленко А. Н. Отстранение муниципального служащего от исполнения должностных обязанностей // Муниципальная служба: правовые вопросы. 2022. № 3. С. 4.

коррупционной выгоды из сложившейся ситуации. Наиболее ярким примером здесь видится ситуация конфликта интересов, в связи с которой служебное законодательство в некоторых актах отдельно выделяет процедуру отстранения от должности на период урегулирования конфликта интересов¹².

Таким образом, институт отстранения государственного либо муниципального служащего от должности при совершении им дисциплинарного проступка преследует цель обеспечения надлежащего расследования факта и обстоятельств нарушения служебной дисциплины, что позволяет его рассматривать в том числе как обеспечительную меру в дисциплинарном производстве¹³.

Вопрос заключается в следующем: можно ли применить это к делам о привлечении служащих к ответственности именно за коррупционные правонарушения? При ответе на него необходимо учитывать два фактора, усложняющих ситуацию: 1) неопределенность в понимании коррупционных правонарушений как дисциплинарных проступков; 2) различия в подходах к дисциплинарным процедурам, которые направлены на привлечение к ответственности, на разных видах службы.

Что касается первого из них, то он обусловлен тем, что, введя в служебное законодательство понятие коррупционного правонарушения и предусмотрев за их совершение практически такие же взыскания, как и за дисциплинарные проступки, а также установив крайне сходную (но не одинаковую) процедуру их наложения, законодатель нигде прямо не определил, является ли коррупционное правонарушение дисциплинарным проступком или нет. Вместе с тем при желании можно привести многочисленные доводы как за, так и против каждой позиции. Представляется, что подробное рассмотрение данного вопроса выходит за рамки статьи, поэтому лишь отметим, что ранее мы его уже затрагивали¹⁴ и пришли к выводу, что коррупционные правонарушения более правильно

рассматривать всё же как разновидность дисциплинарных проступков. Поэтому далее здесь будем исходить из этого тезиса.

Второй сложностью, как уже было отмечено выше, выступает наличие различных процедур дисциплинарного производства за совершение коррупционных правонарушений.

Закон о муниципальной службе в РФ в ч. 2 ст. 27 закрепляет возможность временного отстранения муниципального служащего от исполнения обязанностей на срок не более одного месяца в случае привлечения его к дисциплинарной ответственности. Закон не делает различий между «обычными» дисциплинарными проступками и коррупционными деяниями в контексте применения этой обеспечительной меры. Это означает, что временное отстранение может быть применено как при нарушении правил внутреннего распорядка (например, опоздания, невыполнение служебных поручений), так и при выявлении факта коррупционного правонарушения.

Однако ситуация принципиально отличается на государственной гражданской службе, регулируемой Законом о гражданской службе. Часть 7 ст. 59 этого Закона позволяет временно отстранить гражданского служащего от должности «на время проведения служебной проверки». Это ключевое различие: на муниципальной службе основанием для отстранения является само привлечение к дисциплинарной ответственности, а на государственной гражданской службе — начало служебной проверки.

Однако служебная проверка, являющаяся основанием для отстранения в случае «обычных» дисциплинарных проступков, не проводится при рассмотрении вопросов о коррупционных правонарушениях. Правда, часть 1 ст. 59.3 того же Закона предусматривает необходимость проведения проверки для решения вопроса о применении взысканий за коррупционные правонарушения, однако данная проверка нигде не называется служебной; различаются также основания назначения данных проверок, круг лиц, которые их проводят, об-

¹² См., например: ч. 3 ст. 14.1 Закона о муниципальной службе в РФ ; п. 3 ч. 2 ст. 73 Закона о службе в ОВД ; п. 3 ч. 2 ст. 71 Закона о службе в органах принудительного исполнения РФ.

¹³ В подтверждение данной позиции можно отметить, что временное отстранение от исполнения должностных и (или) специальных обязанностей прямо названо в качестве обеспечительной меры в рамках дисциплинарного производства в ст. 51 Дисциплинарного устава Вооруженных Сил РФ (утв. Указом Президента РФ от 10.11.2007 № 1495 // СПС «КонсультантПлюс»).

¹⁴ *Добробаба М. Б., Чаннов С. Е.* Ответственность государственных служащих за коррупционные правонарушения: проблемы оптимизации модели // Журнал российского права. 2021. № 11. С. 90–94.

стоятельства, которые подлежат установлению в их ходе, и т.д.¹⁵

Соответственно, отстранить гражданского служащего от должности на период решения вопроса о наложении на него взыскания за совершение коррупционного правонарушения согласно ч. 7 ст. 59 не получится. Учитывая это, законодатель предусмотрел отдельную группу оснований временного отстранения гражданского служащего от должности при проведении проверочных мероприятий, связанных с возможным совершением коррупционных правонарушений, поместив их в ст. 32 Закона о гражданской службе.

Собственно, само по себе наличие данных норм в Законе о гражданской службе свидетельствует о том, что проверка, проводимая в рамках ч. 1 ст. 59.3 этого Закона, не является служебной проверкой, в противном случае в них просто не было бы необходимости: отстранение могло бы быть произведено по ч. 7 ст. 59. Стоит отметить, что и некоторые другие акты, регулирующие вопросы привлечения государственных служащих к дисциплинарной ответственности, отдельно выделяют основания временного отстранения от должности при проведении каждой из них¹⁶.

Таким образом, и на гражданской, и на муниципальной службе при всем различии подходов временно отстранить служащего от должности на период решения вопроса о привлечении его к ответственности за совершение коррупционного правонарушения возможно. А вот на некоторых других видах государственной службы могут возникнуть некоторые сложности.

Так, законодательство РФ, регламентирующее службу в органах внутренних дел (ОВД), предусматривает механизмы контроля за деятельностью сотрудников, включая временное отстранение от службы. Основанием для такого отстранения может быть назначение служебной проверки, проводимой в случае предпо-

лагаемого грубого нарушения служебной дисциплины. При этом Закон о службе в ОВД четко дифференцирует служебную проверку (ст. 52) и антикоррупционную проверку (ст. 51.1), проводимую при наложении взысканий за коррупционные правонарушения.

Ключевое различие заключается в их целях. Служебная проверка, согласно ч. 1 ст. 52 Закона о службе в ОВД, проводится для выяснения причин, характера и обстоятельств совершенного сотрудником дисциплинарного проступка, а также проверки наличия или отсутствия обстоятельств, указанных в ст. 14 этого же Закона. Статья 14, в свою очередь, содержит в том числе ограничения антикоррупционного характера, отсылая к Закону о противодействии коррупции, а также ст. 17, 18 и 20 Закона о гражданской службе. Таким образом, служебная проверка в ОВД может затрагивать и аспекты противодействия коррупции, если действия сотрудника потенциально связаны с коррупционными деяниями¹⁷.

Возможны два варианта истолкования вышеприведенных норм в их совокупности. Первый: проверка, проводимая в порядке ч. 2 ст. 51.1 Закона о службе в ОВД, является разновидностью служебной проверки. Само по себе, правда, такое разночтение в вопросе о сущности проверки, проводимой при привлечении государственного служащего к ответственности за совершение коррупционных правонарушений, на разных видах службы видится нам не самым удачным решением законодателя, однако при таком толковании по крайней мере конструкция, использованная в Законе о службе в ОВД, позволяет достичь цели исключения влияния служащего на всестороннее расследование коррупционного правонарушения.

Однако ведь вполне возможен и другой вариант: статья 14 Закона о службе в ОВД представляет собой перечень всех ограничений, препятствующих поступлению на службу

¹⁵ В ряде правовых документов федеральных органов исполнительной власти данные проверки именуются антикоррупционными именно с целью их отграничения от служебных (см., например: письмо Минтруда России от 15.04.2022 № 28-6/10/П-2479 ; приказ Росреестра от 25.11.2022 № П/0455 «О Доске почета Федеральной службы государственной регистрации, кадастра и картографии» // Официальный интернет-портал правовой информации. URL: www.pravo.gov.ru. 1 марта 2023 г. ; приказ Росаккредитации от 15.11.2023 № 201 «О Доске почета Федеральной службы по аккредитации» // Официальный интернет-портал правовой информации. URL: www.pravo.gov.ru. 22 декабря 2023 г.).

¹⁶ См., например: п. 5 приложения № 6 к Дисциплинарному уставу Вооруженных Сил РФ.

¹⁷ Так же как и на службе в ОВД, рассматриваемый вопрос решен и на некоторых других видах государственной службы, связанных с осуществлением правоохранительной деятельности.

и дальнейшему прохождению службы в ОВД, как связанных с противодействием коррупции, так и указанных там по другим соображениям, касающимися профессиональной пригодности кандидатов и сотрудников. Значит, проверка, упоминаемая в ч. 2 ст. 51.1 того же Закона, не охватывает всех случаев несоблюдения ограничений, перечисленных в ст. 14, — она фокусируется исключительно на тех ограничениях, которые непосредственно направлены на противодействие коррупции. Соответственно, указанная проверка, так же как и на гражданской службе, является специфической процедурой, ориентированной исключительно на выявление коррупционных рисков.

Значит, согласованное действие ст. 51.1 и 52 с учетом положений ст. 14 Закона о службе в ОВД может предполагать следующее толкование: если имеет место нарушение ограничений и запретов, не связанных с противодействием коррупции, то это следует квалифицировать как «обычный» дисциплинарный проступок, тогда должна проводиться служебная проверка, предусмотренная статьей 52 (что позволяет отстранить на период ее проведения сотрудника от должности по п. 2 ч. 2 ст. 73 того же Закона). Если же речь идет о несоблюдении ограничений и нарушении запретов, установленных в целях противодействия коррупции, то в действие вступает статья 51.1 и проводится не служебная проверка, а проверка подразделением по профилактике коррупционных и иных правонарушений кадрового подразделения государственного органа. Получается, что Закон не содержит явного указания на возможность отстранения сотрудника от должности.

Второе толкование, на наш взгляд, имеет больше оснований под собой, поскольку соответствует как буквальным нормам Закона о службе в ОВД, так и системному подходу в рамках сопоставления с другими видами государственной службы. Невозможность в его рамках отстранить сотрудника от должности в случае совершения им коррупционного правонарушения, на наш взгляд, совершенно не отвечает целям обеспечения неотвратимости дисциплинарной ответственности в системе государственной службы.

Здесь, правда, необходимо отметить, что вопросы отстранения от должности на период проведения некоторых проверок соблюдения государственных служащими антикоррупционного законодательства регулируются не законами, а подзаконными актами. Например, Положением о проверке достоверности и полноты сведений, представляемых гражданами, претендующими на замещение должностей федеральной государственной службы, и федеральными государственными служащими, и соблюдения федеральными государственными служащими требований к служебному поведению¹⁸ установлено, что государственный служащий может быть отстранен на период проведения такой проверки. Таким образом, сотрудник ОВД (являющийся федеральным государственным служащим) может быть отстранен от должности на период проведения именно указанной проверки. Однако такая возможность предусмотрена для случаев несоблюдения именно отдельных антикоррупционных требований, в целом же проблема здесь существует.

Наконец, несовпадение и одновременно пересечение процедур привлечения к дисциплинарной ответственности за «обычные» дисциплинарные проступки и за коррупционные правонарушения затрагивает еще одну очень важную проблему — сроки отстранения от должности.

Даже исходя из позиции, что сотрудник ОВД может быть отстранен на период служебной проверки при решении вопроса о привлечении его к ответственности за несоблюдение антикоррупционных требований, следует учитывать, что, согласно ч. 4 ст. 52 Закона о службе в ОВД, срок проведения такой проверки ограничен 30 днями (лишь в некоторых случаях он может быть продлен еще на 30).

Между тем проверка факта и обстоятельств совершения коррупционного правонарушения исходя из своей специфики может занимать более длительное время. Это обусловлено объективными сложностями в установлении факта и всех обстоятельств проступка. Неслучайно действующим законодательством о службе в ОВД предусматривается в принципе более длительный пресекательный срок привлечения к

¹⁸ Указ Президента РФ от 21.09.2009 № 1065 «О проверке достоверности и полноты сведений, представляемых гражданами, претендующими на замещение должностей федеральной государственной службы, и федеральными государственными служащими, и соблюдения федеральными государственными служащими требований к служебному поведению» // СЗ РФ. 2009. № 39. Ст. 4588.

дисциплинарной ответственности за коррупционное правонарушение — до шести месяцев с момента поступления информации о его совершении¹⁹.

На других видах государственной службы ситуация со сроками обстоит не лучше. Так, согласно ч. 6 ст. 18 Закона о службе в таможенных органах РФ сотрудник может быть отстранен от исполнения должностных обязанностей при совершении им дисциплинарного проступка на срок не более одного месяца. Аналогичные сроки предусмотрены и Законом о прокуратуре РФ, и Законом о Следственном комитете РФ.

Как уже говорилось выше, на муниципальной службе также допускается временное отстранение служащего от исполнения должностных обязанностей при совершении им дисциплинарного проступка, но не свыше чем на один месяц.

Подобные относительно небольшие сроки в данных законодательных актах вполне объяснимы, поскольку они вводились до включения в соответствующие акты норм, устанавливающих ответственность за коррупционные правонарушения, и закрепления особого порядка привлечения к ответственности в этих случаях. Срок же привлечения к дисциплинарной ответственности за «обычные» (не коррупционные) проступки как раз и составляет один месяц с момента обнаружения такого проступка. Здесь необходимо учитывать, что целью отстранения от должности в рассматриваемых ситуациях является именно обеспечение объективности проводимой проверки путем исключения влияния на ее результаты со стороны такого государственного или муниципального служащего. Поэтому полагаем неверным связывать возможность отстранения от должности непосредственно с совершением дисциплинарного проступка или коррупционного правонарушения (факт которого и вина в нем служащего, кстати, до проведения проверки еще не могут считаться установленными) и закреплять какой-то абсолютно определенный срок такого отстранения. Данный подход к отстранению государственных служащих от должности, напрямую увязывающий его с совершением дисциплинарного проступка или коррупционного правонарушения, видится некорректным. Более целесообразным представляется отстранение от должности

исключительно на период проведения служебной проверки. Максимальный же срок такого отстранения будет определяться предельными сроками, установленными для ее проведения.

И вот здесь мы опять возвращаемся к проблеме наличия двух принципиально различных проверок, установленных для привлечения к «обычному» (не коррупционному) дисциплинарному проступку, с одной стороны, и коррупционному правонарушению — с другой. Ранее мы уже отмечали, что процедуры привлечения к дисциплинарной ответственности за совершение «обычных» дисциплинарных проступков и коррупционных правонарушений явно нуждаются в унификации, пусть и с сохранением определенных специальных правил в отношении последних (например, закрепление более длительных сроков привлечения к ответственности)²⁰.

Всё это, по нашему мнению, относится также к процедурам проверки факта и обстоятельств совершения дисциплинарного проступка и коррупционного правонарушения. Тем более что, как мы и показывали в названной выше работе, процедуры этих проверок не имеют кардинальных различий, однако в силу используемой различной терминологии с их проведением могут быть связаны и различные последствия, например в отношении рассматриваемого института временного отстранения от должности.

Заключение

Специфика отдельных видов государственной, а также муниципальной службы объективно не требует таких разночтений в решении вопроса об основаниях временного отстранения государственных и муниципальных служащих от должности на период проведения в отношении них дисциплинарных дел, связанных с нарушением требований антикоррупционного законодательства. Полагаем, что проверке, проводимой при решении вопроса о привлечении к дисциплинарной ответственности (на всех видах государственной службы), необходимо придать статус служебной.

Более того, считаем необходимым на тех видах государственной службы, где проведение такой проверки не предполагается, ввести соот-

¹⁹ Опять же здесь можно обратить внимание, что и вышеупомянутое Положение предусматривает более длительные сроки: 60 дней с возможностью продления до 80 дней.

²⁰ *Добробаба М. Б., Чаннов С. Е. Указ. соч. С. 88–101.*

ветствующий правовой институт, поскольку он отвечает принципу публичности государственной службы как таковой и публичному характеру дисциплинарной ответственности на государственной службе²¹. При условии внесения таких изменений в действующее законодательство можно будет привязать возможность отстранения в рассматриваемых случаях к периоду проведения служебной проверки. При этом ничто

не препятствует установлению для служебной проверки, проводимой по делам о коррупционных правонарушениях, более длительного срока, чем для обычной (так же, как это сделано со сроками привлечения к ответственности за совершение коррупционных правонарушений в принципе: с момента совершения и с момента обнаружения), — 60 дней с возможностью продления еще на 30 при необходимости.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

- Добробаба М. Б., Чаннов С. Е. Ответственность государственных служащих за коррупционные правонарушения: проблемы оптимизации модели // Журнал российского права. 2021. № 11. С. 88–101.
- Павленко А. Н. Отстранение муниципального служащего от исполнения должностных обязанностей // Муниципальная служба: правовые вопросы. 2022. № 3. С. 3–5.
- Полетаев Ю. Н. Правовое положение государственных гражданских служащих в сфере труда. М. : Городец, 2005. 192 с.
- Пресняков М. В. Принцип неотвратимости как необходимое условие эффективности дисциплинарной ответственности на государственной службе и в трудовых отношениях // Современное право. 2022. № 5. С. 56–66.
- Пресняков М. В., Чаннов С. Е. Дисциплинарная ответственность гражданских служащих: проблемы нормативной определенности и справедливой дифференциации // Трудовое право. 2009. № 9. С. 103–110.
- Серебрякова Е. А., Ситникова Е. Г. Трудовой договор с иностранцем: от заключения до прекращения. М. : Ред. «Российской газеты», 2017. 175 с.
- Талапина Э. В. Комментарий к законодательству Российской Федерации о противодействии коррупции (постатейный). М. : Волтерс Клувер, 2010. 178 с.
- Шавалеев М. В. К вопросу об эффективности принципа неотвратимости юридической ответственности // Вектор науки ТГУ. 2010. № 3. С. 265–266.

REFERENCES

- Dobrobaba MB, Channov SE. Responsibility of civil servants for corruption offenses: problems of model optimization. *Zhurnal Rossiyskogo Prava [Journal of Russian Law]*. 2021;11:88-101. (In Russ.).
- Pavlenko AN. The removal of a municipal employee from the performance of official duties. *Munitsipalnaya sluzhba: pravovye voprosy [Municipal service: Legal issues]*. 2022;3:3-5. (In Russ.).
- Poletaev YuN. The legal status of government civil servants in the field of labor. Moscow: Gorodets Publ.; 2005. (In Russ.).
- Presnyakov MV, Channov SE. Disciplinary responsibility of civil servants: Problems of regulatory certainty and fair differentiation. *Trudovoe pravo*. 2009;9:103-110. (In Russ.).
- Presnyakov MV. The principle of inevitability as a necessary condition for the effectiveness of disciplinary responsibility in public service and in labor relations. *Sovremennoe pravo [Modern law]*. 2022;5:56-66. (In Russ.).
- Serebryakova EA, Sitnikova EG. Employment contract with a foreigner: From conclusion to termination. Moscow: Editorial Office of Rossiyskaya Gazeta; 2017. Issue 17. (In Russ.).
- Shavaleev MV. On the issue of the effectiveness of the principle of the inevitability of legal responsibility. *Vektor nauki TGU*. 2010;3:265-266. (In Russ.).
- Talapina EV. Commentary to the legislation of the Russian Federation on combating corruption (article-by-article). Moscow: Volters Kluwer; 2010. (In Russ.).

²¹ Пресняков М. В., Чаннов С. Е. Дисциплинарная ответственность гражданских служащих: проблемы нормативной определенности и справедливой дифференциации // Трудовое право. 2009. № 9. С. 103–110.

ИНФОРМАЦИЯ ОБ АВТОРАХ

Шмалий Оксана Васильевна, доктор юридических наук, профессор, заведующий кафедрой административного и информационного права Института права и национальной безопасности Российской академии народного хозяйства и государственной службы при Президенте Российской Федерации
д. 82, Вернадского пр., г. Москва 119571, Российская Федерация
shmaliy-ov@ranepa.ru

Пресняков Михаил Вячеславович, доктор юридических наук, доцент, ведущий научный сотрудник Научно-экспертного центра Института права и национальной безопасности Российской академии народного хозяйства и государственной службы при Президенте Российской Федерации
д. 82, Вернадского пр., г. Москва 119571, Российская Федерация
m.v.presnyakov@yandex.ru

Чаннов Сергей Евгеньевич, доктор юридических наук, профессор, ведущий научный сотрудник Научно-экспертного центра Института права и национальной безопасности Российской академии народного хозяйства и государственной службы при Президенте Российской Федерации, заведующий кафедрой информационного права и цифровых технологий Саратовской государственной юридической академии
д. 82, Вернадского пр., г. Москва 119571, Российская Федерация
sergeychannov@yandex.ru

INFORMATION ABOUT THE AUTHORS

Oksana V. Shmaliy, Dr. Sci. (Law), Professor, Head of the Department of Administrative and Information Law, Institute of Law and National Security, Russian Presidential Academy of National Economy and Public Administration, Moscow, Russian Federation
shmaliy-ov@ranepa.ru

Mikhail V. Presnyakov, Dr. Sci. (Law), Associate Professor, Leading Researcher, Scientific Expert Center of the Institute of Law and National Security, Russian Presidential Academy of National Economy and Public Administration, Moscow, Russian Federation
m.v.presnyakov@yandex.ru

Sergey E. Channov, Dr. Sci. (Law), Professor, Leading Researcher, Scientific Expert Center, Institute of Law and National Security, Russian Presidential Academy of National Economy and Public Administration, Head of the Department of Information Law and Digital Technologies, Saratov State Law Academy, Moscow, Russian Federation
sergeychannov@yandex.ru

Материал поступил в редакцию 3 февраля 2024 г.

Статья получена после рецензирования 2 марта 2025 г.

Принята к печати 15 ноября 2025 г.

Received 03.02.2024.

Revised 02.03.2025.

Accepted 15.11.2025.

СРАВНИТЕЛЬНО-ПРАВОВЫЕ ИССЛЕДОВАНИЯ COMPARATIVE STUDIES

DOI: 10.17803/1729-5920.2025.229.12.128-147

Р. Ю. Колобов

Федеральный исследовательский центр
«Иркутский институт химии имени А.Е. Фаворского СО РАН»
Иркутский государственный университет
г. Иркутск, Российская Федерация

Взаимодействие национальных и международных природоохранных мер на порайонной основе (на примере объектов всемирного природного наследия)

Резюме. Анализируются общие закономерности взаимодействия национальных и международных территориальных подходов к охране природы. В качестве иллюстративного материала представлена практика охраны объектов всемирного природного наследия. Констатируется значительный исторический опыт в использовании территориальных мер охраны природы и неизбежность интернационализации их использования после формирования национальных государств. Обосновывается территориальный характер режима охраны всемирного природного наследия, демонстрируется необходимость его реализации в национально-правовых формах охраны природы. Показан генезис классификации современных особо охраняемых природных территорий на международном уровне, выявлены противоречия, связанные с признанием их социальной роли. Полученные выводы соотнесены с развитием системы охраны всемирного наследия, констатировано усиление дискурса прав местных сообществ на использование уникальных природных объектов, установлено преобладание особо охраняемых природных территорий как национальной формы правовой охраны объектов всемирного природного наследия. Исследовано международно-правовое понятие «другие эффективные природоохранные меры на порайонной основе», продемонстрирован его потенциал для сохранения биоразнообразия и оценены возможные риски, связанные с ослаблением режима охраны объектов всемирного природного наследия. Как пример сложного случая организации территориальных подходов к охране природы рассмотрен режим центральной экологической зоны Байкальской природной территории. Определено его место в системе анализируемых категорий, показаны способы совершенствования охраны объекта всемирного наследия «Озеро Байкал», критически оценивается предложение о создании федеральной территории в его границах. Отстаивается необходимость признания центральной экологической зоны Байкальской природной территории особо охраняемой природной территорией *sui generis*.

Ключевые слова: всемирное наследие; особо охраняемые природные территории; другие эффективные природоохранные меры на порайонной основе; озеро Байкал; экологическое право; международное право; Байкальская природная территория; Комитет всемирного наследия; ЮНЕСКО; Международный союз охраны природы

Для цитирования: Колобов Р. Ю. Взаимодействие национальных и международных природоохранных мер на порайонной основе (на примере объектов всемирного природного наследия). *Lex russica*. 2025. Т. 78. № 12. С. 128–147. DOI: 10.17803/1729-5920.2025.229.12.128-147

Interaction of National and International Environmental Protection Policies on a District-by-District Basis (As in the Case of World Natural Heritage Sites)

Roman Yu. Kolobov

Federal Research Center

Irkutsk Institute of Chemistry named after A.E. Favorsky, SB RAS

Irkutsk State University

Irkutsk, Russian Federation

Abstract. The general patterns of interaction between national and international territorial policies to nature protection are analyzed. The practice of protecting World Natural Heritage sites is used as a supporting material. Significant historical experience in the use of territorial nature protection measures and the inevitability of internationalization of their use after the formation of nation states are asserted. The territorial nature of the World Natural Heritage protection regime is substantiated, and the need for its implementation in national legal forms of nature protection is demonstrated. The genesis of the classification of modern specially protected natural territories at the international level is shown, and contradictions related to the recognition of their social role are revealed. The obtained conclusions are correlated with the development of the world heritage protection system, the strengthening of the discourse of the rights of local communities to use unique natural objects is noted, the predominance of specially protected natural territories as a national form of legal protection of World Natural heritage sites is established. The international legal concept of «other effective environmental protection measures on a district basis» is investigated, its potential for preserving biodiversity and possible risks associated with weakening the protection regime of World Natural Heritage Sites are demonstrated. The regime of the central ecological zone of the Baikal natural territory is considered as a complex case of the organization of territorial approaches to nature protection. Its place in the system of the considered categories is determined, ways of improving the protection of the Lake Baikal World Heritage Site are shown. The proposal to create a federal territory within its borders is critically evaluated. The necessity of recognizing the central ecological zone of the Baikal natural territory as a specially protected natural territory *sui generis* is defended.

Keywords: World Heritage; specially protected natural territories; other effective environmental protection measures on a district basis; Lake Baikal; environmental law; international law; Baikal Natural Territory; World Heritage Committee; UNESCO; International Union for Conservation of Nature

Cite as: Kolobov RYu. Interaction of National and International Environmental Protection Policies on a District-by-District Basis (As in the Case of World Natural Heritage Sites). *Lex russica*. 2025;78(12):128-147. (In Russ.). DOI: 10.17803/1729-5920.2025.229.12.128-147

Введение

Охрана природы посредством обособления отдельных участков территории, на которых действуют ограничения деятельности человека, имеет древнюю историю. В исторических исследованиях отмечается, что такая практика известна как минимум с IV–III вв. до нашей эры, когда на территории современной Индии выделялись леса для разведения слонов¹. По мере развития человечества обособление таких участков имело различные цели: обеспечение охоты, охрану

природной красоты и даже становление национального самосознания. Появление национальных государств и упрочнение принципа их суверенного равенства не могло не интернационализировать природоохранную деятельность. Вначале она проходила путем распространения национальных моделей особо охраняемых природных территорий (далее также — ООПТ) в другие страны, потом — попытками унификации таких моделей на международном уровне², а затем и посредством формирования природоохранных режимов, имеющих территориаль-

¹ Gissibl B., Hohler S., Kupper P. Towards a global history of National Parks // *Civilizing Nature: National Parks in Global Historical Perspective* / B. Gissibl, S. Hohler, P. Kupper (eds.). New York ; Oxford : Berghahn, 2012. P. 7.

² К наиболее известным ранним попыткам такого рода относят Конвенцию об охране флоры и фауны в их естественном состоянии 1933 г. и Конвенцию об охране природы и сохранении дикой природы в западном полушарии 1940 г. См.: *Convention relative to the Preservation of Fauna and Flora in their Natural State* // URL: <https://ecolex.org/details/treaty/convention-relative-to-the-preservation-of-fauna-and-flora-in->

ный характер, в составе международной нормативной системы. Такие режимы базируются на различных международно-правовых явлениях. Система биосферных резерватов ЮНЕСКО в своей международно-правовой части лежит полностью в сфере мягкого международного права. Режим охраны водно-болотных угодий международного значения основан на классическом инструменте «строгого» международного права — Рамсарской конвенции³.

Таков же и самобытный режим охраны уникальных творений человека и природы, созданный Конвенцией об охране всемирного культурного и природного наследия⁴ (далее — Конвенция). Все режимы такого рода объединяет то, что они могут эффективно реализовываться только совместно с национальными юридическими формами охраны природы на порайонной основе, что обусловлено преимущественно несовершенством подавляющего большинства правил этих режимов. Поиск оптимальных национальных форм такой охраны важен как с целью обеспечения эффективной охраны уникальных природных комплексов, так и по причине необходимости добросовестного выполнения международных обязательств Российской Федерации⁵. Предметом настоящего исследования станут природоохранные режимы, обеспечивающие охрану объектов всемирного природного наследия (далее также — ОВПН), внесенных в Список всемирного наследия (далее — Список) в соот-

ветствии с Конвенцией. Этот международный договор выбран нами как один из наиболее репрезентативных и известных примеров реализации мер охраны природы на порайонной основе. Использование последнего термина, при всей спорности его формулировки, обусловлено документами, принятыми в системе Конвенции о биологическом разнообразии⁶. Именно так переводится в официальных документах, принимаемых органами, созданными в соответствии с этим международным договором, английское словосочетание *area-based conservation measures*⁷. Сюда относятся охраняемые районы (англ.: *protected areas*) и иные эффективные меры на порайонной основе, которые также будут рассмотрены в настоящей статье. В российской науке для обозначения порайонных приемов охраны природы обычно употребляется словосочетание «территориальная охрана природы»⁸, в статье указанные термины будут использованы как синонимы.

Режим охраны всемирного природного наследия как природоохранный режим на порайонной основе

Нормативные основания режима охраны всемирного природного наследия лежат как в международной нормативной системе, так и в национальных правовых порядках. Анализ его содержания представляет собой самостоятельный

---

their-natural-state-tre-000069/ ; Convention on Nature Protection and Wild Life Preservation in the Western Hemisphere // URL: https://treaties.un.org/Pages/showDetails.aspx?objid=0800000280150233&clang=_en (дата обращения: 15.12.2024).

³ Конвенция о водно-болотных угодьях, имеющих международное значение главным образом в качестве местобитаний водоплавающих птиц (заключена в Рамсаре 2 февраля 1971 г.) // Сборник действующих договоров, соглашений и конвенций, заключенных СССР с иностранными государствами. Вып. XXXIII. М., 1979. С. 462–466.

⁴ Конвенция об охране всемирного культурного и природного наследия (заключена в Париже 16 ноября 1972 г.) // Сборник международных договоров СССР. Вып. XLV. М., 1991. С. 482–492.

⁵ Приверженность этому принципу международного права подчеркивается и в обновленной Концепции внешней политики Российской Федерации (утв. Указом Президента РФ от 31.03.2023 № 229 // СЗ РФ. 2023. № 14. С. 2406).

⁶ Конвенция о биологическом разнообразии (заключена в Рио-де-Жанейро 5 июня 1992 г.) // СЗ РФ. 1996. № 19. Ст. 2254.

⁷ См., например: решение Конференции сторон Конвенции о биологическом разнообразии от 30.11.2018 № 14/8 «Охраняемые районы и другие эффективные природоохранные меры на порайонной основе» // URL: <https://cbd.int/doc/decisions/cop-14/cop-14-dec-08-ru.pdf> (дата обращения: 15.12.2024).

⁸ См., например: *Тишков А. А.* Сто лет методологии территориальной охраны природы России (к 100-летию заповедного дела) // Известия Российской академии наук. Серия географическая. 2017. № 1. С. 8–19 ; *Анисимов А. П.* Территориальная охрана природы в России и Республике Словакия: сравнительно-правовой аспект // Вестник Томского университета. Право. 2017. № 26. С. 91–99 ; *Чибилёв А. А.*,

предмет исследования, в связи с чем в рамках статьи мы обратим внимание лишь на наиболее важные его черты. Прежде всего это территориальная определенность объектов всемирного наследия, проистекающая напрямую из положений Конвенции. Ее статья 3 обязует государства выявлять и разграничивать (англ. *delinate*, фр. *délimiter*) ценности наследия. Пункт 1 ст. 11 предписывает государствам-участникам представлять Комитету всемирного наследия (далее — Комитет) перечни ценностей, которые могут быть внесены в Список⁹, а содержание таких перечней составляет в том числе документация относительного места расположения данных ценностей. Территориальный характер охраны, обеспечиваемый режимом всемирного наследия, еще более ярко проявляется в Руководстве по выполнению Конвенции по охране всемирного культурного и природного наследия (далее — Руководство). Этот документ содержит подробные правила относительно определения границ объектов всемирного наследия (п. 99–102) и процедур их изменения (п. 163–167).

Обязанности государств-участников в Конвенции выражены в достаточно слабой модальности, в частности ее пятая статья предписывает им по возможности стремиться в условиях, свойственных каждой стране, принимать соответствующие юридические, административные и финансовые меры для выявления, охраны, сохранения и популяризации наследия.

Помимо обязанностей, напрямую закрепленных в Конвенции, за более чем 50 лет, прошедших с момента ее принятия, в секторе мягкого права возникло множество различных стандартов, например в части подготовки планов управления объектами всемирного природного наследия или оценки воздействия на выдающуюся универсальную ценность объектов всемирного наследия. Огромное значение имеют два выработанных запрета экономической деятельности в границах ОВПН, выраженные в максимально возможной для инструмен-

тов мягкого права строгой форме. Комитет систематически указывает в решениях на несовместимость со статусом объекта всемирного наследия деятельности по добыче полезных ископаемых и строительству плотин с большими резервуарами. Несмотря на отсутствие формализованных в актах «строгого» международного права санкций за нарушение этих запретов, они показывают свою эффективность в совокупном с другими средствами действия в границах различных объектов всемирного наследия.

Центральным элементом в формировании содержания режима охраны всемирного природного наследия являются положения п. 97 Руководства. В них закрепляется требование о наличии у каждого объекта, вносимого в Список, адекватной долговременной и институциональной охраны, обеспечивающей их сохранность. Такая охрана должна прежде всего носить национальный (внутригосударственный) характер и обеспечиваться путем установления соответствующих режимов, выбираемых государством, на территории которого расположен объект, самостоятельно.

Особо охраняемые природные территории как национальная форма режима охраны всемирного природного наследия

Особо охраняемые природные территории — основная национальная форма охраны ОВПН. Значительная их часть имеет в своем наименовании указание на ООПТ, обеспечивающую их охрану. Таковы, например, Национальный парк Наханни в Канаде или Фаунистический резерват «Окапи» в Демократической Республике Конго. Такое положение вещей объясняется прежде всего общностью целей, для которых создаются ООПТ и ОВПН.

Приемы порайонной охраны природы в разные периоды истории развития человечества и отдельных обществ имели разные цели. Они

Ахмеденов К. М., Рамазанов С. К. Перспективы развития сети территориальной охраны природы Западного Казахстана // Бюллетень Оренбургского научного центра УрО РАН. 2018. № 4. С. 1–13.

⁹ Строго говоря, Конвенция предписывает охранять наследие, как внесенное в Список, так и выявленное государствами самостоятельно. Различия в режиме этих двух видов наследия, согласно тексту Конвенции, сводятся по большому счету к оказанию международной помощи для сохранения «листингового» наследия. Однако практика деятельности структур охраны всемирного наследия практически полностью ограничена охраной наследия, включенного в Список, за исключением вопиющих случаев разрушения уникальных объектов, как это имело место с бамианскими статуями Будды в Афганистане (см.: *Francioni F., Lenzerini F. The Destruction of the Buddhas of Bamiyan and International Law // European Journal of International Law. 2003. Vol. 14. No. 4. P. 619–651*). В статье под ОВПН понимаются объекты, включен-

разнятся от обеспечения сельскохозяйственной деятельности, укрытия в лесах во время войны и религиозных целей в эпоху до нашей эры до целей сохранения биоразнообразия и обеспечения рекреационной деятельности в настоящее время¹⁰. Появление особо охраняемых территорий в их современном варианте в исследованиях по истории охраны окружающей среды обычно относят ко второй половине XIX в.

Развитие системы охраны природы в этом периоде неразрывно связано с практикой создания ООПТ в Соединенных Штатах Америки. В 1864 г. был образован Йосемитский государственный парк¹¹, а 1872 г. — Йеллоустоунский национальный парк, положивший начало созданию национальных парков по всему миру. Изначально их появление в североамериканской исторической ситуации было связано с формированием американской нации и освоением западных территорий страны, что выразилось в сплаве идей романтизма, патриотизма и культа дикой природы¹². Модель национального парка была наиболее ярким проявлением тенденций, которые охарактеризованы в исторической литературе как оцивилизация, территориализация и категоризация природы¹³, позволяющие воспринимать ее не как опасный дикий мир, а как часть очеловеченной действительности. Наиболее ярко это отразилось в целях создания Йеллоустоунского парка, впервые определенных в законе таким образом: «...в качестве общественного парка или места для развлечения на благо и для удовольствия людей»¹⁴.

Развитие и интернационализация идей охраны природы, основанных на порайонном принципе, с одной стороны, принимали национальные черты, с другой — сталкивались с реалиями колониальной системы международных отношений. В Великобритании одними из первых озаботились системой охраны природы охотники, а одной из основных организаций стало Имперское общество сохранения дикой фауны, созданное в 1903 г. Цели его деятельности были обусловлены сокращением биологических видов вследствие чрезмерной трофейной охоты¹⁵. К числу наиболее значимых результатов подобной охраны природы необходимо отнести создание охотничьих резерватов в британских колониях с введением ограничений на изъятие объектов животного мира¹⁶. Французская традиция охраны природы на порайонной основе базируется на классическом сциентистском подходе, в наиболее яркой форме она выразилась в понятии *réserve naturelle intégrale* — строгий резерват, создаваемый для восстановления экосистем и в этом отношении отличающийся от идеологии классических национальных парков¹⁷.

Интернационализация природоохранной повестки обусловила необходимость унификации этих подходов, что привело к появлению указанных ранее конвенций 1933 и 1940 гг., являющихся примерами распространения порайонных подходов на охрану природы в отдельных регионах мира.

После Второй мировой войны полномочия по формированию универсальных подходов к

ные в Список или в предварительные списки государств, которые, согласно позиции Комитета, представляют собой форму международного признания (см.: Decision 27 COM 13.3 Global Strategy // URL: <https://whc.unesco.org/en/decisions/758/> (дата обращения: 15.12.2024)). Объект, включенный в предварительный список государства, к моменту включения в Список должен обладать системой охраны и управления, требуемой Конвенцией.

¹⁰ См.: *Arrowsmith C., Mirksrimi S. H.* The history of the changing nature of protected area management objectives // *Environmental Resources Research*. 2017. Vol. 5. No. 1. P. 77–79.

¹¹ *Colten C. E., Dilsaver L. M.* The Hidden Landscape of Yosemite National Park // *Journal of Cultural Geography*. 2005. Vol. 22. No. 2. P. 30.

¹² *Jones K.* Unpacking Yellowstone: the American National Park in Global Perspective // *Civilizing Nature: National Parks in Global Historical Perspective*. P. 33–34.

¹³ *Gissibl B., Hohler S., Kupper P.* Op. cit. P. 2.

¹⁴ «As a public park or pleasuring ground for the benefit and enjoyment of the people». См.: *Jackson T. W.* The Creation of Yellowstone National Park // *The Mississippi Valley Historical Review*. 1942. Vol. 29. No. 2. P. 196.

¹⁵ *Prendergast D. K., Adams W. M.* Colonial wildlife conservation and the origins of the Society for the Preservation of the Wild Fauna of the Empire (1903–1914) // *Oryx*. 2003. Vol. 37. No. 2. P. 251.

¹⁶ *MacKenzie J. M.* The Empire of Nature, Hunting, Conservation and British Imperialism. Manchester University Press, 1988. P. 226.

¹⁷ *Ford C.* Op. cit. P. 80.

классификации охраняемых территорий перешли к Международному союзу охраны природы (МСОП). Эволюция подходов этой влиятельной международной организации представляет интерес с точки зрения определения природы охраняемых территорий и целей их создания. В 1978 г. был опубликован документ, подготовленный Комитетом по критериям и номенклатуре Комиссии МСОП по национальным паркам и охраняемым территориям, под наименованием «Категории, цели и критерии для охраняемых территорий»¹⁸, содержащий систему классификации охраняемых территорий¹⁹, основанную на целях управления ими. В контексте настоящего исследования необходимо обратить внимание на группу «С» особо охраняемых природных территорий, в которой были выделены два международных режима охраны природы: биосферные резерваты, входящие в международную сеть, созданную в соответствии с восьмым проектом программы ЮНЕСКО «Человек и биосфера», и объекты всемирного природного наследия. Основной целью создания последних признавалась *охрана* тех природных характеристик, за которые территория была признана обладающей качествами всемирного наследия, а в качестве второстепенных целей названы просвещение, исследовательская деятельность и экологический мониторинг²⁰.

Охранительная направленность режима ОВПН проявлялась и в указании на необходимость обеспечения строгой правовой охраны и признании того, что некоторые объекты могут обладать такой значимостью, что их общественное использование должно строго контролироваться или запрещаться²¹. Таким образом, в классификации охраняемых территорий 1978 г. Международный союз охраны природы, одновременно выступающий в качестве консультативного органа Комитета, признал, что основной целью режима ОВПН выступает *охрана*

уникальных природных свойств таких объектов, а сам этот режим — проявление охраняемых территорий (в российской современной терминологии — особо охраняемых природных территорий).

Классификация 1978 г. подверглась справедливой критике по разным основаниям. Отмечалось, что первая и вторая категории охраняемых территорий хорошо известны и широко применяются на практике, а смысл и назначение остальных плохо понимаются в отдельных странах²². Несмотря на важность выделения международных природоохранных режимов, они нарушали критерий классификации, так как их обособление происходило не по цели их действия, а по уровню закрепления. Оставались неясными и причины отсутствия в разд. «С» водно-болотных угодий международного значения, определяемых в соответствии с Рамсарской конвенцией, поскольку они также представляют собой пример охраны природы, основанный на порайонном принципе. Нельзя не отметить и то, что в классификации 1978 г. отсутствовало общее определение охраняемых территорий.

Внедрение в международную нормативную систему концепции устойчивого развития в конце 1980-х — начале 1990-х гг. не могло не повлиять и на позицию МСОП в рассматриваемом вопросе. В 1994 г. появляется новая классификация охраняемых территорий, предложенная шестью группами, организованными также по целям управления, из которых был полностью исключен международный уровень²³. Дальнейшее развитие воззрений о целях создания охраняемых территорий и выполняемых ими функциях проходило в контексте признания прав местного населения на получение выгод и повышение уровня жизни посредством включения в процессы управления такими территориями. Внимание к этой тематике усиливалось на протяжении десятилетия и достигло

¹⁸ Categories, objectives and criteria for protected areas. A final report / Committee on Criteria and Nomenclature Commission on National Parks and Protected Areas. August. 1978. IUCN, Morges, 1978.

¹⁹ Мы не рассматриваем в деталях работу МСОП, предшествовавшую подготовке классификации охраняемых территорий 1978 г., подробнее об этом см.: Phillips A. A short history of the international system of protected areas management categories // Defining Protected Areas: An international conference in Almeria, Spain, May 2007 / N. Dudley, S. Stolton (eds). IUCN. Gland, 2008. P. 13–14.

²⁰ Categories, objectives and criteria for protected areas. A final report. P. 23.

²¹ Categories, objectives and criteria for protected areas. A final report. P. 23.

²² McNeely J. A., Miller K. R. IUCN, National Parks, and Protected Areas: Priorities for Action // Environmental Conservation. 1983. Vol. 10. No. 1. P. 16.

²³ Guidelines for Protected Area Management Categories. IUCN. Gland, 1994.

кульминации на Пятом всемирном конгрессе по охраняемым территориям в Дурбане, на котором была провозглашена «новая парадигма» охраняемых территорий²⁴. Как указывал один из создателей этого нового видения А. Филлипс, новое понимание ООПТ включает в себя необходимость достижения социальных и экономических целей наряду с сохранением и рекреацией, а также организацию управления в соответствии с нуждами местного населения²⁵. Данные цели предопределили и признание роли охраняемых территорий в экономике. Д. Шеппард, выступавший генеральным секретарем Конгресса в Дурбане, в статье, посвященной «новой парадигме», приводит весьма показательные примеры получения экономических выгод от деятельности в границах таких территорий в разных странах и приходит к выводу о том, что инвестиции в охраняемые территории могут обеспечить существенные выгоды для национальных и местных экономик²⁶.

Появление «новой парадигмы» вызвало напряженную дискуссию о понятии особо охраняемых природных территорий и целях их деятельности. Наиболее ярко противоположная

Дурбанскому аккорду позиция была высказана в статье известных канадских ученых Х. Лока и Ф. Дэрдена²⁷. Они привели целый ряд весомых аргументов в пользу того, что пятый и шестой виды охраняемых территорий на самом деле ими не являются²⁸, а представляют собой зоны, созданные для достижения иных целей²⁹. Кроме того, сама классификация охраняемых территорий 1994 г. допускает иную основную цель создания охраняемых территорий, чем сохранение биоразнообразия, и ведет, в частности, к раздуванию статистики по созданным охраняемым территориям за счет режимов, которые содержательно ими не являются³⁰.

Открытая дискуссия по вопросу о целях создания охраняемых территорий и их видах продолжилась после Дурбанского конгресса и не завершена до сих пор³¹. Сторонники «новой парадигмы» отчасти признали некорректность некоторых формулировок системы классификации охраняемых территорий 1994 г.³², а в защиту пятой и шестой категорий охраняемых территорий были высказаны не менее весомые аргументы³³. На момент проведения настоящего исследования действует редакция Руко-

²⁴ Она была отражена в заключительном документе Конгресса, так называемом Дурбанском аккорде (соглашении, англ.: accord).

²⁵ Phillips A. Turning Ideas on Their Head: The New Paradigm for Protected Areas // The George Wright Forum. 2003. Vol. 20. No. 2. P. 19.

²⁶ Sheppard D. The New Paradigm for Protected Areas: Implications for Managing Visitors in Protected Areas // Exploring the Nature of Management. Proceedings of the Third International Conference on Monitoring and Management of Visitor Flows in Recreational and Protected Areas. University of Applied Sciences Rapperswil, Switzerland, 13–17 September 2006 / D. Siegrist, C. Clivaz, M. Hunziker, S. Iten (eds.). University of Applied Sciences Rapperswil, Switzerland, 2006. P. 40.

²⁷ Locke H., Dearden P. Rethinking protected area categories and the new paradigm // Environmental Conservation. Vol. 32. No. 1. P. 1–10.

²⁸ Locke H., Dearden P. Op cit. P. 8.

²⁹ Прежде всего имеется в виду таблица целей создания охраняемых зон, приведенная в Руководстве по классификациям охраняемых территорий в редакции 1994 г. Она действительно допускала создание таких территорий с иной основной целью, чем сохранение биоразнообразия. См.: Guidelines for Protected Area Management Categories. P. 8.

³⁰ Locke H., Dearden P. Op. cit. P. 7.

³¹ Из публикаций недавнего времени см., например: Shafer C. L. Arguments for and against IUCN protected area management category VI with a review of state versus community governance // Journal for Nature Conservation. 2019. Vol. 53. Art. 125697; Hiron S., Collins C. M., Singh M. Assessing variation in the effectiveness of IUCN protected area categorisation. What remotely sensed forest integrity and human modification reveals across the major tropical forest biomes // Ecological Indicators. 2022. Vol. 143. Art. 109337.

³² См., например: Dudley N., Parrish J. D., Redford K. H., Stolton S. The revised IUCN protected area management categories: the debate and ways forward // Oryx. 2010. Vol. 44. No. 4. P. 485–490.

³³ См., например: In defence of protected landscapes. A reply to some criticisms of category v protected areas and suggestions for improvement / J. M. Mallarach, J. Morrison, A. Kothari [et al.] // Defining Protected Areas: An international conference in Almeria, Spain, May 2007 / N. Dudley, S. Stolton (eds). IUCN. Gland, 2008. P. 31–37.

водства по классификации охраняемых территорий, принятая в 2008 г.³⁴, в которой цели³⁵ создания охраняемых территорий получили более однозначное выражение. Охраняемая территория, согласно этим подходам, есть ясно определенное географическое пространство, признанное, выделенное и управляемое посредством правовых и других эффективных мер с целью достижения долгосрочного сохранения природы и связанных с ней экосистемных услуг и культурных ценностей³⁶. При этом в новом Руководстве прямо указывается, что для МСОП охраняемыми являются только такие территории, на которых сохранение природы выступает основной целью управления ими. Ряд авторов этого определения признают наличие приведенной ранее дискуссии относительно основных целей создания и функционирования ООПТ и выявленное общее мнение о необходимости усиления целей сохранения природы³⁷. Не может не обратить на себя внимания и замена объекта сохранения охраняемых территорий с биоразнообразия на природу, что объяснялось необходимостью придания большей гибкости определению в части различных подходов к определению природы³⁸.

Описываемые процессы отразились и на подходах к системе охраны всемирного наследия. Вплоть до 1996 г. в Руководстве закреплялось правило, согласно которому для поддержания объективности процесса оценки и избежания возможных неудобств (англ.: *embarrassment*) для всех вовлеченных в этот процесс лиц государствам-участникам следует *воздерживаться от придания чрезмерной публичности* факту номинации объекта для включения в Список вплоть до окончательного решения Комитета по соответствующей номинации. Однако формирующийся дискурс вовлечения местного населения в процессы управления

особо охраняемыми территориями и развитие идей «экологической демократии» не могли не отразиться и на целях управления объектами всемирного наследия. В 2002 г. Решением 26 СОМ 9 Комитет принимает Будапештскую декларацию, содержащую стратегические цели системы охраны всемирного наследия, представляющие собой систему 4С — по первым буквам английских слов *credibility, conservation, capacity building and communication*³⁹. В тексте этого документа обращает на себя внимание указание на необходимость обеспечить баланс между сохранением, устойчивостью и развитием, чтобы объекты всемирного наследия охранялись через деятельность, вносящую вклад в социальное и экономическое развитие и качество жизни сообществ. В этих строках очевидно прочитывается политика «новой парадигмы», проводимая Международным союзом охраны природы в тот же исторический период.

В 2007 г. по предложению Новой Зеландии этот перечень был дополнен пятым С — *communities*, призванным усилить роль сообществ⁴⁰ в выполнении Конвенции. В дальнейшем в системе охраны всемирного наследия принимались различные документы, определяющие цели данной деятельности. В 2015 г. принята Политика по интеграции перспективы устойчивого развития в процедуры Конвенции о всемирном наследии, в которой воспроизводилась позиция Будапештской декларации о необходимости поиска баланса между сохранением и устойчивым развитием⁴¹. Такое положение вещей обусловлено не в последнюю очередь отсутствием того давления представителей науки и практики охраны природы, которое оказали сторонники классической консервационной биологии на формирование международной системы охраняемых территорий в рамках деятельности МСОП. Неболь-

³⁴ Guidelines for Applying Protected Area Management Categories / N. Dudley (ed.). IUCN. Gland, 2008.

³⁵ В науке высказывались предложения о необходимости изменить критерии выделения категорий и исходить не из целей управления, а из результатов, однако такой подход не был поддержан. См., например: Change the IUCN Protected Area Categories to Reflect Biodiversity Outcomes / L. Boitani, R. M. Cowling, H. T. Dublin [et al.] // PLoS Biology. Vol. 6. No. 3. P. 436–438.

³⁶ Guidelines for Applying Protected Area Management Categories. P. 8.

³⁷ Dudley N., Parrish J. D., Redford K. H., Stolton S. Op. cit. P. 488.

³⁸ Dudley N., Parrish J. D., Redford K. H., Stolton S. Op. cit. P. 488.

³⁹ Decision 26 COM 9 Budapest Declaration on World Heritage // URL: <https://whc.unesco.org/en/decisions/1217/> (дата обращения: 15.12.2024).

⁴⁰ Имеются в виду местное население и коренные народы.

⁴¹ Policy Document for the Integration of a Sustainable Development Perspective into the Processes of the World Heritage Convention // URL: <https://whc.unesco.org/document/139146> (дата обращения: 15.12.2024).

шой крен в пользу сохранения экосистем наблюдается в одном из новейших документов, определяющих стратегические цели системы охраны всемирного наследия, — Декларации принципов содействия международной солидарности и сотрудничеству для охраны (англ.: to preserve) всемирного наследия⁴². Помимо выведения охраны в наименование этого документа, обращает на себя внимание и провозглашение первым принципом Декларации того, что постоянная охрана наследия обладает наивысшей важностью для международного сообщества. Такой охранительный аспект режима ОВПН неслучаен и обнаруживает себя в Конвенции⁴³ — документе «строгого» международного права, положения которого должны обладать первостепенным значением при определении целей системы охраны всемирного наследия. Статья 31 Конвенции о праве международных договоров⁴⁴ закрепляет общие правила толкования международных договоров, наделяя преамбулу равным с основным текстом значением. Ее анализ явно указывает на цели *сохранения* всемирного наследия, которые призвана обеспечить Конвенция. В ней констатируется наличие угроз разрушению объектов наследия, принимается во внимание пагубность обеднения достояния всех народов мира при повреждении или исчезновении любых образцов природной среды, а также частая недостаточность ресурсов страны, на территории которой находятся ценности, подлежащие защите. Важным свидетельством приоритета обязательств по сохранению уникальных творений человека и природы, в соответствии с Конвенцией, служит и констатация того, что некоторые ценности культурного и природного наследия представляют собой исключительный интерес, что требует их *сохранения* как части наследия всего человечества.

Непосредственными правовыми последствиями включения объектов в Список явилась возможность предоставления международной помощи, прежде всего в целях обеспечения сохранения природного наследия, в особенности — в случаях катастроф и стихийных бедствий (п. 2 ст. 21 Конвенции).

В Руководстве как основном «подконвенционном» акте также прослеживается охранительная направленность режима ОВПН. Пункты 97 и 98 недвусмысленно указывают на необходимость обеспечения охраны объекта, а пункт 102 закрепляет возможность совмещения границ участков с одной или несколькими существующими и планируемыми к созданию охраняемыми территориями, такими как национальные парки или заповедники, биосферные резерваты или охраняемые культурные или исторические районы или другие территории.

Все эти обстоятельства предопределили доминирование ООПТ в качестве национальной формы воплощения режима охраны всемирного наследия. На момент написания статьи в Список внесен 231 объект всемирного природного наследия, какое-либо отклонение от принципа полного совмещения границ ООПТ с территорией ОВПН наблюдается на территориях не более 20 объектов. Причины и степень такого отклонения в различных государствах разнятся.

Так, ОВПН «Восточная часть острова Реннелл» был включен в Список в 1998 г.⁴⁵ как первый объект *природного* наследия, обладающий т. н. традиционной защитой в соответствии со сложившейся системой племенных отношений в этой части Соломоновых островов. Такая система предполагает значительные полномочия совета вождей в регулировании земельных отношений⁴⁶. Ухудшение экологического состояния объекта, связанное в первую очередь с организацией эффективной системы охраны и управления, обусловило включение

⁴² Declaration of principles to promote international solidarity and cooperation to preserve World Heritage // URL: <https://whc.unesco.org/en/declaration-of-principles> (дата обращения: 15.12.2024).

⁴³ В названии которого также упоминается только охрана объектов культурного и природного наследия.

⁴⁴ Венская конвенция о праве международных договоров (заключена в Вене 23 мая 1969 г.) // Ведомости Верховного Совета СССР. 1986. № 37. Ст. 772.

⁴⁵ Decision 22 COM VIII.A.1 Inscription: East Rennell (Solomon Islands) // URL: <https://whc.unesco.org/en/decisions/2741> (дата обращения: 15.12.2024).

⁴⁶ Smith A. East Rennell World Heritage Site: misunderstandings, inconsistencies and opportunities in the implementation of the World Heritage Convention in the Pacific Islands // International Journal of Heritage Studies. 2011. Vol. 17. No. 6. P. 600–601.

⁴⁷ Decision 37 COM 8C.1 Update of the List of World Heritage in Danger (inscribed properties) // URL: <https://whc.unesco.org/en/decisions/5176> (дата обращения: 15.12.2024).

его в Список всемирного наследия, находящегося под угрозой, в 2013 г.⁴⁷ Эксперты миссии, посетившей остров в 2019 г., отдельно отметили необходимость признания его охраняемой территорией⁴⁸.

Еще один пример — ОВПН «Пустыня Лут», расположенный в Иране. Как указывается в оценке материалов номинации Международным союзом охраны природы, две ООПТ, созданные в границах объекта, покрывают лишь небольшую часть его территории⁴⁹.

Другие эффективные природоохранные меры на порайонной основе и объекты всемирного природного наследия

Центральным универсальным международным договором, закрепляющим наиболее общие обязательства государств в отношении создания охраняемых территорий и управления ими, является Конвенция об охране биологического разнообразия⁵⁰. Ее положения предписывают государствам, насколько это возможно и целесообразно, создавать систему охраняемых районов или районов, в которых необходимо принимать специальные меры для сохранения биологического разнообразия и разрабатывать, при необходимости, руководящие принципы отбора, создания и рационального использования указанных районов (п. а, b ст. 8).

Понятие «другие эффективные природоохранные меры на порайонной основе» (ДЭПМ) появилось в 2010 г. при разработке Стратегического плана в области сохранения и устойчивого использования биоразнообразия на 2011–

2020 гг. Его частью, как известно, являются т. н. цели ИТ, 11-я из которых предписывала достижение 17 %-го показателя покрытия суши и внутренних вод режимами особо охраняемых территорий и ДЭПМ. В литературе отмечается, что понятие ДЭПМ было выработано в последний момент разработки Стратегического плана для признания факта, что многие территории могут вносить вклад в сохранение биоразнообразия несмотря на то, что они официально не признаются особо охраняемыми природными территориями⁵¹. Практическое применение нового понятия вполне предсказуемо столкнулось со сложностями его единообразного понимания. Выработка общих подходов к его содержанию проходила в первую очередь с участием структур МСОП. В 2016 г. опубликован отчет Второго заседания целевой группы по ДЭПМ под эгидой Всемирной комиссии МСОП по охраняемым территориям⁵², в котором отмечены возможные критерии классификации ДЭПМ и их видов, а также проанализированы примеры из различных регионов мира.

Придание большей определенности понятию ДЭПМ произошло в связи с принятием Конференцией сторон Конвенции о биологическом разнообразии Решения 14/8, посвященного территориальным мерам по охране природы⁵³. Пункт второй этого решения закрепил понятие ДЭПМ: «меры регулирования и использования географически обозначенной территории, не являющейся охраняемым районом, таким образом, чтобы обеспечивать положительные и устойчивые долгосрочные результаты в сохранении биоразнообразия *in situ* и связанных с ним экосистемных функций и услуг, а также в

⁴⁸ World Heritage Centre / IUCN Reactive Monitoring mission to the East Rennell World Heritage Property (Solomon Islands). P. 6. URL: <https://whc.unesco.org/document/175219> (дата обращения: 15.12.2024).

⁴⁹ World Heritage Nomination — IUCN Technical Evaluation. Lut Desert (Islamic Republic of Iran) — ID 1505. P. 20 // URL: <https://whc.unesco.org/document/152819> (дата обращения: 15.12.2024).

⁵⁰ Региональное международно-правовое регулирование создания охраняемых районов представлено разнообразными источниками. См.: Скрипник И. И., Солнцев А. М. Международный механизм соблюдения государствами обязательств по управлению охраняемыми природными территориями // Вестник РУДН. Серия «Юридические науки». 2012. № 2. С. 227–228.

⁵¹ An introduction to “other effective area-based conservation measures” under Aichi Target 11 of the Convention on Biological Diversity: Origin, interpretation and emerging ocean issues / D. Laffoley, N. Dudley, H. Jonas [et al.] // Aquatic Conservation: Marine and Fresh Water Ecosystems. 2017. Vol. 27. No. S1. P. 131.

⁵² Report of the second meeting of the IUCN-WCPA task force on other effective area-based conservation measures // URL: https://iucn.org/sites/default/files/2022-08/task_force_on_oecms_-_2nd_meeting_report_-_vilm_-_july_2016_0.pdf (дата обращения: 15.12.2024).

⁵³ Охраняемые районы и другие эффективные природоохранные меры на порайонной основе. CBD/COP/DEC/14/8 // URL: <https://www.cbd.int/doc/decisions/cop-14/cop-14-dec-08-ru.pdf> (дата обращения: 15.12.2024).

соответствующих случаях культурных, духовных, социально-экономических и прочих ценностей, имеющих значение на местном уровне». Третье приложение к указанному Решению закрепило научно-технические рекомендации по другим эффективным природоохранным мерам на порайонной основе. Более подробно содержание анализируемой категории с учетом Решения 14/8 раскрыто в издании, подготовленном целевой группой по ДЭПМ в 2019 г. (далее — Руководство по ДЭПМ)⁵⁴.

В 2022 г. на 15-й Конференции сторон Конвенции о биологическом разнообразии была принята Куньминско-Монреальская глобальная рамочная программа в области биоразнообразия⁵⁵. Анализируемое понятие ДЭПМ вошло в число территорий, учитываемых для достижения показателя 30×30⁵⁶.

Появление понятия ДЭПМ было в определенном смысле неизбежным, поскольку, действительно, достаточно давно было известно о существовании территорий, которые не являются ООПТ, однако обеспечивают долгосрочные результаты в сохранении биоразнообразия *in situ*. Таковы, например, охотничьи угодья, на которых осуществляется спортивная охота, или морские братские могилы, охрана которых имеет своим побочным эффектом обеспечение долгосрочного сохранения биоразнообразия⁵⁷.

Руководство по ДЭПМ закрепляет подход, согласно которому другие эффективные меры по охране природы на порайонной основе не должны совпадать с ООПТ, а также содействовать достижению целей сохранения биоразнообразия *in situ* тремя путями⁵⁸. Во-первых, территория может отвечать всем признакам ООПТ и иметь сохранение природы основной целью, однако не признаваться таковой государством, напри-

мер по причине необходимости соблюдения прав коренных народов. Во-вторых, она может выполнять указанные функции сохранения вторично, как, например, это имеет место при охране водосборного бассейна в целях водопользования. В-третьих, сохранение биоразнообразия может носить дополнительный характер, как в случае с охраной затонувших кораблей.

Достаточно общие признаки ДЭПМ определяют необходимость углубленного анализа признаков каждой территории в соответствии с разработанным Международным союзом охраны природы Инструментом местного уровня для выявления ДЭПМ⁵⁹. Согласно Всемирной базе данных охраняемых природных территорий, по состоянию на момент подготовки настоящего исследования в России нет территорий, рассматриваемых как ДЭПМ⁶⁰. В Пятом национальном докладе РФ «Сохранение биоразнообразия в Российской Федерации», подготовленном в 2019 г., при анализе достижения показателей 11-й цели ИТ констатируется, что, помимо ООПТ, развивается система иных охраняемых природных территорий: защитные леса и особо защитные участки леса, водоохранные зоны и прибрежные защитные полосы, рыбоохранные и рыбохозяйственные заповедные зоны, зона охраны охотничьих ресурсов⁶¹. В условиях формирующегося содержания понятия ДЭПМ, вероятно, каждая из указанных категорий должна будет подвергнуться отдельному анализу. Например, неясно, отвечают ли все защитные леса или водоохранные зоны априори признаку управляемости, поскольку управление предполагает наличие плана, показателей, оценки результатов и пр.

В Канаде, по данным того же информационного ресурса, 311 ДЭПМ⁶², в Колумбии —

⁵⁴ Recognising and reporting other effective area-based conservation measures // URL: <https://portals.iucn.org/library/sites/library/files/documents/PATRS-003-En.pdf> (дата обращения: 15.12.2024).

⁵⁵ CBD/COP/DEC/15/4 // URL: <https://www.cbd.int/doc/decisions/cop-15/cop-15-dec-04-ru.pdf> (дата обращения: 15.12.2024).

⁵⁶ Покрытие к 2030 г. не менее 30 % территории планеты территориальными мерами по охране природы.

⁵⁷ К их числу относится охраняемая гавань Скапа-Флоу в Шотландии, в которой самостоятельную охрану получили затонувшие корабли и их обломки. См.: *Oxley I. Towards the Integrated Management of Scotland's Cultural Heritage: Examining Historic Shipwrecks as Marine Environmental Resources // World Archaeology. Vol. 32. No. 3. P. 419.*

⁵⁸ Recognising and reporting other effective area-based conservation measures. P. 3.

⁵⁹ Site-level tool for identifying other effective area-based conservation measures (OECMs) // URL: <https://portals.iucn.org/library/sites/library/files/documents/PATRS-006-En.pdf> (дата обращения: 15.12.2024).

⁶⁰ URL: <https://www.protectedplanet.net/country/RUS> (дата обращения: 15.12.2024).

⁶¹ URL: <https://cbd.int/doc/world/ru/ru-nr-05-ru.pdf> (дата обращения: 15.12.2024).

⁶² URL: <https://www.protectedplanet.net/country/CAN> (дата обращения: 15.12.2024).

55⁶³, а, например, в Германии⁶⁴ и Австралии — ноль⁶⁵.

Исследование ДЭПМ как юридического явления должно прежде всего принимать во внимание его изначальное предназначение как инструмента, обеспечивающего выполнение государствами своих обязательств, вытекающих из участия в Конвенции о биологическом разнообразии. Такая «статистическая» функция ДЭПМ просматривается во многих методических документах МСОП, а Руководство по ДЭПМ называется на английском языке *Recognising and reporting other effective area-based conservation measures*. Такой фокус внимания не мог не привести к сложностям во внедрении новой категории в национальные правовые системы на уровне как нормативных источников, так и юридической доктрины⁶⁶.

Пожалуй, наиболее емко природа ДЭПМ определена в правопорядке Канады. В принятом в 2022 г. Руководстве по признанию морских других эффективных мер по охране природы на порайонной основе закрепляется, что, в отличие от морских особо охраняемых природных территорий, ДЭПМ представляет собой программно-политический⁶⁷ и научный статус, которым наделяется определенная территория, отвечающая критериям, установленным в этом Руководстве⁶⁸. Примечательно и содержание седьмого раздела указанного документа,

посвященного передаче информации о ДЭПМ в систему Конвенции о биологическом разнообразии, что также подчеркивает назначение анализируемого явления.

Несмотря на то что ДЭПМ сами по себе не являются строго юридическим режимом, определяющим особенности сохранения биоразнообразия, мы полагаем, что они способны оказать существенное воздействие на сохранение биоразнообразия, которое может иметь как положительный, так и негативный характер. Нельзя не согласиться с положениями всех методических документов и решений, принятых Конференцией стран — участниц Конвенции о биологическом разнообразии по вопросу ДЭПМ, в том, что многие территории, такие как упоминавшиеся охотничьи угодья, обособляемые для спортивной охоты⁶⁹, не имеют первичной целью сохранение биоразнообразия, однако при должном управлении его обеспечивают. Однако одновременно распространение подходов ДЭПМ несет и существенные риски для развития национальных систем охраны природы.

Первая озабоченность проистекает из бросающегося в глаза временного совпадения в описанных ранее в настоящей статье тенденциях признания Международным союзом охраны природы особо охраняемыми природными территориями режимов, которые не имеют

⁶³ URL: <https://www.protectedplanet.net/country/COL> (дата обращения: 15.12.2024).

⁶⁴ В научных публикациях отмечается значительный потенциал ДЭПМ для достижения ФРГ показателей третьей цели Куньминско-Монреальской глобальной рамочной программы по сохранению биоразнообразия при условии разработки критериев и процедур их выявления, регистрации и мониторинга. См.: *Kopsieker L., Disselhoff T. The contribution of private land conservation to 30x30 in Germany // Frontiers in Conservation Science. 2024. Vol. 4. Art. 1324928. P. 4–5.*

⁶⁵ В отношении ситуации в Австралии научным сообществом также отмечается необходимость разработки более ясных критериев для квалификации территорий по ДЭПМ и возможности их учета в достижении целей 30x30. См.: *Fitzsimons J. A., Partridge T., Keen R. Other Effective Area-Based Conservation Measures (OECMs) in Australia: Key Considerations for Assessment and Implementation // Conservation. 2024. Vol. 4. No. 2. P. 195.*

⁶⁶ В науке отмечается, что существующие методические документы по ДЭПМ практически игнорируют юридические вопросы. См.: *Paterson A. Scoping the Potential Influence of Law on Terrestrially Located Other Effective Area-Based Conservation Measures // Law, Environment and Development Journal. 2023. Vol. 18. No. 1. P. 36.*

⁶⁷ В оригинале на английском языке используется выражение *a policy status*, во французском *le statut politique*, но его перевод как «политический статус», по нашему мнению, может создать ненужную путаницу в терминологии.

⁶⁸ *Guidance for Recognizing Marine Other Effective Area-Based Conservation Measures / Government of Canada, 2022. P. 11 // URL: https://waves-vagues.dfo-mpo.gc.ca/library-bibliotheque/41110468.pdf* (дата обращения: 15.12.2024).

⁶⁹ См., например: *Minin E., Leader-Williams N., Bradshaw C. J. A. Banning Trophy Hunting Will Exacerbate Biodiversity Loss // Trends in Ecology & Evolution. 2016. Vol. 31. No. 2. P. 99–102.*

основной целью сохранение разнообразия, и появления понятия ДЭПМ. Опасность девальвации понятия «особо охраняемая природная территория», которой удалось избежать путем признания МСОП обязательности сохранения природы в качестве основной цели создания ООПТ, образно говоря, переместилась уровнем выше путем признания учета в показателях 30×30 других эффективных мер по охране природы на порайонной основе. Эта опасность была уже отмечена разными исследователями применительно к различным национальным контекстам. Нельзя не согласиться с канадскими исследователями, выразившими беспокойство по поводу возможности сокращения количества вновь создаваемых ООПТ по причине санкционирования учета других территорий при оценке выполнения целей, провозглашаемых системой охраны биоразнообразия⁷⁰. Это явление уже получило наименование *blue washing*, а анализ 193 ДЭПМ по состоянию на 2022 г. показал наличие серьезных проблем в управлении ими⁷¹. Международная нормативная система оказывает существенное влияние на развитие системы территориальной охраны природы на внутригосударственном уровне, в связи с чем возможность «зачета» ДЭПМ при достижении целей 30×30 должна сопровождаться постоянно транслируемыми недвусмысленными сигналами о недопустимости их создания в ущерб системе ООПТ.

Эти опасения могут быть сформулированы и в отношении режимов правовой охраны ОВПН. Как было показано, практика их охраны исходит из оптимальности ООПТ в качестве внутригосударственного юридического режима обеспечения сохранности атрибутов выдающейся универсальной ценности, обуславливающих их внесение в Список. На 46-й сессии Комитета, прошедшей в 2024 г., угрозы

реализации проектов экономического развития были названы критическим фактором, угрожающим объектам всемирного наследия. Среди них отмечены как небольшие проекты жилищного строительства, так и крупномасштабное развитие различных видов инфраструктуры⁷². Даже в существующих условиях преимущественного совпадения границ ОВПН с границами ООПТ такие проекты всё же реализуются и приводят к существенным нарушениям экологического состояния уникальных природных комплексов. Проекты нефтедобывающей промышленности и сокращение ООПТ повлекли исключение из Списка резервата аравийской антилопы в 2007 г.⁷³, строительство плотины ГЭС в границах охотничьего резервата Селус также чуть было не привело к его делистингу из указанного Списка, миновать который удалось лишь по политическим причинам.

В такой ситуации появление еще одного родового понятия, описывающего территориальные подходы к охране природы, создает соблазн отойти от практики признания ОВПН особо охраняемыми природными территориями и предоставлять им правовую охрану с иными основными целями, чем сохранение природных атрибутов выдающейся универсальной ценности, как это неизбежно имеет место при создании ООПТ.

Мы полагаем, что своеобразным препятствием для размывания природоохранной сущности режима охраны всемирного природного наследия могут стать однозначные позиции МСОП и Комитета о необходимости использования режима ООПТ в качестве внутригосударственной формы охраны выдающейся универсальной ценности ОВПН. Исключения из этого правила должны носить единичный характер и быть детально аргументированными.

⁷⁰ Canada and Aichi Biodiversity Target 11: understanding “other effective area-based conservation measures” in the context of the broader target / D. MacKinnon, C. J. Lemieux, K. Beazley [et al.] // *Biodiversity Conservation*. 2015. Vol. 24. P. 3577.

Сходные опасения высказывались и австралийскими учеными в цитированной ранее публикации. См.: *Fitzsimons J. A., Partridge T., Keen R.* Op. cit. P. 194.

⁷¹ Avoiding the misuse of other effective area-based conservation measures in the wake of the blue economy / J. Claudet, N. C. Ban, J. Blythe [et al.] // *One Earth*. Vol. 5. No. 9. P. 970–971.

⁷² State of conservation of World Heritage properties. WHC/24/46.COM/7 // URL: <https://whc.unesco.org/document/206887> (дата обращения: 15.12.2024).

⁷³ Decision 31 COM 7B.11 State of conservation of World Heritage properties — Arabian Oryx Sanctuary // URL: <https://whc.unesco.org/en/decisions/1392> (дата обращения: 15.12.2024).

Сложные случаи: центральная экологическая зона Байкальской природной территории

Одним из такого рода случаев на настоящий момент является территория ОВПН «Озеро Байкал». Решение вопроса о внутрисударственном выражении этого режима имеет чрезвычайно важное прикладное значение, поскольку ясность касательно его юридической природы будет определять цели и способы управления и охраны уникальной экосистемы озера.

Как известно, территория ОВПН «Озеро Байкал» совпадает с территорией центральной экологической зоны Байкальской природной территории (ЦЭЗ БПТ), за исключением территории пяти населенных пунктов, которые были изъяты из состава границ ОВПН при внесении озера в Список в 1996 г.⁷⁴ Территория ЦЭЗ БПТ лежит в границах двух субъектов Федерации, включает значительное число населенных пунктов, особо охраняемых территорий разных видов и категорий, а также две особые экономические зоны. Единый орган управления ЦЭЗ БПТ отсутствует, функции координации государственного управления охраной уникальной экосистемы осуществляет Правительственная комиссия по вопросам охраны озера Байкал.

Исходя из системы действующего позитивного регулирования центральная экологическая зона Байкальской природной территории особо охраняемой территорией не является, поскольку не отвечает критерию «признанности» государством — формальному провозглашению ее таковой в соответствии с принятой национальной процедурой. Закон об особо охраняемых территориях⁷⁵, как известно, содержит закрытый перечень ООПТ, и ЦЭЗ БПТ в него не входит.

Попытка примерить на ЦЭЗ БПТ рассмотренную категорию ДЭПМ *prima facie*, казалось бы, приводит к положительным результатам: ДЭПМ, как было показано, может объявляться территорией, которая отвечает всем признакам ООПТ, но которую государство не желает объявлять таковой. Выпадение ЦЭЗ БПТ из системы категорий ООПТ не позволяет квалифицировать

ее как таковую. Равным образом в 1996 г. в ситуации только формирующегося нового законодательства об охране природы провозглашение значительной по размерам территории, на которой проживает большое число граждан, особо охраняемой природной территорией было затруднительным и по политико-идеологическим мотивам.

Однако углубленный анализ показывает, что квалификация всей ЦЭЗ БПТ (и всей территории ОВПН) в качестве ДЭПМ невозможна по причине нахождения в ее составе классических ООПТ⁷⁶. Все рассмотренные методические документы в области учета и отчетности территориальных мер охраны природы указывают на невозможность одновременного учета территории как ООПТ и ДЭПМ.

Таким образом, приходится констатировать, что режим ЦЭЗ БПТ повисает в юридическом вакууме, не будучи соотношенным с какой-либо более общей юридической категорией, описывающей территориальную охрану природы, что нарушает качество системности правового регулирования. Каким бы самобытным ни был устанавливаемый режим, учитывая поистине уникальные характеристики экосистемы Байкала, он должен встраиваться в существующую систему правовых категорий, иерархически ведущую к акту высшей юридической силы — Конституции.

De lege ferenda существует два способа обеспечения такой согласованности. Первый — создание федеральной территории в границах ЦЭЗ БПТ. Этот вариант периодически предлагается различными представителями органов власти и общественных организаций⁷⁷. Констатируя принципиальную возможность такого решения, мы полагаем, что оно как минимум преждевременно, а как максимум — не отвечает интересам сохранения Байкала. Мировой практике действительно известны примеры выделения отдельных административно-территориальных образований, которые целиком совпадают с границами ООПТ и имеют своей первичной функцией их сохранение. Такова,

⁷⁴ Decision 20 COM VIII.A Inscription: Lake Baikal (Russian Federation) // URL: <https://whc.unesco.org/en/decisions/2968> (дата обращения: 15.12.2024).

⁷⁵ Федеральный закон от 14.03.1995 № 33-ФЗ «Об особо охраняемых природных территориях» // СЗ РФ. 1995. № 12. Ст. 1024.

⁷⁶ Особо охраняемые территории занимают 29 % ее площади. См.: Байкал и Байкальская природная территория // URL: <https://baikalake.ru/about/guard/> (дата обращения: 15.12.2024).

⁷⁷ В ВООП считают необходимым сделать Байкал и Прибайкалье федеральной территорией // URL: <https://tass.ru/obschestvo/22511457> (дата обращения: 15.12.2024).

например, провинция Галапагос в Эквадоре. Однако Галапагосские острова территориально удалены от основной территории государства, а их особый статус, выраженный в законе, имеет свои корни в конституции государства, в которую специально вносились изменения для того, чтобы определить особый режим охраны этой уникальной экосистемы.

Федеральная территория как правовая конструкция чрезвычайно молода, на момент проведения настоящего исследования создана только одна такая территория — Сириус⁷⁸. Но все параметры этого явления позволяют однозначно утверждать, что охрана природы не выступает в качестве основной цели его создания. Признание ЦЭЗ БПТ федеральной территорией способно сильно сместить идеологический акцент с целей охраны природы⁷⁹ на достижение иных (прежде всего социальных и экономических) целей управления. Любое изменение режима охраны озера Байкал должно исходить из сохранения и усиления режима центральной экологической зоны Байкальской природной территории, поскольку его появление стало без преувеличения достижением отечественной науки, общественности и власти. Создание федеральной территории в границах ЦЭЗ БПТ несет в себе риск «распечатывания» исходных принципов зонирования Байкальской природной территории, что вовсе не гарантирует усиления состояния сохранности озера, поскольку озеро является точкой пересечения значительного числа экономических интересов, не каждый из которых носит устойчивый характер⁸⁰. В этой связи благие намерения могут послужить своеобразным тараном для глобального изменения правил игры в Байкальском регионе.

Создание федеральной территории неизбежно повлечет за собой изменение границ Иркутской области и Республики Бурятия, что

приведет к перераспределению доходов бюджетов не в пользу двух субъектов Федерации. Наконец, сам факт федерального подчинения способен спровоцировать виток социальной напряженности, вызванной бытующими в ЦЭЗ БПТ взглядами о проводимой политике отчуждения местных жителей от озера.

Второй вариант вписывания ЦЭЗ БПТ в систему территориальных мер по охране природы предполагает ее признание особо охраняемой природной территорией. Как отмечалось, ЦЭЗ БПТ отвечает всем основным признакам ООПТ, за исключением одного — формального — признания ее таковой законом. Ее границы определены территориально, в их пределах реализуется государственная политика по сохранению уникальной экосистемы путем установления ограничений различных видов человеческой деятельности в соответствии со специальным правовым режимом. Отсутствие формального признания проистекает прежде всего из сложности квалификации вида такой ООПТ, поскольку состав территории подобных размеров не предполагает ее включения в какую-либо классификационную группу.

Однако это обстоятельство вовсе не является препятствием для признания ЦЭЗ БПТ особо охраняемой природной территорией. Как раз для таких случаев как во внутренних правовых системах, так и в международной нормативной системе выработано специальное понятие — явление *sui generis*. Неподдающиеся классификациям явления встречаются в различных областях правового регулирования и окружающей человека действительности вообще. Для их характеристики и используется указанное понятие явлений, которые «сами себе род», явлений особого рода. Им обозначают специальные права заимствования Международного валютного фонда⁸¹, правовую природу Европейского Сою-

⁷⁸ Федеральный закон от 22.12.2020 № 437-ФЗ «О федеральной территории “Сириус”» // СЗ РФ. 2020. № 52. Ст. 8583.

⁷⁹ При любой трактовке слов «экологическая» и «природная» в словосочетании «центральная экологическая зона Байкальской природной территории» предопределяют природоохранное, консервационистское начало этого режима.

⁸⁰ Например, в границах ЦЭЗ БПТ расположено Холоднинское месторождение полиметаллических руд, разработка которого стала невозможна после определения границ ЦЭЗ БПТ и их совмещения с границами ОВПН «Озеро Байкал». См.: Особенности освоения, воспроизводства и прогноз развития по 2040 год сырьевой базы свинца и цинка России / Я. В. Алексеев, Д. А. Корчагина, Д. А. Куликов [и др.] // Отечественная геология. 2024. № 2. С. 29.

⁸¹ Carroll M. B. SDRs — A Sui Generis Concept in International Monetary Law // International Lawyer. Vol. 4. No. 2. P. 269–275.

за⁸², режим охраны традиционных знаний⁸³ и многие другие юридические феномены. Эта же конструкция может быть применена к ЦЭЗ БПТ — она представляет собой экстраординарную особо охраняемую природную территорию (ООПТ *sui generis*), порожденную особыми политико-правовыми условиями общественной практики конца 90-х гг. XX в. Такое описание юридической природы ЦЭЗ БПТ отличается от предложенного в литературе⁸⁴ и поддерживаемого белорусским законодательством понятия «особо охраняемая территория международного значения»⁸⁵. Как было показано ранее в настоящей статье, МСОП справедливо отказался от деления ООПТ исходя из принадлежности их нормативной основы к национальному или международному правопорядку, а концепт ООПТ *sui generis* может быть использован и вне выполнения международных обязательств Российской Федерации для охраны пространственно протяженных природных объектов или территорий, на которых проживает значительное число граждан.

Экстраординарные особо охраняемые природные территории представляют собой теоретическую конструкцию, которая должна быть транспонирована в позитивное право исходя из действующей в конкретный исторический момент системы правовых текстов. Реализация высказанных предложений предполагает внесение изменений и дополнений в Закон об особо охраняемых природных территориях с указанием на возможность создания ООПТ путем принятия отдельного федерального закона⁸⁶. Общие положения об ООПТ подлежат применению к таким ООПТ в части, не урегулированной специальным законодательством, в той мере, в которой они не противоречат таким специальным нормам. В свою очередь, Закон

об охране озера Байкал⁸⁷ подлежит дополнению указанием на то, что территория ЦЭЗ БПТ представляет собой ООПТ.

Такое решение ясно и четко обозначит природоохранный приоритет государственной политики в отношении озера Байкал, позволит сконцентрировать управление охраной уникальной экосистемы в руках единой администрации ЦЭЗ БПТ, провести ее единое зонирование и разработать план управления в соответствии со стандартами системы охраны всемирного наследия.

Заключение

Изложенные в статье проблемы представляют собой, с одной стороны, одно из проявлений поиска оптимальных способов отношений человека и природы, а с другой — одну из граней экологического кризиса, вызванного доминирующими способами производства, основанными на изъятии невозобновляемых ресурсов, и установившейся системой отношений между Глобальными Севером и Югом.

По современным данным, только в 3 % из 772 экологических регионов мира отмечалось снижение антропогенной нагрузки более чем на 20 %, в то время как ее рост более чем на 20 % отмечен в 71 % экологических регионов⁸⁸. За период с 2000 по 2018 г. в мировом масштабе отмечается снижение показателей нетронутой дикой природы, из которой 2,1 млн кв. км было преобразовано человеком⁸⁹.

Принципиальное изменение подходов к территориальной охране природы в мире должно быть связано с изменением основ международной экономической системы, поскольку на на-

⁸² *Phelan W.* What Is Sui Generis About the European Union? Costly International Cooperation in a Self-Contained Regime // *International Studies Review*. 2012. Vol. 14. No. 3. P. 367–385.

⁸³ *Osei-Tutu J. J.* Emerging Scholars Series: A Sui Generis Regime for Traditional Knowledge: The Cultural Divide in Intellectual Property Law // *Marquette Intellectual Property Law Review*. 2011. Vol. 15. No. 1. P. 147–215.

⁸⁴ *Рыженков А. Я.* О принципах охраны озера Байкал // *Вестник Омской юридической академии*. 2018. № 2. С. 141.

⁸⁵ Закон Республики Беларусь от 15.11.2018 № 150-З «Об особо охраняемых природных территориях» // Национальный правовой интернет-портал Республики Беларусь. 13 декабря 2018 г. № 2/2588.

⁸⁶ Ординарные ООПТ при предлагаемом подходе продолжают свое существования в составе ЦЭЗ БПТ, выступающей в качестве «зонтичного» режима.

⁸⁷ Федеральный закон от 01.05.1999 № 94-ФЗ «Об охране озера Байкал» // *СЗ РФ*. 1999. № 18. Ст. 2220.

⁸⁸ Sixteen years of change in the global terrestrial human footprint and implications for biodiversity conservation / O. Venter, E. W. Sanderson, A. Magrath [et al.] // *Nature Communications*. 2016. Vol. 7. Art. 12558. P. 3.

⁸⁹ A global record of annual terrestrial Human Footprint dataset from 2000 to 2018 / H. Mu, X. Li, Y. Wen [et al.] // *Scientific Data*. 2022. Vol. 9. Art. 176. P. 7.

стоящий момент развивающиеся страны Юга обеспечивают свое развитие во многом за счет освоения нетронутых природных пространств. Практика охраны объектов всемирного природного наследия дает тому подтверждение. Добыча полезных ископаемых отмечена как угроза в 393 отчетах о состоянии 47 ОВПН⁹⁰, строительство гидротехнических сооружений — в 298 отчетах о 37 ОВПН⁹¹. Эти цифры отражают стремление к обеспечению экономического роста, который должен достигаться в том числе за счет доступа к передовым технологиям, предоставляемого странами Севера, раньше прошедшими период индустриального развития.

С точки зрения использования юридических механизмов мы полагаем необходимыми

сохранение классических территориальных подходов к охране природы и недопустимость девальвации понятия «особо охраняемая природная территория». Иные эффективные территориальные средства охраны природы на порайонной основе должны носить вспомогательный по отношению к ООПТ характер и подвергаться строгой оценке на предмет достижения долгосрочного эффекта по сохранению биоразнообразия. В свою очередь, общепланетарная значимость объектов всемирного природного наследия, внесенных в Список, предопределяет необходимость их национально-правовой охраны с использованием режима особо охраняемой природной территории.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

Анисимов А. П. Территориальная охрана природы в России и Республике Словакия: сравнительно-правовой аспект // Вестник Томского университета. Право. 2017. № 26. С. 91–99.

Особенности освоения, воспроизводства и прогноз развития по 2040 год сырьевой базы свинца и цинка России / Я. В. Алексеев, Д. А. Корчагина, Д. А. Куликов [и др.] // Отечественная геология. 2024. № 2. С. 19–37.

Рыженков А. Я. О принципах охраны озера Байкал // Вестник Омской юридической академии. 2018. № 2. С. 137–141.

Скрипник И. И., Солнцев А. М. Международный механизм соблюдения государствами обязательств по управлению охраняемыми природными территориями // Вестник РУДН. Серия «Юридические науки». 2012. № 2. С. 224–240.

Тишков А. А. Сто лет методологии территориальной охраны природы России (к 100-летию заповедного дела) // Известия Российской академии наук. Серия географическая. 2017. № 1. С. 8–19.

Чибилёв А. А., Ахмеденов К. М., Рамазанов С. К. Перспективы развития сети территориальной охраны природы Западного Казахстана // Бюллетень Оренбургского научного центра УрО РАН. 2018. № 4. С. 1–13.

A global record of annual terrestrial Human Footprint dataset from 2000 to 2018 / H. Mu, X. Li, Y. Wen [et al.] // Scientific Data. 2022. Vol. 9. Art. 176.

An introduction to «other effective area-based conservation measures» under Aichi Target 11 of the Convention on Biological Diversity: Origin, interpretation and emerging ocean issues / D. Laffoley, N. Dudley, H. Jonas [et al.] // Aquatic Conservation: Marine and Fresh Water Ecosystems. 2017. Vol. 27. No. S1. P. 130–137.

Arrowsmith C., Mirksrimi S. H. The history of the changing nature of protected area management objectives // Environmental Resources Research. 2017. Vol. 5. No. 1. P. 73–87.

Avoiding the misuse of other effective area-based conservation measures in the wake of the blue economy / J. Claudet, N. C. Ban, J. Blythe [et al.] // One Earth. Vol. 5. No. 9. P. 969–974.

Canada and Aichi Biodiversity Target 11: understanding «other effective area-based conservation measures» in the context of the broader target / D. MacKinnon, C. J. Lemieux, K. Beazley [et al.] // Biodiversity Conservation. 2015. Vol. 24. P. 3559–3581.

Carroll M. B. SDRs — A Sui Generis Concept in International Monetary Law // International Lawyer. 2008. Vol. 4. No. 2. P. 269–275.

Categories, objectives and criteria for protected areas. A final report / Committee on Criteria and Nomenclature Commission on National Parks and Protected Areas. August. 1978. IUCN, Morges, 1978. 26 p.

⁹⁰ State of Conservation // URL: https://whc.unesco.org/en/soc/?action=list&sitescategory=2&id_threats=100 (дата обращения: 15.12.2024).

⁹¹ State of Conservation.

Change the IUCN Protected Area Categories to Reflect Biodiversity Outcomes / L. Boitani, R. M. Cowling, H. T. Dublin [et al.] // *PLoS Biology*. Vol. 6. No. 3. P. 436–438.

Colten C. E., Dilsaver L. M. The Hidden Landscape of Yosemite National Park // *Journal of Cultural Geography*. 2005. Vol. 22. No. 2. P. 27–50.

Dudley N., Parrish J. D., Redford K. H., Stolton S. The revised IUCN protected area management categories: the debate and ways forward // *Oryx*. 2010. Vol. 44. No. 4. P. 485–490.

Fitzsimons J. A., Partridge T., Keen R. Other Effective Area-Based Conservation Measures (OECMs) in Australia: Key Considerations for Assessment and Implementation // *Conservation*. 2024. Vol. 4. No. 2. P. 176–200.

Hirons S., Collins C. M., Singh M. Assessing variation in the effectiveness of IUCN protected area categorisation. What remotely sensed forest integrity and human modification reveals across the major tropical forest biomes // *Ecological Indicators*. 2022. Vol. 143. art. 109337.

In defence of protected landscapes. A reply to some criticisms of category v protected areas and suggestions for improvement / J. M. Mallarach, J. Morrison, A. Kothari [et al.] // *Defining Protected Areas: An international conference in Almeria, Spain, May 2007* / N. Dudley, S. Stolton (eds). IUCN. Gland, 2008. P. 31–37.

Jackson T. W. The Creation of Yellowstone National Park // *The Mississippi Valley Historical Review*. 1942. Vol. 29. No. 2. P. 187–206.

Kopsieker L., Disselhoff T. The contribution of private land conservation to 30×30 in Germany // *Frontiers in Conservation Science*. 2024. Vol. 4. Art. 1324928.

MacKenzie J. M. *The Empire of Nature, Hunting, Conservation and British Imperialism*. Manchester University Press, 1988. 340 p.

McNeely J. A., Miller K. R. IUCN, National Parks, and Protected Areas: Priorities for Action // *Environmental Conservation*. 1983. Vol. 10. No. 1. P. 13–21.

Minin E., Leader-Williams N., Bradshaw C. J. A. Banning Trophy Hunting Will Exacerbate Biodiversity Loss // *Trends in Ecology & Evolution*. 2016. Vol. 31. No. 2. P. 99–102.

Osei-Tutu J. J. Emerging Scholars Series: A Sui Generis Regime for Traditional Knowledge: The Cultural Divide in Intellectual Property Law // *Marquette Intellectual Property Law Review*. 2011. Vol. 15. No. 1. P. 147–215.

Oxley I. Towards the Integrated Management of Scotland's Cultural Heritage: Examining Historic Shipwrecks as Marine Environmental Resources // *World Archaeology*. Vol. 32. No. 3. P. 413–426.

Paterson A. Scoping the Potential Influence of Law on Terrestrially Located Other Effective Area-Based Conservation Measures // *Law, Environment and Development Journal*. 2023. Vol. 18. No. 1. P. 32–50.

Phelan W. What Is Sui Generis About the European Union? Costly International Cooperation in a Self-Contained Regime // *International Studies Review*. 2012. Vol. 14. No. 3. P. 367–385.

Phillips A. A short history of the international system of protected areas management categories // *Defining Protected Areas: An international conference in Almeria, Spain, May 2007* / N. Dudley, S. Stolton (eds). IUCN. Gland, 2008. P. 13–17.

Phillips A. Turning Ideas on Their Head: The New Paradigm for Protected Areas // *The George Wright Forum*. 2003. Vol. 20. No. 2. P. 8–32.

Prendergast D. K., Adams W. M. Colonial wildlife conservation and the origins of the Society for the Preservation of the Wild Fauna of the Empire (1903–1914) // *Oryx*. 2003. Vol. 37. No. 2. P. 251–260.

Shafer C. L. Arguments for and against IUCN protected area management category VI with a review of state versus community governance // *Journal for Nature Conservation*. 2013. Vol. 53. Art. 125697.

Sheppard D. The New Paradigm for Protected Areas: Implications for Managing Visitors in Protected Areas // *Exploring the Nature of Management. Proceedings of the Third International Conference on Monitoring and Management of Visitor Flows in Recreational and Protected Areas*. University of Applied Sciences Rapperswil, Switzerland, 13–17 September 2006 / D. Siegrist, C. Clivaz, M. Hunziker, S. Iten (eds.). University of Applied Sciences Rapperswil, Switzerland, 2006. P. 33–45.

Sixteen years of change in the global terrestrial human footprint and implications for biodiversity conservation / O. Venter, E. W. Sanderson, A. Magrach [et al.] // *Nature Communications*. 2016. Vol. 7. Art. 12558.

Smith A. East Rennell World Heritage Site: misunderstandings, inconsistencies and opportunities in the implementation of the World Heritage Convention in the Pacific Islands // *International Journal of Heritage Studies*. 2011. Vol. 17. No. 6. P. 592–607.

REFERENCES

- Alekseev YaV, Korchagina DA, Kulikov DA, et al. Features of development, reproduction and forecast of development by 2040 of the raw material base of lead and zinc in Russia. *Otechestvennaya geologiya*. 2024;2:19-37. (In Russ.).
- Anisimov AP. Territorial nature protection in Russia and the Republic of Slovakia: Comparative legal aspect. *Vestnik Tomskogo universiteta. Pravo*. 2017;26:91-99. (In Russ.).
- Arrowsmith C, Mirksrimi SH. The history of the changing nature of protected area management objectives. *Environmental Resources Research*. 2017;5(1):73-87.
- Boitani L, Cowling RM, Dublin HT, Mace M, Parrish J, Possingham HP, Pressey RL, Rondinini C, Wilson KA. Change the IUCN Protected Area Categories to Reflect Biodiversity Outcomes. *PLoS Biology*. 6(3):436-438.
- Carroll MB. SDRs — A Sui Generis Concept in International Monetary Law. *International Lawyer*. 4:(2):269-275.
- Categories, objectives and criteria for protected areas. A final report. Committee on Criteria and Nomenclature Commission on National Parks and Protected Areas. August. 1978. IUCN, Morges; 1978.
- Chibilev AA, Akhmedenov KM, Ramazanov SK. Prospects for the development of a network of territorial nature protection in Western Kazakhstan. *Byulleten Orenburgskogo nauchnogo centra UrO RAN*. 2018;4:1-13. (In Russ.).
- Claudet J, Ban NC, Blythe J, Briggs J, et al. Avoiding the misuse of other effective area-based conservation measures in the wake of the blue economy. *One Earth*. 5(9):969-974.
- Colten CE, Dilsaver LM. The Hidden Landscape of Yosemite National Park. *Journal of Cultural Geography*. 2005;22(2):27-50.
- Dudley N, Parrish JD, Redford KH, Stolton S. The revised IUCN protected area management categories: The debate and ways forward. *Oryx*. 2010;44(4):485-490.
- Fitzsimons JA, Partridge T, Keen R. Other Effective Area-Based Conservation Measures (OECMs) in Australia: Key Considerations for Assessment and Implementation. *Conservation*. 2024;4(2):176-200.
- Hirons S, Collins CM, Singh M. Assessing variation in the effectiveness of IUCN protected area categorization. What remotely sensed forest integrity and human modification reveals across the major tropical forest biomes. *Ecological Indicators*. 2022;143. Article 109337.
- Jackson TW. The Creation of Yellowstone National Park. *The Mississippi Valley Historical Review*. 1942;29(2):187-206.
- Kopsieker L, Disselhoff T. The contribution of private land conservation to 30 × 30 in Germany. *Frontiers in Conservation Science*. 2024;4. Art. 1324928.
- Laffoley D, Dudley N, Jonas H, MacKinnon D, MacKinnon K, Hockings M, Woodley S. An introduction to «other effective area-based conservation measures» under Aichi Target 11 of the Convention on Biological Diversity: Origin, interpretation and emerging ocean issues. *Aquatic Conservation: Marine and Fresh Water Ecosystems*. 2017;27:130-137.
- MacKenzie JM. *The Empire of Nature, Hunting, Conservation and British Imperialism*. Manchester University Press; 1988.
- MacKinnon D, Lemieux CJ, Beazley K, Woodley S, Helie R, Perron J, Elliott J, Haas C, Langlois J, Lazaruk H, Beechy T, Gray P. Canada and Aichi Biodiversity Target 11: Understanding «other effective area-based conservation measures» in the context of the broader target. *Biodiversity Conservation*. 2015;24:3559-3581.
- Mallarach JM, Morrison J, Kothari A, Sarmiento F, Aauri JA, Wishitemi B. In defense of protected landscapes. A reply to some criticisms of category v protected areas and suggestions for improvement. Defining Protected Areas: An international conference in Almeria, Spain, May 2007. Dudley N, Stolton S. editors. IUCN. Gland; 2008. P. 31–37.
- McNeely JA, Miller KR. IUCN, National Parks, and Protected Areas: Priorities for Action. *Environmental Conservation*. 1983;10(1):13-21.
- Minin E, Leader-Williams N, Bradshaw CJA. Banning Trophy Hunting Will Exacerbate Biodiversity Loss. *Trends in Ecology & Evolution*. 2016;31(2):99-102.
- Mu H, Li X, Wen Y, Huang Y, et al. A global record of annual terrestrial Human Footprint dataset from 2000 to 2018. *Scientific Data*. 2022;9. Art. 176.
- Osei-Tutu JJ. Emerging Scholars Series: A Sui Generis Regime for Traditional Knowledge: The Cultural Divide in Intellectual Property Law. *Marquette Intellectual Property Law Review*. 2011;15 (1):147-215.
- Oxley I. Towards the Integrated Management of Scotland's Cultural Heritage: Examining Historic Shipwrecks as Marine Environmental Resources. *World Archaeology*. 32(3):413-426.

Paterson A. Scoping the Potential Influence of Law on Terrestrially Located Other Effective Area Based Conservation Measures. *Law, Environment and Development Journal*. 2023;18(1):32-50.

Phelan W. What Is Sui Generis About the European Union? Costly International Cooperation in a Self-Contained Regime. *International Studies Review*. 2012;14(3):367-385.

Phillips A. A short history of the international system of protected areas management categories. Defining Protected Areas: An international conference in Almeria, Spain, May 2007. Dudley N, Stolton S, editors. IUCN. Gland; 2008. P. 13–17.

Phillips A. Turning Ideas on Their Head: The New Paradigm for Protected Areas. *The George Wright Forum*. 2003;20(2):8-32.

Prendergast DK, Adams WM. Colonial wildlife conservation and the origins of the Society for the Preservation of the Wild Fauna of the Empire (1903–1914). *Oryx*. 2003;37(2):251-260.

Ryzhenkov AY. On the principles of protection of Lake Baikal. *Vestnik Omskoy yuridicheskoy akademii*. 2018;2:137-141. (In Russ.).

Shafer CL. Arguments for and against IUCN protected area management category VI with a review of state versus community governance. *Journal for Nature Conservation*. Vol. 53. art. 125697.

Sheppard D. The New Paradigm for Protected Areas: Implications for Managing Visitors in Protected Areas. *Exploring the Nature of Management. Proceedings of the Third International Conference on Monitoring and Management of Visitor Flows in Recreational and Protected Areas. University of Applied Sciences Rapperswil, Switzerland, 13–17 September 2006*. Siegrist D, Clivaz C, Hunziker M, Iten S, editors. University of Applied Sciences Rapperswil, Switzerland; 2006. P. 33–45.

Skipnik II, Solntsev AM. The international mechanism of states' compliance with obligations to manage protected natural territories. *Vestnik RUDN. Seriya «Yuridicheskie nauki» [RUDN Journal. Legal Sciences Series]*. 2012;2:224-240. (In Russ.).

Smith A. East Rennell World Heritage Site: Misunderstandings, inconsistencies and opportunities in the implementation of the World Heritage Convention in the Pacific Islands. *International Journal of Heritage Studies*. 2011;17(6):592-607.

Tishkov AA. One hundred years of methodology of territorial nature protection of Russia (on the 100th anniversary of nature conservation). *Izvestiya Rossiyskoy akademii nauk. Seriya geograficheskaya*. 2017;1:8-19. (In Russ.).

Venter O, Sanderson EW, Magrath A, Allan JR, et al. Sixteen years of change in the global terrestrial human footprint and implications for biodiversity conservation. *Nature Communications*. 2016;7. Art. 12558.

ИНФОРМАЦИЯ ОБ АВТОРЕ

Колобов Роман Юрьевич, кандидат юридических наук, доцент, научный сотрудник Федерального исследовательского центра «Иркутский институт химии имени А.Е. Фаворского СО РАН», научный сотрудник кафедры водных ресурсов ЮНЕСКО, доцент кафедры международного права и сравнительного правоведения Юридического института Иркутского государственного университета
д. 10, Улан-Баторская ул., г. Иркутск 664003, Российская Федерация
roman.kolobov@gmail.com

INFORMATION ABOUT THE AUTHOR

Roman Yu. Kolobov, Cand. Sci. (Law), Associate Professor, Researcher, Irkutsk Institute of Chemistry Federal Research Center named after A.E. Favorsky, SB RAS; Researcher at the UNESCO Department of Water Resources, Associate Professor, Department of International Law and Comparative Law, Law Institute, Irkutsk State University, Irkutsk, Russian Federation
roman.kolobov@gmail.com

Материал поступил в редакцию 20 декабря 2024 г.
Статья получена после рецензирования 16 января 2025 г.
Принята к печати 15 ноября 2025 г.

Received 20.12.2024.
Revised 16.01.2025.
Accepted 15.11.2025.

МЕЖДУНАРОДНОЕ ПРАВО JUS GENTIUM

DOI: 10.17803/1729-5920.2025.229.12.148-162

Л. П. Ануфриева

Московский государственный юридический
университет имени О.Е. Кутафина (МГЮА)
г. Москва, Российская Федерация

Российская судебная доктрина применения принципов и норм международного права

Резюме. Статья продолжает теоретическое освещение подходов к обширной и интенсивно актуализирующейся теме судебной доктрины (Ануфриева Л. П. Понятие «судебная доктрина» в отечественном правоведении (некоторые общие заметки) // *Lex russica*. 2021. № 12. С. 96–107). Непосредственным предметом рассмотрения в настоящем исследовании выступает отечественная судебная доктрина применения принципов и норм международного права (иногда называемая судебной доктриной международного права). Российская судебная доктрина применения основных принципов и норм исследуется с позиций выявления ее сущности на фоне присутствия в литературе ряда других словосочетаний: «международно-правовая доктрина», «судебная доктрина международного права», «международная судебная доктрина» (тракуемая как доктрина международного права, которая создается международными судами, арбитражами и иными органами разрешения межгосударственных споров). В свете этого важна дифференциация «международной» и «национальной» судебных доктрин международного права как различающихся категорий. Кроме того, представляется, что, когда речь идет об обращении судебных органов к международному праву, судебную доктрину отдельного государства целесообразно именовать национальной судебной доктриной применения принципов и норм международного права, хотя терминологически предлагаемое обозначение нельзя назвать устоявшимся. Однако в какую бы словесную форму ни облекалось рассматриваемое явление, нужно исходить из того, что судебная доктрина применения принципов и норм международного права, во-первых, нуждается в дефиниции; во-вторых, имеет относительно недавнюю историю и, в-третьих, имплицитно подразумевает вхождение в виде составной части в судебную доктрину конкретного государства вообще, рассматриваемую через призму его правовой системы.

Ключевые слова: международное право; научная доктрина; правовая доктрина; международная судебная доктрина; национальная судебная доктрина; обобщение судебной практики; Статут Международного Суда ООН; прецедент

Для цитирования: Ануфриева Л. П. Российская судебная доктрина применения принципов и норм международного права. *Lex russica*. 2025. Т. 78. № 12. С. 148–162. DOI: 10.17803/1729-5920.2025.229.12.148-162

Благодарности. Статья подготовлена в рамках выполнения работ по государственному заданию на тему «Российская правовая система в реалиях цифровой трансформации общества и государства: адаптация и перспективы реагирования на современные вызовы и угрозы (FSMW-2023-0006)». Регистрационный номер ЕГИСУ НИОКТР: 124012000079-6.

The Russian Judicial Doctrine on the Application of the Principles and Rules of International Law

Ludmila P. Anufrieva

Kutafin Moscow State Law University (MSAL)
Moscow, Russian Federation

Abstract. The paper continues the theoretical coverage of approaches to the extensive and intensively actualizing topic of judicial doctrine (Anufrieva LP. The Concept of «Judicial Doctrine» in Russian Jurisprudence (General Notes). *Lex russica*. 2021;12:96-100). The immediate subject of consideration in this study is the domestic judicial doctrine on the application of the principles and rules of international law (sometimes referred to as the judicial doctrine of international law). The Russian judicial doctrine on the application of basic principles and rules is studied from the perspective of identifying its essence against the background of the presence in the literature of a number of other phrases: «international legal doctrine», «judicial doctrine on international law», «international judicial doctrine» (interpreted as the doctrine of international law, which is created by international courts, arbitrations and other bodies for resolving interstate disputes). In light of this, it is important to differentiate the «international» and «national» judicial doctrines on international law as distinct categories. In addition, it seems that when it comes to the appeal of judicial authorities to international law, it is advisable to refer to the judicial doctrine of an individual state as the national judicial doctrine on the application of the principles and rules of international law, although terminologically the proposed designation cannot be called established. However, no matter what verbal form the phenomenon in question takes, it must be assumed that the judicial doctrine on the application of the principles and rules of international law, firstly, needs to be defined; secondly, it has a relatively recent history and, thirdly, implicitly implies its entry as an integral part into the judicial doctrine of a particular state, which is generally viewed through the prism of its legal system.

Keywords: international law; scientific doctrine; legal doctrine; international judicial doctrine; national judicial doctrine; generalization of judicial practice; Statute of the International Court of Justice; precedent

Cite as: Anufrieva LP. The Russian Judicial Doctrine on the Application of the Principles and Rules of International Law. *Lex russica*. 2025;78(12):148-162. (In Russ.). DOI: 10.17803/1729-5920.2025.229.12.148-162

Acknowledgements. The paper was prepared as part of a government assignment on «The Russian legal system in the context of digital transformation of society and the state: Adaptation and prospects for responding to modern challenges and threats (FSMW-2023-0006)». Registration number EGISU NIOKTR: 124012000079-6.

Введение

Геополитические условия современности, повлиявшие на состояние международных отношений и изменения в международно-правовой системе, служат драйвером усложнения инструментария взаимодействия двух систем права, конструирования и оснащения различных каналов их взаимного проникновения и воздействия друг на друга. «Международная» и «национальная» судебные доктрины применения принципов и норм международного права — неочевидные, но действенные части этих механизмов, так как именно национальная судебная доктрина применения международно-правовых норм выступает едва ли не стержневым элементом позиции государства в части решения дилемм соотношения международ-

ного и внутригосударственного права. Зарубежная международно-правовая наука выделяет другой вектор влияющих на международное и национальное право изменений — увеличение числа международных судов, расширение их юрисдикционных полномочий, более частое обращение к ним государственных и негосударственных сторон, а также растущая склонность национальных судов применять международное право¹. Таким образом, с учетом действия совокупно и того и другого указанного направления нынешняя постановка вопроса о международном праве вообще, его доктрине и тем более о формировании и функционировании национальной судебной доктрины в области применения основных (общепризнанных) принципов и норм международного права по разным причинам представляет собой необы-

¹ См.: Shany Y. No Longer a Weak Department of Power? Reflections on the Emergence of a New International Judiciary // *European Journal of International Law*. Vol. 20. 2009. No. 1. P. 73.

чайно остро звучащую тему как в правоведении, так и в непосредственной деятельности судов и даже в правоприменении в целом, которая начала интенсивно исследоваться и в общем продвигаться вперед, хотя и с отставанием от уровня развития судебной доктрины, поступь которой в России можно, подходу с некоторой долей юмора, выразить лозунгом: «От “правовых позиций” судов — к судебной доктрине, “судебной юриспруденции” и “доктрине судебной юриспруденции”»².

Отклик науки и практики в отношении судебного применения принципов и норм международного права российскими судами соразмерен имеющимся тенденциям и их масштабам, действующим на данный момент в международной реальности. Закономерен факт, что чем больше судебные учреждения конкретного государства обращаются к принципам и нормам международного права в ходе осуществления правосудия, тем более развернутой и фундированной становится его судебная доктрина в указанном плане. Объективной основой и импульсом для возникновения и развития национальной судебной доктрины международного права послужили количественное и качественное нарастание международных связей между государствами, расширение географических и предметных сфер отношений и их усложнение, обусловившие обращение судов к международно-правовым нормам для целей разрешения дел. Некоторые из обозначенных и иные факторы, затрагивающие внутригосударственную сферу и активизацию деятельности национальных судов, характерны и для применения международного права международными органами правосудия, что подмечено и зарубежной наукой³. В частности, Ю. Шейни указывает на этот счет: «В то время, как в прошлом международное право применялось относительно редко, функционирование новой международной системы правосудия стало гораздо более “рутинным”, то есть международное право начало применяться чаще и с меньшей помпой, чем это было ранее»⁴. В кон-

тексте выявленных в международном правосудии недостатков автор выделяет возросшую роль национальных судов в качестве правоприменителей международного права, которая, по его мнению, может оказаться весьма действенной, хотя «существуют пределы тому, в какой степени национальные суды способны заполнить институциональный вакуум, который всё еще остается на межгосударственном уровне»⁵.

В то же время нынешний этап в политическом срезе действительности международных отношений и геополитической ситуации в мире обуславливает появление специфических черт для повышения значения формирования российской судебной доктрины применения принципов и норм международного права. Помимо всего прочего, внимание к данной области в нашей стране, думается, не в последнюю очередь продиктовано противодействием «санкционному давлению» на Россию со стороны западного блока государств и перекосам в межгосударственных отношениях, нападкам на эффективность международного права, а также вызвано необходимостью подчеркнуть охраняемые им ценности, которые всё чаще стали выпадать из фокуса международного сообщества, и высветить, кроме того, в национальной (русской) судебной доктрине применения принципов и норм международного права надлежащую его природу и место в современном миропорядке.

Понятие, признаки и генезис судебной доктрины. Международная и национальная судебные доктрины применения принципов и норм международного права

Не секрет, что практика российских судов в части применения принципов и норм международного права не может похвастаться богатым прошлым по объективно-историческим причинам: не слишком длительный срок ее существования и не столь большой объем дел, требовавших обращения к международному праву. На фоне

² Термины «судебная юриспруденция» и «доктрина судебной юриспруденции» см.: Судебная юриспруденция: от доктрины к единообразию судебной практики : монография / отв. ред. Н. С. Бондарь. М. : ИЗИСП при Правительстве РФ : Норма : Инфра-М, 2024. С. 11.

³ См.: *Shany Y. Op. cit.* P. 76.

⁴ *Shany Y. Op. cit.* P. 76.

⁵ *Shany Y. Op. cit.* P. 76.

Оставим в стороне могущее возникнуть в результате прочитанного об «институциональном вакууме» ощущение, являющееся несомненным заблуждением, будто бы внутригосударственные суды в принципе в состоянии заменить собой международные органы разрешения межгосударственных споров.

интенсивного научного осмысления понятия «судебная доктрина» применительно к историко-правовым, общетеоретическим аспектам, затронутым отечественной и зарубежной юридической наукой⁶, анализ неотъемлемой ее составляющей, которая касается применения международно-правовых принципов и норм, существенно отстает не только количественно, но и по разветвленности исследований, если судить по не очень многочисленным публикациям⁷ (иногда фрагментарным, «точечным» либо фактологически-описательным) по отдельным вопросам, частично или косвенно лежащим в плоскости судебной доктрины применения международного права в России.

Лишь в наше время — практически с началом третьей декады XXI столетия — в одном из коллективных трудов, в котором сделан шаг к обеспечению всестороннего взгляда на понятие «судебная доктрина», нашлось специальное место и для теоретического подхода к особому предмету — судебной доктрине применения норм международного права в национально-правовых и международно-правовой системах, равно как и для концептуального обоснования отдельных характеристик, предпосылок возникновения, проявления специфических их черт, попыток моделирования и др.⁸ Вслед за энциклопедическими и специальными изданиями прошлого⁹ в нем указывается, что под *доктриной международного права* в широком смысле

понимается система взглядов и концепций о сущности и назначении международного права в конкретных исторических условиях, в узком смысле — научные труды юристов-международников¹⁰. Здесь стоит подчеркнуть, что надлежащим ракурсом в приближении к судебной доктрине международного права, конечно же, должен быть избран именно широкий взгляд на изучаемое явление. Вместе с тем в структуре вышеупомянутой монографии различным сторонам общих понятий и обозначений «доктрина международного права»/«судебная доктрина международного права» с фокусом на предмете отведено, по сути, два раздела («К вопросу о международно-правовой модели судебной доктрины» (§ 3 гл. I) и «Концептуализация доктрины судебного прецедента в практике Международного Суда ООН» (§ 3 гл. II)¹¹. Из вышеприведенных наименований явствует, что в обоих случаях работа стремится к освещению нетривиальных проблем, однако содержательно их рассмотрение остается, по существу, в стороне от магистральной направленности труда: первый из указанных параграфов в целом представляет собой очерк институционального (структурного) подхода к международному правосудию, воссоздающий картину возникновения и эволюции международных судебных учреждений, пролиферации международных судов и отличий международного суда от внутригосударственных судов, а второй посвящен собственно Меж-

⁶ См. об этом: Ануфриева Л. П. Указ. соч. С. 97–98.

⁷ См., например: Ашавский Б. М. О роли доктрины в современном международном праве // Московский журнал международного права. 2012. № 1. С. 49–55; Хлестов О. Н. Российская доктрина международного права // Евразийский юридический журнал. 2013. № 3 (58); Гаджиев Х. И. Правовые доктрины, содействующие эффективности имплементации Конвенции в национальный правовой порядок // Имплементация решений Европейского Суда по правам человека в российской правовой системе. М., 2019; Сидоренко А. И. Судебные доктрины в сфере интеллектуальных прав в России и за рубежом // Журнал зарубежного законодательства и сравнительного правоведения. 2021. № 3. С. 100–115.

⁸ Судебные доктрины в российском праве: теория и практика : монография / П. П. Серков, В. В. Лазарев, Х. И. Гаджиев [и др.] ; отв. ред. В. В. Лазарев, Х. И. Гаджиев. М. : ИЗИСП : Норма : Инфра-М, 2020. С. 50–70, 124–142.

⁹ См.: Словарь международного права / Дипломат. акад. МИД СССР ; М. М. Аваков [и др.]. 2-е изд., перераб. и доп. М. : Междунар. отношения, 1986. С. 76; Большая юридическая энциклопедия: БЮЭ / авт. и сост. А. Б. Барихин. М. : Книжный мир, 2010; Додонов В. Н. Международное право : словарь-справочник / под общ. ред. В. Н. Трофимова. М. : Инфра-М, 1997. С. 65.

¹⁰ Большая юридическая энциклопедия. С. 219–220.

¹¹ Имеются и иные разделы, содержащие аллюзии на некоторые международно-правовые аспекты судебной доктрины: «Судебный прецедент в практике ЕСПЧ и российских судов (сравнительный анализ)» (§ 2 гл. II, с. 107–124), который всё же предметно и содержательно-понятийно стоит несколько особняком по отношению к единству проблематики судебной доктрины международного права с позиций строгого подхода; «Международно-правовой реализм судебной интерпретации и его проявление в

дународному Суду ООН и концепции судебного прецедента в рамках его деятельности.

В то же время уже в предисловии формулируется весьма плодотворный со многих позиций тезис, касающийся системы воззрений и интерпретаций, подлежащих выявлению применительно к судебной доктрине, следовательно, и к судебной доктрине международного права. В своих рекомендациях авторы предлагают обращаться в научном осмыслении не только к средствам формулирования отдельных теоретико-правовых обобщений, но также и к практико-ориентированным приемам анализа в связи с поиском способа перекинуть мост между общим (абстрактным предписанием правовой нормы) и конкретным жизненным случаем, подлежащим правовому решению¹². Помимо этого, выдвигаются и иные важные требования общего порядка в связи с концептуальными решениями моделирования национальных судебных доктрин международного права (в частности, необходимость сосредоточиться также на внешних факторах воздействия), что является оправданным, поскольку на современное правовое регулирование влияют не только национальные тенденции, но и общемировые (региональные) процессы по сближению правовых систем, увеличению числа межгосударственных связей и обязательств¹³ и др.

Вместе с тем нужно добавить, что с частью понятийного аппарата, касающегося судебной доктрины международного права, по причине разнообразия его составляющих предстоит еще долго разбираться. Как вытекает из изложенного, «международная судебная доктрина» международного права сосуществует с таковой «национальной», причем и то и другое требует конкретизации: что такое «международная судебная доктрина международного права», из чего она состоит и обладает ли единством; что

понимается под «национальной судебной доктриной международного права»; какова идентификация «российской судебной доктрины применения принципов норм международного права»; соотношение «доктрины международного права» в общенаучном смысле, «международной судебной доктрины» применения норм международного права и «национальной судебной доктрины международного права», в том числе российской судебной доктрины применения принципов и норм международного права и т.д.¹⁴ Не на все вопросы сиюминутно можно дать ответы, но выявить существенные черты некоторых из приведенных обозначений необходимо.

Понятие «национальная судебная доктрина международного права» (в том числе и российская так называемая *судебная доктрина международного права*) а лучше сказать — *судебная доктрина применения принципов и норм международного права*) выглядит не слишком исчерпывающим и точно определенным в зарубежной и отечественной юридической науке. Современные курсы международного права в большинстве случаев весьма лаконичны в отношении упоминаний даже о *доктрине права* в целом, а применительно к *судебной доктрине международного права* в национальной сфере практически индифферентны. Весьма критично они настроены и по отношению к *доктрине международного права*. Так, в немецком коллективном труде по международному праву под редакцией В. Г. Витцтума указывается, что роль «научной доктрины следует из ее исторического значения. <...> Международно-правовые концепции ученых различных стран и культур в настоящее время с трудом согласуются друг с другом», причем наблюдается снижение влияния коллективных мнений и коллективных заявлений международных ассоциаций юристов¹⁵.

толковании национальных судов» (§ 3 гл. III, с. 182–204). Нельзя также проигнорировать присутствие в монографии § 1 гл. II «Доктрина юридического суверенитета государства как социально-политический концепт судебной деятельности» (автор — В. В. Лазарев, с. 92–106).

¹² Судебные доктрины в российском праве: теория и практика. С. 11.

¹³ См.: Судебные доктрины в российском праве: теория и практика. С. 11–12.

¹⁴ Появившееся в новейших отечественных публикациях специфическое обозначение — «судебная юриспруденция» — квалифицируется авторами в качестве межотраслевой, междисциплинарной категории. Обладает ли тем же статусом «доктрина судебной юриспруденции» — неясно (см.: Судебная юриспруденция: от доктрины к единообразию судебной практики. С. 11).

¹⁵ См.: Международное право = Volkerrecht / В. Г. Витцтум, М. Боте, Р. Дольцер [и др.] ; пер. с нем. Н. Спица ; сост. В. Бергманн. 2-е изд. М. : Инфотропик Медиа, 2015. Кн. 2. § 147.

Под историческим значением доктрины, скорее всего, надо понимать былое непосредственное воздействие трудов отдельных теоретиков и мыслителей на правотворчество; недаром международное

Что и говорить, спустя десятилетие после опубликования приведенных слов диссонанс мог только усилиться!

В том же, что касается «национальной судебной доктрины международного права», возникают сомнения даже в *возможности* распространения такого понятия на любое государство мира, вследствие чего не все специалисты безоговорочно считают понятие «судебная доктрина» пригодным для использования в российской правовой действительности. Ввиду отмеченного целесообразно обратиться к истокам анализируемого явления.

В научно-теоретических источниках констатируется, что судебная доктрина как юридическое понятие возникло в судебной практике США в связи с прецедентным правом, когда судьи при разрешении однотипных дел в целях обобщения массива прецедентов выработывали типовые подходы, которые и стали называться судебными доктринами, и «за годы существования суды США накопили огромное количество судебных прецедентов, разобраться в которых было непросто даже профессионалам»¹⁶. Однако, как указывают специалисты, «данная категория активно применяется в судебной практике США в специальном значении, не известном российской правовой системе, а именно в значении принципа (концепции) решения судебных дел, сходных по характеру. В процессе разрешения множества сходных судебных дел значение первого прецедента (первоисточника) постепенно утрачивается, благодаря многократному применению прецедент воспринимается как существующий сам по себе в виде судебной доктрины, которая исполняет роль эффективного средства обобщения судебной практики. Судебная доктрина имеет более высокий иерархический статус по сравнению с единичным прецедентом, который может быть

проигнорирован или отменен в последующих случаях»¹⁷.

Распространившийся не только в других странах Common Law, но и в государствах с системами континентального права термин «судебная доктрина» приобрел собственный смысл и назначение — выработка сходных прецедентов или решений по однотипным либо близким по характеру и предмету делам на основе устойчивых, типовых подходов и методов разрешения споров с учетом критериев, сложившихся в практике национальных судов, в целях *обобщения судебной практики*. Заслуживают внимания выводы юристов, касающиеся основных отличий судебных доктрин США от известных российской правовой системе научных доктрин и официальных политико-правовых доктрин:

1) судебная практика является источником подобных доктрин;

2) судебные доктрины формируются на основе принципа прецедента в результате принятия серии судебных решений;

3) судебные доктрины носят нормативный характер, но не имеют четкой внутренней структуры;

4) они являются универсальным средством обобщения обширной судебной практики¹⁸.

Даже беглый взгляд позволяет заключить, что большинство перечисленных позиций невозможно ни перенести на российскую почву, ни вплести в канву материи «судебной доктрины международных судов». Вместе с тем в свете обсуждаемых аспектов уместно, хотя бы попутно, упомянуть два небезынтересных факта. С одной стороны, специалисты отвергают пригодность ставшего распространенным в современных обстоятельствах трансформировавшегося смысла понятия «судебная доктрина» (т.е. обобщения прецедентов на основе

право и международное частное право именовались правом ученых, правом профессоров, университетским правом и т.д. с необычайно высоким коэффициентом *opinio doctorum* (см. об этом: Ануфриева Л. П. Указ. соч. С. 98–99).

¹⁶ Судебные доктрины в российском праве: теория и практика. С. 63.

¹⁷ Тарибо Е. В. Доктрины Конституционного Суда Российской Федерации в сфере налогообложения (теоретический и практический аспекты) : автореф. дис. ... канд. юрид. наук. М., 2005. С. 11–12.

¹⁸ Тарибо Е. В. Доктрины Конституционного Суда Российской Федерации в сфере налогообложения... С. 12. Сравним приведенное с общим понятием судебной доктрины, как его увидели отечественные теоретики на более позднем этапе проведения исследований по проблеме: «Судебная доктрина, таким образом, представляет собой подтвержденный авторитетом судебной власти испытанный подход к решению конкретных судебных дел в контексте достижений правовой науки и судебной практики, одновременно направленный на их развитие» (см.: Гаджиев Х. И. Судебные доктрины и эффективность правоприменения // Журнал российского права. 2019. № 6. С. 14).

критериев устойчивых или типовых подходов и методов разрешения споров) для формирования дефиниции «международная судебная доктрина» («доктрина международных судов»)»¹⁹. С другой стороны, на базе соотнесения понятия судебной доктрины в англо-американском праве с результатами рассмотрения аналогичных по характеру дел в практике Конституционного Суда РФ российские правоведы аргументируют применимость понятия «судебная доктрина» в вышеуказанных параметрах. Так, Е. Т. Тарибо приходит к выводу, что «с увеличением количества решений Конституционного Суда РФ складываются объективные предпосылки для возникновения судебных доктрин в российском праве», и отмечает, что «уже сегодня могут быть выявлены судебные доктрины Конституционного Суда РФ (например, доктрина скрытых полномочий президента, доктрина необязательности налоговых льгот)»²⁰. Не углубляясь ни в апологетику, ни в критику этих суждений, необходимо задаться вопросом, имеет ли сформулированная констатация одну конкретную дефиницию или более широкий спектр в сфере ее приложения, исходя из дифференциации категорий судебных учреждений в стране.

Судебная доктрина применения принципов и норм международного права в России

Указанные выше тонкости понимания существования судебной доктрины, думается, допустимо иметь в виду если не для дефиниции, то для отражения «национальной специфики» российской юридической реальности в преломлении к анализу модели судебной доктрины, хотя могут иметься и определенные изъяны в том, что касается некоторых ее деталей, особенностей или сопутствующих условий. Правда, отдельно требуется выделить «родовое» качество судебной доктрины, которое присутствует и в случае российской национальной судебной доктрины, —

способность выступать инструментом обобщения судебной практики.

В этом плане, очевидно, не будет искажением действительности констатировать отсутствие однородности, целостности и единства судебной доктрины в сфере применения принципов и норм международного права, выстроенной в закономерностях системы, т.е. как системного явления. Кое-что в подтверждение этого можно найти в современных разработках по теории права и государства: «...Несмотря на определенные ориентиры, которые закладываются в решениях и правовых позициях вышестоящих судов, а также некоторые универсальные подходы к толкованию судами юридических норм, сохраняется проблема единства судебной практики»²¹. Приведенное *mutatis mutandis* справедливо и в оценках состояния процессов (а главное — результатов) толкования норм международного права российскими судами в ходе правоприменения, имеющего в принципе судебную доктрину международного права интегральной частью общегосударственной практики деятельности судов.

В самом деле, отдельные судебные акты КС РФ, серии постановлений пленумов ВС РФ (а ранее и ВАС РФ), информационные письма и обзоры²², предназначенные для разъяснения высшими инстанциями норм права и приведения к единообразию судебной практики в стране в случаях, когда разрешение споров и рассмотрение общественных отношений в их рамках требуют обращения к принципам и нормам международного права, хотя и наличествуют, но не формируют доказательств системности в построении судебной доктрины в обозначенной области, поскольку документы, ее составляющие, носят разрозненный, спорадический характер, несмотря на соблюдение «тематического» критерия.

Вместе с тем неверно было бы отрицать значение упомянутых и других судебных актов, относящихся к рассматриваемой проблеме по-

¹⁹ Судебные доктрины в российском праве: теория и практика. С. 64 (автор раздела — А. Я. Капустин).

²⁰ Тарибо Е. В. Судебные доктрины и практика Конституционного Суда Российской Федерации // Право и политика. 2005. № 2. С. 118–220.

²¹ Гук П. А. Судебное толкование и применение норм законодательства // Общественные науки. Право. 2016. № 2 (38). С. 35–43.

²² Здесь имеются разные по иерархии документы: постановление Пленума Верховного Суда РФ от 31.10.1995 № 8 (ред. от 03.03.2015) «О некоторых вопросах применения судами Конституции Российской Федерации при осуществлении правосудия» // Бюллетень Верховного Суда РФ. 1996. № 1 ; постановление Пленума Верховного Суда РФ от 10.10.2003 № 5 (ред. от 05.03.2013) «О применении судами общей юрисдикции общепризнанных принципов и норм международного права и междуна-

нимания, эволюции и этапов формирования судебной доктрины международного права в России. Так, в свое время, формулируя разъяснения нижестоящим судам, Пленум Верховного Суда РФ в постановлении от 27.06.2013 № 21 «О применении судами общей юрисдикции Конвенции о защите прав человека и основных свобод от 4 ноября 1950 г. и Протоколов к ней» указал: «Согласно принципу subsidiarity, являющемуся одним из основных принципов деятельности Европейского Суда по правам человека, защита прав и свобод человека, предусмотренных Конвенцией о защите прав человека и основных свобод от 4 ноября 1950 г. и Протоколами к ней... возлагается прежде всего на органы государства, в том числе на суды» (п. 1)²³. Тем самым в российскую судебную практику была официально введена новая категория — «принцип subsidiarity», который

означает, что механизм, предусматриваемый в Конвенции, является вспомогательным по отношению к государственным судебным системам²⁴. В нормативном отношении доктрина subsidiarity известна как праву Европейского Союза, так и отдельным национальным правовым системам, правда, со своим юридическим содержанием.

От чего же еще следует отталкиваться в понимании феномена «национальная судебная доктрина международного права»? Как бы банально это ни звучало, важно подчеркнуть роль общетеоретических основ, выработанных применительно к близким понятиям, содержащим термин «доктрина», которые были освещены в настоящем исследовании, так и в публикациях других авторов. Иными словами, необходимо выявить значение концепта «судебная доктрина международного права» на

родных договоров Российской Федерации» // Бюллетень Верховного Суда РФ. 2003. № 12 ; постановление Пленума ВАС РФ от 11.06.1999 № 8 (ред. от 27.06.2017 «О действии международных договоров Российской Федерации применительно к вопросам арбитражного процесса» // Вестник ВАС РФ. 1999. № 8 ; информационное письмо Президиума ВАС РФ от 22.12.2005 № 96 «Обзор практики рассмотрения арбитражными судами дел о признании и приведении в исполнение решений иностранных судов, об оспаривании решений третейских судов и о выдаче исполнительных листов на принудительное исполнение решений третейских судов» // Вестник ВАС РФ. 2006. № 3 ; информационное письмо Президиума ВАС РФ от 26.02.2013 № 156 «Обзор практики рассмотрения арбитражными судами дел о применении оговорки о публичном порядке как основания отказа в признании и приведении в исполнение иностранных судебных и арбитражных решений» // Вестник ВАС РФ. 2013. № 5 ; постановление Пленума Верховного Суда РФ от 27.06.2013 № 21 «О применении судами общей юрисдикции Конвенции о защите прав человека и основных свобод от 04.11.1950 и Протоколов к ней» // Бюллетень Верховного Суда РФ. 2013. № 8, август ; постановление Пленума Верховного Суда РФ от 27.06.2017 № 23 «О рассмотрении арбитражными судами дел по экономическим спорам, возникающим из отношений, осложненных иностранным элементом» // Бюллетень Верховного Суда РФ. 2017. № 8, август ; Обзор практики разрешения судами споров, связанных с защитой иностранных инвесторов (утв. Президиумом Верховного Суда РФ 12.07.2017) // Бюллетень ВС РФ. 2018. № 7, июль ; Обзор практики применения судами общепризнанных принципов и норм международного права и международных договоров Российской Федерации при рассмотрении уголовных дел (утв. Президиумом Верховного Суда РФ 08.12.2021). См. также периодические обзоры практики межгосударственных органов по защите прав и основных свобод человека, подготовленные Верховным Судом РФ (2015, 2018, 2020, 2022 гг.).

²³ См. также: п. 2 постановления: «Как следует из положений статьи 46 Конвенции, статьи 1 Федерального закона от 30 марта 1998 г. № 54-ФЗ “О ратификации Конвенции о защите прав человека и основных свобод и Протоколов к ней”, правовые позиции Европейского Суда по правам человека... которые содержатся в окончательных постановлениях Суда, принятых в отношении Российской Федерации, являются обязательными для судов».

²⁴ Подробнее см.: *Гаджиев Х. И.* Влияние правовой аргументации на эффективность международного и национального правосудия // Журнал российского права. 2021. № 6. С. 148–161 ; *Аристова К. С.* Принцип subsidiarity в деятельности Европейского Суда по правам человека : автореф. дис. ... канд. юрид. наук. М., 2012. С. 3. URL: <http://dislib.ru/yuridicheskie/108725-1-princip-subsidiarnosti-deyatelnosti-evropeskogo-suda-po-pravam-cheloveka.php>.

Некоторые юристы, опираясь на научный аппарат философии, апологизируют философский «принцип дополнительности» в качестве составляющей правового принципа subsidiarity (см.: *Лазарев В. В.*

основе ее сопоставления с сопряженными объектами, коррелятами в рамках которого будут выступать уже фигурировавшие понятия: «наука»/«научная доктрина», «правовая доктрина», «судебная доктрина». Юристы из Польши и России (заметим, оправданно) считают, что «роль юридической доктрины особенно важна в таких сферах, как законотворческий процесс и правоприменительная практика. Законодатель не просто черпает из науки категориальный и дефинитивный материалы, а основывается на разрабатываемых ею концептуальных положениях, определяемых в ней стратегических направлениях, заимствуя методологические основы и правовые принципы. Правоприменительная практика также прибегает к доктринальным выводам и аксиомам»²⁵. В том, что касается уяснения понятий, в которые входит термин «доктрина», безусловно важно понимание связи между всеми позициями обозначенного списка. Наряду с этим, непреложно и требование об их разграничении. Наиболее уязвимым пунктом является дифференциация науки и доктрины, а именно он и становится центральным при использовании часто цитируемых норм Статута Международного суда ООН (ICJ). В вышеупомянутом труде авторы констатируют распространение определений, уравнивающих эти понятия: «Однако сами по себе результаты науки, воплощенные в статьях, монографиях и диссертациях, еще не составляют доктрины. Многие научно значимые теоретические выводы не могут быть однозначно верифицированы общественной практикой, в то время как доктринальные положения обяза-

тельно подтверждаются эмпирически. Обоснованным представляется широкий взгляд на доктрину как на принятое в науке мнение, которое ассоциируется со школой или авторитетным юристом, комплексами идей, но не совокупностью личностей. Не вся юридическая наука преобразуется в доктрину, и не вся доктрина является воплощением науки»²⁶. С последними тезисами сложно не согласиться. Понятно, что простое цитирование (даже самое обильное) в судебных актах высказываний или аргументов отдельных авторов по тому или иному вопросу, встречающееся порой в правоприменительной практике²⁷, не в состоянии выступить в качестве судебной доктрины.

Сложности правоприменения и решения конкретных проблем в случаях использования международного права и формирования доктрины обусловлены тем, что суду приходится иметь, как водителю автомобиля, периферическое зрение: особенности судебной доктрины международного права предполагают необходимость обращаться и учитывать не только правовую доктрину собственной страны, но и доктрину международного права, выработанную международными судебными учреждениями и иными органами, а также национальные правовые и судебные доктрины в области международного и внутригосударственного права и сравнительного правоведения (компаративистики) прочих государств. Здесь, таким образом, как нигде, уместен прием интегративного мышления и выработанный на его основе подход, постулируемый в литературе²⁸. Именно таким путем доктрина законных ожиданий

Философские основы имплементационной деятельности // Журнал российского права. 2020. № 9. С. 5–18).

²⁵ См.: Доктрина права: понятие, сущность, национальные особенности / под общ. ред. Р. В. Пузикова, Я. Зелинского. Тамбов : Издательский дом ТГУ имени Г.Р. Державина, 2016. С. 12.

²⁶ Доктрина права: понятие, сущность, национальные особенности. С. 12.

Однако нельзя в этой связи не привести мнение В. Фридмана, усматривавшего предназначение науки в выработке «дерзких идей», причем наука, по его мнению, должна оставаться задачей отдельных специалистов (см.: *Friedmann W. The Changing Structure of International Law*. New York, Columbia University Press, 1964. P. 149).

²⁷ См. в этой связи: решение Арбитражного суда Ростовской области от 28.02.2014 № А53-29016/2013 по иску общероссийской общественной организации «Общество по коллективному управлению правами “Всероссийская организация интеллектуальной собственности”» к ответчику обществу с ограниченной ответственностью «Текстиль-маркет “Модерн мужская одежда”», г. Ростов н/Д ; постановление Пятнадцатого Арбитражного апелляционного суда г. Ростова-на-Дону от 08.02.2015 № 15АП-4696/2014 по апелляционной жалобе на решение Арбитражного суда первой инстанции по указанному делу // СПС «КонсультантПлюс».

²⁸ См.: *Гаджиев Х. И. Судебные доктрины и эффективность правоприменения* // Журнал российского права. 2019. № 6. С. 20 ; *Lewis C. Fairness. Legitimate Expectations and Estoppel* // *Modern Law Review*. 1986.

(legal expectation), зародившаяся в английском правопорядке в качестве судебного контроля в административном праве, была введена Европейским Судом по правам человека постановлением по спору *Pine Valley Developments LTD. and Others v. Ireland* (Judgment of 29 November 1991²⁹) и стала применяться им в дальнейшем³⁰. Нечто похожее свойственно и праву Всемирной торговой организации — оно оперирует презумпцией разумных ожиданий, активно используемой третейскими группами и Апелляционным органом при разрешении споров в ОРС ВТО. Любопытно, что в комментариях, выпускавшихся в свое время на систематической основе ВАС РФ³¹, к практике рассмотрения коммерческих споров, компетенцией по которым обладают российские арбитражные суды,

о «доктрине законных ожиданий» нет упоминания, но применительно к тому же делу *Stretch v. the United Kingdom* другие аналитики поставили элемент требования в более «приземленный» контекст права «на получение от государства денежных возмещений вреда, возврата налоговых выплат»³² (что в принципе указывает на разочтение и отсутствие в конечном счете консолидированного доктринального взгляда). Можно привести немало примеров судебных доктрин в самых разных сферах отечественного правоприменения: уголовном, налоговом, торговом, банковском, гражданском и предпринимательском праве³³.

Роль судебных обзоров и комментариев несомненно позитивна, если она состоит не только в анализе судебной практики, но и в

Vol. 49. Iss. 2. P. 250–252 ; *Кондрашова М. А.* Соотношение эстоппеля и доктрины законных ожиданий // Вестник гражданского права. 2020. № 3. С. 199–214.

²⁹ В пункте 51 постановления ЕСПЧ от 29.11.1991 по делу *Pine Valley Developments Ltd. and Others v. Ireland* Суд отметил, что законные ожидания могут послужить основанием для защиты интересов частного лица, если они возникли на основании решения, принятого органом власти при отсутствии полномочий на его принятие, в целях компенсации ущерба, причиненного таким решением частному лицу, и устранения несправедливости (URL: <http://hudoc.echr.coe.int/rus?i=001-57711>).

³⁰ В частности, в постановлении Европейского Суда по правам человека от 24.07.2003 по спору *Stretch v. the United Kingdom* (жалоба № 44277/98) дан четкий утвердительный ответ по поводу защиты законных ожиданий частного лица, если основанием их возникновения является решение, принятое органом публичной власти с нарушением компетенции или с превышением полномочий (URL: <http://hudoc.echr.coe.int/rus?i=001-61173> (дата обращения: 12.08.2025)).

³¹ См.: Анализ и комментарии постановлений Пленума и обзоров Президиума Высшего Арбитражного Суда Российской Федерации / Д. В. Афанасьев, Л. В. Белоусов [и др.] ; под ред. Л. А. Новоселовой, М. А. Рожковой. М. : Статут, 2008. Вып. 5. 247 с.

В свете обсуждения явления «российская судебная доктрина» и проблем судебной практики в РФ именно в части формирования судебной доктрины обращение к подобным публикациям особенно примечательно, поскольку они проливают свет и на особенности понятия судебной доктрины: «Основная цель данных изданий — анализ и комментариев позиций, сформулированных в постановлениях Пленума Высшего Арбитражного Суда РФ и в информационных письмах Президиума Высшего Арбитражного Суда РФ. <...> В обычных условиях изменения законодательства арбитражные суды начинают руководствоваться нормами обновленного закона с момента вступления его в действие. Ситуация несколько усложняется, если в отношении применения той или иной правовой нормы сложилась устойчивая судебная практика, и в условиях действия принципиального изменения законодательства такая практика не может рассматриваться как соответствующая закону. <...> Судебная практика в подобных условиях начинает формировать различные подходы к решению одних и тех же вопросов, что негативно сказывается в первую очередь на возможностях обращающихся в арбитражные суды лиц оперативно и эффективно защитить свои права» (с. 2).

³² См.: Анализ и комментарии постановлений Пленума и обзоров Президиума Высшего Арбитражного Суда Российской Федерации. С. 12.

³³ О применении доктрины разумной деловой цели, доктрины приоритета существа над формой, доктрины фактического выгодоприобретателя и других в делах по налогообложению см.: *Смирнов Г.* Использование судебных доктрин ВАС при применении уголовного закона // Информационный портал «Право.ру». URL: <https://pravo.ru/review/view/66236/> (дата обращения: 10.10.2025) ; *Разгильдеев А. В.* Должная осмотрительность налогоплательщика: в каких случаях она необходима и что под ней подразумевается. Комментарий к определению Судебной коллегии по экономическим спорам ВС РФ от

рассмотрении законодательства в свете необходимости выработки «судебной доктрины», с охватом и национальной судебной доктрины применения норм международного права. Комментарии указанного типа при условии органичного сочетания эмпирических оценок содержания старых и новых (измененных) норм законодательства, соответствующих индивидуальных и коллективных научно-теоретических авторских разработок, совместно с анализом постановлений высших судебных инстанций и научным компонентом тщательного исследования правовых норм как раз и способны составить остов национальной судебной доктрины в искомом значении данного понятия.

Ввиду разнообразия направлений современного судебного применения принципов и норм международного права в России целесообразно назвать наиболее актуальные из остро дебатированных тем. Множество ситуаций, которые вынуждают российские суды обращаться к нормам международного права, возникают преимущественно в области экономических отношений, а также защиты прав человека, причем зачастую в сфере действия уголовного, административного права и процесса, правового положения иностранных граждан либо юридических лиц и др., вовлекая в орбиту обращения к нормам международного права суды общей юрисдикции, арбитражные суды и суды по интеллектуальным правам РФ. В рамках деятельности КС РФ нередко демонстрируются попытки активизировать продвижение судебной доктрины в сторону выработки правовых

позиций в сфере фундаментальных проблем международного права — основных принципов (общепризнанных принципов и норм) международного права, *jus cogens*, «прямого действия» международных договоров и ряд других сложнейших в теоретическом и прикладном отношении аспектов.

Заключение

Поскольку по ходу изложения в статье уже высказывались обобщающие соображения, резюмируем завершающие положения. Прежде всего, важно подчеркнуть следующее:

1. «Судебная доктрина» вообще и «российская судебная доктрина применения принципов и норм международного права» — не слепок с того, что имелось изначально в ее американском образце, и тем более не повтор того, во что он трансформировался впоследствии.

2. Российская судебная доктрина — отнюдь не «новая теория международного права», в буквальном смысле рождаемая судами (судебной практикой), как иногда полагают отдельные представители международно-правовой науки и судейского сообщества, а инструмент обобщения судебной практики в процессе правоприменения, последовательного и устойчивого. Существует капитальное заблуждение, будто только доктрина, основанная на судебной практике, является надлежащей. На деле, если говорить о российской правовой системе и ее судебной доктрине, включая и судебную доктрину при-

---

29.11.2016 № 305-КГ16-10399 // Вестник экономического правосудия. 2017. № 3. С. 9–15; *Тарибо Е. В.* Судебно-конституционная доктрина «факультативности налоговых льгот»: пределы применения // Журнал конституционного правосудия. 2003. № 2. С. 10–17.

Доктрины должной осмотрительности налогоплательщика и снятия корпоративной вуали (вариации: снятия корпоративной маски, *alter ego* и др.) довольно хорошо знакомы зарубежным правовым порядкам (например: *Ибрагимова Ю. Э.* Роль судебных доктрин в практике арбитражных судов // Журнал российского права. 2020. № 4. С. 174; *Филатова У. Б., Горбач О. В.* Доктрина «снятия корпоративной вуали»: некоторые аспекты применения // Гражданское право. 2019. № 1. С. 7–10). Об истоках доктрины см.: *Кирина Д. С.* Некоторые аспекты применения доктрины «снятия корпоративной вуали» в США // Вестник магистратуры. 2021. № 6-3 (117).

Аналог доктрины должной осмотрительности налогоплательщика — концепция особой осмотрительности (*special diligence*) — получила отражение и в практике ЕСПЧ (см.: постановление ЕСПЧ от 22.01.2009 «“Булвес АД” (Bulves AD) против Болгарии» (жалоба № 3991/03, пп. 65–67 и сл.) // Официальный портал Европейского Суда по правам человека. URL: <http://www.echr.coe.int>). Доктрина корпоративной вуали также фигурирует в актах ЕСПЧ (см.: постановление Европейского Суда по делу «G.J. против Люксембурга» (G.J. v. Luxembourg) от 26.10.2000, жалоба № 21156/93, § 24). Крайне незначительно эта концепция использовалась и в деле «ОАО “Нефтяная компания “Юкос” (ОАО Neftyanaya Kompaniya Yukos) против Российской Федерации» (жалоба № 14902/04) (см.: постановление ЕСПЧ от 31.07.2014 // СПС «КонсультантПлюс»)).

менения принципов и норм международного права, судебная практика в России сама по себе не творит ни права, ни правовой (научной) доктрины, ни, разумеется, «судебной доктрины», так как суды в ряде случаев могут сформировать свои собственные правовые позиции, которые будут совпадающими по отношению друг к другу, но это еще не залог обязательного возникновения соответствующего элемента (либо вектора/направления) судебной доктрины, так как последняя — продукт длительного и методичного процесса, а не сиюминутный или единственный акт какого-либо судебного учреждения, если только речь не идет об обобщении судебной практики в таком конкретном акте высшей судебной инстанции.

3. В принципе неприемлемо наделение судебной доктрины и судебной практики приматом по отношению к юридической науке и теории международного права, как и свойствами прецедентов, что также встречается в литературе; в свою очередь, вряд ли возможно и допущение реальности превращения их в полигон для апробации попыток совершать открытия в международно-правовой науке.

4. Лишь базируясь на фундаменте устойчивых основополагающих (общезюридического либо конкретного/частного характера) и профильных знаниях теории и практики международного права (недаром термин «доктрина» непременно «ассоциируется с исследовательской деятельностью специалистов-ученых по

выработке и систематизации знаний об обществе, в случае международной социальной сферы — о международном праве и международном сообществе»³⁴), в том числе и международной судебной доктрины, национальная российская судебная доктрина применения принципов и норм международного права в состоянии будет обеспечивать свое предназначение эффективно воздействовать на согласованность и единообразие судебной практики в системе внутригосударственных судов.

В качестве послесловия к публикации есть соблазн сделать небольшое отступление. Активно цитируемой, в том числе и в российской международно-правовой литературе, монографической работе Карло Фокарелли *International Law as Social Construct. The Struggle for Global Justice* («Международное право как социальный конструкт. Борьба за глобальное правосудие»³⁵), которая получила большой резонанс в юридическом научном сообществе, предпослан эпиграф: «Для чего нужна гора? — Чтобы луна зашла за нее». Загадка заключается в том, как появляется тот или иной феномен (или предмет) и для чего он нужен? Представляется, что эта аллегория уместна в ее приложении к «российской судебной доктрине применения принципов и норм международного права», фигурирующей как гора, за которую заходит луна — «национальная судебная доктрина» в целом и «международная судебная доктрина» применения норм международного права.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

Анализ и комментарии постановлений Пленума и обзоров Президиума Высшего Арбитражного Суда Российской Федерации / Д. В. Афанасьев, Л. В. Белоусов [и др.] ; под ред. Л. А. Новоселовой, М. А. Рожковой. М. : Статут, 2008. Вып. 5. 247 с.

Ануфриева Л. П. Понятие «судебная доктрина» в отечественном правоведении (некоторые общие заметки) // *Lex russica*. 2021. № 12. С. 96–107.

Аристова К. С. Принцип subsidiarity в деятельности Европейского Суда по правам человека : автореф. дис. ... канд. юрид. наук. М., 2012.

Ашавский Б. М. О роли доктрины в современном международном праве // *Московский журнал международного права*. 2012. № 1. С. 49–55.

Большая юридическая энциклопедия : БЮЭ / авт. и сост. А. Б. Барихин. М. : Книжный мир, 2010. 959 с.

Гаджиев Х. И. Влияние правовой аргументации на эффективность международного и национального правосудия // *Журнал российского права*. 2021. № 6. С. 148–161.

Гаджиев Х. И. Правовые доктрины, содействующие эффективности имплементации Конвенции в национальный правовой порядок // *Имплементация решений Европейского Суда по правам человека в российской правовой системе: концепции, правовые подходы и практика обеспечения = Implementation of the*

³⁴ См.: Судебные доктрины в российском праве: теория и практика. С. 66.

³⁵ *Focarelli C. International Law as Social Construct. The Struggle for Global Justice*. Oxford, 2012. 571 p.

judgments of the European Court of human rights in the russian legal system: concepts, legal approaches and practice : монография / Т. Я. Хабриева, А. Я. Капустин, А. И. Ковлер [и др.] ; под общ. ред. д-ра юрид. наук, профессора В. В. Лазарева ; ИЗИСП при Правительстве РФ. М. : Норма : Инфра-М, 2019. 415 с.

Гаджиев Х. И. Судебные доктрины и эффективность правоприменения // Журнал российского права. 2019. № 6. С. 14–27.

Гук П. А. Судебное толкование и применение норм законодательства // Общественные науки. Право. 2016. № 2 (38). С. 35–43.

Додонов В. Н., Панов В. П., Румянцев О. Г. Международное право : словарь-справочник / под общ. ред. В. Н. Трофимова. М. : Инфра-М, 1997. 362 с.

Ибрагимов Ю. Э. Роль судебных доктрин в практике арбитражных судов // Журнал российского права. 2020. № 4. С. 172–185.

Кондрашова М. А. Соотношение эстоппеля и доктрины законных ожиданий // Вестник гражданского права. 2020. № 3. С. 199–214.

Лазарев В. В. Философские основы имплементационной деятельности // Журнал российского права. 2020. № 9. С. 5–18.

Международное право = Völkerrecht / Вольфганг Граф Витцтум, М. Боте, Р. Дольцер [и др.] ; пер. с нем. Н. Спица ; сост. В. Бергманн. 2-е изд. М. : Инфотропик Медиа, 2015. Кн. 2. 1072 с.

Разгильдеев А. В. Должная осмотрительность налогоплательщика: в каких случаях она необходима и что под ней подразумевается. Комментарий к определению Судебной коллегии по экономическим спорам ВС РФ от 29 ноября 2016 г. № 305-КГ16-10399 // Вестник экономического правосудия. 2017. № 3. С. 9–15.

Сидоренко А. И. Судебные доктрины в сфере интеллектуальных прав в России и за рубежом // Журнал зарубежного законодательства и сравнительного правоведения. 2021. № 3. С. 100–115.

Словарь международного права / Дипломат. акад. МИД СССР ; М. М. Аваков [и др.]. 2-е изд., перераб. и доп. М. : Междунар. отношения, 1986. 432 с.

Смирнов Г. Использование судебных доктрин ВАС при применении уголовного закона // Информационный портал «Право.ру». URL: <https://pravo.ru/review/view/66236/>.

Судебная юриспруденция: от доктрины к единообразию судебной практики : монография / отв. ред. Н. С. Бондарь. М. : ИЗИСП при Правительстве РФ : Норма : Инфра-М, 2024. 384 с.

Судебные доктрины в российском праве: теория и практика : монография / П. П. Серков, В. В. Лазарев, Х. И. Гаджиев [и др.] ; отв. ред. В. В. Лазарев, Х. И. Гаджиев. М. : ИЗИСП: Норма : Инфра-М, 2020. 344 с.

Тарибо Е. В. Доктрины Конституционного Суда Российской Федерации в сфере налогообложения (теоретический и практический аспекты) : автореф. дис. ... канд. юрид. наук. М., 2005.

Тарибо Е. В. Судебно-конституционная доктрина «факультативности налоговых льгот»: пределы применения // Журнал конституционного правосудия. 2003. № 2. С. 10–17.

Тарибо Е. В. Судебные доктрины и практика Конституционного Суда Российской Федерации // Право и политика. 2005. № 2. С. 118–220.

Филатова У. Б., Горбач О. В. Доктрина «снятия корпоративной вуали» некоторые аспекты применения // Гражданское право. 2019. № 1. С. 7–10.

Хлестов О. Н. Российская доктрина международного права // Евразийский юридический журнал. 2013. № 3 (58). С. 19–22.

REFERENCES

Afanasyev DV, Belousov LV, et al. An analysis and comments of the decisions of the Plenum and reviews of the Presidium of the Supreme Arbitration Court of the Russian Federation. Novoselova LA, Rozhkova MA, editors. Moscow: Statut Publ.; 2008. Issue 5. (In Russ.).

Anufrieva LP. The Concept of «Judicial Doctrine» in Russian Jurisprudence (General Notes). *Lex russica*. 2021;12:96-107. (In Russ.).

Aristova KS. The principle of subsidiarity in the activities of the European Court of Human Rights. The author's abstract of the Cand. Diss. (Law). Moscow; 2012. (In Russ.).

Ashavsky BM. On the role of doctrine in modern international law. *Moskovskij zhurnal mezhdunarodnogo prava*. 2012;1:49-55. (In Russ.).

Avakov MM et al. Dictionary of International Law. Diplomat. akad. MID SSSR. 2nd ed., rev. and suppl. Moscow: Mezhdunarod. otnosheniya Publ.; 1986. (In Russ.).

Bondar NS, editor. Judicial jurisprudence: From doctrine to uniformity of judicial practice: A monograph. Moscow: IZiSP under the Government of the Russian Federation: Norma: Infra-M Publ.; 2024. (In Russ.).

Dodonov VN, Panov VP, Rummyantsev OG. International law: A dictionary. Trofimova VN, editor. Moscow: Infra-M Publ.; 1997. (In Russ.).

Filatova UB, Gorbach OV. The doctrine of «lifting the corporate veil». Some aspects of its application. *Grazhdanskoe pravo*. 2019;1:7-10. (In Russ.).

Gadzhiev Khl. Judicial doctrines and the effectiveness of law enforcement. *Zhurnal rossijskogo prava [Journal of Russian Law]*. 2019;6:14-27. (In Russ.).

Gadzhiev Khl. Legal doctrines contributing to the effectiveness of the implementation of the Convention in the national legal order. In: Khabrieva TYa, Kapustin AYa, Kovler AI, et al. *Implementation of the judgments of the European Court of Human Rights in the Russian legal system: concepts, legal approaches and practice*. A monograph. Lazarev VV, editor. SISP under the Government of the Russian Federation: Moscow: Norma: Infra-M Publ.; 2019. (In Russ.).

Gadzhiev Khl. The influence of legal argumentation on the effectiveness of international and national justice. *Zhurnal rossijskogo prava [Journal of Russian Law]*. 2021;6:148-161. (In Russ.).

Guk PA. Judicial interpretation and application of legislation. *Obshchestvennye nauki. Pravo*. 2016;2(38):35-43. (In Russ.).

Ibragimova YuE. The role of judicial doctrines in the practice of arbitration courts. *Zhurnal Rossiyskogo Prava [Journal of Russian Law]*. 2020;4:172-185. (In Russ.).

Khlestov ON. The Russian doctrine of international law. *Evraziyskiy yuridicheskiy zhurnal [Eurasian Law Journal]*. 2013;3(58):19-22. (In Russ.).

Kondrashova MA. The relationship between estoppel and the doctrine of legitimate expectations. *Vestnik grazhdanskogo prava [Civil Law Review]*. 2020;3:199-214. (In Russ.).

Lazarev VV. Philosophical foundations of implementation activity. *Zhurnal Rossiyskogo Prava [Journal of Russian Law]*. 2020;9:5-18. (In Russ.).

Razgildeev AV. Taxpayer due diligence: In what cases is it necessary and what does it imply. Commentary to the ruling of the Judicial Board for Economic Disputes of the Supreme Court of the Russian Federation dated November 29, 2016, No. 305-KG16-10399. *Vestnik ekonomicheskogo pravosudiya*. 2017;3:9-15. (In Russ.).

Serkov PP, Lazarev VV, Gadzhiev Khl, et al. Judicial doctrines in Russian law: Theory and practice. A monograph. Edited by Lazarev VV, Gadzhiev Khl. Moscow: IZiSP: Norma: Infra-M Publ.; 2020. (In Russ.).

Sidorenko AI. Judicial doctrines in the field of intellectual property rights in Russia and abroad. *Zhurnal zarubezhnogo zakonodatelstva i sravnitel'nogo pravovedeniya [Journal of Foreign Legislation and Comparative Law]*. 2021;3:100-115. (In Russ.).

Smirnov G. The use of judicial doctrines of the Supreme Arbitration Court in the application of criminal law. Pravo.ru Information Portal. Available at: <https://pravo.ru/review/view/66236/>. (In Russ.).

Taribo EV. Doctrines of the Constitutional Court of the Russian Federation in the field of taxation (theoretical and practical aspects). The author's abstract of the Cand. Diss. (Law). Moscow; 2005. (In Russ.).

Taribo EV. Judicial doctrines and practice of the Constitutional Court of the Russian Federation. *Pravo i politika [Law and politics]*. 2005;2:118-220. (In Russ.).

Taribo EV. The judicial and constitutional doctrine of «optional tax benefits»: the limits of application. *Zhurnal konstitutsionnogo pravosudiya [Journal of Constitutional Justice]*. 2003;2:10-17. (In Russ.).

The Great Legal Encyclopedia: BYuE. Compiled by Barikhin BA. Moscow: Knizhny Mir Publ.; 2010. (In Russ.).

Wolfgang Graf Witztum, Bothe M, Dolzer R, et al. International law = Volkerrecht. Translated from German by Spitsa N; comp. by Bergmann V. 2nd ed. Moscow: Infotropik Media Publ.; 2015. Book 2. (In Russ.).

ИНФОРМАЦИЯ ОБ АВТОРЕ

Ануфриева Людмила Петровна, доктор юридических наук, профессор, профессор кафедры международного права Московского государственного юридического университета имени О.Е. Кутафина (МГЮА) д. 9, Садовая-Кудринская ул., г. Москва 125993, Российская Федерация
lpanufrieva@msal.ru

INFORMATION ABOUT THE AUTHOR

Lyudmila P. Anufrieva, Dr. Sci. (Law), Professor, Professor, Department of International Law, Kutafin Moscow State Law University (MSAL), Moscow, Russian Federation
lpanufrieva@msal.ru

Материал поступил в редакцию 25 мая 2024 г.

Статья получена после рецензирования 13 ноября 2025 г.

Принята к печати 15 ноября 2025 г.

Received 25.05.2024.

Revised 13.11.2025.

Accepted 15.11.2025.

Юридическая идея в истории учений о государстве и праве: понятие, место и значение

Резюме. В статье определяется место юридической идеи в предметной области истории политических и правовых учений. Доказывается, что юридическая идея в истории учений о государстве и праве — это форма теоретического познания в истории явлений политики, государства и права, отражающая знание, оценку и преобразование государственно-правовой действительности. В составе юридической идеи выделяются знаниевый, оценочный и прикладной компонент. Юридическая идея является составной частью политико-правового учения или теории. Юридическая идея в правовой концепции прошлого образует системообразующую конструкцию, лежащую в ее основании. Юридические идеи составляют само существо правовой доктрины, определяют ее структуру. Политико-правовая доктрина как познавательное средство в истории политических и правовых учений способна отразить наиболее основополагающие юридические идеи в целях их объяснения в виде целостной структуры, построенной на современном знании правоведения. Знаниевый компонент юридических идей отражается в понятийно-категориальной составляющей доктрины, оценочная и преобразовательная часть юридических идей находятся в программной части политико-юридической доктрины. Значимость исследования юридических идей состоит в возможности упорядочения знания о формах исторического познания государственно-правовых явлений, а также в адекватной интерпретации как отдельных юридических мыслей прошлого, так и совокупности юридических идей, образующих политико-правовую доктрину.

Ключевые слова: история политических и правовых учений; познание; юридическая идея; правовая идея; учение; теория; доктрина; концепция; мысль; идеология

Для цитирования: Малюгин С. В. Юридическая идея в истории учений о государстве и праве: понятие, место и значение. *Lex russica*. 2025. Т. 78. № 12. С. 163–173. DOI: 10.17803/1729-5920.2025.229.12.163-173

The Legal Idea in the History of the Teachings of the State and Law: Concept, Place and Meaning

Sergey V. Malyugin

Ural State Law University named after V.F. Yakovlev
Ekaterinburg, Russian Federation

Abstract. The paper defines the place of the legal idea in the subject area of the history of political and legal doctrines. It is proved that the legal idea in the history of the teachings of the state and law is a form of theoretical knowledge in the history of the phenomena of politics, state and law, reflecting knowledge, assessment and transformation of the state-legal reality. Knowledge, evaluation, and application components are distinguished as part of the legal idea. A legal idea is an integral part of a political and legal doctrine or theory. The legal idea in the legal concept of the past forms the system-forming structure underlying it. Legal ideas constitute the very essence of the legal doctrine and determine its structure. Political and legal doctrine as a cognitive tool in the history of political and legal doctrines is able to reflect the most fundamental legal ideas in order to explain them

in the form of an integrated structure based on modern knowledge of jurisprudence. The knowledge component of legal ideas is reflected in the conceptual and categorical component of the doctrine, the evaluative and transformative part of legal ideas are in the programmatic part of the political and legal doctrine. The importance of the study of legal ideas lies in the possibility of organizing knowledge about the forms of historical knowledge of state-legal phenomena, as well as in an adequate interpretation of both individual legal thoughts of the past and the totality of legal ideas forming a political and legal doctrine.

Keywords: history of political and legal doctrines; cognition; legal idea; teaching; theory; doctrine; concept; thought; ideology

Cite as: Malyugin SV. The Legal Idea in the History of the Teachings of the State and Law: Concept, Place and Meaning. *Lex russica*. 2025;78(12):163-173. (In Russ.). DOI: 10.17803/1729-5920.2025.229.12.163-173

Введение. Исследование учений о государстве и праве прошлого не может обойтись без самостоятельного исследования юридических идей¹ в юриспруденции. Вместе с тем имеющиеся знания о юридических идеях как форме исторического осмысления политики, государства и права в современных исследованиях явно недостаточны. В юридической литературе подчеркивается, что вопрос о формах политико-теоретического знания разработан недостаточно и ждет своих исследователей². Теоретическая значимость исследования юридических идей определяется пониманием процессов зарождения, формирования и развития исторического познания государственно-правовых явлений. Как важные составляющие учений о государстве и праве, юридические идеи требуют понимания их места и роли в предметной области истории политических и правовых учений. Потребность в изучении юридических идей обосновывается и прикладной составляющей, поскольку данное явление оказывает влияние на государственно-правовую практику³.

Юридические идеи являются составной частью предмета истории политических и правовых учений. Особенность истории политических и правовых учений состоит в том, что ее предметом являются не сами исторически возникающие и развивающиеся политико-правовые учреждения и институты, а соответствующие формы их теоретического познания⁴ — взгляды, учения, концепции, доктрины и т.д.⁵, в которых находит свое концентрированное логико-понятийное выражение исторический процесс углубления познания политических и правовых явлений⁶.

Наряду с учениями, теоретическими теориями, концепциями, доктринами прошлого, юридические идеи рассматриваются в качестве одного из элементов предмета истории учений о государстве, политике и праве и в своем единстве представляют собой исторически возникающие и развивающиеся теоретические знания⁷. По мнению В. Г. Графского, юридические идеи являются самостоятельным объектом изучения (специального или популярного) в истории политических и правовых учений, которые необ-

¹ В научной юридической литературе наряду с термином «юридическая идея» используются «правовые идеи», «политико-правовые идеи». Наименование «юридические идеи» является более терминологически точным, поскольку в предмет истории политических правовых учений входит объяснение воззрений не только на право, но и на политику и государство.

² Политические учения: история и современность. Домарксистская политическая мысль / В. Г. Графский, П. С. Грацианский, Н. Н. Деев [и др.] ; редкол.: П. С. Грацианский, В. Е. Гулиев (отв. ред.), В. С. Нерсесянц. М. : Наука, 1976. С. 52.

³ Историко-правовые исследования: проблемы и перспективы : сборник статей / отв. ред. В. С. Нерсесянц. М., 1982. С. 9 ; История политических и правовых учений : учебник / отв. ред. В. В. Лазарев. 3-е изд., испр. и доп. М. : Норма, Инфра-М, 2019. С. 25.

⁴ Нерсесянц В. С. История политических и правовых учений : учебник для вузов. М. : Норма : Инфра-М, 2024. С. 18.

⁵ Луковская Д. И. Предмет и методология истории политических и правовых учений // Известия высших учебных заведений. Правоведение. 2007. № 3. С. 204.

⁶ Нерсесянц В. С. История политических и правовых учений : учебник для вузов. С. 13.

⁷ История политических и правовых учений : учебник для вузов / под общ. ред. акад. РАН, д-ра юрид. наук, проф. В. С. Нерсесянца. 4-е изд., перераб. и доп. М. : Норма, 2004. С. 1.

ходимы для целей уяснения и обобщения их истории возникновения, теоретического (лого-понятийного) упорядочения и практического использования⁸.

Юридическая идея в истории политических и правовых учений — это форма теоретического познания в истории явлений политики, государства и права, отражающая знание, оценку и преобразование государственно-правовой действительности.

Понятие идеи (др.-греч. ἰδέα — видность, вид, форма, прообраз) видится наиболее правильным определить как категорию гносеологического порядка, т.е. форму постижения в мысли явлений объективной реальности, включающую в себя сознание цели и проекции дальнейшего познания и практического преобразования мира⁹. Особенность идеи как формы отражения действительности состоит в том, что она отражает не вещь или свойство как они существуют, а развитие вещей во всех их связях и опосредованиях¹⁰. Познание в целом определяется как высшая форма отражения объективной действительности. Познание, с одной стороны, не может существовать вне познавательной деятельности индивидов — мыслителей в истории мысли, и в этом случае юридическая идея есть результат восприятия и представления. Здесь познание имеет субъективный характер. С другой стороны, познание может иметь и объективированный характер, тогда идея выступает рациональной формой познания. С учетом того, что идея является производной

человеческого мышления, правильно было бы указать, что идея — субъективно-объективная форма познания, выраженная в исторических источниках политико-правовой мысли¹¹.

Идеи являются предметом исследований в юриспруденции. С. С. Алексеев понимает под идеями продукт самого высокого и значительного явления, характерного для всего мироздания, — разума¹². Юридические идеи, по мнению С. С. Алексеева, выступают как интеллектуальные, духовные положения, как центральное звено, изюминка юридической материи, изначально пребывающих в ней¹³.

Юридическая идея в истории политических и правовых учений есть результат одновременно субъективного и объективного познавательной деятельности. Это означает, что юридические идеи содержат мировосприятие конкретного мыслителя, являются продуктом его мотивов, устремлений, представлений, чувств, мышления, интуиции и т.д. Причем в силу сложно устроенной предметной области данной юридической науки юридическая идея предстает как единство юридической, теоретической и исторической составляющих. «Юридическая» составляющая характеризует идею как способ познания диалектически связанных между собой явлений политики, государства и права. «Историческая» составляющая — это форма познания государственно-правовой действительности прошлого. «Теоретическая» составляет обобщенное положение о взглядах на политику, государство и право¹⁴. Совокуп-

⁸ Графский В. Г. История политических и правовых учений : учебник. М. : Норма, Инфра-М, 2022. С. 14 ; Графский В. Г. Сравнительная история политико-правовых идей и взглядов как научная проблема // Труды Института государства и права Российской академии наук. 2010. № 3. С. 105.

⁹ Философский энциклопедический словарь / редкол.: С. С. Аверинцев, Э. А. Араб-Оглы, Л. Ф. Ильичев [и др.]. 2-е изд. М. : Сов. энциклопедия, 1989. С. 207.

¹⁰ Копнин П. В. Диалектика как логика и теория познания. Опыт логико-гносеологического исследования. М., 1973. С. 274.

¹¹ Примечательно, что В. Г. Графский относит юридические идеи не только к разряду таких философских или теоретических построений, для которых характерны особенная логико-понятийная упорядоченность и дедуктивная или индуктивная логическая сцепленность (последовательность), но и которые выполняют при этом вспомогательную, описательную или объяснительную, иногда общеобразовательную или педагогическую функцию в постижении природы или социального назначения политических институтов, принципов и норм (Графский В. Г. Сравнительная история политико-правовых идей и взглядов как научная проблема. С. 105).

¹² Алексеев С. С. Теория права. 2-е изд., перераб. и доп. М. : Бек, 1995. С. 27–28.

¹³ Алексеев С. С. Право на пороге нового тысячелетия : Некоторые тенденции мирового правового развития — надежда и драма современной эпохи. М. : Статут, 2000. С. 150.

¹⁴ В. С. Нерсисянц отмечает, что теоретический аспект учения отражает философские, общеметодологические, гносеологические моменты учения, показывает, как обосновывались конкретные политико-правовые взгляды, в какие теоретические концепции они оформлялись, какие исходные принципы поло-

ность данных элементов раскрывает юридическую идею как теоретико-юридическую форму исторического познания явлений политики, государства и права.

Юридические идеи отражают знание, оценку и преобразование государственно-правовой действительности.

Знаниевая составляющая юридических идей отражает сведения о государственно-правовой реальности, зафиксированные в исторических источниках определенного исторического периода. Являясь показателями уровня знания о государственно-правовых явлениях, юридические идеи позволяют решать вечные проблемы в истории политической и правовой мысли. Данные проблемы являются наиболее типичными и повторяющимися в историческом и современном дискурсе. Такого рода проблемами В. С. Нерсесянц называет, например, соотношение и взаимосвязь морали и политики, гражданина и государства, общества и государства, государства и революции, свободы и необходимости¹⁵. В. Г. Графский указывает, что к вечным вопросам в истории политико-правовой мысли можно отнести, например, следующие: что считать законным, справедливым и правильным в нравах и обыкновениях различных народов и государств; какова природа и назначение государства у разных народов в разные исторические эпохи¹⁶. Юридические идеи прошлого составляют богатый опыт осмысления проблем познания политики, государства и права. В них содержится интеллектуальная познавательная практика решения наиболее актуальных вопросов общего знания о политике, государстве и праве. Такая совокупность идей

понимается С. С. Алексеевым как обобщенные, суммированные выражения самой сути, природы права, его философское, «мировоззренческое» кредо, призванное объективироваться в правовой материи в виде основополагающих правовых начал, правовых принципов¹⁷.

Юридические идеи являются не только и не столько концептуальными конструкциями (т.е. обладают не только теоретической ценностью), но и имеют практическое значение. В. Г. Графский подмечает, что теория или идея могут представлять на практике вариацией требования «господства права» или «правления знающих», доктриной «разделения властей» (обособления и взаимного уравнивания властей) и т.д.¹⁸

Оценочная¹⁹ составляющая юридических идей состоит в определении значимости полученной автором информации по осмыслению государственно-правовой действительности в определенных исторических условиях. Оценка в юридической идее отражает методологический аспект познания политики, государства и права²⁰. Юридическая идея, содержащая информацию об оценке, будучи тесно взаимосвязанной с результатами познавательного процесса, определяет характеристики, функции и значение полученного знания о политике, государстве и праве в исследуемый исторический период.

Структура оценки состоит из следующих взаимосвязанных элементов: субъект, предмет, характер и основание²¹. Субъектом оценки является автор юридической идеи. В качестве предмета оценки выступают полученные автором знания о политике, государстве и праве в определенном историческом периоде. Под

жены в их основу, какие формы, модели и конструкции мысли отражены в рассматриваемой доктрине и являются ведущими и определяющими для данного мыслителя или впервые вводятся им в теоретический оборот, и т.п. См.: История политических и правовых учений : учебник для вузов / под общ. ред. акад. РАН, д-ра юрид. наук, проф. В. С. Нерсесянца. 4-е изд., перераб. и доп. М. : Норма, 2004. С. 14.

¹⁵ История политических и правовых учений / под ред. В. С. Нерсесянца. М. : Юридическая литература, 1983. С. 11–12.

¹⁶ Графский В. Г. История политических и правовых учений. С. 19.

¹⁷ Алексеев С. С. Право. Азбука. Теория. Философия : Опыт комплексного исследования. М. : Статут, 1999. С. 294.

¹⁸ Графский В. Г. Сравнительная история политико-правовых идей и взглядов как научная проблема. С. 105.

¹⁹ Термином «оценка» обозначается процесс оценивания, а также результат такого процесса, при котором формируется определенное отношение субъекта к оцениваемому объекту и, как следствие, извлекается новое знание о нем (Черданцев А. Ф. Логико-языковые феномены в юриспруденции : монография. М. : Норма : Инфра-М, 2016. С. 196).

²⁰ История политических и правовых учений : учебник / отв. ред. В. В. Лазарев. С. 30.

²¹ Ивин А. А. Основания логики оценок. М. : Изд-во МГУ, 1970. С. 21.

характером оценки понимается количественная или качественная характеристика предмета оценки. Она может быть абсолютной или сравнительной (относительной). Абсолютный характер оценки позволяет соотнести явление государственно-правовой действительности с тем или иным понятием (например, является ли политика определенного государства прогрессивной, реакционной и т.д.). Сравнительный (относительный) характер оценки явлений политики, государства и права позволяет охарактеризовать юридическую идею применительно к определенному периоду. Примером сравнительного характера оценивания юридической действительности является степень влияния государства на общество, его роль и значимость. Под основанием оценки понимается точка зрения на предмет оценки, при помощи которой и производится оценивание юридической идеи. Например, является ли объективное право конкретного исторического периода справедливым, эффективным, равным для всех и т.д.

Составляющая юридической идеи, отражающая преобразование государственно-правовой действительности, показывает меру практической реализуемости политико-правовой мысли²². Юридическая идея всегда направлена на изменение государственно-правовой действительности и зависит от оценочной составляющей. Именно в данной составляющей юридической идеи происходит связь с государственно-правовой действительностью. Юридическая идея, обладающая потенциалом изменения оцениваемой автором реальности, содержит конкретные действия, которые необходимы для достижения искомого государственно-правового строя, достижения целей и задач.

Соотнесение юридической идеи с иными формами познания в мысли в истории государства и права необходимо для понимания ее места и значения в истории политических и правовых учений.

Наряду с юридическими идеями в предмете истории учений о государстве и праве распола-

гаются и иные наиболее часто встречающиеся гносеологические конструкции: учение, теория, концепция, идеология и доктрина.

Этимологически *учение* — это совокупность теоретических положений о какой-нибудь области явлений действительности²³. Учения прошлого В. С. Нерсесянц определяет в качестве только еще формирующихся политико-правовых теорий²⁴. Учения являются донаучной формой теоретического познания. Учение представляет собой систему знаний, обеспечивающих различные практики. Учение не является теорией, оно представляет собой спекулятивные рассуждения, зафиксированные в исторических источниках, не подкрепленные методологией юридической науки и проверкой. Учения также обладают гносеологической природой, но в отличие от юридической идеи означают целостно оформленную логико-теоретическую форму познания государственно-правовой действительности. По сути, учение состоит из юридических идей, которые в совокупности обладают относительным единством по основаниям авторства, времени появления и рассматриваемых проблем в истории политико-правовой мысли. Учение состоит из конкретно-исторического и теоретического компонентов. Конкретно-исторический компонент учения выражает знания о политике, государстве и праве, а теоретический — основные способы познания государственно-правовых явлений²⁵. Социально-практический (политикодоктринальный) компонент учения характеризует, как правило, некую главную авторскую политическую идею (принцип), входящую в данное учение в виде идеального построения, программного задания и т.п., и предполагает ту или иную форму политического целеполагания, призывности и практической реализуемости²⁶. В. В. Лазарев в каждом учении выделяет содержательную часть, форму и программно-оценочную часть, содержащую оценки и выводы (рекомендации) на перспективу²⁷.

В отличие от учения *теория* представляет собой форму научной организации методо-

²² Графский В. Г. Сравнительная история политико-правовых идей и взглядов как научная проблема. С. 105.

²³ Ожегов С. И. Указ. соч. С. 734.

²⁴ Нерсесянц В. С. История политических и правовых учений : учебник. М. : Норма : Инфра-М, 2018. Т. 1. С. 20.

²⁵ См. подробнее: Политические учения: история и современность. С. 86–87.

²⁶ Графский В. Г. Сравнительная история политико-правовых идей и взглядов как научная проблема. С. 105.

²⁷ История политических и правовых учений : учебник / отв. ред. В. В. Лазарев. С. 18–19, 20.

логического порядка. В истории учений о государстве и праве исторически возникающие и развивающиеся теории также являются предметом ее изучения. Однако зачастую учению и теории в истории политических и правовых учений придается одинаковое значение, что не является верным. Теории получены на основании методологии научного познания, обеспечены формами и нормами научно-познавательной деятельности. Любая теория (в том числе политическая) есть в определенном смысле структурированная концептуально-понятийная система. Способ ее организации, структура содержания знания, конденсированного в теории, находится в соответствии с той действительностью, которая отображается в данной теории²⁸. В отличие от учения теорию составляют полученные по результатам научно-исследовательской деятельности идеи.

Идеология как система юридических идей, составляющих правосознание общества, получаемых в результате формирования интересов отдельных социальных групп, является довольно значимой составляющей в познании юридических идей и учений. Авторы, изучающие юридические учения, в качестве методологического приема обращаются к идеологии, имеющей место в рассматриваемое историческое время. При таком способе познания юридические идеи автора рассматриваются как производные юридической идеологии²⁹. Юридическая идея и идеология различаются по форме закрепления — юридическая идеология фиксируется в правовом сознании и, следовательно, является частью правовой культуры общества. Юридические идеи, в отличие от юридической идеологии, закрепляются в

исторических источниках познания политико-правовой мысли³⁰.

Концепция определяется как руководящая идея для понимания явлений политики, государства и права в целях их систематического освещения³¹. В. Д. Перевалов определяет концепцию как форму познания, обозначающую конструктивную точку зрения, ведущий замысел их построения и деятельности³². Как указывает Д. И. Луковская, в самом учении, если оно оставило заметный след в истории, и в истории учений всегда можно и необходимо обнаружить смыслообразующую идею. Эта идея транслируется традициями, которые, как правило, оформляются в такие идейные комплексы, как школы, течения, направления в исследовании права и государства³³. Следовательно, концепция представляет собой конституирующую идею в учении или теории, которая поможет раскрыть его смысл. При таком понимании юридическая идея выступает в качестве системообразующего звена, которое придает целостность концепции как единому идейному комплексу.

Правовая доктрина в современной юридической науке имеет множество смыслов и значений³⁴. При всем многообразии определений правовой доктрины и исходя из поставленных в настоящем исследовании задач правовая доктрина рассматривается как категория познания.

В истории политических и правовых учений правовая доктрина всё чаще используется для описания учений о политике, государстве и праве. Данная тенденция в российской юридической науке зародилась в начале 1990-х гг. В это время история учений о политике, государстве и праве приобрела существенные связи с на-

²⁸ Политические учения: история и современность. С. 7.

²⁹ См., например: Skinner Q. The Foundations of Modern Political Thought. Vol. 1 : The Renaissance. Cambridge : Cambridge University Press, 1998. P. 12–13.

³⁰ В качестве источников знаний о политических и правовых учениях прошлого и настоящего в учебной литературе рассматриваются «исторически значимые политикоправовые произведения различных авторов, которые повлияли на мировоззрение современников авторов этих произведений и оказали значительное воздействие на развитие последующей политикоправовой мысли». См.: История политических и правовых учений : учебник / под ред. М. Н. Марченко. М., 2019. С. 12–13.

³¹ Философский энциклопедический словарь. С. 279.

³² Перевалов В. Д. Правовая доктрина: проблемы формирования и реализации : монография. М. : Норма : Инфра-М, 2023. С. 28.

³³ Луковская Д. И. Указ. соч. С. 206.

³⁴ Одно из наиболее проработанных понятий правовой доктрины приводит В. Д. Перевалов, который считает, что правовая доктрина представляет собой систему доктринальных юридических знаний, аккумулярованных в определенную теоретическую модель (схему), направленных на развитие и совершенствование реальных государственных и правовых явлений (Перевалов В. Д. Указ. соч. С. 20).

укой теории государства и права. Новая форма познания государственно-правовых явлений появилась как производное проблемно-теоретического методологического подхода, найдя свое выражение в учебной литературе по истории учений о государстве и праве. В учебнике по истории политических и правовых учений под редакцией О. Э. Лейста юридические идеи и учения стали рассматриваться сквозь призму новой познавательной методологической категории — «политико-правовая доктрина»³⁵.

Становится понятным, что юридическая идея является составной частью логико-теоретических форм познания в истории политических и правовых учений. Особый интерес для современного правоведения исследование юридической идеи приобретает в политико-правовой доктрине как наиболее адекватной гносеологической конструкции, использующейся для объяснения политико-правовой мысли.

Юридические идеи в политико-правовой доктрине, составляя ее содержание и отражая ее структуру, вызывают необходимость их изучения в структуре данного познавательного средства.

В самом общем виде политико-правовая доктрина выступает в качестве вспомогательного познавательного научного средства — теоретической модели.

Политико-правовая (юридическая) доктрина в истории политических и правовых учений — это теоретическая юридическая модель, отражающая юридические идеи о государстве, политике и праве прошлого в целях их объяснения в виде целостной структуры, построенной на современном юридическом знании.

Методологическими основаниями данного познавательного средства в изучении истории юридических идей являются: общая стратегия, идея, принципы, содержание и назначение.

Общая стратегия рассмотрения юридических идей в структуре политико-правовой доктрины связана с их пониманием как наиболее обобщенных взглядов на политику, государство и право с позиций современного теоретического юридического знания.

Основная идея изучения юридической мысли в политико-правовой доктрине заключается в том, чтобы объяснить при помощи понятийного аппарата современной теоретической юридической науки основные юридические идеи о политике, государстве и праве.

Принципы историзма и конструктивизма составляют своеобразие исследования юридических идей в политико-правовой доктрине.

Принцип историзма позволяет правильно соотносить положения теорий и проблем настоящего с содержанием юридических идей прошлого. Причем, как указывает В. В. Лазарев, рассмотрение исторических идей в свете современности и, напротив, современных в свете истории определяется требованием исторического метода³⁶, задачей которого является адекватная оценка юридических идей прошлого как результата предшествующего развития³⁷.

Принцип конструктивизма ориентирует рассмотрение юридических идей в целостной и теоретически оформленной познавательной конструкции. В данной структуре становится возможным увидеть взаимосвязи и взаимозависимости юридических идей, показать их единство в понимании прошлого путем перевода в структуру политико-правовой доктрины.

Содержание политико-правовой доктрины как познавательного средства составляют «теоретическое» и «проблемное». Находящиеся в особой диалектической связке, элементы «проблемного» и «теоретического» задают рамки понятийного плана исследования юридических идей в современной юридической науке. Теоретическая составляющая проявляется в том, что наука истории политических и правовых учений отражает в понятиях теории государства и права юридические идеи, содержащие решения наиболее общих и значимых проблем теории государства и права³⁸. Проблемная составляющая раскрывает юридические идеи прошлого как попытки решения задач, имеющих так называемый вечный характер. Так, по справедливому мнению С. В. Липеня, история учений о праве и государстве в исследовании исторического материала в большей

³⁵ История политических и правовых учений. Домарксистский период : учебник / под ред. О. Э. Лейста. М. : Юрид. лит., 1991. 528 с.

³⁶ История политических и правовых учений : учебник / отв. ред. В. В. Лазарев. С. 27.

³⁷ Сырых В. М. История и методология юридической науки : учебник. 2-е изд., доп. и перераб. М. : Норма, Инфра-М, 2022. С. 115.

³⁸ Фролова Е. А. История политических и правовых учений: классификационная и оценочная юридическая наука // Синергия. 2018. № 2. С. 16.

степени может ориентироваться на логику разработки научных проблем, предлагаемую теорией права и государства³⁹, а интерпретация учений прошлого подразумевает, по существу, современную проблематику⁴⁰. Благодаря связи история — современность, идеи, формулы и построения того или иного автора прошлого высвобождаются из своего конкретно-исторического контекста и входят в теоретико-методологический арсенал развивающегося человеческого познания⁴¹.

Структура юридической доктрины представляется в истории политических и правовых учений различными устойчивыми элементами, которые выражают смысл и назначение в ней юридических идей.

Наиболее целостную теоретическую конструкцию политико-правовой доктрины выстраивает О. Э. Лейст. В структуру правовой доктрины ученый включает три компонента: логико-теоретический компонент, содержание доктрины (понятийно-категориальный аппарат) и программные положения доктрины⁴². Логико-теоретический компонент отражает методологический стержень учения и, по мысли ученого, основывается на философском, религиозном или рациональном (научном) основании юридической мысли. Содержанием доктрины является ее понятийно-категориальный аппарат, представляющий собой совокупность юридических идей, отражающих решение общих проблем государства и права, основанную на понятиях современной юридической науки. Данный элемент политико-правовой доктрины содержит юридические идеи, объясняющие государственно-правовую действительность. Программные положения содержат оценки существующего государства и права, политические цели и задачи⁴³, отражающие оценочную и преобразовательскую составляющие в политико-правовой мысли.

Назначение политико-правовой доктрины в истории политических правовых учений состоит в объяснении юридических идей прошлого как исторических форм познания политики, госу-

дарства и права фундаментального теоретического характера.

Приведенные положения позволяют рассматривать правовую доктрину в истории политических и правовых учений как совокупность воззрений концептуального теоретического характера, отражающих влияние оформленных юридических идей на политику, государство и право.

Политико-правовая доктрина служит специальной теоретической конструкцией познания юридических идей прошлого, выражая современные исследовательские методы и практики историко-теоретического познания. Преобразуя прошлое до политико-правовой теории, правовая доктрина позволяет теоретически осмыслить историю возникновения и развития политико-правовых идей, сформировать целостное знание и включить его в познавательное пространство юридической науки. Юридическая доктрина как структурная теоретическая модель способна отразить наиболее основополагающие юридические идеи, составляющие доктринальное основание учения. Знаниевый компонент юридических идей отражается в понятийно-категориальной составляющей доктрины, оценочная и преобразовательная часть юридических идей находятся в программной части политико-юридической доктрины. Такое соотношение юридических идей со структурой политико-правовой доктрины показывает обоснованность и перспективность их изучения в системе данного познавательного средства.

Значение юридических идей в истории политических и правовых учений состоит в понимании существа исторически возникающих, формирующихся и развивающихся знаний о политике, государстве и праве в истории юридической мысли. Юридическая идея как категория одновременно теоретической и исторической юридической природы позволяет определить следующие аспекты ее важности в отношениях история — современность. Теоретическая значимость исследования юридических идей проявляется в том, что становится

³⁹ Липень С. В. История учений о праве и государстве: актуальные проблемы определения направлений развития научного знания // Актуальные проблемы российского права. 2012. № 3 (24). С. 31.

⁴⁰ Политические учения: история и современность. С. 94.

⁴¹ Политические учения: история и современность. С. 87.

⁴² История политических и правовых учений : учебник для вузов / под ред. д-ра юрид. наук, профессора О. Э. Лейста. М. : Зерцало, 2006. С. 2.

⁴³ История политических и правовых учений : учебник для вузов / под ред. д-ра юрид. наук, профессора О. Э. Лейста. С. 3.

возможным упорядочить знания о формах исторического познания государственно-правовых явлений, а также определить место и значение каждого познавательного средства. Понимание основных функциональных свойств юридических идей позволяет получить важные данные об их прикладных возможностях в правовой системе в исторических процессах государства и права. Исторический аспект значимости юридической идеи в предмете истории политических и правовых учений обнаруживается в адекватной интерпретации как отдельных юридических мыслей прошлого, так и целостной совокупности юридических идей, образующих политико-правовую доктрину. В конечном счете полученные данные позволят развить знания в теоретико-исторической и отраслевой предметной области юриспруденции и выйти на междисциплинарные связи в социогуманитаристике.

Заключение. Таким образом, юридическая идея является основным конструирующим элементом в структуре предмета истории учений о государстве и праве. Значение юридической идеи состоит в выражении в логико-теоретической форме основной мысли о явлениях политики, государства и права. Понимание юридической идеи как юридической формы исторического осмысления государственно-правовой действительности является наиболее продуктивным, поскольку корреспондирует предметной области истории политических и правовых учений — выявлению основных закономерностей в истории возникновения, формирования и развития знания о политике, государстве и праве. Исследование юридической идеи как формы познания позволяет выделить в ее составе знаниевый, оценоч-

ный и прикладной компонент, отражающие не только ее содержание, но и значимость в исследовании истории правовой системы. Рассмотрение юридической идеи в системе иных форм познания политико-правовой мысли в истории раскрывает взаимосвязи и зависимости между ними. Юридическая идея является составной частью политико-правового учения или теории. Юридическая идея в правовой концепции прошлого образует системообразующую конструкцию, лежащую в ее основании. Юридические идеи составляют само существо правовой доктрины, определяют ее структуру. Исследование показывает, что политико-правовая доктрина как познавательное средство в истории политических и правовых учений способна отразить наиболее основополагающие юридические идеи, в целях их объяснения в виде целостной структуры, построенной на современном знании правоведения. Соотнесение составляющих юридических идей со структурой политико-правовой доктрины показывает обоснованность и целесообразность рассмотрения юридических идей в структуре данного методологического средства. Исследование показывает, что знаниевый компонент юридических идей отражается в понятийно-категориальной составляющей доктрины, оценочная и преобразовательная часть юридических идей находятся в программной части политико-юридической доктрины. Значимость исследования юридических идей состоит в возможности упорядочения знания о формах исторического познания государственно-правовых явлений, а также в адекватной интерпретации отдельных юридических мыслей прошлого и целостной совокупности юридических идей, образующих политико-правовую доктрину.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

- Алексеев С. С. Теория права. 2-е изд., перераб. и доп. М. : Бек, 1995. 311 с.
- Алексеев С. С. Право на пороге нового тысячелетия : Некоторые тенденции мирового правового развития — надежда и драма современной эпохи. М. : Статут, 2000. 252 с.
- Алексеев С. С. Право. Азбука. Теория. Философия : Опыт комплексного исследования. М. : Статут, 1999. 709 с.
- Графский В. Г. История политических и правовых учений : учебник. М. : Норма, Инфра-М, 2022. 736 с.
- Графский В. Г. Сравнительная история политико-правовых идей и взглядов как научная проблема // Труды Института государства и права Российской академии наук. 2010. № 3. С. 100–119.
- Ивин А. А. Основания логики оценок. М. : Изд-во МГУ, 1970. 229 с.
- Историко-правовые исследования: проблемы и перспективы : сборник статей / отв. ред. В. С. Нерсесянц. М., 1982. 180 с.
- История политических и правовых учений : учебник / под ред. М. Н. Марченко. М., 2019. 656 с.

- История политических и правовых учений / под ред. В. С. Нерсесянца. М. : Юридическая литература, 1983. 720 с.
- История политических и правовых учений. Домарксистский период : учебник / под ред. О. Э. Лейста. М. : Юрид. лит., 1991. 528 с.
- История политических и правовых учений : учебник для вузов / под общ. ред. акад. РАН, д-ра юрид. наук, проф. В. С. Нерсесянца. 4-е изд., перераб. и доп. М. : Норма, 2004. 944 с.
- История политических и правовых учений : учебник для вузов / под ред. д-ра юрид. наук, проф. О. Э. Лейста. М. : Зерцало, 2006. 568 с.
- История политических и правовых учений : учебник / отв. ред. В. В. Лазарев. 3-е изд., испр. и доп. М. : Норма : Инфра-М, 2019. 800 с.
- Копнин П. В. Диалектика как логика и теория познания. Опыт логико-гносеологического исследования. М., 1973. 323 с.
- Липень С. В. История учений о праве и государстве: актуальные проблемы определения направлений развития научного знания // Актуальные проблемы российского права. 2012. № 3 (24). С. 28–36.
- Луковская Д. И. Предмет и методология истории политических и правовых учений // Известия высших учебных заведений. Правоведение. 2007. № 3 (272). С. 197–211.
- Нерсесянц В. С. История политических и правовых учений : учебник для вузов. М. : Норма : Инфра-М, 2024. 704 с.
- Нерсесянц В. С. История политических и правовых учений : учебник. Т. 1. М. : Норма : Инфра-М, 2018. 352 с.
- Перевалов В. Д. Правовая доктрина: проблемы формирования и реализации : монография. М. : Норма : Инфра-М, 2023. 168 с.
- Политические учения: история и современность. Домарксистская политическая мысль / В. Г. Графский, П. С. Грацианский, Н. Н. Деев [и др.] ; редкол.: П. С. Грацианский, В. Е. Гулиев (отв. ред.), В. С. Нерсесянц. М. : Наука, 1976. 495 с.
- Сырых В. М. История и методология юридической науки : учебник. 2-е изд., доп. и перераб. М. : Норма, Инфра-М, 2022. 512 с.
- Философский энциклопедический словарь / редкол.: С. С. Аверинцев, Э. А. Араб-Оглы, Л. Ф. Ильичев [и др.]. 2-е изд. М. : Сов. энциклопедия, 1989. 815 с.
- Фролова Е. А. История политических и правовых учений: классификационная и оценочная юридическая наука // Синергия. 2018. № 2. С. 13–18.
- Черданцев А. Ф. Логико-языковые феномены в юриспруденции : монография. М. : Норма : Инфра-М, 2016. 320 с.
- Skinner Q. The Foundations of Modern Political Thought. Vol. 1 : The Renaissance. Cambridge : Cambridge University Press, 1998. 330 p.

REFERENCES

- Alekseev SS. Law on the threshold of the new millennium: Some trends in global legal development — hope and drama of the modern era, Moscow: Statut Publ.; 2000. (In Russ.).
- Alekseev SS. Law. The ABC. Theory. Philosophy: The experience of comprehensive research. Moscow: Statut Publ.; 1999. (In Russ.).
- Alekseev SS. Theory of law. 2nd ed., rev. and suppl. Moscow: Bek Publ.; 1995.
- Avernitsev SS, Arab-Oglu EA, Ilyichev LF, et al., editors. Philosophical Encyclopedic dictionary. 2nd ed. Moscow: Soviet Encyclopedia; 1989. (In Russ.).
- Cherdantsev AF. Logical-linguistic phenomena in jurisprudence: A monograph. Moscow: Norma, Infra-M Publ.; 2016. (In Russ.).
- Frolova EA. The history of political and legal doctrines: A classificatory and evaluative legal Science. *Sinergiya*. 2018;2:13-18. (In Russ.).
- Grafskiy VG. Comparative history of political and legal ideas and views as a scientific problem. *Proceedings of the Institute of State and Law of the Russian Academy of Sciences*. 2010;3:100-119. (In Russ.).
- Grafskiy VG. History of political and legal doctrines: A textbook. Moscow: Norma, Infra-M Publ.; 2022. (In Russ.).

Grafsky VG, Gratsiansky PS, Deev NN, et al. Political teachings: History and modernity. Pre-Marxist political thought. Graziansky PS, Guliyev VE, Nersesyants VS, editors. Moscow: Nauka Publ.; 1976. (In Russ.).

Ivin AA. The foundations of the evaluation logic. Moscow: Publishing House of Moscow State University; 1970. (In Russ.).

Kopnin PV. Dialectics as logic and theory of knowledge. The experience of logical and epistemological research. Moscow; 1973. (In Russ.).

Lazarev VV, editor. The history of political and legal doctrines: A textbook. 3rd ed., rev. and suppl. Moscow: Norma: Infra-M Publ.; 2019. (In Russ.).

Leista OE, editor. The history of political and legal doctrines. The Pre-Marxist period: A textbook. Moscow: Jurid. lit. Publ.; 1991. (In Russ.).

Leista OE, editor. The history of political and legal doctrines: A textbook for universities. Moscow: Zertsalo Publ.; 2006. (In Russ.).

Lipen SV. The history of the teachings of law and the state: Relevant problems of determining the directions of scientific knowledge development. *Aktualnye problemy gosudarstva i prava [Current Issues of the State and Law]*. 2012;3(24):28-36. (In Russ.).

Lukovskaya DI. The subject and methodology of the history of political and legal doctrines. *Izvestiya vysshih uchebnikh zavedeniy. Pravovedenie*. 2007;3(272):197-211. (In Russ.).

Marchenko MN, editor. The history of political and legal doctrines: A textbook. Moscow; 2019. (In Russ.).

Nersesyants VS, editor. Historical and legal research: Problems and prospects. A collection of articles. Moscow; 1982. (In Russ.).

Nersesyants VS, editor. The history of political and legal doctrines. Moscow: Yuridicheskaya literatura Publ.; 1983. (In Russ.).

Nersesyants VS, editor. The history of political and legal doctrines: A textbook for universities. 4th ed., rev. and suppl. Moscow: Norma Publ.; 2004. (In Russ.).

Nersesyants VS. History of political and legal doctrines: A textbook. Vol 1. Moscow: Norma: Infra-M Publ.; 2018. (In Russ.).

Nersesyants VS. The history of political and legal doctrines: A textbook for universities. Moscow: Norma: Infra-M Publ.; 2024. (In Russ.).

Perevalov VD. Legal doctrine: Problems of formation and implementation: A monograph. Moscow: Norma: Infra-M Publ.; 2023. (In Russ.).

Skinner Q. The Foundations of Modern Political Thought. Vol. 1: The Renaissance. Cambridge: Cambridge University Press; 1998.

Syrykh VM. History and methodology of legal science: A textbook. 2nd ed., rev. and suppl. Moscow: Norma, Infra-M Publ.; 2022. (In Russ.).

ИНФОРМАЦИЯ ОБ АВТОРЕ

Малюгин Сергей Владимирович, кандидат юридических наук, доцент кафедры теории государства и права Уральского государственного юридического университета имени В.Ф. Яковлева
д. 21, Комсомольская ул., г. Екатеринбург 620137, Российская Федерация
svm707@mail.ru

INFORMATION ABOUT THE AUTHOR

Sergei V. Malyugin, Cand. Sci. (Law), Associate Professor, Department of Theory of State and Law, Urals State Law University Ekaterinburg, Russian Federation
svm707@mail.ru

Материал поступил в редакцию 11 января 2025 г.

Статья получена после рецензирования 5 февраля 2025 г.

Принята к печати 15 ноября 2025 г.

Received 11.01.2025.

Revised 05.02.2025.

Accepted 15.11.2025.

ПРАВО И ЦИФРОВАЯ ЭКОНОМИКА

- ✓ Свидетельство о регистрации СМИ — ПИ № ФС77-72703 от 23 апреля 2018 г., ISSN 2618-8198;
- ✓ издается с 2018 г., выходит 4 раза в год;
- ✓ основные языки журнала: русский, английский;
- ✓ входит в перечень ВАК России;
- ✓ включен в Российский индекс научного цитирования (РИНЦ);
- ✓ каждой статье присваивается индивидуальный международный индекс DOI;
- ✓ материалы размещаются в СПС «КонсультантПлюс» и «ГАРАНТ».

«Право и цифровая экономика» — международное научное и научно-практическое издание. Журнал посвящен рассмотрению проблем правового регулирования цифровой экономики России и иностранных государств.

Круг читателей журнала: государственные служащие, практикующие юристы в сфере правового регулирования цифровой экономики, предпринимательского и конкурентного права, малого и среднего бизнеса, предприниматели, научные работники, преподаватели, аспиранты, магистранты и студенты юридических факультетов вузов, а также читатели, интересующиеся проблемами и актуальными вопросами развития правового регулирования цифровой экономики России и иностранных государств.

Основные рубрики журнала:

- ✓ Государственное регулирование цифровой экономики.
- ✓ Правовое регулирование криптовалюты и майнинга.
- ✓ Краудфандинг (проблемы и перспективы).
- ✓ Правовое регулирование больших данных.
- ✓ Технология блокчейн и криптовалют (bitcoin, Copernicus, Ethereum и т.д.).
- ✓ Интересы и противоречия, связанные с применением блокчейна в финансовой сфере.
- ✓ Финансовые технологии в действующем российском и международном правовом поле.
- ✓ Цифровые технологии в сфере интеллектуальной собственности и инноваций.
- ✓ Правовой статус смарт-контрактов.
- ✓ Защита прав и законных интересов участников цифровых рынков.
- ✓ Информационная безопасность.
- ✓ Консорциумы промышленного Интернета: правовая природа и особенности регулирования.

KUTAFIN LAW REVIEW

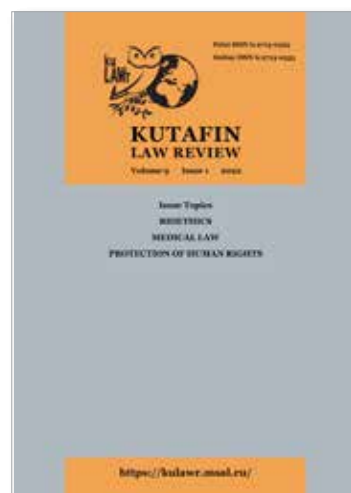
Мультиотраслевой научный юридический журнал, который издается на английском языке с сентября 2014 г. и выходит четыре раза в год. Журнал нацелен на интеграцию российской правовой науки в мировое юридическое сообщество, организацию диалога правоведов по актуальным проблемам теоретической и практической юриспруденции, расширение кругозора и интеллектуальных горизонтов представителей российского правоведения, повышение узнаваемости и авторитета наших ученых-юристов.

Журнал публикует статьи известных и начинающих ученых, юристов-практиков. Главный критерий отбора публикаций — это качество содержания, которое отражает талант автора, его эрудицию и профессионализм в исследуемой сфере, добросовестность и глубину проведенного анализа, использование богатого арсенала научной методологии, актуальность проблематики и новизну результатов проведенного исследования.

Данное издание создает уникальную возможность писать и публиковать научные статьи на английском языке в целях существенного расширения профессиональной читательской аудитории, повышения индекса цитирования, выхода на международный научный уровень.

В качестве авторов, членов редакционного совета и редакционной коллегии с журналом Kutafin Law Review сотрудничают выдающиеся российские и зарубежные специалисты в различных областях юриспруденции.

The best ideas are always welcomed!

Редакционная подписка на журналы Университета имени О.Е. Кутафина (МГЮА)

Журналы Университета распространяются через объединенный каталог «Пресса России» и интернет-каталог агентства «Книга-Сервис».

Подписаться на журнал можно с любого месяца. Подписные индексы журналов:

«Актуальные проблемы российского права» – 11178, Lex russica – 11198,

«Вестник Университета имени О.Е. Кутафина (МГЮА)» – 40650, «Право и цифровая экономика» – 39492.

Будем рады видеть Вас в числе подписчиков!

ISSN 1729-5920

9 771729 592008